

С. В. Яров

Источники

**для изучения общественных настроений
и культуры России XX века**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2009

УДК 94(47).084+001.812
ББК 63.2

Яров С.В.

Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 430 с.

ISBN 978-5-98187-366-9

В книге доктора исторических наук, профессора С. В. Ярова рассмотрены источники для изучения политических настроений и культуры российского общества **XX века: документы государственных, партийных и профсоюзных организаций**, воспоминания, дневники, пресса, интервью. Показаны приемы определения достоверности документов, выявления их авторства.

Книга предназначена для преподавателей, студентов и всех, интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47).084+001.812
ББК 63.2

9 785981 873669

© С. В. Яров, 2009
© Издательство «Нестор-История», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Источники для изучения политического сознания русского общества в 1917–1956 гг.

<i>Предисловие</i>	5
<i>Документы государственных и партийных организаций</i>	
Доклады агитаторов о положении на Северо-Западе России в 1918–1919 гг.	8
Переписка государственных структур Северо-Запада России в 1918–1919 гг.	33
Политические сводки революционных троек Петрограда в 1921 г.	51
Протоколы районных собраний организаторов коллективов РКП (б) Петрограда в 1921 г.	71
Документы партийных организаций Новгородской губернии.	81
<i>Документы профсоюзов</i>	
Протоколы и постановления фабрично-заводских собраний Петрограда в 1918–1923 гг.	110
<i>Пресса</i>	
Петроградская пресса 1917–1920-х гг.	148
<i>Интервью</i>	
Интервью с жителями блокадного Ленинграда.	158
<i>Послесловие</i>	171
<i>Приложение. Документы для изучения психологии русского общества в XX в.</i>	174

Часть II. Источниковедческие этюды

В. И. Ленин. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства.	233
---	-----

И. В. Сталин. Речь 1920-х–1940-х гг.	243
И. А. Бунин. Окаянные дни.....	261
З. Н. Гиппиус. Живые лица.....	277
Г. В. Адамович. Одиночество и свобода.....	288
В. К. Триандафиллов. Работы 1920–30-х гг.	299
Б. Б. Кросс. Мыслить небезопасно... Из дневников 1944–2004 гг.	328
В. Кулябко. Дневник 1941–1942 гг.	346

Часть III. Обзоры коллекций документов

Источники для изучения антисемитских настроений в Пе- трограде в феврале–марте 1921 г.	355
Новгородское общество 1918–1956 гг. в документах Государственного архива новейшей истории Новгородской области.....	382

Часть I
**ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1917–1956 гг.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение исторической психологии российского общества важно для исследователей в силу нескольких причин. Апелляция к мнению народа, ссылка на него для оправдания революций и реформ — обязательный атрибут любой политической акции. Оценить, что является здесь мифологемой, а что подлинным свидетельством — непреложное условие «вчувствования» в эпоху. Это во многом позволит и разобраться в крайне сложном и запутанном споре «ревизионистской» и «тоталитарной» школ историков — споре о том, была ли советская модель навязана российскому обществу различными партиями и политическими группами, или она являлась продуктом «творчества масс», закономерным, хотя и непредвиденным итогом осуществления их целей.

Понять явление — значит понять тот источник, посредством которого нам дано его увидеть. Там, где чтение источников становится трудным, где нет поверхностности взгляда — там прошлое быстрее проявится во всем богатстве своих красок и многообразии феноменов. Будет иначе — и событие представит перед нами в мистифицированном облике. Попытки вернуть ему ясность с помощью изошренных интерпретаций многого не дадут. Мы обречем не простоту истины, а усложнение того, что спорно. Особенно это касается документов по истории политической психологии социальных низов — одного из самых сложных и еще малоизученных видов исторических источников. Они обычно требуют «двойного» зрения, чтения между строк. Их всегда нужно читать, улавливая порой едва заметные противоречия в текстах, очищая ядро информации от риторических наслоений, отделяя позднейшие интерпретации от конкретных описа-

ний событий их современниками. Историк у необходимо здесь выяснить, имеет ли он дело с подлинными взглядами людей, не маскируют ли они свои политические оценки, опасаясь репрессий, не искажены ли сведения об их позиции информатором вследствие фрагментарности его впечатлений. Он должен определить, что перед нами — «ситуативные» настроения, ежедневно менявшиеся или прочные убеждения, расхожие клише, которыми передавали свои неотчетливые аморфные представления или формулы, адекватно отражавшие логику тех, кто ими пользовался.

Источники для изучения психологии российского общества уже не раз привлекали к себе внимание исследователей, но сколько-нибудь подробный их анализ, свободный от цензурных стеснений и иллюстративности, предпринимался крайне редко. Зачастую прежде документ оценивался только по его содержанию — но вне реального исторического фона. Очевидные противоречия источников и их догматических толкований во многих случаях не вели к новым гипотезам и не разрушали старых версий — они или замалчивались или приводили к изъятию ряда документов из «научного оборота». Лишь в последнее время в работах отечественных исследователей наметились новые подходы в изучении источников по истории советского общества. Прежде всего было обращено внимание на то, каким целям служил тот или иной политико-психологический документ, на условия его возникновения, очевидные или понятные лишь после тщательного текстологического анализа приемы его фальсификации. Было много сделано для выявления подтекста документов — при этом значение имело не столько их содержание, сколько реакция на них других лиц, оценка того, являлись ли они «сигналом» для государственных и иных учреждений. Особо пристально рассматривались социально-экономический, политический и идеологический контексты, в которых надлежало оценивать документ. Это, помимо прочего, обуславливало и переоценку уже прежде известных исторических свидетельств — даже в том случае, если их содержание не было фальсифицировано посредством редакторских и цензурных манипуляций с текстом. Лексика, идеологические штампы, специфика речи, часто повторяющиеся образы в различных текстах начали изучаться для того, чтобы лучше представить механизмы унификации

политического сознания как в первые послереволюционные годы, так и в последующие десятилетия. Оговорка — привычный инструмент историка — стала использоваться не для маскировки новаторских или идеологически неприемлемых выводов, но по своему прямому назначению: для обозначения сомнений и поиска исследователей.

В данной книге представлены образцы анализа различных комплексов документов государственных, партийных и общественных организаций Северо-Запада советской России в 1917–1956 гг., содержащихся в петербургских и новгородских архивах: переписка, доклады агитаторов, политические сводки «ревтроек», протоколы профсоюзных собраний, протоколы собраний организаторов (секретарей) коллективов РКП(б), личные документы коммунистов. Ими, конечно, не исчерпывается все богатство источников для изучения политической психологии российского общества. Вместе с тем, выбор этих документальных сводов не случаен: их детальный разбор еще не стал предметом специального исследования, некоторые из этих документов привлекались прежде историками как иллюстративный материал. Вывранные из текста отдельные строки должны были придать живописность повествованию и наделить его надлежащей истинностью. Очень редко предпринимался анализ лексики и, тем более, риторики источников. То же можно сказать и о материалах прессы — не всегда объективно оценивались структура и стиль ее сообщений, имеющих существенное значения для определения их происхождения, авторства и степени их достоверности. Особое место в данной книге занимает анализ дневников И. А. Бунина и мемуаров З. Н. Гиппиус. Его цель — показать, как присущие им диапазон художественных средств, поэтика, стиль, и наконец, даже эмоциональный накал, личные пристрастия и антипатии определяли соотношение «поэзии» и «правды», вымысла и реальности в созданных ими произведениях. Легче всего обнаружить в их сочинениях субъективность и односторонность — труднее объяснить, почему это произошло. «Эссеистичность» данного раздела книги, весьма заметная по сравнению с другими ее частями, и была попыткой своеобразного «вчувствования» в мир художника, с помощью присущего ему языка.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ДОКЛАДЫ АГИТАТОРОВ О ПОЛОЖЕНИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В 1918–1919 гг.

Доклады агитаторов редко становились предметом комплексного источниковедческого анализа. Еще реже они оценивались как источник для освещения политической психологии крестьян. В первую очередь здесь сказались цензурные стеснения, определившие и отбор материала исследователями, и акценты в освещении темы. Статья Е. М. Балашова «Крестьянство глазами агитаторов. 1918–1925 гг.»,¹ является одной из немногих работ, увидевших свет в последние десятилетия, где эти сюжеты рассматриваются объективно и всесторонне. В настоящей работе автор предпринял попытку на основании отчетов агитаторов, содержащихся в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД) и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), оценить достоверность самих докладов, выявить их риторические и литературные наслоения, исследовать значимость их политических аспектов. Это и позволит ответить на вопрос о том, насколько доклады агитаторов способны отразить весь спектр политических противоречий в деревне, в чем причины и какова механика искажения информации в отчетах, в какой степени письмо агитаторов было предопределено идеологическими клише.

Определение учреждений, которым направлялись письма агитаторов — особая источниковедческая проблема. Сами письма зачастую не содержат указаний на то, кому они адресуются. В тех же случаях, когда адресат-учреждение был все же обозначен, часто искажалось его название. Это было вызвано

---

¹ Балашов Е. М. Крестьянство глазами агитаторов // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1997.

не только тем, что лица, составлявшие отчет, не разбирались в иерархии партийно-государственных институтов, но и потому, что и названия этих институтов не были тогда устоявшимися и быстро менялись. Выявление адресата может основываться на нескольких критериях: а) по пометам на документе, особенно имеющим директивный характер; б) исходя из содержания докладов; в) учитывая наличие документа в тех фондах архивов, которые отражают функционирование только определенных партийно-государственных структур; г) принимая во внимание сопутствующие документы, либо предворяющие доклад, либо возникшие как его следствие.

Изученные нами доклады в основном направлялись нескольким инстанциям: агитационно-пропагандистскому отделу Петроградского Губернского Совета и Союза Коммун Северной области, Иногородному отделу Комиссариата внутренних дел (КВД) Союза Коммун Северной области (СКСО), Петроградскому комитету РКП(б). Ряд докладов адресовался Вологодскому губернскому Совету, Тихвинскому уездному комитету РКП(б), Комиссариату по печати и агитации СКСО. Состав докладчиков-агитаторов был самый пестрый. Здесь мы видим и представителей ЦК РКП(б), губернских Советов и Комиссариатов, но встречаются и лица, случайно ставшие агитаторами. Языковый спектр документов очень хорошо отразил эту «конгломератность» агитаторского корпуса; отметим, что тут мы иногда можем обнаружить и неграмотных людей.

Крайне аморфной и неоднородной являлась и структура докладов. Очевидно, что какой-то единой ведомственной инструкции, унифицирующей их содержание, не существовало. Можно, однако, выявить следующую схему изложения материалов, присущую многим докладам — при той оговорке, что отмеченные здесь структурные части нередко могли меняться местами или вовсе отсутствовать: а) описание общего положения в регионе, б) рассказ о своей деятельности, в) мотивация поступков людей и анализ тех или иных общественных явлений, г) предложения по исправлению недостатков и решению какой-либо проблемы.

Формы докладов существенно отличаются друг от друга. Иногда доклад представляет собой дневник поездки, составленный по однообразной схеме: что сделал агитатор и как крестьяне воспринимают сделанное. Таковым, например, является

доклад агитатора А.Тарасова агитпропотделу Петроградской Трудовой Коммуны.² Доклад инструктора по организации Советов А.Панковца Вологодскому губернскому Совету (26 июня 1918 г.) [Док. 1]³ фактически является записью показаний свидетелей происшествия и даже имитирует стилистические особенности судопроизводственных документов: «Постановил: по настоящему делу произвести дознание», «спрошенный по настоящему делу гражданин ... объяснил следующее» и т.п.⁴ В том случае, когда докладчик рассказывал только о митинге или сходке, его описание по форме приближалось к протоколу.⁵ Обычно же доклад представлял собой отчет о работе, который зачастую перемежался и с общими оценками ситуации в местностях и записью деревенских происшествий, составленной с чужих слов.

Содержание доклада определялось прежде всего целью поездки агитаторов. Некоторые доклады освещали лишь одно определенное событие — видимо, это и являлось главной задачей их авторов. Таковы, в частности, уже упоминавшиеся доклады инструкторов и агитаторов А. Панковца (26 июня 1918 г.) и А. Тарасова (июнь 1918 г.), а также доклады А. Коссовского (30 мая 1918 г.), делегатов завода Новый Лесснер (18 сентября 1918 г.), П. Прокофьева (30 декабря 1918 г.).⁶ В ряде случаев, если агитатор был свидетелем какого-либо крупного конфликта, именно освещению этого события отводилось в его докладе значительное место.⁷ Многие доклады содержат детальное, насыщенное фактами описание положения в деревне, но иногда мы можем обнаружить и документы, где основное место занимают только общие, лишенные мотивировок оценки.⁸ В целом

² Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД). Ф. 1. Оп. 1. Д. 275. Л. 97–98.

³ Здесь и далее в квадратных скобках отмечаются номера документов, представленных в приложении.

⁴ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 31–31 об.

⁵ См., в частности, доклады агитаторов от завода Новый Лесснер 18 сентября 1918 г. и доклад агитатора Яковсона (ноябрь 1918 г.) (ЦГАИПД. Ф. 0-851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–4 об.; ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 283. Л. 4–4 об.).

⁶ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 81–82, 97–98; Д. 226. Л. 31–31 об.; Ф. 1620. Оп. 1. Д. 42. Л. 12–12 об.; ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 283. Л. 4–4 об.

⁷ См., например, доклад агитатора Салина-Яковлева агитпропотделу СКСО и Петросвета 7 мая 1918 г. (ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 12).

⁸ Таковыми являются доклады агитаторов Карлова и Соколова в Иногородный отдел Комиссариата ВД СКСО, доклад агитатора Н. Отрожденнова Петергофскому уездному комитету РКП(б) 19 декабря 1918 г. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга — далее ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 117. Л. 6–6 об., 7–7 об.; ЦГАИПД. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л. 5 об.–6).

же типологию содержания докладов представить очень трудно. Поочередно описывая то или иное происшествие, докладчик, в зависимости от специфики события, превращает свой текст то в протокольное «сухое» изложение фактов, то в «живой», яркий рассказ, не лишенный литературного оформления. Типичным здесь можно счесть доклад агитатора Павлова [Док. 2] агитпропотделу при Союзе Коммун Северной области и Петроградском совете о событиях в селе Грузино (Новгородская губ.) 7–8 июля 1918 г.⁹ Первая часть доклада — это почти стенографический отчет о проведенном агитатором сельском сходе с изложением повестки дня, речей докладчика и начала прений, вторая — драматическое описание бегства агитатора со схода. Это уже запись чрезвычайного происшествия, столь же сумбурная, как и само событие. Стоит автору чуть подробнее остановиться на каком-либо эпизоде своей поездки — и рассказ начинает обрастать малозначащими подробностями: «Я выбежал в соседнюю комнату и там вскочил в окно», «я добежал по болотам ... и сел в вагон», «какая-то дамочка говорила», «я подсел к ней поближе и признался кто я. Она мне рассказала, что “я жена директора фабрики”», «я все время беспокоился в вагоне, чтобы они не догнали меня, но она меня все утешала, что теперь не опасно».¹⁰ Подробности эти логичны — они возникают как элемент самооправдания, но вместе с тем превращают доклад в некое подобие «новеллы». В третьей части доклада — кратком анализе положения в местности — уже нет ничего ни драматического, ни «литературного». Это — торопливый, беглый взгляд на произошедшие события, и здесь почти не отделяющий основное от второстепенного.

Остановимся подробнее на тех описаниях массового политического протеста крестьян, которые содержатся в докладах агитаторов. Прямые свидетельства об отношении крестьян к Советской власти обнаруживаются здесь не очень часто. Иногда они присутствуют в докладах со значительными риторическими наслоениями и не являются конкретными: «в вышеназванной местности... Советская власть пошатнулась»,¹¹ «местные кулаки ведут свою преступную агитацию против

---

⁹ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 3–4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Доклад агитатора Кисилева 5 апреля 1918 г.: ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 7.

всей Советской власти».¹² Абстрактные, лишенные предметности политические идеи мало интересовали и крестьян, и наблюдавших за ними информаторов. Употребляя термин «Советская власть», информатор нередко придавал взглядам крестьян, которые протестовали только против определенных местных органов власти, иной регистр сложности. Он зачастую отождествлял выпады крестьян против местных Советов с выпадами против Советской власти как совокупности политических идей и институтов. Различение критики местных чиновников и центральных политических структур проводилось докладчиками редко. Но и в этом случае из контекста многих их донесений видно, что причиной антиправительственных акций были прежде всего импровизации именно местных органов власти. Это требует особой осторожности в оценках политического содержания «антисоветских» крестьянских выступлений. Вообще сведений об отношении крестьян к местным Советам и значительно больше и они более детальны, но и здесь политические аспекты их поступков должны оцениваться в каждом конкретном случае. В уже упоминавшемся докладе А. Муницына агитпропотделу Петроградской Трудовой Коммуны 11 июня 1918 г. [Док. 3] сообщалось, что «почти все местное население относится очень враждебно к местному Совету и были такие возгласы, что возьмем оружие и разгоним местный Совет».¹³ Однако далее мы читаем следующее: «Местные волостные советы не принимают никаких мер против такой агитации и даже сами склонны к этому, потому что они люди беспартийные, не считаются ни с каким положением... относятся к настоящему моменту спустя рукава и так что вести агитацию в таком месте слишком трудно...».¹⁴ Если, знакомясь с первой частью донесения, мы должны предположить, что нападки на Советы имеют политическую подоплеку (вследствие расплывчатости сообщения), то по второй его части можно узнать, что данные Советы не устраивали и партийно-государственные структуры. Отметим, что поводы для нападков «местного населения» на Советы агитатором не названы, зато его критика волостных учреждений почти совпадает с теми обвинениями, которые обычно предъявлялись «кулацким» Советам. Можно

---

¹² Доклад агитатора А. Муницына 11 июня 1918 г.: Там же. Л. 107.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

предположить (поскольку трудно представить, чтобы коммунисты и их противники могли предъявлять одинаковые политические претензии к Советам), что в этом случае политического противостояния между Советами и массами не было, а причиной возмущения могли являться либо медлительность и нерасторопность местных чиновников, либо какие-то их другие неполитические действия.

В сообщении агитатора П. Зуева агитпропотделу при СКСО и Петросовете (июль 1918 г.) отношение крестьян Торопецкого уезда Псковской губернии к Советам выявляется по косвенным свидетельствам. Здесь упоминается создание т.н. «тысячных сходов», которые и «являются властью», причем отмечается, что «волостные Советы не есть исполнительные органы».¹⁵ О таком же случае замены новых органов власти прежними — создании в Гдовском уезде Петроградской губернии вместо Советов должности старшины — сообщается в докладе агитатора И. Соколова в Иногородний отдел КВД СКСО и Агитационно-пропагандистский отдел (АПО) Комиссариата по военным делам (декабрь 1918 г.).¹⁶ И здесь мы мало что узнаем о причинах негативного отношения крестьян к государственным учреждениям, но, в отличие от предыдущего документа, можем почерпнуть сведения о степени радикализации крестьянских выступлений: в докладе говорится о том, что Совет был разогнан. Об отношении крестьян Боровичского уезда Новгородской губернии к Советам мы узнаем по приведенному в докладе агитаторов В. Орлова и А. Южука (ноябрь 1918 г.) [Док. 4] описанию «осады» Устрекского волостного Совета: «Два дня собиралась волость к Совету и хотели разогнать Совет... и были по адресу председателя нанесены оскорбления».¹⁷ Но нужно учесть и то, что главной причиной конфликта здесь была «реквизиция хлеба» и политические мотивы, если они и имели место, все же отходили на второй план.

Отчасти политическим можно считать отношение крестьян к Красной Армии. Политическая окрашенность протестов крестьян против создания новой армии, правда, в ряде случаев сомнительна. Крестьяне выступали против осуществления принудительной воинской повинности, соглашаясь на добровольную,

¹⁵ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 7 об.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 217. Л. 6—6 об.

¹⁷ ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 41—41 об.

поддерживали призыв в армию, но только при условии участия в нем всех представителей населения.¹⁸ В докладе члена Петропета Я. И. Терентьева (12 июля 1918 г.) причины неприязни крестьян к Красной Армии не были мотивированы. Но уже по тому, как об этом сообщалось: «в Красную Армию идти не хотят»¹⁹ — можно предположить, что едва ли здесь присутствовала политическая подоплека. Крестьяне не хотели воевать, и именно сам призыв, вне политических оценок армии, был, возможно, главным источником их раздражения. В большей степени политической можно считать реакцию крестьян Тихвинского уезда Череповецкой губернии — о ней рассказывается в докладе агитатора Яковсона (ноябрь 1918 г.): «При вопросе о Красной Армии были слышны возгласы: “зачем опять вооружение”».²¹ Эта реплика не столь явственно указывает на утилитарные, прагматические мотивы оценок Красной Армии и ей можно приписать в определенной мере и «идеологическую» направленность и даже некий пацифизм. Нельзя, однако, исключать и того, что политико-этические обоснования отказа от вступления в Красную Армию могли быть ширмой, за которой скрывались куда более прозаичные мотивы.

С особой осторожностью необходимо оценивать политические мотивы в сообщениях агитаторов о восстаниях крестьян. Многие из них имели исключительно экономические причины. Они являлись крайней формой протеста против налогового произвола, мобилизаций, несправедливого раздела земли, противоправных действий чиновников. Вопросы «высшей политики» во время этих восстаний мало занимали крестьян, и в большинстве случаев нельзя даже говорить о наличии у них минимальной политической программы. Но нужно учесть и то, что независимо от характера устремлений крестьян, их массовые выступления во многих случаях оказывались именно политическими, поскольку были направлены против основных элементов военного коммунизма, в котором оказались прочно спаянными и политика и экономика.

Несомненно, политический аспект был присущ и крестьянским оценкам комитетов деревенской бедноты (КДБ).

¹⁸ См. доклад П. Хапкина агитпропотделу Петроградской Трудовой Коммуны 8 июня 1918 г. (ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 10 об.).

¹⁹ Там же. Д. 228. Л. 45—46.

²⁰ Там же. Ф. 0-851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4—4 об.

²¹ Там же.

В текстах сообщений агитаторов мотивация этих оценок зачастую отсутствует. Но если принять во внимание технику насаждения КДБ, которые откровенно подразумевались как проводники большевистского влияния в деревне, как и то, что именно к КДБ стала переходить власть в селах осенью 1918 г., то политический подтекст здесь весьма очевиден. Дополнительную информацию о политизации деревни историк может получить, знакомясь и с сообщениями о «чистках» КДБ. Так, ряд агитаторов писал о необходимости селекции комитетов, в которые попало немало «кулаков» и которые избирались всем населением, без какого-либо классового ценза. Это, с одной стороны, помогает прояснить причины негативного отношения к КДБ части беднейшего крестьянства, а с другой стороны — получить дополнительные сведения о политической борьбе на селе. Об отношении масс к КДБ можно узнать и из косвенных источников. В частности, в докладе делегатов завода «Новый Лесснер» 18 сентября 1918 г. было сообщено о том, что на волостном митинге «пункты о комитетах бедноты и учете продовольствия выкинуты из резолюции из опасения неприятия ее»;²² естественно предположить, что власти были в данном случае осведомлены о настроениях крестьян.

Доклады агитаторов содержат немало сведений и о классовой борьбе в деревне. Правда, многие из них очень неконкретны,²³ а в некоторых не приводятся подробности происшествий и очень трудно определить, политической или бытовой являлась подоплека столкновений в деревне. Сообщение агитатора П. Прокофьева Петергофскому уездному комитету РКП(б) 30 декабря 1918 г. — «вся присутствующая беднота на собрании самостоятельно стала разоблачать все спекулятивные и мародерские поступки присутствующих... кулаков»²⁴ — в какой-то степени можно считать типичным для докладов агитаторов. Как правило, здесь проявлялось не то что бы двусмысленность, но скорее многозначность и неотчетливость дефиниций, анализ которых не позволяет сделать

---

²² ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 283. Л. 4—4 об.

²³ Характерный пример — доклад делегата ВЦИК И. Е. Ловкова агитпропотделу Петросовета о положении в Старорусском уезде Новгородской губернии 3 апреля 1918 г.: «Начиная с губернского города и кончая самой захолустной деревушкой, везде встречается упорная борьба с прислужниками монархического строя» (ЦГАИПД. Ф.1. Оп. 1. Д. 225. Л. 5—5 об.).

²⁴ Там же. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л. 12—12 об.

однозначный вывод. Ряд политических аспектов мы можем обнаружить, встречая свидетельства об отношении крестьян к сельскохозяйственным коммунам. Говоря о неприязни крестьян к коммунам, агитаторы, правда, не усматривают здесь прочной связи с политикой. Они сообщают преимущественно либо о «материальных» причинах отказа от коммун,²⁵ либо просто ссылаются на неосведомленность крестьянских масс о задачах коммунистических артелей. Но последнее нужно оценивать осторожно. Сомнительно, чтобы переход к коммунам не сопровождался минимальной ознакомительной работой и скорее надо говорить о том, что предварительные разъяснения не удовлетворили крестьян. А в этой агитации за коммуны политический подтекст присутствовал почти обязательно: обосновывая переход к коммунистической практике, трудно было не ссылаться на коммунистические теории. Особое внимание исследователю необходимо обратить и на те случаи, когда информаторы, говоря о критике коммун, перечисляют их в одном ряду с политическими, партийными и государственными учреждениями. Вполне возможно, что причины критики различных институтов здесь могли быть неодинаковыми. Но все же это — одно из косвенных свидетельств о том, что и коммуны оценивали как институт власти и, соответственно, можно и здесь выявить политические мотивы.

Еще одним косвенным свидетельством о политических настроениях масс могут служить оценки эффективности пропагандистской работы на селе — как советской, так и оппозиционной. Об этом, правда, информаторы по обыкновению сообщают крайне скупое: «агитация идет сравнительно успешно»,²⁶ «вести агитацию в таком месте слишком трудно»,²⁷ «таких большинство, которые своей пропагандой поднимают бедноту против Советов».²⁸ Но если сопоставить эти оценки с общим содержанием тех отчетов, откуда они взяты, то уже их контекст позволяет более детально расшифровать то, о чем

---

²⁵ См. доклад агитатора А. В. Кручковского агитпропотделу Комиссариата по печати и агитации СКСО 7 мая 1918 г.: «Устройству же с.х. коммун... не сочувствуют по разным причинам (захватническое настроение, раздраженность вследствие недостатка продуктов, семян, с.х. орудий и др. причин...)» (ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 24).

²⁶ Доклад делегата ВЦИК И. Е. Ловкова 3 апреля 1918 г.: Там же. Л. 5–5 об.

²⁷ Доклад агитатора А. Муницына 11 июня 1918 г.: Там же. Л. 107.

²⁸ Доклад агитатора Белобородова агитпропотделу при СКСО и Петросовете. Июнь—июль 1918 г.: Там же. Д. 228. Л. 41–42.

информатор сообщал лишь несколько слов. И даже реплика одного из агитаторов — «по волости никакой агитации»²⁹ — если учесть, что она сопровождается общей негативной оценкой положения в волости, может рассматриваться не только как информация о наличии в местности пропагандистских структур, но и как показатель настроения масс.

Сообщая о своих наблюдениях, агитаторы не всегда мотивировали собственные выводы. Исследователю зачастую приходится реконструировать логику их оценок, исходя и из анализа уровня политической культуры информаторов, и учитывая массовые стереотипы той среды, к которой они принадлежали. Как правило, когда информаторы сообщают о причинах тех или иных происшествий, все их догадки выглядят очень упрощенными. Так, весьма часто крестьянская оппозиционность объяснялась либо происками «кулаков», либо указанием на то, что в местности очень мало бедняков. Комплексного и подробного обзора социально-политических коллизий в деревне в докладах агитаторов найти очень сложно, что, впрочем, естественно, учитывая краткость их поездок. Даже имея точную информацию о причинах крестьянского протеста, агитатор мог давать ей специфическую, основанную на политических клише, интерпретацию. Так, в докладе одного из представителей ЦК РКП(б) Иногороднему отделу КВД СКСО (январь 1919 г.) сообщалось о том, что крестьяне отказывались от мобилизации, спрашивая: «за что мы [будем] воевать?»³⁰ Рассказав о таком случае, информатор тут же приписал, что это произошло «благодаря черносотенной агитации»,³¹ не раскрыв, впрочем, содержание этого термина.

Вопрос о достоверности докладов агитаторов очень сложен. Сам доклад — это и изложение событий, и идеологическая декларация, и даже некое «исповедование веры». Агитационный настрой, созданный общением с массами в многодневном ораторском труде, перекочевывал и на страницы отчетов, оживлял их сухое повествование, расцветивал их необычными для деловой документации красками. Искажение истины здесь зачастую вызывалось не практическими целями, а непоколебимой, «фундаментальной» уверенностью в правоте своих предположений,

²⁹ Доклад агитатора Ткачева в Иногородний отдел КВД СКСО 2 декабря 1918 г.: ЦГА СПб. Ф. 192. Оп. 8. Д. 111. Л. 47—47 об.

³⁰ Там же. Д. 110. Л. 18.

³¹ Там же.

покоившихся на идеологических формулах. В чем агитаторы пытались убедить крестьян, в том они убеждали и себя — этот вывод можно сделать, сталкиваясь с почти однотипной реакцией их (столь разных по происхождению и интеллектуальному уровню) на социальные и политические конфликты в деревне.

Как правило, доклад агитатора был записью и того, очевидцем чего он являлся, и того, о чем он узнал из вторых рук. Не всегда информатор отделяет пережитое от услышанного и нужна кропотливая работа, чтобы выяснить, где нам встречаются свидетельские показания, а где — передача слухов. Иногда, правда, агитаторы отчетливо указывают на слухи и даже подробно пересказывают их. Происходило это обычно в трех случаях: 1) когда в слухах сообщалось о возможной угрозе советским учреждениям и о других неполадках в волостях; 2) когда слухи приводятся как образец дезинформации противников; 3) когда слухи являлись причиной восстаний крестьян. При этом отметим, что нередко ссылки на слухи были обоснованием для запросов о военной и иной помощи и потому могли преувеличиваться, или им придавалось то значение, которое они не имели.

Во многих же других случаях отличать очевидца от слушателя или весьма своеобразного аналитика нам приходится при помощи особых источниковедческих усилий. Приведем примеры. В докладе агитатора Н. Отрожденнова (19 декабря 1918 г.) [Док. 5] приводится ряд случаев разбавления комбедов «кулаками» и смешения функций КДБ с функциями общих волостных сходов, свидетелем чему он был: «Когда я просил председателя комбеда, чтобы он наиболее богатых просил выйти, председатель комбеда ответил: “У нас нет кулаков. Мы не признаем кулаков, мы все здесь средние крестьяне!”. Правда, он обратился к собранию со словом, что «здесь, мол, собралась лишь беднота, а потому все, кто не беднота, должны уйти», но из крестьян никто не шевельнулся».³² Рассказав об этом, агитатор сделал общий вывод: «Вряд ли где кулаки или богатые ставятся вне прав гражданства, особенно активного избирательного права». Однако этот вердикт не подтверждается другими фактами, и тогда надо полагать, что основанием для такого вывода был именно приведенный выше случай. Но все сомнения информатора тогда основываются на предположении: «так может быть» — оно, однако, очень шатко для того, чтобы быть убедительным

---

³² ЦГАИПД. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л. 5 об.—6.

доказательством. Поэтому вывод информатора представляет собой лишь логическое предположение, вытекающее из силлогизма: если на собрании богатые не отделены от малоимущих — то первые обладают теми же правами, что и вторые. Слово «вряд ли» возможно отчасти и передает не очень твердую уверенность агитатора в истинном положении дел. Агитатор здесь — и очевидец, и комментатор. Но в данном эпизоде он сам себе противоречит, хотя и не случайно — и пользуясь этим, мы можем несколько прояснить или уточнить подлинную картину событий.

Другой документ — доклад агитатора В. Иванова [Док. 6] агитпропотделу Петроградской Трудовой Коммуны о положении в Холмском уезде Псковской губернии (20 июля 1918 г.)³³ — близок по содержанию и структурированию текста к общим сводкам Комиссариата внутренних дел (КВД) СКСО. Здесь перечисляются волости и дано очень краткое описание их положения, причем основное внимание уделено работе Советов и сбору налогов. Сугубая краткость и односложность записей не позволяют точно удостовериться в том, собирал ли агитатор данные самолично или довольствовался информацией, полученной в уездных структурах. Выяснить, был ли он очевидцем происшествий в том случае, когда он прямо не говорит об этом, можно попытаться, если: а) в отчете содержатся записи высказываний отдельных крестьян и их прямой речи без попыток их обобщить или проанализировать; б) события перечисляются строго во временной последовательности, что отчасти может служить признаком последовательности впечатлений информатора; в) в отчетах имеются сведения, которые мог почерпнуть только сам наблюдатель (о погоде, о внешнем виде людей и зданий, бытовые зарисовки и т.п.); г) в отчетах даются оценки, которые являются не только политическими, но и личностными; д) в отчетах содержится описание действий, которые могли быть только следствием присутствия информатора. Здесь, разумеется, перечислены далеко не все условия, позволяющие обнаружить в информаторе очевидца, и, добавим, даже они далеко не всегда помогают историку обрести твердую уверенность в своих выводах. Но и при такой оговорке отметим, что ничего этого в докладе В. Иванова нет. Мы обязаны поэтому проанализировать и другие детали его сообщения, чтобы как можно точнее выявить в данном тексте ядро свидетельских показаний.

³³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 133—133 об.

Во-первых, отметим, что здесь перечислены несколько волостей — но из докладов других агитаторов известно, что практика таких многодневных поездок была редкой. Обычно обследовались одна-две волости, в прочих же случаях работала группа агитаторов. Во-вторых, обращает на себя внимание структура текста, отличающаяся от обычной структуры других докладов, но, как отмечалось выше, близкая к сводкам КВД СКСО о положении на местах. В силу этого нельзя исключать, что информатор мог использовать текст одной из таких сводок. В-третьих, говоря о событиях в г. Холме 15 июня 1918 г., агитатор уточняет, что пишет об этом «со слов очевидца».³⁴ В других случаях данной оговорки нет, и это может свидетельствовать о прямом участии агитатора в событиях, описанных им в докладе. Но нужно учесть, что рассказ о восстании в Холме существенно отличается по объему и массе подробностей от кратких обзоров положения в других волостях. Поэтому нельзя исключать (хотя и трудно говорить об этом с полной уверенностью), что именно такое обилие деталей, с которыми он знаком понаслышке, вынудило информатора особо сказать об источнике его сведений.

Выявить ядро свидетельских показаний самих информаторов можно и с помощью других способов. Иногда в документах дается описание какого-либо происшествия и остается неясным, видели ли его информаторы. Так, в докладе агитаторов В. Орлова и А. Южука (ноябрь 1918 г.) [Док. 4] содержится обзор выступлений крестьян Устрекской волости (Новгородская губерния) и нет указаний, откуда получили эти сведения агитаторы. Но далее они сообщают следующее: «... По приезде нашем просили нас принять участие в оказании содействия Совдепу против восставшего кулачества, что нами и было сделано немедленно».³⁵ Из этого можно с большой долей уверенности предположить, что именно отсюда и начинается запись показаний очевидцев, а о восстании устрекских крестьян агитаторы скорее всего узнали с чужих слов.

Особого подхода требует источник и в том случае, когда информатор осуществляет целенаправленный отбор сведений. В частности, в докладе агитатора А. Муницына прямо говорится о том, что он «отправился по волостям узнать настроение местных крестьян, как они относятся к местному Совдепу».³⁶

---

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Д. 239. Л. 41—41 об.

³⁶ Там же. Д. 225. Л. 107.

И в дальнейшем в его отчете именно этим сюжетам уделено основное внимание. Любое событие он стремится рассматривать лишь в той мере, в какой оно имеет отношение к цели поездки. Отбор сюжетов, осуществляемый информатором, еще не означает искажения истины. Факты здесь могут быть переданы правильно — но одна лишь констатация факта, без описания сопутствующих ему бытовых реалий, без мельчайших подробностей, создающих живую ткань времени и определяющих место события в системе «житейских» координат, неизбежно приведет к неполноте и неточности интерпретаций. А это, в свою очередь — к маскировке реальных мотивов массовых волнений. «Лишние» подробности в документах, т.е. те из них, которые легко могут быть исключены из текста без ущерба для его основного содержания, именно потому, что они не имеют строго утилитарного значения и не возникли как звено в причинно-следственной связи, воспроизводимой докладчиком, придают отчету большую достоверность.

В ряде случаев достоверность сообщений агитаторов можно оценить, выявляя противоречия в самом тексте их докладов. Так, в отмеченном прежде докладе В. Орлова и А. Южука содержались сведения о «контрреволюционном восстании» в Устрекской волости. Но мотивировкой для этих утверждений был лишь факт прихода крестьян к зданию волостного Совдепа, оскорбления и угрозы по адресу его руководства — только этот инцидент и отражен в данном докладе. И вот что еще примечательно. В докладе сообщалось о том, что пришлось вызвать «вооруженных коммунистов в составе 10 человек для подавления контрреволюционного восстания».³⁷ Трудно предположить, если бы это действительно было восстание всей волости (состоящей из многих деревень), что для его подавления хватило бы десяти человек.

Приведем другой пример. В некоторых докладах партийная ориентация политических противников определялась без объяснений, как бы «на глазок», и это также должно настораживать исследователя. «Съезд был чисто кулацким, пахнет левоэсеровщиной» — сообщалось в докладе агитатора Ткачева [Док. 7] о Лисинском волостном съезде 1 декабря 1918 г.³⁸ Здесь вызывает сомнение уже сама категоричность вывода: «чисто ку-

---

³⁷ Там же. Д. 239. Л. 41 об.

³⁸ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 111. Л. 47—47 об.

лацкий». Это означало, что все депутаты — а среди них были рабочие и красноармейцы — являлись кулаками. Зная, сколь разношерстным был социальный состав любого из волостных сходов, это кажется маловероятным. О «кулаках» агитатор либо узнал с чужих слов (это естественно, учитывая, что в волости он находился несколько часов), либо предположил их наличие, оценив желание делегатов разрешить свободную торговлю. Но однозначно приписывать лозунг свободной торговли только левым эсерам и «кулакам» едва ли правомерно: можно встретить немало свидетельств о том, что его отстаивали и середняки, а в ряде случаев даже и бедняки. В этом тексте настораживает и другое. Сам документ описывает положение в волости исключительно негативно: нет агитации, крестьяне не хотят комбедов, волисполком не разбирает инструкции, коммунисты «не на высоте своего положения, среди членов есть прямые враги» и даже принятая съездом пробольшевистская резолюция «проведена исключительно из желания наверное узнать настроение массы и выражением мнения данной волости служить не может». Такой отбор только негативных фактов наводит на мысль об определенном ракурсе видения событий докладчиком. Возможно, им подыскивались аргументы для смены руководства волости. Не исключено, что здесь сказалось и его раздражение: никто из волостных чиновников ему реальной помощи не оказал, а в особо отмеченных им «шумных дебатах» на съезде могли допускаться, как это обычно и бывало, неприятные для оратора реплики.

В любом случае трудно относиться с полным доверием к докладу, где события обрисованы исключительно черными красками. Исходя из «кулацкого» настроения съезда, агитатор, видимо, и делает вывод о том, что упомянутая резолюция не может считаться отражением мнения волости. Но тогда, в соответствии с логикой его рассуждений, надо признать, что это мнение выражали «кулаки» — а на такой вывод сам агитатор едва бы решился. В докладе агитатора Якобсона (ноябрь 1918 г.) [Док. 8]³⁹ можно встретить фразу «собрались крестьяне, отчасти и кулаки». Здесь, очевидно, происходит терминологическая путаница, поскольку крестьянами в точном смысле этого слова могут считаться и зажиточные сельские слои. Возможно, говоря о крестьянах, автор имеет в виду лояльных лиц — но тогда и понятие «кулак» лишается

---

³⁹ ЦГАИПД. Ф. 0-851. Оп.1. Д. 6. Л. 4—4 об.

социального подтекста и может быть воспринято как обозначение враждебной политической позиции.

Такое же стремление отождествить оппозиционно настроенных лиц с кулаками, исходя из контекста их выступлений, можно обнаружить в докладе П. Прокофьева (30 декабря 1918 г.) [Док. 9]. Сообщая, что ему были заданы на митинге вопросы о правомочности действий военных комиссариатов и об обоснованности налогов, он предварил это следующей ремаркой: «как из рога изобилия посыпались вопросы со стороны кулацкого элемента».⁴⁰ Речь тогда шла о подводах для армии и об уплате чрезвычайного революционного налога. Эти повинности несли «кулаки» и от них освобождались бедняки и потому естественным было для агитатора считать протест против поборов исходящим именно от кулаков. Но эти повинности исполняли и зажиточные крестьяне-середняки. И потому, если агитатор исходил в своих оценках только из этого предположения, то их можно назвать недостаточно обоснованными. Нельзя исключать, конечно, что выводы информатора основывались и на реальных фактах, но о них здесь не сообщается, а о других аргументах докладчика можно только догадываться, точных сведений нет.

С такими противоречиями мы постоянно сталкиваемся, анализируя, казалось бы, простые по содержанию тексты. В докладе агитатора А. Тарасова (июнь 1918 г.)⁴¹ основанием для причисления к кулакам ряда лиц было то, что они мешали вести собрание. В докладе А. Муницына о кулаках говорилось лишь в связи с их агитацией против Советской власти. Ни о каких прочих их действиях не сообщалось, и возникает сомнение, насколько обоснованно были «агитаторы» приняты за кулаков. В докладе агитатора В. Иванова⁴² [Док. 6] кулаками были названы лица, под воздействием которых сельское общество отказалось продавать хлеб спрятавшимся от войны в Петрограде учетникам. Мотив общей «внеклассовой» неприязни к уклонявшимся от службы здесь не был принят во внимание, хотя и сам агитатор подчеркивал, что хлеб таким людям не хотели продавать ни за какие деньги. Примечательно и то, что в докладе даже политическую устойчивость одной из волостей объясняли

---

⁴⁰ Там же. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л.12–12 об.

⁴¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 97-98.

⁴² Там же. Л. 133–133 об.

тем, что «деревенские кулаки бездействуют» — можно поэтому предположить, что при ухудшении обстановки им приписали бы инициативу крестьянских выступлений. Во всех этих случаях «классовое» несомненно смешано с «политическим» и возникает ощущение, что слово «кулак» было универсальным для агитаторов обозначением политических противников.

В определенной мере вызывает сомнение и достоверность сведений о количестве голосов, поданных за то или иное постановление. «Предложенная нами резолюция принята половиной голосов из присутствовавших до 500 крестьян, при такой же половине против» — сообщалось в докладе делегатов от завода «Новый Лесснер» 18 сентября 1918 г.⁴³ Фраза «до 500 крестьян» очевидно выявляет приблизительность подсчетов и это естественно, учитывая, сколь сложно было опросить такое большое число людей. Зная технику голосования на крестьянских сходах, нельзя исключать, что пресловутая «половина», возможно, также определялась «на глазок». Отсутствие точных сведений об итогах голосования и замена их менее строгими дефинициями — «половина», «треть», «большая часть» и т.д. — в ряде случаев может тоже свидетельствовать о неточности оценок.

В докладе агитатора Якобсона (ноябрь 1918 г.)⁴⁴ [Док. 8] мы встречаем такую же приблизительность подсчетов числа уже беднейших крестьян на митинге — «около 200». Но настоятельность исследователя вызывает не только это, но и вообще общие приемы оценок, допускаемых агитатором. Так, голосование на митинге, если верить отчету, не проводилось, поэтому цифра «200» могла возникнуть как итог самостоятельного особого подсчета крестьян. Тогда возникают вопросы: 1) было ли у агитатора время для этого (он вел митинг), 2) если время и имелось, то для чего потребовался этот подсчет, 3) если этим занимались иные уполномоченные лица, то не имеем ли мы здесь дело со вторичной информацией и почему в таком случае агитатор прямо не говорит об этом. Агитатор сообщает о том, что на митинг, помимо бедняков, пришли и кулаки. Как он выяснил то, что в разношерстной крестьянской толпе находилось не один, не два, а именно 200 бедняков — это остается тайной. Характерна и оговорка агитатора: "«соглашались со мной все бедняки, ввиду чего кулаки, видя свое банкротство, замолчали и начали

⁴³ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 6. Д. 283. Л. 4–4 об.

⁴⁴ ЦГАИПД. Ф. 0-851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–4 об.

удаляться"» Сомнительно, чтобы агитатору удалось установить факт согласия с ним именно всех 200 крестьян: голосования не было, а проследить реакцию каждого из 200 человек информатор, даже при всей расторопности, вряд ли бы смог. Возникает и другой вопрос: на каком основании агитатор определил, что все ушедшие с митинга являлись кулаками. О том, что агитатор получил впоследствии какие-то дополнительные сведения об ушедших, в докладе не сказано. Поэтому приходится предположить, что он, во-первых, оценил уход с митинга как знак несогласия с ним (хотя люди могли уйти и по разным причинам), и, во-вторых, что именно это несогласие было для него главным критерием того, считать ли крестьянина кулаком.

Особо необходимо отметить те случаи, когда в тексты отчетов как бы вкраплены чужая речь и чужое письмо. Очень важно отделить собственное письмо агитатора от того «чужого», что с разной степенью достоверности он передает и, если возможно, снять наслоения в сообщаемых агитатором документах, ходатайствах, жалобах, просьбах. Обратим внимание на следующий фрагмент доклада агитатора Баранова [Док. 10] о митинге крестьян Лукинской волости (Череповецкая губерния) 10 ноября 1918 г.⁴⁵: «Я им объяснял о текущем моменте и о значении празднования великой Октябрьской революции. Потом перешли к значению Инструкции и деятельности комитетов деревенской бедноты. На это мне беднота и ответила, что так как нас голодающих всего найдется среди зажиточных не более как третья часть, и поэтому то нам с ними ничего не сделать по разделу хлеба. И просим содействия исполнительного комитета послать немедленно на помощь вооруженную силу, хотя из 5-ти человек во главе с распорядителем. И просили меня лично походить перед Исполкомом о высылке им на помощь вооруженной силы». Вкрапление чужой речи показывает нам прежде всего, что общее изложение происшествия сокращено. Прямая речь и есть собственно реликт полного стенографического описания, которым агитатор пренебрег. Степень сокращения материала выявить очень трудно, но можно попытаться определить степень достоверности переданной речи. Нельзя исключать того, что агитатор мог пересказать ее близкими по смыслу словами, придав ей собственное оформление. Поэтому следует обратить

---

⁴⁵ Письмо агитатора Баранова Тихвинскому уездному комитету РКП(б) 14 ноября 1918 г.: Там же. Л. 3—3 об.

внимание на различия в стиле и лексике письма агитатора и той прямой речи, которая им передается. Здесь это сделать сложно, потому что и письмо агитатора столь же полно грамматическими и лексическими отклонениями, как и речь бедняков: «объяснял о текущем моменте», «перешли к значению инструкции». Сомнения в точности передачи речи вызывает фраза «мне беднота ответила», предваряющая рассказ крестьян. Она может косвенно указывать на то, что агитатор синтезировал просьбы не одного, а многих крестьян и, соответственно, мы имеем дело не с записью прямой речи, а пересказом наиболее типичной просьбы крестьян. Агитатор вполне мог придать ей форму прямой речи хотя бы и потому, что просторечие, имитирующее прямую речь, вообще-то свойственно его «писательской» манере, как это видно из доклада. Наконец, он мог это сделать, чтобы яснее подчеркнуть то, что просьба исходит именно от крестьян, и тем придать ей большую основательность.

Обратим теперь внимание на запись второй части прямой речи: «и просим содействия исполнительного комитета послать немедленно на помощь вооруженную силу, хотя из 5-и человек во главе с распорядителем». Подчеркнем, что слово «распорядитель», почти не употреблявшееся в официальных документах, позволяет с большей уверенностью оценить данный текст как исходящий от низов. Крестьяне плохо разбирались (и тому есть множество свидетельств) в иерархии советских учреждений и в сфере их компетенций и поэтому иногда придавали названию должностей «старорежимный» оттенок. Стилистически неправильная конструкция «просим содействия ... послать» возможно также в какой-то мере отражает низовое творчество. Но все эти элементы низовой речи и письма сцеплены таким образом, что возникает впечатление, что перед нами не прямая речь, а фрагмент постановления митинга — столь клишеобразным и обычным для многих крестьянских прошений является канцелярское оформление этого требования. Составляя в целом «бюрократический» (по характерной лексике и скрепам изложения) текст, агитатор мог «канцеляризировать» и речь крестьян. Запись их обращения: «просим... послать немедленно на помощь вооруженную силу», оформленная в виде прямой речи, по стилю и компоновке предложения почти неотделим от записи их другой просьбы, только сформулированной уже самим агитатором: «и просили меня ходатайствовать о высылке им на помощь вооруженной силы».

Отчасти проверить достоверность источника возможно, проанализировав содержание мотивировок, данных агитатором тем или иным происшествием. Мотивировки могут быть и «местными», т.е. когда протест крестьян объясняется реалиями, характерными только для данной местности, и «общими». В этом случае поступки крестьян интерпретируются по заданным социологическим схемам, конкретные факты не приводятся, а оформление, стиль и лексика мотивировок близки к агитационным клише. Конечно, нельзя безоговорочно утверждать о том, что наличие «местных» мотивировок является убедительным доказательством истинности рассказа. Мы нередко сталкиваемся в агитаторских отчетах с произвольным установлением причинно-следственной связи различных фаз происшествий и с неточной интерпретацией местных событий, в которой также нетрудно уловить влияние социологических постулатов. Но все же, обнаруживая в одном ряду и «местные» и «общие» мотивировки, можно отдать предпочтение первым — прежде всего потому, что при этом более детализирована цепь событий и появляется возможность определить, на какой стадии описания меняется характер интерпретаций и в чем здесь причина.

Признаком достоверности сообщений агитаторов может быть и нарочитое выделение в их текстах примеров, конкретизирующих отчет. Так, агитатор Козлов, рассказав в своем докладе (8 декабря 1918 г.)⁴⁶ о том, что «есть люди, которые для своих целей распространяют всевозможные слухи», тут же оговорился, что он может подтвердить сказанное примером. Правда, такими примерами полны многие сообщения агитаторов. Ничего необычного здесь нет, но в нарочитом подчеркивании агитатором того, что он может подтвердить свои слова, проявляется особенная ориентация на точность: автор сообщения тем самым отмечает, что это сделано для вящей убедительности его слов. Вопрос о том, насколько достоверны эти примеры, не передаются ли тут слухи и действительно ли оправдано помещение в тексте самого примера, разумеется, не исключен и должен рассматриваться отдельно. Но нельзя не признать, что при таком подходе автор может проявить большую осторожность при описании сельских происшествий, во всяком случае, при рассказе о тех или иных их деталях.

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 11. Л. 7—7 об.

Важным инструментом определения достоверности описания события является сверение его с другими документами, повествующими о том же событии. В связи с этим сравним два отчета — уже процитированный выше доклад агитатора П. Прокофьева (30 декабря 1918 г.)⁴⁷ [Док. 9] и доклад агитатора В. Попова (2 января 1919 г.)⁴⁸ [Док. 11]. Оба они посвящены описанию митинга крестьян в имении Анташи (Петергофского уезда Петроградской губернии) 29 декабря 1918 г. Рассказ В. Попова более конкретен. В отличие от П. Прокофьева, он сообщает и о том, где проходил митинг, и сколько присутствовало людей и какой являлась прослойка коммунистов среди участников. Но этот доклад еще и менее «литературен» и описывает факты более сухо, нежели доклад П. Прокофьева. Так, в поле зрения обоих агитаторов оказалась реакция крестьян на речи, произносимые во время митинга. «Как во время самих речей, так и вопросов с мест слушатели относились к пояснению с самым серьезным вниманием — видно было, что все это настолько их интересовало, что они стараются не проронить ни одного слова» — сообщалось в докладе П. Прокофьева. Этот же эпизод в докладе В. Попова изложен куда более кратко: «Собрание к нашим докладам отнеслось очень сочувственно».

На первый взгляд кажется, что описания фиксируют почти одинаковую реакцию крестьян и их различия — только в подробностях. Не обладая другими свидетельствами этой сцены и затрудняясь ответить, кто из двух очевидцев более точен, отметим прежде всего такую деталь. Фраза «стараются не проронить ни одного слова» уже сама по себе не очень корректна. Она описывает внутренний настрой крестьян, который едва ли мог быть известен агитатору. Очевидно, агитатор хотел подчеркнуть, что его речь не прерывалась репликами. Отсюда он выводит и «серьезное внимание» и заинтересованность крестьян. Но далее из текста мы узнаем, что это молчание продолжалось и после речей, и агитаторам не сразу удалось «разговорить» крестьян, чем они были немало обеспокоены. В этом случае несложно приписать молчанию крестьян не только позитивную, как это сделали и П. Прокофьев и В. Попов, но и негативную направленность. Там, где П. Прокофьев делает осторожный «позитивный» вывод, на основании тех же наблюдений В. Попов прямо утверждает

---

⁴⁷ ЦГАИПД. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л. 12—12 об.

⁴⁸ Там же. Л. 10—11.

эту «позитивность». И все же, несмотря на «литературность» описаний, возможно, что П. Прокофьев не случайно здесь более сдержан. Дальнейший рассказ о собрании, содержащийся в обоих отчетах, вызывает сомнения, действительно ли «очень сочувственно» отнеслось крестьянство к вопросам о мобилизациях на военные нужды и о чрезвычайном налоге. Примечательным комментарием к реплике В. Попова о сочувствии крестьян является и замечание П. Прокофьева о том, почему агитаторы хотели услышать мнение местных жителей: «Тов. Попову и мне во что бы то ни стало хотелось вызвать на эту беседу, так как мы никогда не могли себе представить, что крестьянство согласно со всем нашим докладом и разделит наши взгляды». Можно, конечно, предположить, что П. Прокофьев приписал собственные оценки В. Попову. Но и В. Попов отмечает, что он также стремился вызвать крестьян на разговор — последнее может считаться точно установленным фактом. Но мотивировкой такого желания, естественно, могло быть только одно: узнать подробнее о позиции крестьян в том случае, если эта позиция была неясна. Если это так, то сомнения не одного, но обоих агитаторов следует счесть вполне вероятными.

О том, что произошло после того, как крестьяне заговорили, агитаторы сообщают противоречивые сведения. В показаниях П. Прокофьева вновь чувствуется «беллетристический» элемент: «И на третий наш вопрос, почему именно крестьянство не хочет высказать свой взгляд на положение вещей в то время, когда мы их призываем к строительству народной жизни, беднота, присутствующая здесь, заявила, что все мероприятия народного правительства как нельзя лучше отвечают их желанию». Здесь обращает на себя внимание и риторика (дважды упомянуто слово «народный», являющееся в данном контексте оценочной дефиницией, а не официальным термином) и характерная анонимность фразы: «беднота... заявила», сигнализирующая об авторской редакции чужой речи. Но особую настороженность вызывает другое. В отчете В. Попова отмечено, что после просьб агитаторов на митинге выступил член комитета бедноты. Ни о каком народном правительстве он не говорил, но жаловался на действия волостного военного комиссара, который угрожал его отправить в ЧК, если не будет предоставлена подвода. После этого пожаловались еще три крестьянина на неправильность разверстки; решили «посмотреть списки» и

выяснилось, что они действительно не могли быть обложены таким налогом, поскольку являлись бедняками. Но посмотрим, как этот эпизод изложен в докладе П. Прокофьева: «Вот тут-то как из рога изобилия посыпались вопросы со стороны кулацкого элемента. Почему, мол, военный комиссариат предписывает... представить подводы и т.д.? Почему наложен в таких крупных размерах чрезвычайный налог и т.д.?».

Выше мы уже отмечали спорность утверждения П. Прокофьева о кулаках, оценивая внутренние противоречия только в его тексте. В этом же случае, когда мы имеем «параллельный» текст В. Попова, такие сомнения лишь усиливаются. Скрупулезность, сухость, монотонность изложения В. Попова здесь явно контрастирует с риторической направленностью текста П. Прокофьева. Обычный источниковедческий прием, требующий отдать предпочтение тексту, более насыщенному бытовыми реалиями, менее риторическому, содержащему изложение причинно-следственной связи событий, а не «общих» впечатлений, тут вполне применим. Но «живое» изложение П. Прокофьева ценно тем, что оно позволяет, посредством анализа риторических импровизаций, узнать что-то и об идейной позиции самого агитатора: в докладе В. Попова автор выглядит зачастую только нейтральным регистратором происшествий. Анализ речевых штампов и импровизаций даст нам представление о самостоятельности риторического письма агитатора и значит — о достоверности его доклада. Неправильный синтаксис, редукция связующих слов, как и ряд других признаков, показывают, насколько адекватно используется эта риторика, в какой степени она иллюстрирует политическое мышление самого агитатора и уместна ли она в отчетах. По тому, выражается ли письмо агитатора уже готовой, общей риторической конструкцией, либо он излагает свои наблюдения отдельными риторическими штампами, еще не сведенными в единое целое, когда дефиниции еще не подчиняются логике политизированных клише — можно оценить, на какой стадии идеологической «ортодоксальности» докладчик делает свои обобщения.

Изучение риторических наслоений в текстах агитаторов в определенной мере позволяет выявить здесь ядро информации, определить масштабы и методику искажения сведений, и, наконец, отметить технику специфического перехода от описания конкретных деталей к агитационному штампу. Можно выделить три основных варианта риторических выражений в докладах

агитаторов. Первый — это использование политизированных идиом, «оживляющих» повествование, но довольно редких для того, чтобы существенно влиять на его содержание. Второй вариант — это частое применение риторических конструкций как равноправных фактографическим описаниям, передача важных элементов информации «риторическим» кодом. Возникает своеобразная «чересполосица» текста, когда конкретная информация, переведенная на риторический язык, «сцепляет» материал, не оформленный идеологическими клише. В сущности, это одно описание, но выраженное двумя языками, столь различными, что риторический фрагмент выглядит здесь как лакуна в тексте. И, наконец, третий вариант — это почти тотальная замена конкретной информации политизированными штампами, что превращает доклад в некое подобие пропагандистской статьи; для отчетов агитаторов это, впрочем, наименее типично.

Риторический подход делает описание деталей происхождения менее подробным. Так, в упоминавшемся докладе Якобсона⁴⁹ можно встретить выражение: «Кулаки, видя свое банкротство, замолчали и начали удаляться», но в чем состояло это «банкротство», не сказано. Используя агитатор менее политизированный и более обыденный термин, мы, возможно, могли бы получить дополнительные сведения о происшествии.

Риторика не всегда ведет к искажению истины, но она придает большую жесткость и однозначность оценкам информатора, в связи с чем не может инициироваться подробный анализ причин событий: он излишен, готовое объяснение уже есть. Риторика в какой-то степени отмечает уже установленный, упрочившийся ракурс видения и потому должна рассматриваться как элемент предварительного отбора. Правда, в том случае, когда риторические фрагменты в докладе отчетливо отделены от его фактографической части и представляют собой некие обособленные социологические или «беллетристические» дополнения, они могут быть отсоединены от основного текста без существенного ущерба для его содержания.

Для оценки риторики текста обратимся к докладу представителя Петроградского комитета РКП(б) В. Кисилева о положении в Гдовском уезде (Петроградская губерния) в марте-апреле 1918 г.⁵⁰ [Док. 12]. Вот как начинается доклад: «С подходом

⁴⁹ Там же. Ф. 0-851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4—4 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 7—7 об.

врага внешнего совместно с нашими внутренними врагами Сов[етской] власти, т. е. капиталистами, молодая, еще не твердая Сов[етская] власть пошатнулась и контрр[еволюционные] и... им сочувствующие элементы, этим моментом пользуясь, приняли угрожающую позу, стали восклицать: «Вот пришел расплаты час за вашу свободу». Вот в это время пришло[сь] как пастуху собирать[ь] разбежавшихся... овец ввиду появления волка и успокаивать как ... детей». Лишь после этого вступления агитатор стал детально рассказывать о ценах на хлеб, приводить подробные цифры и его отчет сразу же приобрел канцелярское оформление и стал похожим на краткий протокол расследования: «Начали 25-го (12) марта с.г. с мельницы Сухловицы на реке Люте Лосицкой волости Гдов[ского] уезда, где было заподозрено укрывательство хлеба многими мест[ными] кулаками ввиду предстоящей реквизиции и более удобной продажи спекулянтам по высокой цене. При производстве на зак[онном] осн[овании] реквизи[торами] было обнаружено 150 меш[ков] разн[ого] хлеба, из коих 80 меш[ков] нашли справедливым... оставить неприкосновенными, а 70 м[ешков], это равняет[ся] с лишни[м] 300 пуд[ов]... хлеба, реквизировали»⁵¹. Затем В. Кисилев сообщает об отправке изъятого хлеба и вновь текст получает «беллетристическую» обработку: «Вдруг с другой стороны реки посыпались выстрелы, засвистели пули, лошади бросились в разные стороны...». После этого описание быстро теряет литературную оболочку: ее реликтами остаются несколько риторических оборотов, но и они исчезают в конце изложения.

Здесь хорошо видно, как риторическое описание заменяет описание подробностей и как это приводит к неотчетливому изображению событий. Если бы агитатор, вместо притчи о волках и овцах, привел бы конкретные факты, наши представления о положении в волости накануне реквизиций были бы куда более ясными. Риторические и фактографические фрагменты здесь, несомненно, представляют единое целое. Без любой из этих частей причинно-следственная связь происшествий становится трудноуловимой. Но они не равноценны. Риторичность делает описание ярким, но неясным, скрупулезность и фактографичность — тусклым, но отчетливым. В первом случае мы подробнее узнаем о том, кто пишет, во втором — о тех, кого описывают.

---

⁵¹ Там же.

*ПЕРЕПИСКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В 1918–1919 гг.*

Поскольку переписка государственных структур являлась частью делопроизводственной документации и была надлежащим образом «канцелярски» оформлена, ее значительно легче атрибутировать. Особый интерес для исследователя данной темы представляют прежде всего письма местных государственных учреждений — именно они содержали богатейшую информацию о настроениях крестьянства. Ответы «верхних» структур имели преимущественно директивный характер. Нами изучена переписка Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области (СКСО) и его местных органов — отделов управления (советского управления) внутренних дел при губернских и уездных Советах, руководителей местных Советов разных уровней (волостного, уездного и губернского), уездных и волостных военных комиссариатов северо-западных губерний России — Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Петроградской. Как правило, корреспонденты учитывали иерархию ведомств и обращались к тем, кому были непосредственно подчинены, но все же в переписке в то время не всегда соблюдалась четкая субординация. Так, председатель Новгородского губернского Совета мог прямо обратиться в Комиссариат ВД СКСО,⁵² хотя в этом же Совете функционировал Отдел управления, подчинявшийся Комиссариату. Лужский уездный военный комиссар, сообщая о местных происшествиях, адресовал свои письма сразу нескольким лицам, среди которых были не только непосредственно руководивший им петроградский губернский военный комиссар Б. П. Позерн, но и нарком по военным делам Л. Д. Троцкий и председатель Петроградского Совета Г. Е. Зиновьев.⁵³

Структура переписки выглядит более унифицированной, чем доклады агитаторов. Она имеет менее импровизированный

---

⁵² ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 67. Л. 4–5.

⁵³ Там же. Л. 128.

характер, ей свойственен в значительной степени канцелярский стиль. Обычная примета такого рода документов — отчет о своих действиях как должностного лица либо просьба о принятии мер, направленных на преодоление кризисных явлений.⁵⁴ Этому предшествует собственно описание событий. Такое описание могло быть посвящено только одному или нескольким крупным происшествиям, причем о прочих событиях в волостях сообщалось скороговоркой. В частности, в письме Отдела управления внутренних дел Кирилловского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО (25 декабря 1918 г.) содержалось детальное описание двух «контрреволюционных» выступлений: в Казанской волости (2-3 декабря 1918 г.) и Вогненской волости (8 декабря 1918 г.).⁵⁵ Что же касается других волостей, то о них лишь сказано одной строчкой: «В остальных волостях все спокойно, контрреволюционных выступлений нет». Отчет о происшествии иногда становился похожим на протокол расследования: ему были присущи компиляция чужих свидетельских показаний, подробное перечисление лиц, вовлеченных в инцидент, скрупулезная запись мельчайших фактов и подробность цифр.⁵⁶ Но некоторые письма представляли собой целые сводки о положении во многих волостях, причем видна регулярность их составления — обычно два раза в месяц.⁵⁷ Возможно, в данном случае мы имеем дело со своеобразной «протосводкой», ставшей источником для подготовки обширной общей сводки СКСО. Такие сводки в то время оформлялись как особый вид отчетов и ряд писем, подробно регистрировавших местные события, уже во второй половине 1918 г. трансформировался в уездные и губернские «сведения о положении», являвшихся региональным вариантом общих политических сводок Союза Коммун Северной области. Сравнивая письмо о происшествиях и собственно сводку, зачастую обнаруживаешь, что текст первого из них более «рыхл», аморфен, здесь видна непоследовательность в отборе деталей. Во многом и под влиянием структурирующих и редуцирующих текст бюрократических процедур полубеллетристическое описание происшествия в письмах менялось в сводках. Оно об-

---

⁵⁴ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 65 об.; 67–67 об.

⁵⁵ Там же. Л. 22–22 об.

⁵⁶ Там же. Л. 72–72 об.

⁵⁷ Там же. Д. 33. Л. 3, 7, 8, 9.

ретало там большую жесткость, унифицированность, четкость и подробность, становилось менее пространным — хотя и в сводках можно найти немало частных примеров и перечней мелких подробностей.

Особый вид письма представляют телеграммы. Обычно они весьма кратки и посвящены описанию какого-либо чрезвычайного происшествия, требующего энергичного вмешательства. Здесь не исключалось и сгущение красок: последнее могло эффективнее побудить адресата оказать помощь. Но среди телеграмм можно встретить и более спокойные описания событий, а иногда они являлись и сводкой о положении на местах. В этих случаях в телеграммах можно обнаружить и очень неконкретные, общие сведения о местных происшествиях, без каких-либо уточняющих комментариев.

Сведения о политических выступлениях крестьян в переписке государственных и партийных структур весьма разнообразны. В первую очередь отметим сообщения о беспорядках и массовых выступлениях крестьян.⁵⁸ Они фиксируют несанкционированные сходы, протестовавшие против политики Советской власти, приход крестьян к волостным и уездным государственным учреждениям с требованием выдачи хлеба и семян, освобождения арестованных, прекращения мобилизации. Экономическая подоплека этих волнений в документах видна весьма отчетливо, но зачастую дело здесь не ограничивалось экономикой. «Петиционные» походы крестьян нередко приводили к разгрому государственных учреждений и потому приобретали политический оттенок.

Важным свидетельством о политической оппозиции в деревне являются сообщения о восприятии крестьянами государственных и политических институтов — Коммунистической партии, Учредительного собрания, Советов. Трактовки компартии обычно выражаются в трех вариантах: оценка большевизма как политической идеи, отношение к Коммунистической партии в целом и особо к местным партийным ячейкам. Косвенным источником для выявления антикоммунистических настроений в деревне могут служить данные о наличии сельских партийцев — как правило, информаторы увязывают воедино эти явления. «Коммунист[ической] партии большевиков ячеек в райо-

---

⁵⁸ Там же. Д. 35. Л. 33, 34, 34 об.; Оп. 1. Д. 67. Л. 4–5; Оп. 8. Д. 129. Л. 65 об., 67–67 об., 72–72 об.

не Мирошкинского волостного Совдепа нет и сочувствующих большевизму очень мало» — сообщалось, в частности, в письме секретаря Мирошкинского Совета Лодейнопольскому горкому РКП(б) (октябрь 1918 г.⁵⁹). В целом же сообщения об оценках коммунизма довольно редко проскальзывают в переписке. Куда больше имеется сведений об отношении крестьян к Советам, которые воспринимались ими как главный политический центр деревни. В переписке часто говорится об итогах выборов на волостных и сельских сходах, о составах Советов, где информаторы нередко обнаруживали и «кулаков» и вообще зажиточных лиц, о перевыборах советских руководителей, настроенных оппозиционно, либо об их арестах и снятии с должностей, о разгонах местных Советов — как низами, так и властями.

Сведения об отношении крестьян к Учредительному собранию в переписке крайне малочисленны. По преимуществу это сообщения о том, что на волостном или сельском сходах были одобрены «учредиловские» лозунги. Информатор при этом нередко отмечал, кто являлся инициатором принятия «учредиловских» постановлений. Возможно, его догадки были не совсем беспочвенны, хотя о партийности и социальном положении инициаторов он, по обыкновению, говорил невнятно и бездоказательно, явно «конструируя» их в соответствии с логикой агитационных клише. В общей же массе требований крестьян, зафиксированных множеством документов, «учредиловские» постановления выглядят неким чужеродным элементом. Они почти не увязаны с экономикой (а это и составляло главный интерес крестьян) и выражены политизированным, «партийным» языком, весьма далеким от обыденной речи сельских жителей.

Источником для оценки степени политического протеста в деревне являются содержащиеся в переписке сведения об отношении к инструкциям и декретам Советской власти, о трудностях взимания налогов и повинностей, об арестах лиц, ведущих «антисоветскую» агитацию, равно как и о самой этой агитации.⁶⁰ Ценным источником могут служить и сообщения об отношении крестьян к военным и прочим мобилизациям, а также к волостным военным комиссариатам — последние нередко чаще, чем Советы, подвергались разгрому в ходе деревенских бунтов. В протестах

---

⁵⁹ ЦГАИПД. Ф. 0-1635. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

⁶⁰ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 61. Л. 17; Д. 129. Л. 65 об., 68; Ф. 1000. Оп. 80. Д. 22. Л. 22; Ф. 6689. Оп. 6. Д. 2. Л. 49; Ф. 5432. Оп. 12. Д. 1. Л. 6.

крестьян против комиссариатов политические моменты обнаруживаются, во-первых, потому, что антимобилизационные акции осуществлялись вкупе с другими, более откровенными антигосударственными выступлениями и могли считаться их элементом, и, во-вторых, вследствие того, что они активно инициировали политические отклики и придавали последующим действиям (выборы старшин вместо комиссаров, разгон Советов, создание отрядов самозащиты) оппозиционную направленность.

В ряде случаев информаторы давали лишь общую оценку политического положения в волостях и уездах, не отмечая какие-либо его подробности. Как правило, она очень кратка и выражается одним словом или фразой, как это видно, например, по письмам отделения общих дел отдела управления по внутренним делам Старорусского совета в информационное отделение КВД СКСО осенью 1918 г.: «во всех волостях ... в политическом отношении спокойно», «население Старорусского уезда... в политическом отношении было спокойно», «сведений об агитации против Советской власти... не поступало».⁶¹ Не исключено, что такая краткость была вызвана тем, что отчеты составлялись по определенной анкетной схеме. Среди документов СКСО можно найти эти анкеты (они именовались «отчетными листами»), где первую строчку занимала графа «Общее положение волости в политическом отношении».⁶²

Как правило, политические происшествия объяснялись в переписке довольно упрощенно и, возможно, в некоторых случаях причинно-следственная связь событий выявлялась не без влияния пропагандистских штампов. Иногда, впрочем, идеологические мотивировки соседствовали с теми трактовками, которые учитывали конкретные реалии конфликтов. В письме отдела управления по внутренним делам Тихвинского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО (3 декабря 1918 г.)⁶³ [Док. 13] говорилось об угрозе волнений в волостях, которые испытывали нужду в хлебе. Но сами продовольственные трудности здесь отходят на второй план, а главной причиной конфликта выставляется следующее: «на почве недостатка хлеба кулаки подстрекатели возбуждали граждан к смещению волостных Советов

---

⁶¹ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 33. Л. 3, 7, 8, 9.

⁶² См., например, «Отчетный лист» Шумского волостного Совета за август 1918 г. (Там же. Л. 18).

⁶³ Там же. Д. 61. Л. 19–19 об.

или перевыбору их». Анонимность «кулаков», неконкретность в описаниях их действий, очевидное противоречие в выявлении движущих сил конфликта (ведь от голода страдали в первую очередь не кулаки, а бедняки и отчасти середняки) — все это должно быть оценено как составной элемент именно идеологической мотивировки, хотя отмеченная тем же информатором нехватка продовольствия вполне может считаться подлинной причиной угроз властям. Очень примечательно, что чуть ниже в этом же тексте можно найти и такую фразу: «Вообще население уезда настроено тревожно и везде стоит вопрос о выборе новых составов Советов, причина тому — бесхлебица». Здесь уже нет сведений о «кулаках-подстрекателях», и волнения объясняются исключительно недостатком хлеба, и подчеркивается их всеобщий характер, т. е. массовость, которая уже не может быть признана лишь следствием происков «кулаков».

В некоторых случаях использование идеологических формулировок отчетливо оттеняет двусмысленность текста. В докладе политико-просветительного отдела Николаевщинского волостного военкомиссариата Новоладожскому уездному военкомиссариату (20 ноября 1918 г.)⁶⁴ [Док. 14] сообщалось, о том что один из агитаторов, вербуя крестьян в партию, натолкнулся на их отказ. Далее говорилось, о причине отказа: крестьяне не были знакомы с партийной литературой и вследствие этого «выразили желание получить побольше литературы, дабы ближе ознакомиться со всеми начинаниями партии на пользу трудового народа». Очень вероятно, что слова «начинания партии на пользу трудового народа» принадлежат агитатору, являясь обычным для того времени клише; не будем, впрочем, исключать и того, что их высказали сами крестьяне. Но подробно излагая мотивы отказа и фактически соглашаясь с ними (как явствует из текста), информатор пересказывает как раз те формулировки, которые имеют неконфронтационный характер и даже оттенок «благонадежности» — не обращая внимания, что именно в этом виде они могут служить ширмой подлинных настроений крестьян. В любом случае от нас не может ускользнуть скрытый сарказм этой фразы: чтобы увидеть, что сделано реально партией для крестьян, им надо прочитать об этом в книгах. Этот сарказм не замечает информатор, сообщающий далее: «таким образом, пришлось временно, до подготовки населения,

---

⁶⁴ Там же. Ф. 6689. Оп. 6. Д. 2. Л. 55—55 об.

приостановить запись сочувствующих и заняться ознакомлением населения с программой партии и другими ее начинаниями»; возможно, его не очень отчетливо ощущали крестьяне, которые нередко ссылались на свою «темноту», чтобы уклониться от того «света», который был обещан им в будущем.

Случаи, когда информатор передает «чужие» мотивировки, выражая согласие с ними, нередки. Иногда историку приходится прилагать особые источниковедческие усилия, чтобы отделить ядро «чужой» мотивировки от ее позднейших наслоений — поскольку информатор не всегда внятно рассказывает о том, что он заимствовал от других интерпретаторов, что в его объяснениях «свое» и что «чужое». Используя «чужие» схемы причинно-следственных трактовок, информатор часто их развивает и «достраивает». Так, в письме председателя Исполнительного Комитета Сольвычегодского уездного Совета в ЦИК СКСО (июль 1918 г.)⁶⁵ [Док. 15] о положении на местах приводится текст сообщения Фоминского волостного Совета, который уже своей риторикой и неконкретностью способен насторожить исследователя: «Граждане Фоминской волости глубоко возмущены попыткой свергнуть Советскую власть. Вся волость, как один человек, [готова] в любое время поддержать Советскую власть, ибо она только выразительница и защитница интересов трудового крестьянства. Граждане Фоминской вол[ости] шлют проклятия мятежникам, поднявшим хищную лапу на Советскую власть». Председателя исполкома это письмо несколько не смущает и более того, он подтверждает его истинность дополняющим уточнением: «Правду сказать, население Фоминской вол[ости] живет бедно, крупных кулаков нет, нет и засилья их, власть находится в руках трудового крестьянства...». Текст Фоминского волостного Совета вызывает подозрение ввиду его риторического компонента. В уточнениях председателя Исполкома риторики меньше. Но основным его аргументом является весьма спорная зависимость между частотой бунтов и наличием кулаков. Как свидетельствуют источники, крестьянские волнения вызывались не только и не столько происками кулаков, но определялись множеством разнородных факторов: интенсивностью мобилизаций, разверсткой, налоговыми поборами, разделом земли, влиянием и силой государственных и военно-репрессивных структур и т. д. Доверяя чужому риторическому

⁶⁵ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 153. Л. 5.

тексту, информатор и в собственных догадках не выказывает должной осмотрительности — и потому мы можем отчасти получить представления и о стиле его интерпретаций.

Оценивая достоверность переписки, прежде всего обратим внимание на те источники, которыми пользуются информаторы. Для авторов донесений губернских и уездных структур привычно использование документов волостных Советов. Иногда об этом говорится прямо. В письме председателя Исполкома Тихвинского уездного Совета в комиссариат ВД СКСО (27 сентября 1918 г.) сведения о разгоне Тарантаевского волостного совета и замене его “кулацким” советом были сообщены со ссылкой на донесения волсовдепа.⁶⁶ В письме отдела управления внутренних дел Новгородского губсовета в комиссариат ВД СКСО (19 июня 1918 г.)⁶⁷ источником сведений о выступлениях в поддержку Учредительного собрания были названы протоколы заседаний Шотовского и Залучского волостных Советов. Во многих случаях, правда, источник сведений в переписке или совсем не оговаривается, или отмечается частично. Письмо отдела управления по внутренним делам Тихвинского уездного Совета [Док. 13] представляет собой сводку, явно основанную на докладах от волостных структур власти. Но источник сведений — сообщения волостных Советов — отмечен лишь тогда, когда приводятся подробности о праздновании годовщины революции. Можно только гадать, почему информатор не был столь скрупулезен в предыдущих описаниях. Но в данном случае перед нами — не запись, как прежде, конкретных происшествий в каждой из волостей, не пересказ частных дел, а именно обобщенная картина разных праздничных действий, происходивших во всех волостях. Не исключено поэтому, что помета в письме: «Из волостных Советов получены сообщения» — особый знак, свидетельствующий о компилятивной операции, произведенной информатором, и он стал возможен как необходимый элемент информации об этой компиляции.

В письме отдела управления по внутренним делам Новгородского губсовета Отделу советского управления Комиссариата ВД СКСО (30 июля 1918 г.),⁶⁸ где имеются сообщения о восстании в Славитинской волости Старорусского уезда 10-11 июля 1918 г.,

---

⁶⁶ Там же. Д. 61. Л. 14.

⁶⁷ Там же. Д. 129. Л. 65 об.

⁶⁸ Там же. Л. 72–72 об.

источник сведений вообще не оговаривается. Но по ряду деталей (фиксируется точно, иногда по часам, время событий, описание охватывает несколько дней, регистрирует действия десятков деревень и выделяет ряд различных этапов событий, происходивших в нескольких местах), можно предположить, что основу текста составляют какие-то следственные материалы, не просто фиксирующие происшествие, но детально расследующие его.

Вопрос о достоверности текстов, разумеется, не может быть ограничен только рассмотрением сюжетов об источниках информации корреспондентов. Даже в том случае, когда мы получаем заслуживающие доверия сведения о политических поступках крестьян, нам очень трудно выяснить, насколько искренне информатор приписывал им те или иные лозунги, и не маскировались ли ими совсем иные устремления. В письме секретаря Старопольской волостной организации РКП(б) И. Петухова Петроградскому губкому РКП(б) (7 октября 1918 г.)⁶⁹ [Док. 16] говорилось о том, что крестьяне на волостном митинге решили не идти на службу в Красную Армию, «мотивируя тем, что зачем демобилизовали старую армию и почему большевики обещали хлеба и мира, а вместо мира опять призывают воевать». Никакие призывы приезжих агитаторов побудить их изменить это решение успеха не имели. В письме далее сообщалось, что после отъезда агитаторов «собрали всю молодежь, подлежащую призыву, объяснили им вторично, в чем дело, упрекали их в трусости и что они из-за шкурного вопроса согласны потопить все завоевания Октябрьской революции, кое-как уговорили, составили протокол и также послали в уездный военный комиссариат телеграмму, что призываемые Старопольской волости все как один человек согласны стать под ружье». Техника фабрикации «единогласного» решения, принятого «кое-как», здесь, как видим, проступает весьма отчетливо. Да и сам информатор не заблуждается относительно ценности этого решения. Он сообщает далее, что сомневается в том, все ли явятся на сборный пункт, и добавляет: «Опасаясь, чего бы и в уездном городе не вышло, потому что все время идет погромная агитация».

Но, повторим, такие откровенные рассказы встречаются редко. Зачастую информатор (особенно на губернском и уездном уровнях, где обычно волостные документы только регистрировались) без оговорок сообщает о таких «единогласных»

⁶⁹ ЦГАИПД. Ф. 16. Оп.1. Д. 296. Л. 14.

постановлениях, не затрудняясь выяснить их подлинную подоплеку. Иногда элементы искажения картины событий можно обнаружить, лишь анализируя противоречия в текстах писем. В письме председателя Усть-Ижорского военно-революционного комитета комиссару по внутренним делам СКСО М. С. Урицкому (28 июля 1918 г.)⁷⁰ [Док. 17] говорилось о роспуске волостных Советов «ввиду сильной агитации членов Совета и местных кулаков против Советской власти». Вполне логично, что агитация членов Советов стала поводом для репрессий депутатов, но возникает вопрос: зачем здесь названы кулаки? Возможно, агитация кулаков была отмечена тут не как причина, но как обстоятельство, осложнившее положение волости и тем способствовавшее роспуску Советов. Но прямо об этом не говорится. Если предположить, что кулаки тоже являлись членами Совета, то тогда правомерно задать другой вопрос: почему информатор особо отделил членов Совета от кулаков, хотя они входили в состав одного учреждения. Если же кулаки не являлись депутатами, то надо выстраивать еще более экзотическую причинно-следственную цепочку, которая, даже если она будет предложена, не перестанет от этого быть менее шаткой и произвольной. В любом случае, как видим, мотивировка роспуска Советов выглядит противоречивой и не может быть сочтена за исчерпывающее объяснение отмеченного информатором факта.

В письме председателя Исполкома Сольвычегодского уездного Совета в ЦИК СКСО (июль 1918 г.)⁷¹ [Док. 15] указано, что в «Вели-Тоемском волостном совете... засели торговцы и кулаки, которые крепко защищают свои интересы». Никаких конкретных данных о том, как информатор определил состав Совета, нет, но уже в следующей строчке он приводит пример того, как они «защищали свои интересы»: «В заседании 16 июня Совет постановил дать свободную торговлю всем торговцам волости без права контроля их торговли местной Советской властью». В отличие от информации о депутатах-торговцах, это уже факт точный и конкретный. И потому не может не возникнуть подозрений в том, что выводы о наличии в составе Совета торговцев возможно делались с оглядкой на инцидент 16 июня 1918 г. — особенно если учитывать расплывчатость и риторичность первой оценки, данной информатором. Обра-

---

⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 2. Д. 100. Л. 1.

⁷¹ Там же. Оп. 8. Д. 153. Л. 5.

тим внимание и на другое обстоятельство. «Местная Советская власть» — это и есть собственно «кулацкий» Совет. Если продолжить объяснения информатора, то следует, что торговцы освободили самих себя от контроля за собой, что в целом не очень логично. Отмеченные здесь детали не означают, конечно, того, что руководитель Совета нарочито допускал дезинформацию. Но он очевидно небрежен в деталях и не особенно его заботят подробности дела. Противоречия в тексте в данном случае обнаруживают, что это именно не скрупулезная фиксация событий, а их некий «вольный пересказ». А для последнего обычна примесь риторики, делающей сообщение аморфным и неотчетливым, а выявление причинно-следственной связи происшествий — не очень обязательным и строгим. В этом мы еще раз убеждаемся, когда знакомимся с докладом Лукинского волостного военного комиссариата Шлиссельбургскому уездному военному комиссару.⁷² В нем подчеркнуто, что переход власти в волости к революционному комитету вызвал недовольство «некоторых личностей», среди которых «деревенские кулаки, спекулянты и конечно б[ывшие] помещики и капиталисты». Анализируя этот текст, отметим, во-первых, что выражение «помещики и капиталисты» — это устойчивое сочетание, привычное для тогдашней агитационной практики и являвшееся элементом идеологических клише. На это указывает даже сама последовательность слов: «помещики и капиталисты», — именно в таком виде эта идиома стала частью политической лексики. Во-вторых, возникает вопрос: о каких капиталистах в селах (составлявших волость) идет речь? И еще ряд других вопросов: как много было помещиков в волости (в августе 1918 г.) и как удалось информатору выяснить их отношение к ревкому и вообще случайна ли сугубая анонимность сообщения: не названо ни одно конкретное лицо?

Разумеется, отсутствие точных сведений о «зачинщиках» не может считаться прямым признаком фальсификации сообщений. Возможно, ввиду краткости многих писем, подробности представлялись их авторам неуместными. Но настораживает другое: почти во всех случаях, когда инициатива беспорядков приписывается кулакам, никаких конкретных данных, уточнений, мотивировок, примеров мы не обнаруживаем. Письмо отдела управления по внутренним делам Новгородского губсовета отделу советского

⁷² Там же. Ф. 5432. Оп. 12. Д. 1. Л. 49.

управления Комиссариата ВД СКСО (10 июля 1918 г.)⁷³ — типичный образец такого рода сообщений: «Все напряженные усилия контрреволюционеров... не поимели успеха. В Старорусском уезде эти предатели, организовав кулаков, старались поднять население против Советов». В телеграмме председателя Чрезвычайного революционного штаба и уездного военкомиссара Лужского уезда Г. Е. Зиновьеву и Б. П. Позерну (23 июля 1918 г.),⁷⁴ та же анонимность подчеркнута еще и противоречивостью текста: в первых ее строчках говорится об «организованном местным кулачеством контрреволюционном выступлении», а в строчках, следующими за ними, это происшествие называется уже «открытым выступлением кулачества». Поскольку информатора не очень смущает эта разногласия, можно получить определенное представление о степени строгости его рассказа о событиях.

В письме отдела управления внутренних дел Кирилловского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО (25 декабря 1918 г.)⁷⁵ [Док. 18] можно встретить фразу: «Кулаки Казанской волости через темных личностей пустили по волости слухи». Здесь присутствует уже как бы «двойная» анонимность: неназванные кулаки действовали через неких «темных личностей». Приписывать слухи именно кулакам, ничем не обосновывая это, стало для авторов документа, видимо, обычным делом — несколькими строчками ниже указывается, что во время одного инцидента также «местные кулаки... распускали слухи». Но уже самое содержание этих слухов — Совет «обкладывает» крестьян высокими налогами, а скоро возьмет и последнюю корову, и «члены местных исполкомов разделили деньги по своим карманам» — показывает, что здесь затрагивались вопросы, волновавшие не одних кулаков, но и всех крестьян. И потому выявить «кулацкое» происхождение этих слухов очень сложно — если, конечно, не предположить, что узнав о слухах, власти в первую очередь задали себе вопрос: кому это выгодно?, и по вторичному — проявлению недовольства — попытались выяснить первичное — кто это организовал. В тексте содержится и еще один рассказ о «контрреволюционном выступлении кулацкого элемента» в Вогненской волости Кирилловского уезда 8 декабря 1918 г. Что это были за кулаки, в письме не указывается. Зато отмечены некоторые подробности инцидента,

---

⁷³ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 68.

⁷⁴ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 50. Л. 15–16.

⁷⁵ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 22–22 об.

помогающие в известной мере выявить специфическую технику «обнаружения» информаторами кулаков.

Бунт возник на собрании «граждан волости» (именно так они называются в письме), пришедших по повесткам, автор которых, правда, не был найден. Таким образом, получается, что крестьяне пришли на сход не по своей инициативе и потому говорить о каком-то преднамеренном выступлении или заговоре «кулацкого элемента» не приходится. Подчеркивание факта законопослушности крестьян (вряд ли автор письма счел бы это уместным, если бы речь шла только о кулаках), а также замечание информатора именно о «гражданах», а не о кулаках, заставляет предположить, что далеко не все участники собрания принадлежали к «кулацкому элементу». Далее в письме читаем следующее: «Во время собрания толпой разоружено 9 человек милиции и волостной военный комиссариат и был занят телефон. При решении контрреволюционных вопросов, как например не ходить в солдаты, не давать лошадей и т. п. произошел незаконный выбор нового состава исполкома». Здесь отмечена, во-первых, массовость выступления — вряд ли иное сделало бы возможным столь быстрый захват власти в волости. Но тогда такое выступление трудно объяснить одними лишь происками кулаков. Даже если предположить, что арестами занимались исключительно кулаки, общественная санкция на такие действия должна проявиться обязательно — не горстка же людей решала вопрос о выборах властей, когда даже информатор говорит, что это происходило во время волостного схода. Обратим также внимание на то, что в этой части сообщения вдруг исчезают реплики информатора о кознях кулачества — хотя прежде он пользуется ими весьма охотно. Во-вторых, очень примечателен перечень тех «контрреволюционных вопросов», которые решало волостное собрание. «Не ходить в солдаты» и «не давать лошадей» — это было общее желание почти всех крестьян: и зажиточных, и середняков, и бедняков. Можно, конечно, предположить, что кулаки являлись зачинщиками бунта, но нельзя исключать, что в дальнейшем события развивались стихийно, поскольку именно так, «по-контрреволюционному», и хотело решать эти вопросы большинство крестьян. В любом случае очевидно, что версия о восстании в волости только «кулацкого элемента» требует предельно осторожного подхода и в некоторых отношениях представляется сомнительной.

Основная часть писем все же содержит, в разной пропорции, конкретную информацию о положении в деревне. Собственно «неконкретность» может выражаться в нескольких видах: либо описывается крайне расплывчато какое-то действие (например: «чувство самосознания бедноты и понимание того, кто является истинными зачинщиками их интересов, растет все больше и больше»,⁷⁶ «беднота стоит за Советскую власть», «в некоторых отдельных волостных Советах, где кулаки играют главенствующую роль, настроение на почве голода тревожное»),⁷⁷ либо используется термин, достаточно многозначный, дающий повод для разных толкований. Бывает, правда, крайне редко, и так, что письмо вообще не содержит никаких подробностей. И даже в тех случаях, когда информатор хочет подтвердить свой вывод примером, его аргументация оказывается столь же неопределенной. «Положение на местах в Демянском уезде устойчивое, за последнее время в народной толще замечается... переворот в пользу существующей советской власти» — читаем в письме заведующего информационно-инструкторским подотделом Отдела управления внутренних дел Демянского уездного совета в Комиссариат ВД СКСО 19 октября 1918 г.⁷⁸ [Док. 19]. Требуют дополнительной расшифровки и полуриторический штамп «в народной толще», и описание «переворота», и оценка «устойчивости» положения. Следующее предложение, возможно, призвано обосновать предыдущий вывод: «Во всех волостях на съездах выносятся резолюции, из которых видно, что беднейшее и среднее крестьянство не отступит ни на один шаг от завоеваний Октябрьской революции». Но это «разъяснение» само нуждается в особых интерпретациях. Мы встречаем здесь риторический штамп «не отступит ни на один шаг от завоеваний Октябрьской революции», являвшийся калькой обычных текстов просоветских постановлений, и потому вызывающий сомнения в том, можно ли его считать достоверным свидетельством о настроениях крестьян. Но нет данных о том, где и когда голосовали, на каких съездах, и в каких именно волостях. Последу-

---

⁷⁶ Письмо отдела управления по внутренним делам Новгородского губернского Совета отделу Советского управления Комиссариата ВД СКСО 10 июля 1918 г.: Там же. Л. 68.

⁷⁷ Письмо отдела управления по внутренним делам Новгородского Губернского Совета отделу советского управления Комиссариата ВД СКСО 4 июля 1918 г.: Там же. Л. 6.

⁷⁸ Там же. Л. 43.

ющий текст столь же аморфен — видимо, это специфика стиля автора: «замечалось некоторое движение в среде более зажиточных элементов, но благодаря своевременно принятым мерам... все успокоилось». «Некоторое движение», «более зажиточные элементы», «все успокоилось» — почти каждое слово вызывает целую череду вопросов: что значит «некоторое», «более зажиточные» по сравнению с кем, как «успокоилось», что за «меры»? — и т. д. и т. п. Здесь последующий фрагмент текста лишь формально уточняет предыдущий, но фактически это имитация мотивировок событий. Причинно-следственная связь тут представляется раздробленной — каждый фрагмент текста является столь же абстрактным, как и другой, предвещающий и продолжающий его. Поэтому и вызывает настороженность неконкретный текст — не столько потому, что он неточен (в ряде случаев это трудно проверить), но из-за того, что он убирает подробности, дает лишь предельно общие формулировки — и уже этим упрощает реальное историческое событие. «Стенограмма» — «отчет» — запись «общих впечатлений» — идеологические клише: именно в такой последовательности покрывается паутиной истолкований и тускнеет первичное и достоверное свидетельство. И умножаются, как неизбежное следствие утраты конкретности в тексте, авторские трактовки, обычно в обрамлении риторических формул.

В целом переписка государственных и партийных структур менее риторична, чем доклады агитаторов. В ней обязательно должны были применяться унифицирующие текст канцелярско-бюрократические штампы, существенно влиявшие и на стиль письма: «Совдеп отношением от 17 ноября с. г. ... сообщил отделу управления следующее»,⁷⁹ «были посланы повестки, чтобы на имеющем быть собрании явились все граждане»,⁸⁰ «распоряжение губер[нского] Совета на принятие мер».⁸¹ Такие клише в определенной степени «дисциплинировали» текст, упорядочивали его структуру и ограничивали размах риторических импровизаций. Канцелярский оттенок стиля иногда определялся

---

⁷⁹ Письмо отдела управления Повенецкого уездного Совета Комиссариату ВД СКСО 16 декабря 1918 г.: Там же. Ф. 143. Оп. 8. Д. 32. Л. 1.

⁸⁰ Письмо отдела Управления внутренних дел Кирилловского уездного Совета Комиссариату ВД СКСО 25 декабря 1918 г.: Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 22–22 об.

⁸¹ Письмо исполнительного Комитета Лужского уездного Совета исполнительному комитету Петроградского губернского совета 14 апреля 1918 г.: Там же. Ф. 1000. Оп. 80. Д. 22. Л. 22.

и тем, что некоторые письма представляли собой ответы на вопросы. В них, собственно, и использовалась лексика вопрошавших, особенно, если сами донесения бывали кратки и строились по анкетной схеме. Текст переписки имеет и менее авторский характер. Не исключено, что он подвергался правке и редактировался несколькими лицами, прежде, чем направлялся «по инстанции» — поскольку являлся прежде всего официальным документом, отражавшим позицию всего учреждения.

Однако, как уже отмечалось, и в тексте переписки содержатся риторические фрагменты. В ряде писем риторика используется не только для выражения собственной политической позиции, как у агитаторов, но как элемент мотивировки чужих и своих действий. В этом случае в ней меньше «авторского» и она не позволяет существенно отклоняться от цели описания. Вместе с тем и в переписке риторический штамп во многом определяет «размытость» и аморфность сообщений, даже в тех случаях, когда он выглядит уместным. В письме исполнительного комитета Лужского уездного совета Исполнительному Комитету Петроградского губернского Совета (14 апреля 1918 г.)⁸² мы встречаем такую фразу: «В Лужском уезде крестьянство очень пассивно относится к событиям, несмотря на близость революционного сердца» (т. е. Петрограда). Здесь риторический штамп не возникает произвольно, а используется для уточнения причинно-следственной связи. Но подчеркнем, что выявление зависимости между «близостью революционного сердца» и «пассивностью» крестьян все же необоснованно — последнюю определяли совсем другие факторы, нежели близость или удаленность от промышленных центров.

И в официальной переписке риторический текст иногда или подменяет конкретное описание или делает его менее подробным. В письме Тигодского волостного военкомиссариата Новолодожскому уездному военкомиссариату (декабрь 1918 г.)⁸³ говорилось о крестьянах-стариках, «между коих существует недоверие в лучшее и вспоминают старое, конечно, главная вина их недоверия — это продовольственный вопрос». «Недоверие в лучшее» — это редуцированный риторический штамп, точнее можно было бы сказать: не верят обещаниям сделать жизнь в будущем лучше. Но информатор так не говорит, и не исключено, что для самого информатора вопрос о «лучшем» решен, ему

---

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Ф. 6689. Оп. 6. Д. 2. Л. 108.

не нужны никакие оговорки, для него это не обещание, это то, что должно обязательно случиться. И здесь не просто небрежная редакция текста, но именно выражение политической позиции. Было бы иначе — и информатору пришлось бы давать менее примитивную мотивировку колебаний крестьян, лучше оценить причины их политической неприязни. Примечательно выражение: «вина их недоверия». Конечно, тут имеется в виду другое слово: «причина». Но слово «вина», вероятно, не возникло случайно. Не исключено, что эта оговорка показывает, как информатор оценивал такие настроения. «Лучшее» — это действительно «лучшее» и «лучшее», без оговорок, недоверие — это «вина» — косноязычие текста здесь, хотя и не очень отчетливо, но все же соотнесено не только с уровнем грамотности информатора, но и с его «тоталитарной» убежденностью в правоте своих взглядов. Вообще использование не нейтральных, а оценочных дефиниций уже есть элемент предварительного отбора, что снижает достоверность текста. Когда информатор употребляет такие клише, как «предатели»,⁸⁴ а вопросы о том, выполнять ли повинности, сразу называет «контрреволюционными»,⁸⁵ то это показывает, что он подходит к оценке явлений с уже устоявшимися мерками. Он не сомневается и не расследует, он уже выносит приговор, который делает излишним и поиск мотивации, и выявление подробностей.

Особую проблему представляют стилистические неточности в тексте, мешающие четкой атрибуции документов. Иногда стилистические отклонения не очень существенны и описание остается довольно прозрачным. «Население Кимас-Озерского общества признало владычество Англии» — риторичность термина «владычество» в письме отдела управления Повенецкого уездного Совета Комиссариату ВД СКСО (16 декабря 1918 г.)⁸⁶ все-таки не искажает достоверности сведений об участиях английских отрядов в военных действиях в Карелии. В письме отдела управления Тихвинского исполкома в комиссариат ВД СКСО (3 декабря 1918 г.),⁸⁷ сообщавшем о выступлениях крестьян Тихвинского уезда, отмечалось, что «дело было ликвидировано». Здесь информатор контаминировал определения двух наиболее частых занятий местных властей — «ликвидации» и «реквизии», но смысл

---

⁸⁴ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 68.

⁸⁵ Там же. Л. 22–22 об.

⁸⁶ Там же. Ф. 143. Оп. 8. Д. 38. Л. 1.

⁸⁷ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 61. Л. 19.

донесения в целом ясен и не вызывает дополнительных интерпретаций. «Грозность текущего момента» — этот стилистический огрех в письме вологодского чиновника⁸⁸ легко поддается расшифровке и тоже не требует особых источниковедческих усилий. Точное значение использованного там же не очень правильного словосочетания «наблюдается в массах частичное расслоение против советов»⁸⁹ можно реконструировать, если счесть слово «расслоение» реликтом клише «расслоение деревни», обычного для агитационной практики того времени. Расслоить — значит вызвать борьбу, столкнуть бедных и богатых, поэтому не исключено, что слово «расслоить» имеет тут негативный оттенок и означает именно выступление против советских учреждений. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда неправильный стиль оставляет место для разных толкований и потому делает сведения информатора менее точными. В содержащейся в письме секретаря Митрошкинского волостного совета Лодейнопольскому горкому РКП(б) (октябрь 1918 г.)⁹⁰ фразе: «настроения крестьян в отрицательном смысле» общая направленность сообщения ясна, но что конкретно имеется в виду, установить сложно. Такого же осторожного подхода требует и фраза: “частичное контрреволюционное выступление” из телеграммы Лужского уездного военного комиссара Иванова (8 июля 1918 г.)⁹¹ Здесь стилистическая небрежность не позволяет четко определить, что выражает слово “частичное” — то ли это свидетельство о масштабах выступления, то ли оценка степени его политизации. В целом же двусмысленность и стилистические отклонения в переписке можно объяснить, если при этом учитывать: 1) особенности разговорной речи того времени; 2) содержание и смысл наиболее употребительных в низовой среде идеологических клише — (их наличие в тексте зачастую и деформировало его лексику), и 3) общий контекст сообщения. Не очень ясный риторический штамп вдруг приобретает сугубую конкретность, когда его либо просто иллюстрируют примером, либо сопровождают «параллельным» описанием, с ним не связанным, но помогающим вывить логику и специфику речи информатора.

---

⁸⁸ Телеграмма заведующего агитационно-вербовочным отделом Вологодского уездного военного комиссариата заведующему агитпропотделом при Петроградском совете 10 июля 1918 г.: ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 24.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ ЦГАИПД. Ф. 0-1635. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

⁹¹ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 67. Л. 128.

*ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВОДКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ТРОЕК ПЕТРОГРАДА В 1921 г.*

Политические сводки, составленные различными городскими партийными и государственными органами в феврале—марте 1921 г., сильно отличались и по структуре, и по содержанию, и по стилю. Термин «сводка» употреблялся для обозначения отчетов о настроениях масс чаще прочих, но не был единственным. «Бюллетень», «сведения», «доклад» — эти и другие заголовки можно иногда встретить, знакомясь с отчетной документацией ведомств, собиравших информацию о положении в городе во время событий зимы—весны 1921 г. Едва ли это только следствие небрежности составителя или знак отсутствия единой инструкции по сбору сведений. В ряде случаев своеобразные заголовки отчетов возникли как отражения своеобразия самого документа. Так, заголовок одного из документов — «оперативная сводка» — довольно редкий в ряду других сводок — возможно, был обусловлен тем, что здесь собирались данные, немаловажные для оценки прочности тыловых районов в условиях возможного военного столкновения. Термин «бюллетень» мог возникнуть не только как отражение канцелярской традиции, но и как свидетельство о регулярности составления сводок. Примечательно, что в тогдашних отчетах ревтройки Петроградского района (именно здесь употреблялся термин «бюллетень») названия отчетов не были устойчивы — «бюллетень» сменяется «сводкой», но в последующие дни составители снова возвращались к прежнему титулу документа, а затем у последнего появлялся новый заголовок: «Сводка информационного отдела при ревтройке Петроградского района». Не исключено, что именно этим отделом и составлялся прежде отчет о событиях в Петроградском районе — и метаморфозы заголовков отражали лишь уточнение авторства документа. Заголовки «сведения», данный сводке коллектива РКП(б) 3-й

государственной электростанции⁹², возможно, был определен тем, что здесь не осуществлялось компилирование разрозненных сообщений из многих предприятий и учреждений (что и считалось собственно сводкой, «сводом»), а давалось лишь описание одного сюжета — отношения рабочих к Кронштадтскому восстанию, причем не в течение одного дня (как в сводках), а почти за двухнедельный период.

Документация февраля—марта 1921 г. в целом позволяет достаточно отчетливо выявить авторство, периодичность, иерархию и механику составления политических сводок. Массовые забастовки на петроградских предприятиях, начавшиеся с конца февраля 1921 г., а затем Кронштадтское восстание, вспыхнувшее в непосредственной близости от города, потребовали быстрого, четкого и подробного информирования структур власти о настроениях рабочих и других социальных слоев. Сыграли свою роль и слухи о возможном восстании в городе, и желание предотвратить социальный взрыв на фабриках и заводах, и стремление яснее обозначить те превентивные меры, которые нужны были для локализации кронштадтцев. С середины февраля 1921 г., когда уже проявились зримо симптомы будущих выступлений рабочих, в городе достаточно быстро создается (как обычно прежде в иных сложных военно-политических ситуациях) разветвленная система сбора информации, охватывающая и отдельные предприятия (и даже цеха) и целые районы. Она, хотя и с перебоями, фактически функционировала до конца марта 1921 г., когда было снято в Петрограде военное положение и упразднены чрезвычайные структуры власти — ревтройки — чьи сводки и рассматриваются в данной работе.

Ревтройки — революционные тройки — были созданы в условиях осадного положения как на многих предприятиях, так и почти во всех городских районах. Они включали в себя руководителей администрации, партийных комитетов, военных, комсомольских и профсоюзных органов. Сводки районных ревтроек — наиболее полные из отчетных документов тех дней. Они не только фиксируют сведения о предприятиях и отдельных их цехах, но и рассказывают даже о поведении того или иного человека. Несомненно, источником для районных сводок

---

⁹² «Сведения об отношении к Кронштадтским событиям рабочих 3-[й] Государственной электростанции». Март 1921 г.: ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 111.

служили сообщения с мест, преимущественно из различных фабрик, заводов и учреждений. В текстах районных сводок, однако, трудно выявить пласты сводок низовых, прежде всего ввиду малочисленности последних в фондах архивов. Низовые сводки не были унифицированы и различия в их оформлении и стиле особенно заметны. Попытки упорядочить низовые сообщения, правда, предпринимались верхними структурами, отчасти возможно и потому, что последним нужны были конкретные, четкие сведения по определенным, интересующим их вопросам, а не общие и аморфные впечатления информаторов. Среди документов можно найти несколько низовых отчетов, либо составленных на анкетных бланках, либо явно следующих анкетной схеме. Сами анкеты, возможно, представляли собой импровизацию районных структур, поскольку в разных районах они отличались и по содержанию и по числу вопросных пунктов. Им присущ и ряд особенностей, характерных для импровизированных текстов: синтаксические отклонения, повтор некоторых пунктов, просторечие. Самой подробной являлась анкета, рассылавшаяся ревтройкой Василеостровского района.⁹³ Она содержала девять пунктов: «1) Какое настроение на заводе или фабрике 2) во всех ли цехах работают 3) Волнующие вопросы рабочих 4) Идут ли работы 5) Какие возгласы бывают 6) Как ведут себя коммунисты 7) Как ведут себя члены Союза молодежи 8) Как ведут себя члены женской секции 9) Фамилия и имя крикунов». В 1-м Городском районе в середине марта 1921 г. почти одновременно рассылались несколько анкет, которые, хотя и содержали вопросы о настроениях рабочих и их отношении к Кронштадтскому восстанию, но все же не были одинаковыми. Общая примета всех анкет — это фиксация прежде всего тех вопросов, решение которых имело большое значение для разрядки напряженности в городе. Так, в анкете, присланной в 5-ю государственную типографию в середине марта 1921 г.,⁹⁴ значились и такие вопросы: «Какие требования и желания есть среди рабочих», «Есть ли какие-нибудь местные, хозяйственные, продовольственные, технические или административные недочеты, могущие создать недовольство». Ответы на вопросы, как правило, бывали очень краткими (иногда одно-два слова),

---

⁹³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 66.

⁹⁴ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 110 (Политсводка 5-й Государственной типографии 17 марта 1921 г.).

что отчасти, возможно, связано с попытками информаторов поместить ответы только в рамках анкетной графы на бланке.

Анкетная форма не была доминирующей в сводках низовых организаций. Можно предположить, что она не очень-то подходила для передачи информации о бастующих предприятиях, содержавшей подробности, которые нельзя было предугадать в вопроснике. Наряду с анкетами можно обнаружить и другие низовые сводки, где или говорится лишь об одном происшествии, либо сообщаются ответы только на те из вопросов, которые могли интересовать составителей районных сводок. Если мы внимательно проанализируем райсводки, то увидим, что здесь освещены и те вопросы, которые не ставились в анкетах. Не исключено, поэтому, что райсводки могли быть созданы на основе какой-то другой отчетности, возможно, переданной в неунифицированных формах.

О степени регулярности предоставления низовых сводок говорить трудно. Районные сводки, компилировавшие сводки низовые, составлялись обычно не менее одного раза в день. Не исключено, что часть информации могла быть сообщена руководству района устно или по телефону. Так, сводка хлебозавода № 4, подготовленная 2 марта 1921 г.,⁹⁵ охватывает события нескольких дней (если принять во внимание фразу: «завод не бастовал ни одного дня») и в целом является очень кратким и неконкретным отчетом о положении на предприятии. Сведения о политических выступлениях, столь интересовавшие составителей райсводок, здесь нередко отсутствовали. Во всяком случае, в районных сводках часто можно встретить пометы: «на остальных предприятиях без изменений», «в остальном без изменений» и т. д. Исходя из этого, можно предположить, что в ряде случаев низовые сводки ежедневно предоставлялись только в условиях затяжного конфликта, возникшего на предприятии.

Как правило, низовые сводки подписывались председателем ревтроянки фабрики или завода или только организатором местного коллектива РКП(б) (который зачастую и являлся членом ревтроянки). В сводках условно можно выделить «открытую» информацию (сведения о событиях на предприятии, ставших известными всем работающим здесь), и информацию «закрытую» — о «подозрительных» лицах, о деятельности эсе-

---

⁹⁵ Сводка ревтроянки хлебозавода № 4 2 марта 1921 г.: Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 72.

ров и меньшевиков, об оппозиционной агитации. Источником их сообщений в данном случае могли быть или коммунисты, или другие доверенные лица информаторов. В текстах сводок очень трудно уловить намеки на круг осведомителей. Обилие «общих впечатлений», которое было присуще многим сводкам, вызывает предположение, что обстановка нередко оценивалась как бы «на глазок», без использования приемов конспирации. Фиксировалось прежде всего наличие или отсутствие именно публичного вызова — возможно, это и было регистром оценки спокойствия на предприятии.

Районные политические сводки обычно подписывались председателем районной революционной тройки или лицом, уполномоченным им.⁹⁶ Райсводки являлись итогом обработки данных, полученных из предприятий, и имели отпечаток своеобразной «писательской» манеры того или иного составителя. Это видно, когда сравниваешь сводки нескольких районов. В ряде случаев заметно, что составителей сводок в разных районах интересовал и разный круг вопросов. Так, сводки Василеостровской и Петроградской ревтроек отличались прежде всего тем, что в последней из них обязательно содержались сведения об охране на предприятиях, что редко привлекало внимание василеостровцев. В петроградских райсводках более подробно рассказывается об отношении рабочих к коммунистам и заводским комитетам, о наличии «контрреволюционной» литературы. В целом сводка Петроградской ревтройки обычно бывала более подробной, чем сводка Василеостровской ревтройки, хотя именно Васильевский остров являлся главным очагом стачек. Примечательно и то, что политические конфликты или социальные взрывы на предприятиях зачастую мало влияли на полноту изложения этих событий в сводках. В сводке Петроградской ревтройки 1 марта 1921 г.⁹⁷ о происшествиях на фабриках и заводах говорилось с разной степенью полноты — где-то одной строчкой, где-то более подробно — но не очень заметно, чтобы эта подробность диктовалась осложнением ситуации на предприятии или его значительностью. Нередко подробность районных сводок зависела от того, сколь обширными были сообщения низовых структур, сколь тщательно и педантично осу-

---

⁹⁶ Так, сводки Петроградской районной ревтройки подписывались председателем «информационного отдела».

⁹⁷ ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 29—29 об.

ществили последние сбор информации: о мощной стачке могло быть сказано всего несколько слов, но зато скрупулезно перечислялись мельчайшие и малозначительные детали происшествий на вполне «благонадежных» предприятиях.

После объявления военного положения в Петрограде 24 февраля 1921 г. районные сводки составлялись один раз в день, но с 3 марта 1921 г. (тогда в связи с началом кронштадтского мятежа было объявлено осадное положение в городе) они нередко предоставлялись два раза в день — утром (11 часов) и вечером (19–22 часов). Как правило, сведения, содержащиеся в утренней сводке, не повторялись в сводке вечерней. В последней отмечалось лишь то, что произошло после предоставления утренней сводки. Когда же мы обнаруживаем в текстах обоих сводок близкие по содержанию и форме сообщения об одном и том же предприятии, то можно предположить, что это не повторение уже отмеченного прежде, а очередная фиксация того положения, которое осталось неизменным. В связи с этим особо нужно подчеркнуть, что близкие оценки одних и тех же предприятий в утренней и вечерних сводках являются обычно очень краткими (три-четыре слова), например, такими: «Все работают. Настроение спокойное». Когда же мы обнаруживаем в сводках более полные сведения, то становится ясным, что информация вечерних сводок — это информация новая, отличающаяся от предыдущих сообщений. В утренней сводке Василеостровской ревтройки 4 марта 1921 г.⁹⁸ [Док. 23] о Балтийском заводе сообщалось следующее: «Утром явилась 1/3 рабочих, но к работе не приступали. В настоящее время разошлись по домам. Требования те же, что и вчера. Группа застрельщиков призывает поддержать забастовку». В вечерней же сводке⁹⁹ [Док. 24] о положении на заводе говорилось предельно кратко: «Не работает». Иная обстановка в этот день наблюдалась на Финляндской верфи. Утром информаторы зафиксировали: «Работа протекает нормально. Настроение спокойно».¹⁰⁰ А вот сведения о той же верфи, помещенные уже в вечерней сводке: «Работали. Атмосфера сгущенная, наблюдается брожение среди рабочих под влиянием крикунов. К коммунистам относятся недоверчиво».¹⁰¹

⁹⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 34–34 об.

⁹⁹ Вечерняя политсводка ревтройки Василеостровского района 4 марта 1921 г. (Там же. Л. 33).

¹⁰⁰ Там же. Л. 34–34 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 33.

Вместе с тем необходимо отметить, что, за несколькими исключениями, утренние сводки все же менее подробны, чем вечерние. В последних идет речь уже об итогах дня и о том, чем определялся этот итог, а в первом — лишь о некоем исходном положении.¹⁰² Соответственно этому, в утренних сводках нередко говорилось лишь о том, сколько людей вышло на работу, каков их настрой и какие требования они выдвигали, а в вечерних сводках рассказывалось не только об этих сюжетах, но и уточнялись подробности событий прошедшего дня.

Круг сведений, который интересовал составителей районных сводок, не всегда может быть точно определен. Низовые информаторы, от которых зависел составитель, постоянно останавливались на каких-то мелких деталях и незначительных происшествиях. В сводках, наряду с важными сведениями о действиях оппозиции и настроениях масс, можно встретить и такие сообщения: «Состоялся концерт», «предлагается танцулька».¹⁰³ Возникает ощущение, что информаторы фиксировали любые случаи ставших известных им публичных действий, безо всякого отбора и независимо от того, необходима ли эта информация для оценки обстановки или нет. Уже одно то, что составитель районных сводок помещал в них, следуя за низовыми информаторами, все те же малозначащие подробности, определенно говорит о том, что его правка низовых сообщений являлась не очень тщательной.

Прежде уже отмечалось, что составителей сводок в разных районах интересовал и разный круг вопросов. Были, конечно, и такие сюжеты, которые обязательно освещались всеми районными сводками. Сравним содержание сводок, составленных ревтрояками Васильевского острова и Петроградской стороны. Ввиду краткости василеостровских сводок интересующие их составителя вопросы можно определить с большей точностью. Так, в оперативной сводке Василеостровской ревтрояки 28 февраля 1921 г.¹⁰⁴ при освещении положения на пред-

---

¹⁰² Сравним в связи с этим сообщения утренней и вечерней политсводок Василеостровской ревтрояки 5 марта 1921 г. О Трубочном заводе в утренней сводке говорилось так: «Все работают. Настроение спокойное» (Там же. Л. 35), но в вечерне: «Работало 915 человек. В настроении рабочих, кроме отдельных личностей, происходил большой перелом, чувствуется, что они пристыжены той ролью, которую они играли во всей этой волынке. Были делегаты от беспартийных на заседании Петросовета, остались довольны этим заседанием» (Там же. Л. 36).

¹⁰³ См. сводку ревтрояки Петроградского района 1 марта 1921 г. (ЦГИ-АПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 26—26 об.).

¹⁰⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 23—23 об.

приятнях, обращалось внимание прежде всего на следующие вопросы: а) работает ли завод; б) каково настроение масс; в) были ли конфликты; г) какие передаются слухи. Тот же круг интересов обнаруживают и составители следующих сводок 1, 2 и 4 марта 1921 г.¹⁰⁵ Различие сводок — лишь в степени подробности, с которой описывается положение на различных фабриках и заводах. Отчасти, это, возможно, было связано и с размерами предприятий и их значением как стачечных центров — так, подробнее прочего описывается ситуация на Балтийском и Трубочном заводах. Естественно, каждое сообщение сопровождалось деталями, но это было вполне логичным, поскольку они имели непосредственное отношение к тем целям, которые ставил перед собой составитель: фиксировались число работающих, содержание слухов, степень интереса рабочих к оппозиционной агитации и т. д. С каждым днем марта 1921 г. сводки Василеостровской ревтройки становились все более краткими: обычно тогда сообщались сведения о 5–6 предприятиях. Не очень понятно, почему не передается информация о других фабриках и заводах, не менее крупных и столь же известных стачечными традициями. Можно только предположить, что такой отбор не вызван сложностью положения на этих 5–6 предприятиях: почти на всех из них зафиксировано «спокойствие». Возможно, составитель компилировал мало чем примечательные сообщения лишь о тех предприятиях, которые он считал потенциальными очагами забастовок, либо просто довольствовался только сведениями, которые по инерции передавались ему некоторыми информаторами. Характерно, что эти тенденции не изменились и тогда, когда начался Кронштадтский мятеж, что вызвало интенсивный сбор информации различными структурами. Об отношении рабочих к восстанию в василеостровских сводках говорится крайне редко, но инерционно воспроизводится все та же прежняя схема отбора сведений: о том, кто работает и о том, каковы настроения масс.

Сводки Петроградской ревтройки куда более подробны. Основные сюжеты, которые интересуют их составителя, следующие: а) работает ли предприятие и сколько человек на нем работают; б) какие передаются слухи; в) каково отношение масс к коллективам РКП(б), завкомам и какова оценка деятельности последних; г) общее настроение рабочих и, в частности, настрое-

---

¹⁰⁵ Там же. Л. 26, 27, 34–34 об.

ние молодежи, отношение их к забастовкам. В сводках также часто отмечается наличие охраны на предприятиях и приводится ряд дополнительных сведений: о возможности прекращения забастовок на предприятиях, об общих собраниях, о тех действиях, которые могут, с точки зрения информаторов, осложнить положение в районе. Такая схема сбора сведений весьма близка к анкетному вопроснику, о котором говорилось выше и, возможно, составитель записывал именно то, что хотел узнать. Но как раз петроградские районные сводки и содержат обилие тех деталей, выявление которых не предусматривалось никакими анкетными образцами. Сообщенные, несомненно, низовыми информаторами, они, благодаря небрежности составителей, переключались впоследствии не только в районные, но и в городские сводки, составляемые штабом внутренней обороны Петрограда. Именно в последнем виде сводок мы в основном имеем дело даже не с минимальной обработкой, но лишь с компиляцией поступавших из районов информации — без изменения не только стиля и содержания текста, но даже и самой его буквы.

Сводки Штаба внутренней обороны (ШВО) Петрограда обычно составлялись с начала марта 1921 г. два раза в день: к 11 часам и к 22 часам. Даже тогда, когда мы не можем сравнить составленные в один день сводки ШВО и ревтроек разных районов, мы уже ощущаем зависимость «главной» сводки от районных сообщений. Так, в тех частях политсводки ШВО 7 марта 1921 г.,¹⁰⁶ где говорилось о положении в Петроградском районе, обязательно приводились сведения о наличии охраны на предприятиях и отношении рабочих к фабрично-заводским комитетам, которые часто отсутствовали в сводках ревтроек других районов. Редакция районных сообщений в сводке ШВО — минимальная. Два сообщения о Трубочном заводе, переданные утренней сводкой Василеостровской ревтроек 17 марта 1921 г.¹⁰⁷ («Работают. Требовали освобождения арестованных. подадут список») и вечерней сводкой Василеостровской ревтроек за тот же день¹⁰⁸ [Док. 28] («Требуем освобождения арестованных. Работали все мастерские») получили такое отражение в сводке ШВО, составленной к вечеру 17 марта 1921 г.¹⁰⁹ [Док. 29]: «Требуем освобождения арестованных, но работу не бросают». Если составитель ва-

¹⁰⁶ Там же. Л. 155—155 об.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 79.

¹⁰⁸ Там же. Л. 77.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 162.

силеостровской сводки приводит только ряд разрозненных, почти не связанных между собой фактов, то составитель сводки ШВО посредством малозаметной перекомпоновки пытается исподволь приписать трубочникам некую лояльность: несмотря на аресты, они все же работают. Но прямо об этом составитель сводки ШВО не говорит, и не очень ясно, действительно ли он хотел оттенить лояльность или такой эффект, возникший вследствие незначительного изменения синтаксической конструкции, не был им предугадан. Заметим лишь, что в других случаях и такой поверхностной правки нет и составитель сводки ШВО, не обращая внимания на стиль районного сообщения, почти целиком помещает его в подготовленных им документах. В этом мы можем убедиться, сравнив вечерние сводки Василеостровской ревтройки¹¹⁰ и штаба внутренней обороны Петрограда¹¹¹ [Док. 28] за 17 марта. В василеостровской сводке встречаем следующую запись о положении на ряде предприятий района: «Балтийский завод. Утром, в связи с обстрелом Кронштадта, воынили механическая и судостроительные мастерские, но потом приступили к работе. Остальные мастерские работали. Кабельный завод. Часов в 11 снялся с работы. Все разошлись по домам». Составитель же сводки ШВО [Док. 29] так «обработал» это донесение: «Василеостровский район. В связи с обстрелом Кронштадта воынили механическая и судостроит[ельные] мастерские, но потом приступили к работе. Кабельный завод. В 11 ч. снялся с работы и все разошлись по домам». В сводке ШВО, как видим, составитель убрал лишь одну незначительную деталь и чуть изменил синтаксис (правда, возможно в спешке не указав на Балтийский завод). Но при этом он без изменений перенес из районной сводки в сводку ШВО не только отдельные слова, но и целые предложения.¹¹²

¹¹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 77.

¹¹¹ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 162.

¹¹² Сравним, например, сообщения сводки ревтройки 1-го Городского района 18 марта 1921 г.: «В виду праздничного дня приступили к работе лишь электрические станции и типографии. Настроены рабочие вполне сочувственно к нашим победам в Кронштадте. Весть об освобождении т. Кузьмина была встречена на 14-ой Государственной типографии криками радости. Тотчас же была отправлена к нему делегация в Кронштадт» (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 43) и сводки штаба внутренней обороны Петрограда 18 марта 1921 г.: «1-й Гор[одской] район. Ввиду праздничного дня приступили к работе лишь электрическая станция и типография. Настроение сочувственное нашим победам. На 14 гос[ударственной] типографии признаки радости. Тотчас же была отправлена делегация в Кронштадт» (Там же. Л. 1630). как видим, изложение в сводке ШВО немного сокращено (ввиду чего текст местами становится неясным), но не переработано.

Наиболее яркий образец «заимствования», не осложненного дальнейшей переработкой текста, представляет вечерняя сводка ШВО 19 марта 1921 г.¹¹³ [Док. 30] Вот что сообщалось здесь о 1-м Городском районе: «Настроение рабочих с получением известий о взятии Кронштадта сильно поднялось. Газеты разбираются нарасхват и читаются с неподдельной радостью. На 3[-й] электрической станции и строительном заводе все рады счастливому концу и с гордостью говорят о героизме красных курсантов...¹¹⁴ Обыватели и быв[шие] хозяйственники и сочувствующие им общего настроения изменить не могут». Источником для сводки, несомненно, послужило донесение, составленное ревтройкой 1-го Городского района¹¹⁵ [Док. 31]: «Настроение рабочих в связи с известием о взятии Кронштадта сильно поднялось, газеты разбираются нарасхват и читаются с неподдельной радостью, как напр[имер], на 3-ей электрической станции, Строительном заводе. Все рады счастливому концу и с гордостью говорят о героизме красных курсантов... Противники советской власти, обыватели и бывшие хозяйственники стараются вселить сомнения и недоверчивость в рабочие массы, называют это уткой, пущенной коммунистами. Но эта агитация очень редко встречает сочувствие и общее настроение изменить не может».

Даже бегло сравнив эти два сообщения, можно утверждать, что составитель «главной» сводки не столько обработал присланный ему из района текст, сколько небрежно переписал его. Эта небрежность в ряде случаев приводит к неточности изложения, в чем нетрудно убедиться, сравнив помещенные в сводках донесения о 3-й электростанции и строительном заводе. Составитель сводки ШВО не обращает внимания на то, сколь заметно выделяется риторика сообщений о 1-м Городском районе от содержащихся здесь же сведений о положении в других районах — монотонных, сдержанных, без художественных деталей: «2-й Городской район. В районе все спокойно, без перемен... Московско-Заставский район: День в районе прошел спокойно. Все фабрики работают... В остальных районах спокойно, без перемен».¹¹⁶ Более того, он еще и усиливает эту риторику, убирая

¹¹³ Там же. Л. 161.

¹¹⁴ Красные курсанты штурмовали Кронштадт.

¹¹⁵ Политсводка ревтройки 1-го Городского района 19 марта 1921 г. (ЦГА-ИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 54 об.).

¹¹⁶ Там же. Л. 161.

из сообщений о 1-м Городском районе осторожно-скептические оценки отношения масс к Кронштадту.

Сводки имеют разную концентрацию сведений о политических настроениях масс. В очень кратких василеостровских сводках, например, основное внимание уделяется тому, работали ли предприятия, в чем суть конфликтов, имеется ли агитация. Но о настроениях людей почти ничего не говорится и приходится по вторичным проявлениям — действиям масс — реконструировать первичное: их политическую психологию. Там, где информатору предстоит дать оценки настроений масс, он обычно использует только одно слово: «спокойное»¹¹⁷, «колеблющееся»¹¹⁸, «удовлетворительное»¹¹⁹. Есть еще менее четкое определение настроения: «среднее».¹²⁰ Иногда мы узнаем, что «настроение улучшается»¹²¹ и, только приняв во внимание логику и стереотипы мышления информатора, можно догадаться, что здесь имеется в виду. Сводки других ревтроек более подробны, но их полнота во многом определяется массой случайно попавших в текст малозначительных деталей, которые составитель райсводок в ряде случаев пересказывает со слов низовых информаторов с чрезмерной педантичностью. Но о настроениях людей мы находим не больше сведений, чем в василеостровских райсводках. Составитель Петроградской райсводки, например, либо дает краткую, заключающую иногда в одном слове оценку настроения (так, он пользуется определением «хорошее», «бодрое»¹²²), либо ограничивается чем-то неопределенным, никак не расшифровывая свои сообщения: «О ... событиях идут разговоры»¹²³, «идут толки о положении», «толкуют о прошедших событиях»¹²⁴.

¹¹⁷ Сводка ревтройки Василеостровского района 2 марта 1921 г. (Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 27).

¹¹⁸ Политсводка ревтройки Василеостровского района 4 марта 1921 г. (Там же. Л. 33).

¹¹⁹ Политсводка ревтройки Василеостровского района 7 марта 1921 г. (Там же. Л. 41).

¹²⁰ Политсводка ревтройки Василеостровского района 1 марта 1921 г. (Там же. Л. 26).

¹²¹ Политсводка ревтройки Василеостровского района 5 марта 1921 г. (Там же. Л. 29).

¹²² См. сводку информационного отдела при Петроградской ревтройке 9 марта 1921 г. (Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 2—2 об.).

¹²³ Бюллетень информационного отдела при ревтройке Петроградского района 5 марта 1921 г. (Там же. Л. 17—17 об.).

¹²⁴ Бюллетень ревтройки Петроградского района 28 февраля 1921 г. (Там же. Л. 29—29 об.).

Сводки во многих случаях отмечают отношение рабочих к советской власти (как правило, оно положительное), но почти никогда эти оценки не получают подробной мотивации. А последняя необходима и для проверки обоснованности выводов информатора и для выявления механики быстрых перепадов массовых политических настроений. Там, где мы все же обнаруживаем мотивировки, становятся очевидными элементарность поводов для политических оценок и примитивность причин их изменения. Типичные примеры - сводки Штаба внутренней обороны Петрограда 7 марта 1921 г.¹²⁵ («есть рабочие, недовольные советской властью, тем, что мало получают хлеба») и 14 марта 1921 г.¹²⁶ («В связи с выдачей сапог и платья, а также перевыборов фабкома отмечается полное сочувствие Советской власти»). Эта реакция рабочих скорее не политическая, а бытовая. Успокоению масс информаторы немедленно приписывали политическую направленность — и не случайно, поскольку рассматривали их поведение в контексте политической междоусобицы; к тому же в условиях государственной монополии в промышленности и экономический выпад мог представляться как антигосударственный. Косвенные оценки власти (обычные из них: нет слухов, никто не ведет агитацию) столь же неотчетливы и также лишь отчасти могут быть сочтены политическими. В той информации сводок, «приземленность» которой уже приходилось прежде отмечать, какие-то общие оценки советской власти выглядели не очень органично и представлялись даже нарочито риторическими. Составители предпочитают более осторожно говорить лишь о преобладающем настроении масс, во многих случаях не уточняя, идет ли речь о политике или дело ограничивается исключительно бытовыми проблемами. Иногда для выявления степени политической оппозиционности масс приходится обращать внимание на мотивацию того сценария действий, который предлагает информатор, считает его наиболее оптимальным. «Негодный элемент есть, но его необходимо оставить иначе возбуждает всю массу и повлечет последствия» — сообщалось в сводке информационного отдела при Петроградской ревтройке 9 марта 1921 г.¹²⁷ Для

---

¹²⁵ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 155—155 об.

¹²⁶ Там же. Л. 168—168 об.

¹²⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1226. Л. 2—2 об.

нас здесь ожидание волнений рабочих, подверженных влиянию оппозиционеров, не менее ценны для анализа политико-психологической ситуации, чем информация о наличии самой оппозиции на предприятии.

Предоставление сведений об отношении рабочих к Коммунистической партии, возможно, особо инициировалось районными ревтрояками. Это можно видеть и в анкетах, рассылаемых по предприятиям и в повторяемости в сводках одних и тех же сюжетов (наличие охраны, отношение к коммунистам, общее настроение, выход на работу), в чем нетрудно усмотреть целенаправленный отбор информации. В любом случае информатора прежде всего интересуют взаимоотношения рабочих и местного коллектива РКП(б): не исключено, что эти сведения были важны для поиска инструментов стабилизации обстановки на предприятии. Оценки компартии в целом и уж тем более коммунистических теорий крайне редки и почти всегда неконкретны. Иногда в сводках прямо говорится о том, пользуются ли коммунисты авторитетом или нет, но без уточняющих мотивировок.¹²⁸ Последние, как правило, отсутствуют и тогда, когда отмечается общее «отношение к коммунистам» — эта формулировка наиболее часто используется в сводках. Конечно, расплывчатость такого определения не позволяет в ряде случаев уточнить, имеет ли в виду рабочий политику партии в целом или только оценивает поведение местных коммунистов, и вообще, дифференцирует ли он их, или по поступкам одного судит о действиях всех. Но в большинстве сводок все же отмечена оценка именно партячек и нередко их деятельность являлась для многих рабочих основным мерилom оценки партии.

Осведомление о том, как рабочие относятся к коммунистам, по вполне понятным причинам было для информаторов делом трудным. «Рабочие собираются группами и ведут разговоры, но при приближении кого-нибудь из членов РКП смолкают и расходятся» — сообщалось в сводке информационного отдела при ревтрояке Петроградского района 8 марта 1921 г.¹²⁹ — своеобразной двойной иллюстрацией: и того, как рабочие оценивали коммунистов, и того, насколько сложен был сбор сведений. Нельзя исключить, что такая же ситуация не возникала и на других пред-

---

¹²⁸ См., например, Бюллетень ревтрояки Петроградского района 28 февраля 1921 г. (Там же. Л. 29—29 об.).

¹²⁹ Там же. Л. 7—7 об.

приятнях: есть и прямые свидетельства. Обращает также на себя внимание аморфность и неотчетливость сообщений по данному вопросу, что косвенно указывает на их приблизительность. Эта неотчетливость в каких-то случаях являлась источником двойственности донесений информаторов. «Вражды к Коммунистической партии нет» — отмечалось в политсводке Штаба внутренней обороны Петрограда 9 марта 1921 г.¹³⁰ о положении на фабрике «Скорород», однако этому предшествовала другая фраза, обнаруживающая специфику мотивационных интерпретаций информатора: «Масса пассивна и склонна примириться». Соседство этих двух сообщений возможно выявляет не только их стилистическую, но и причинно-следственную связь. Во всяком случае их зависимость несомненна, а следующая фраза: «Положение выжидательное» дает дополнительные штрихи к донесениям о лояльности рабочих. О «безразличном» отношении рабочих к коммунистам сообщается в той же сводке, когда речь заходит о положении на 1-м хлебозаводе — но зная уже о случаях «конспирации» на предприятиях, это донесение представляется в несколько ином свете и не может быть воспринято однозначно.

Иногда подоплеку негативного отношения рабочих к коммунистам определить сложно, поскольку их публичные мотивировки либо имеют формальный характер, либо их трудно принять без разъясняющих оговорок. В политсводке штаба внутренней обороны Петрограда 7 марта 1921 г.¹³¹ содержатся сведения о том, что во время выборов делегата на профессиональную конференцию швейников на 2-й фабрике производства одежды «коммуниста не пожелали провести даже в кандидаты». Поводом было то, что созывалась конференция беспартийных. Но и информатор рядом намеков сомневался в подлинности мотивации, и историку трудно согласиться с ней, зная, как часто обходили тогда формальности на всевозможных выборах — от Советов до фабзавкомов, — как безапелляционно выдвигался список коммунистов и как единогласно он утверждался. Отклонение кандидатуры коммуниста в этих условиях свидетельствовал не о стремлении строго соблюдать регламент, а, несомненно, о политическом или социальном конфликте на предприятии, причем конфликте довольно ожесточенном, иначе бы он не принял антикоммунистическое «обличье».

¹³⁰ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 152—152 об.

¹³¹ Там же. Л. 155—155 об.

«Недовольство тем, что коммунисты церемонятся с Кронштадтом» было зафиксировано 14 марта 1921 г.¹³² на Александровском заводе. Если принять сообщение без оговорок, то кажется, что никакой оппозиционности это порицание коммунистам не содержит: оно выглядит как вполне ортодоксальная критика «слева». Но нельзя, во-первых, не отметить, что Александровский завод небесспорно и тогда и даже позднее (когда здесь вспыхивали стачки и рабочие протестовали против суда над эсерами) считался оплотом социалистов и потому едва ли пресловутое «недовольство» могло охватить всех работающих здесь. Во-вторых, недовольство Кронштадтом не всегда означало политическую реакцию: были недовольны осадным положением и связанными с этим стеснениями, опасались возможных мобилизаций, обстрелов, обысков, арестов, продовольственных и топливных затруднений. В-третьих, неприязнь к матросам, как это ни парадоксально, отчасти являлась и знаком оппозиционности. Во многом она была вызвана «революционными» эксцессами кронштадтцев, их участием в подавлении рабочих выступлений в прошлые годы. Пьянство, разгул, заносчивость и высокомерие «клешников», ощущавших себя хозяевами города и весьма безбедно живших на фоне всеобщей нищеты и голода, были еще одним источником раздражения горожан. В их откликах заметно, что объектом нападок стала сама личность матроса, а не его политические взгляды.

Петроградцы не были одинаковы в своих оценках Кронштадтского восстания. Основная их часть отнеслась к этим событиям безразлично, «пассивно», как сообщают многие информаторы. Здесь, конечно, нельзя исключить и мимирию («прокронштадтские» разговоры преследовались), но в целом политическая индифферентность горожан не была новостью ни во время революции, ни в эпоху «военного коммунизма», ни в годы НЭПа. В тех же случаях, когда информатор говорил об отрицательном отношении рабочих к мятежу, политические аспекты таких оценок можно уловить не всегда. Не касаясь тех случаев, когда оценки вообще не мотивированы (а это бывает довольно часто), отметим наиболее часто сообщаемые информаторами причины неприязни рабочих к восставшим. Одно из главных их обвинений было вызвано фаль-

---

¹³² Политсводка Штаба внутренней обороны Петрограда 14 марта 1921 г.: Там же. Л. 168—168 об.

сификацией сведений о Кронштадте в официозной прессе: утверждалось, что цель мятежа — восстановление монархии, а руководит им бывший царский генерал. Отсюда и негативные отклики в низах: «Говорят, что в Кронштадте встали не рабочие, а капиталисты»¹³³, «многие говорят, что как не было генерала, еще было ничего, но как только появляются на сцене генералы, то рабочие не могут быть за них».¹³⁴ Примечательнее всего в этих зафиксированных сводках высказываниях оговорки о руководителях восстания: возникает ощущение, что если бы они были другими, не был бы столь очевидным и антикронштадтский настрой масс. Отчасти поводом для осуждения восставших были опасения новой войны, тревога за будущее свое и своих близких — ни о какой политике в этом случае не говорили. Была, наконец, и уже отмеченная неприязнь голодных людей к людям сытым, усиленная теми уравнительными настроениями, которые являлись привычными для многих горожан: «были одеты обуты лучше других, а теперь натворили»¹³⁵, «чего им не достает».¹³⁶

Сведения о симпатиях рабочих к кронштадтцам крайне ненадежны и это не случайно, учитывая те репрессии, которые влекла за собой публичная поддержка Кронштадта. Можно выявить несколько типов прокронштадтских настроений, как они зафиксированы в сводках: «сдержанность», «выжидание», «скептицизм». Собственно, подлинной симпатией к кронштадтцам это назвать трудно. Здесь к тому же очень сложно определить, имеем ли мы дело с реакцией масс только на кронштадтские события, или Кронштадт был лишь поводом для того, чтобы ярче обозначились общие элементы политической психологии рабочих: их отношение к коммунистам, их оценка устойчивости власти, их восприятие политических и экономических коллизий в России. Когда информаторы рассказывали о «кронштадтских» настроениях, они почти никогда не обосновывали свои выводы. Но уже по характерной невнятице сведений о «кронштадтских» разговорах в низах, по их аморфности и краткости (сообщения

¹³³ Политсводка Штаба внутренней обороны Петрограда 9 марта 1921 г.: Там же. Л. 152—152 об.

¹³⁴ Политсводка Штаба внутренней обороны Петрограда 7 марта 1921 г.: Там же. Л. 155—155 об.

¹³⁵ Политсводка ревтройки 1-го Городского района 11 марта 1921 г.: Там же. Л. 55.

¹³⁶ Политсводка ревтройки 1-го Городского района 9 марта 1921 г.: Там же. Л. 57.

сопровождаются примерами крайне редко), можно предположить, что именно три отмеченные выше типа антикронштадских настроений в эти дни являлись для составителей сводок главными ориентирами того, как оценивать взгляды горожан на Кронштадтское восстание.

Стиль районных сводок характеризуется краткостью (можно даже говорить о своеобразном «телеграфном» стиле») и унификацией записей, фиксирующих, казалось бы, различные события. В сводке Василеостровской ревтройки 28 февраля 1921 г.¹³⁷ многообразие ситуаций, как правило, «подгоняется» под повторяющийся набор однотипных клише: «приступили к работе», «все работают», «завод работает», «настроение спокойное», «настроение хорошее». Низовые сводки менее односложны — но там, где они следуют анкетной схеме, унификация донесений обнаруживается весьма отчетливо. Риторики в сводках почти нет (отмеченное выше донесение ревтройки 1-го Городского района 18 марта 1921 г. едва ли не единственное исключение), есть только отдельные риторические термины, почти не искажающие содержание сводок. В ряде сообщений можно обнаружить канцелярские формулы, встречаются и примеры неправильного словоупотребления.¹³⁸ Последнее нередко приводит к неясности текста: «ждут улучшения со стороны Кронштадта»,¹³⁹ «авторитет коллектива начинает сказываться пассивно».¹⁴⁰ В этом случае расшифровка содержания возможна, если соотнести сведения, сообщаемые информаторами, с другими сводками и посредством анализа контекста однотипных клише четко обозначить варианты их применения.

Как уже отмечалось, сводки зачастую фрагментарно освещали события, происходившие на предприятиях. Редуцирующие редакции текста осуществлялись обычно на районном уровне, но и в тех донесениях, которые составлялись низовыми инстанциями, также допускался целенаправленный отбор сведений. Особенно это заметно в «анкетных» сообщениях. Так, отвечая на «анкетные» пункты, информатор зачастую об-

¹³⁷ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 23–23 об.

¹³⁸ См. политсводку Штаба внутренней обороны Петрограда 7–8 марта 1921 г.: «констатируется инициатива организаторов волынок» (Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 159–159 об.).

¹³⁹ Политсводка ревтройки 1-го Городского района 9 марта 1921 г.: Там же. Л. 57.

¹⁴⁰ Сводка Штаба внутренней обороны Петрограда 7–8 марта 1921 г.: Там же. Л. 159–159 об.

ходится лишь краткой формулой, иногда похожей на «отписку» и далеко не исчерпывающей существо дела. Составитель сводки завода Осипова 1 марта 1921 г.,¹⁴¹ отвечая на вопрос: «Как ведут себя члены Союза молодежи», ограничился лишь репликой: «Члены Союза молодежи напевают частушки о бочке и Советской власти» — но едва ли можно допустить, чтобы это было единственным, чем занимались молодые рабочие. Своеобразной оборотной стороной фрагментарности стало помещение в тексты множества мелких деталей, иногда просто случайно обративших на себя внимание информаторов и не связанных с основным содержанием сводок. В ряде случаев это было неизбежно. Детали — необходимый элемент объяснения поступков рабочих, а поскольку код развития каждого выступления на предприятиях был особым, и в каждом из них специфично проявлялись те или иные обстоятельства, то и возникала масса не поддающихся какой-либо унификации или систематизации подробностей.

Говоря о достоверности сводок, надо отметить, что проверке прежде всего поддаются районные и, разумеется, компилирующие их главные городские сводки — посредством сверения их с низовыми сообщениями. Открытого и грубого искажения их содержания составитель райсводок обычно не допускает, но при его редакторской обработке из текста могут ускользнуть важные подробности. В сводке коллектива РКП(б) Финляндской верфи 7 марта 1921 г.¹⁴² так говорилось о положении на предприятии: «Настроение рабочих — спокойное. Волнующие вопросы рабочих — вопрос снабжения. Какие возгласы бывают: недовольство волокитой в учреждениях, с которыми имеют дело». Представитель же районной ревтройки, помещая это сообщение в своей сводке,¹⁴³ дает ему такое оформление: «Настроение на заводе почти спокойное, волнующие вопросы о продовольствии». В целом это изложение точно, но все же подмена здесь ощутима. Снизив категоричность оценки настроения (не «спокойное», а «почти спокойное») — действительно, она в своем первоначальном виде не очень то соответствовала переданным низовым информатором деталям — составитель вместе с тем счел возможным затем убрать эти пресловутые «детали» и

¹⁴¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 65.

¹⁴² Там же. Л. 172 об.

¹⁴³ Политсводка ревтройки Василеостровского района 7 марта 1921 г.: Там же. Л. 41.

получилось, будто все выступления рабочих определяются исключительно продовольственным вопросом.

Фиксация событий в сводках не обязательно могла быть продиктована их значимостью. Иногда здесь проявлялось только усердие низового информатора. Чем дотошнее он регистрировал события, тем сумбурнее оказывалось его изложение. Он и в донесениях, составленных по анкетной схеме, не всегда отделял главные события от второстепенных. Там же, где он не испытывал на себе дисциплинирующего влияния директивных инструкций, в его писательской манере все ярче проявлялись приемы летописца — в большей степени рассказчика, чем интерпретатора. Побуждаемый к описанию происшествий, но не находя их, он, однако, не прекращает своего изложения, но инерционно продолжает его, безо всякого разбора и определенных побуждений сообщая здесь уже любые подробности: кажется, что для него важен сам рассказ как таковой, а не его цель.

*ПРОТОКОЛЫ РАЙОННЫХ СОБРАНИЙ ОРГАНИЗАТОРОВ
КОЛЛЕКТИВОВ РКП(Б) ПЕТРОГРАДА В 1921 г.*

Протоколы собраний организаторов (секретарей) коллективов (низовых ячеек) РКП(б) — весьма своеобразный источник. Ему присуще обычное канцелярское оформление: он близок по форме и содержанию к таким видам документов, как протоколы партийных комитетов разных уровней — губернского, городского, районного. Протоколы собраний организаторов, обнаруженные в архивах, относятся уже к 1919 г.; возможно, они составлялись и в 1918 г. Они мало изменились за несколько лет — с 1919 по 1921 гг. Протоколы имеют, прежде всего, одинаковую структуру. Протокольная запись делится обычно на две части: «слушали» и «постановили». Почти обязательной в первой части стала фиксация выступлений по следующему пункту повестки дня: «Доклады с мест». Традиционно именно ему отводилось основное место в протоколе, хотя на самом собрании организаторы решали и другие вопросы. Как правило, предваряло доклады с мест выступление организатора (секретаря) районного комитета партии. В нем также иногда можно было обнаружить ряд сведений о настроениях рабочих, но в основном они были неконкретны и предельно лаконичны.

Практика докладов с мест существовала уже в 1919 г. В протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Смольнинского района 31 октября 1919 г. можно, например, найти краткие записи выступлений с мест, причем круг вопросов, интересовавших ораторов, был традиционен: говорили о состоянии коллективов РКП(б), и чаще всего — об отношении к ним со стороны рабочих.¹⁴⁴ Это можно заметить и анализируя протоколы собраний организаторов коллективов РКП(б) Петроградского райо-

---

¹⁴⁴ См. обычную запись таких выступлений: «Пробочная фаб[ри]ка. — В коллективе 1 человек. Отношение враждебное. Русско-балт[ийский] моторный зав[од] — отношение сочувственное. Рождественский трампарк — отношение среднее» // Протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Смольнинского района 31 октября 1919 г. (ЦГАИПД. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 5. Л. 16 об.).

на, состоявшихся спустя несколько месяцев, в феврале-марте 1920 г. — при том различии, что здесь фиксировалось лишь «общее» настроение рабочих, вне связи с их прямыми оценками партии.¹⁴⁵ Несомненно, «общее» настроение должно было содержать и «партийный» компонент — это отчетливо видно из других политико-психологических документов, где запись сообщений информаторов не отличалась такой краткостью. Определенные модификации содержания можно выявить и в протоколах собраний организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района. Здесь информаторы не ограничиваются краткой оценкой настроений, но сообщают и другие подробности чрезвычайных событий на предприятиях.¹⁴⁶

Запись докладов с мест в протоколах 1921 г. (и особенно февраля-марта) более подробна, чем в протоколах предыдущих лет. Они не следуют какому-либо унифицированному вопросу. Ответы организаторов менее однообразны, нередко содержат рядом с важной информацией и незначительные сведения, а характер сообщений определяется спецификой каждого из предприятий. Эти доклады, разумеется, имели общую цель: сообщить о том, что происходит на фабриках и заводах, но каждый из выступавших по-разному рассказывал о событиях. Уже протокол экстренного собрания организаторов коллективов РКП(б) Петербургского (Петроградского)¹⁴⁷ района 25 февраля 1921 г. [Док. 32]. отчетливо обнаруживает ту разноголосицу, которая стала характерной особенностью и других документов такого рода, составленных в условиях социально-политического кризиса 1921 г.: «Трампарк. Было собрание. Есть недовольствие на почве продовольствия. Выступил эсер, требовал устройства общегородского собрания. Последнее собрание прошло спокойное. Возбуждает массу эсер и группа, поддерживающая его.

¹⁴⁵ См. например, протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Петроградского района 12 февраля 1920 г.: «Электрическая подстанция: служащих всего 300 человек, коммунистов 10 человек. Настроение удовлетворительное, отношение к работе сознательное... Завод «Гамаюн»... настроение хорошее... Трамвайный парк... настроение удовлетворительное». (Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1171. Л. 7 об.) и 5 марта 1920 г.: «Фабрика Керстен — настроение рабочих среднее... Артсклад... настроение в среднем» (Там же. Л. 12 об.).

¹⁴⁶ См. протокол собрания организаторов коллективов РКП(б) Василеостровского района 9 июля 1919 г.: «Трубочный завод... по поводу всеобща некоего волнения (Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 284. Л. 58).

¹⁴⁷ В связи с отказом признать переименование Санкт-Петербурга в Петроград вплоть до начала 1920-х гг. партийные организации города и одноименного района назывались «петербургскими».

Коллектив [РКП] подтянулся и работу свою усилил... Завод Лангензиппен. Все спокойно. Отражается на массе несвоевременное получение продзнаков. Есть и нежелательный элемент среди красноармейцев... Фабрика «Лебедь». Настроение спокойное. Листовок нет. Коллектив [РКП] силен».¹⁴⁸

В целом, однако, можно отчетливо выделить в протоколах собраний круг сюжетов, которые интересовали информаторов. Фиксировал ли эти сюжеты, убирая «ненужные» из них, стенографист собраний, или это делал еще сам докладчик с мест — сказать трудно. Отмечают прежде всего информаторы то, что было «событийно». Они сообщали о том, есть ли недовольство среди рабочих, действуют ли предприятия, сколько эсеров и меньшевиков там работает, проводятся ли собрания и каков их итог, имеются ли оппозиционные группы, прочны ли позиции коллективов РКП(б) и фабзавкомов и, наконец, о чем-то необычном, например, о получении каких-то писем. Подчеркивалось, как правило, все то, что было за рамками производственной рутины, даже если это какие-нибудь мельчайшие происшествия, не имевшие никакого отношения к политике: «На заводе работают американцы, которым кто-то обещал в союзе увеличить паек».¹⁴⁹ Можно предположить, что докладчиков просто попросили рассказать о ситуации на предприятии, и каждый из них это сделал, исходя из собственных представлений о том, что важно и что не важно. Отсюда и так хорошо заметный сумбур выступлений на собраниях. Но отметим здесь и другое. Столь частые отчеты докладчиков с общими оценками настроений, с обязательными рассказами о состоянии партячеек и охраны на фабриках и заводах — все это свидетельствует о том, что освещение ряда вопросов все же инициировалось районными структурами. Так, в протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Петербургского района 9 марта 1921 г. во многих сообщениях с мест можно обнаружить сведения о доставке на предприятия газет¹⁵⁰ — они отсутствуют и в предыдущих, и в последующих протоколах собраний. Нетрудно предположить, что перед началом заседания присутствовавших обязали высказаться по этому вопросу. Така, заканчивая собрание организаторов коллективов РКП(б)

¹⁴⁸ ЦГИАПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 49—50.

¹⁴⁹ Протокол экстренного собрания организаторов коллективов Петербургского райкома РКП(б) 25 февраля 1921 г.: Там же.

¹⁵⁰ Там же. Л. 53.

Петербургского района 25 февраля 1921 г., председательствующий призывал «обратить серьезное внимание на охрану заводов и фабрик,... принимать меры к ликвидации ложных слухов... всех меньшевиков и эсеров взять на учет и следить за таковыми».¹⁵¹ И в дальнейшем, на собрании 9 марта 1921 г. [Док. 33] докладчики с мест особо подчеркивали состояние охраны, получение рабочими газет и т.п.

Полноту фиксации стенографистом сообщений докладчиков на собраниях организаторов коллективов РКП(б) выявить очень трудно. Попробуем сравнить сведения, предоставленные на собрании организаторов коллективов РКП(б) Выборгского района 9 марта 1921 г. [Док. 34] и помещенную в сводке Штаба внутренней обороны Петрограда 9 марта 1921 г. информацию о заводах «Нобель» и «Парвийнен». В протоколе собрания читаем: «Зав[од] Парвийнен: Были собрания, видна связь с “Арсеналом” и “Лесснером”, настроение склонно к вольтерке... Зав[од] Нобель: Происходили собрания и было настроение не работать, но после доклада тов. Евдокимова постановили приступить к работе».¹⁵² В сводке ШВО о событиях на обоих заводах сказано так: «Завод Нобеля: Собрание постановило большинством двух третей приступить завтра к работе. Завод Парвийнен: После 2-х час. было собрание по докладу делегации о текущем моменте с призывом поддержки Кронштадта. Собрание раскололось надвое».¹⁵³

Как видим, в сводке Штаба внутренней обороны Петрограда 9 марта 1921 г. нетрудно обнаружить такие подробности событий, какие отсутствуют в протоколе собрания организаторов, состоявшемся в этот же день. Можно поэтому предположить, что стенографист не отразил в протоколе все детали речей выступавших. Конечно, составитель сводки штаба внутренней обороны мог пользоваться и данными, полученными от других информаторов, но это маловероятно ввиду следующих обстоятельств. Во-первых, секретарь (организатор) райкома РКП(б), который обычно председательствовал на заседаниях организаторов низовых ячеек, как правило, являлся членом (и очень часто руководителем) районной революционной тройки (реветройки), откуда и поступали в ШВО сведения о происшествиях

---

¹⁵¹ Там же. Л. 50.

¹⁵² Там же. Л. 53.

¹⁵³ Там же. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 152 об.

в районах. Можно предположить, что стенограмма заседания организаторов и была прототипом той сводки, которая дважды в день направлялась районным руководством в штаб. Иными словами, если ШВО и мог получить какие-либо сведения, то только из рук организатора райкома, а тот, в свою очередь, от докладчиков «с мест». Во-вторых, текст сводки, повествующей о событиях в Выборгском районе, структурно и стилистически близок именно к тексту протокола собрания организаторов района; в нем заметны та же лаконичность и интерес к одним и тем же сюжетам. В-третьих, обратим внимание на особенности протоколирования речи. Такая краткость, обрубленность фразы едва ли возможна в устной речи; вряд ли в устной речи можно допустить и столь быстрые переходы от одной темы к другой, без каких-либо связующих их оговорок. Можно, поэтому, допустить, что здесь отсутствует стенографически точная фиксация речи — но необходимо выявить методику передачи и, что особенно трудно, степень сокращения речей, предпринимаемого протоколистом.

Обратим внимание на те случаи, когда протоколист передает фразы выступавших, отличавшиеся особой «живописностью», весьма кратко, стереотипно, применяя характерные канцелярские обороты. «Перевязочная мастерская — целиком интеллигентные барышни, боящиеся заморозить ручки» — читаем мы в протоколе собрания организаторов Петербургского района 25 февраля 1921 г. о положении на заводе военно-врачебных заготовлений.¹⁵⁴ Возможно, это «образный» штамп — с присущим ему почти фамильярным полупрезрением («барышни», «боящиеся заморозить ручки») — свидетельство перевода протоколистом переданной ему информации в общеупотребительный фразеологизм. Но другим сообщениям, помещенным в протоколе — отрывистым, кратким, скудным по содержанию — такая «образность» не была свойственна.¹⁵⁵ Подобные фразеологизмы применяются только для описания событий на единственном заводе. Привычки излагать доклад фразеологизмами у составителя, как видно, нет. Поэтому нужно предположить, что фраза о «барышнях» не имеет следов существенной редакционной обработки и представляет

¹⁵⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 49–50.

¹⁵⁵ См. запись докладов с мест в этом же протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Петербургского района 25 февраля 1921 г.: «Завод “Лебедь”. Настроение спокойное. Листовок нет. Коллектив силен»; «Хлебозавод... Завод работает. Все сыты» (Там же).

почти дословный пересказ одного из «докладов с мест» — она здесь может оцениваться как реликт прямой речи.

В протоколе обращает на себя внимание и то, что оценка настроения рабочих, хотя и обязательно присутствует в записи «доклада», не имеет четко обозначенного места в составе этой записи. Такая оценка может подытоживать описание событий на предприятии или как-то иначе быть связана с ними, но может и предварять описание конкретных деталей происшествий и даже не иметь к ним никакого отношения. В некоторых записях докладов коллективов РКП(б) Петроградского района, помещенных в протоколах собраний организаторов, 25 февраля и 16 марта 1921 г. [Док. 35] вообще ничего не говорится о настроениях, а внимание сосредоточено на отдельных сторонах положения на предприятии. Такая разностильность компоновки изложений докладов заставляет предполагать, что приводя данные о настроениях рабочих, протоколист в ряде случаев не сам обобщает доставляемые ему сведения в виде краткой общей оценки, но пользуется оценками и следует канве последовательного рассказа именно докладчика.

Этим, конечно, не преуменьшается значимость работы составителя протокола по унификации излагаемых им докладов — во многих текстах ее следы весьма отчетливы. Обращает на себя внимание последовательность многих «докладов с мест» — сначала приводится краткая оценка настроения рабочих, затем — подробности событий на предприятиях. Можно предположить, что такой порядок был определен председательствующим во вступительном слове; но трудно представить, что выступавшие, не сговариваясь, не сбиваясь, только так и не иначе строго следовали жестко намеченной кем-то канве доклада. В протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Выборгского района 9 марта 1921 г. такая унификация выявляется особенно рельефно — говоря о положении на местах, составитель протокола использует обычно два-три слова, причем часто повторяющиеся: «Металлический завод: работал все время, настроение удовлетворительно... Старый Лесснер: удовлетворительно... Завод Айваз: настроение рабочих удовлетворительное, работал зав[од] все время... Зав[од] Оптический: работает все время, настроение удовлетворительное... Выб[оргская] ниточная: работают все время, удовлетворительно».¹⁵⁶ В протоколе собрания организаторов

---

¹⁵⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 341. Л. 53.

коллективов РКП(б) Петроградского района 9 марта 1921 г. обращает на себя внимание частое использование слов «неважное настроение» и «получаются газеты».¹⁵⁷

Только с особыми оговорками нужно признать, что эти словесные формулы могли одинаково кратко использоваться различными людьми, присутствовавшими на заседании — если иметь в виду, что столь часто такие формулы встречались именно в этом, а не в других протоколах собраний организаторов ячеек Петроградского района, и таким образом, могли принадлежать тому человеку, который редактировал протокол.

Немаловажное значение для определения достоверности передаваемых протоколом сведений имеет и определение степени информированности авторов «докладов с мест». Нередки случаи, когда о каких-либо событиях докладчик говорил весьма неопределенно, а порой и с чужих слов.¹⁵⁸ Как правило, неотчетливо фиксировались действия, имевшие оппозиционную окраску и вообще все то, что рабочие предпочитали маскировать, причем информаторы иногда узнавали о таких действиях лишь спустя несколько дней. В ряде случаев докладчик специально оговаривался, подчеркивая скудость своих сведений: «какое-то письмо», «кажется, одобрялась»,¹⁵⁹ но обычно он уверенно рассказывал о тех или иных событиях, почти никогда не сообщая, был ли он их очевидцем или узнал о них от других людей. Выяснить это, даже проведя детальный анализ текста, очень трудно, в первую очередь ввиду сугубой краткости записей.

В тексте сообщений о положении на местах исследователь без труда может обнаружить ряд противоречий, и это также должно быть учтено при определении достоверности докладов. Так, в сообщении о состоянии дел на Тюлевой фабрике 25 февраля 1921 г. можно обнаружить следующие оценки: «Волнуются из-за несвоевременного получения жалованья. В общем, все спокойно».¹⁶⁰ В докладе о положении на Монетном дворе за этот же день встречаем и такие выводы: «Рабочие недовольны, потому что много спецов. Недовольства нет. Настроение спокойное».¹⁶¹ Степень противоречивости текстов докладов можно выявить, во-первых, зная практику применения докладчиком оценочных

¹⁵⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 53.

¹⁵⁸ Там же. Л. 49—50.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

клише, во-вторых — учитывая их контекст. Докладчик (или излагающий его речь протоколист) мог пользоваться одинаковыми клише для обозначения разных оттенков значимости того или иного явления. «Недовольство» — это термин, который мог применяться при оценке и незначительных происшествий, и массовых волнений. Другой термин докладчик не употребляет, но необходимость все же как-то отделить мелочное от важного он понимает — отсюда и повторение термина для утверждения разных оценок. Противоречие здесь имеет формальный характер и может возникать вследствие скудости лексических средств информатора. Протоколист ввиду крайней краткости изложения способен даже утрировать это однообразие лексики — трудно все же представить, что противоречащие друг другу утверждения содержались в соседствующих предложениях.

Наличие противоречий в текстах речи может в какой-то мере реконструировать и технику ее записи. Повторение в тексте оценок, имеющих то негативную, то позитивную направленность, наводит на мысль о том, что протоколистом осуществлялся не столько синтез всего сказанного докладчиком, сколько последовательная запись нескольких общих оценок, данных им, — последовательная именно потому, что оценки логично уточняют друг друга. Это позволяет предположить, что протоколист мог дотошнее, чем обычно, следовать за речью докладчика, а не только суммировать ее выводы. Другой вопрос — насколько была четкой информация докладчиков, ввиду присущей им порой лексической невнятице. Ряд явлений информатор оценивал скороговоркой, и только зная особенности языка той эпохи, можно правильно уловить содержание его вердикта. В протоколе собрания организаторов коллективов РКП(б) Петроградского района 9 марта 1921 г., в сообщении о положении на фабрике военного снаряжения мы встречаем фразу: «настроение в связи с происходящими событиями улучшилось»,¹⁶² которую можно трактовать двояко, поскольку это было сказано на следующий день после провала первого наступления на Кронштадт. Но, во-первых, отметим, что сведения рабочих о том, что происходило в Кронштадте, были весьма скудными, перемешивались со слухами. В официозных газетах — а в них мы не обнаружим и намека на провал штурма 8 марта. Во-вторых, термин «улучшение настроения» исследователь, знакомый с обычным словоупотреблением составителей

---

¹⁶² Там же. Л. 53.

сводок тех дней, мог оценить только как свидетельство упрочения просоветских настроений масс. Если бы дело обстояло иначе, информатор мог отметить и «ухудшение настроения» — это был тоже часто используемый термин в сводках. В-третьих, фраза об изменении настроений рабочих в первых числах марта как раз в связи с началом Кронштадтского восстания не была редкой в тогдашних политических сводках — а их, как уже отмечалось, традиционно редактировал и подписывал организатор райкома РКП(б), руководивший и собраниями организаторов местных коллективов РКП(б). В сводках передавались наблюдения информаторов, фиксировавших «отрезвление» бастующих рабочих в связи с сообщениями о том, что восстанием якобы руководят «царские генералы».

Такого же чтения «между строк» требует и изложение в этом протоколе доклада о положении на фабрике «Гот». Не очень ясная оценка: «Ждут конца кронштадтских событий», предвращается и тем самым дешифруется фразой: «Настроение хорошее». С другой стороны, имеет значение и трактовка докладчиком причин неприязни рабочих к мятежным матросам — в том случае, когда четкие и ясные оценки ими мятежа отсутствуют. На фабрике «Светоч», как передавал информатор 9 марта, «о кронштадтских событиях говорят: “носились с клешниками, вот и доносились”».¹⁶³ Отчетливо видно, таким образом, негативное отношение как к матросам, так и к тем, кто использовал матросов в «революционных» эксцессах 1918–1920-х гг., превознося их деяния в агитках. Употребление презрительного прозвища «клешники» отчасти приоткрывает мотивы неприязни к матросам — она, возможно, имела и бытовой характер.

Говоря о четкости и ясности оценок докладчиков, нужно обратить особое внимание на их определения. О том, что считалось «спокойным», «хорошим» и «удовлетворительным» настроением и, главное, отражали ли эти дефиниции оттенки настроений или просто использовались как взаимозаменяющие слова — сказать трудно. С уверенностью можно только предположить, что они означали отсутствие заметной оппозиции на предприятиях и наличие хотя бы внешней лояльности рабочих. Без особых усилий можно выявить и значение фраз «настроение неважное» или «настроение повысилось» — не очень грамотные, они, однако, содержат присущие просторечию клише,

---

¹⁶³ Там же.

значение которых мало изменилось и до настоящего времени и которые поэтому могут быть адекватно распознаны. Труднее выявить значение других определений настроений: «среднее» и «пассивное». Можно, конечно, предположить их общую направленность, но в тех случаях, когда они не сопровождаются рассказом о каких-либо подробностях событий, оценка настроений рабочих будет все же весьма приблизительной. Употребляя столь экзотические дефиниции, информатор, конечно, не маскирует здесь бездоказательность своих выводов, но только выражает их присущим ему языком. Изучение его речевой практики и есть та лаборатория, которая позволит исследователю в одном слове разглядеть целый мир ушедшей эпохи.

ДОКУМЕНТЫ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Одним из самых ярких документов являются заявления о вступлении или выходе из партии. По сравнению с другими историко-психологическими документами заявления о приеме в РКП(б) мало привлекали внимание историков. Краткость, стереотипность содержания и клишированность таких текстов побуждали использовать их в лучшем случае как иллюстративный материал. Наиболее типичным это являлось для советской историографии. Вместе с тем анализ и этого источника дает некоторое представление о «революционном сознании» масс — разумеется, при этом необходим учет менее «формализованных» документов.

Первое, что сразу замечаешь, когда знакомишься с заявлениями о приеме в РКП(б) — это то, что внешне они близки к обычным прошениям, обращениям с просьбой о помощи. Стандартную фразу в конце заявления: «к чему и подписуюсь» можно обнаружить в целом ряде таких заявлений,¹⁶⁴ равно как и обращение «Покорнейше прошу», обычно помещаемое в начале заявления.¹⁶⁵ Канцелярское оформление этих идеологических документов (оно, правда, было присуще далеко не всем из них) может свидетельствовать об устойчивости прежних практик обращения к власти, несмотря на изменение их содержания. Не исключено, однако, что для некоторых из написавших заявления это было такой же меркантильной операцией, как и составление прошения о бытовых нуждах, и внешние приметы данных прошений для них здесь могли выглядеть вполне уместно. Каким бы ни было содержание этой просьбы, она оставалась именно просьбой, а не требованием и это вполне естественно могло подвигнуть на то, чтобы использовать штампы, привычные для просителя, причем не очень начитанного в идеологической ли-

---

¹⁶⁴ Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее — ГАНИНО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 48, 48 об., 52.

¹⁶⁵ Там же. Л. 27, 27 об., 50.

тературе. Штампы, содержавшие реликты «челобитных» формул, здесь стали привычными, что заставляет поставить вопрос о подлинности и степени осознания политического выбора.

Очень типично для многих заявлений использование широко распространенных клише. Можно предположить, что перед заявителями, живущими весьма близко, в рамках одного уезда, был некий общий прототекст, который они лишь слегка «модернизировали» в зависимости от уровня своей грамотности. В заявлении о приеме в РКП(б), написанном жителем г. Крестцы В. Горьковым 23 сентября 1918 г., находим такую фразу (сохраняем орфографию и синтаксис подлинника): «все время сочувствовал Болшовикамъ и признаю программу их правильной въ зачиту рабочихъ и беднейшихъ крестьянь».¹⁶⁶ Спустя два дня житель дер. Шеребути Крестецкого уезда С. Ершов повторяет в своем заявлении почти тот же текст: «Я все время сочувствовал к Болшовикам и нахожу что программа коммунистов толко зачищает рабочихъ и беднейшихъ крестьянь».¹⁶⁷ Сомнительно, чтобы разные люди так одинаково исказили слово «большевик». Возможно, они получали наставления от одного и того же вербовщика, агитировавшего за вступление в партию в разных местах уезда (такая практика была обычной) и к тому же самого не очень грамотного. Часть заявления они явно писали под диктовку человека, несколько импровизировавшего, хотя по одной, весьма простой канве. Имей перед собой письменный текст, они бы прямо и дословно переписали бы его, что тогда не было в диковинку. Тщательная же выписанность слова «Болшовик» (в обоих заявлениях с заглавной буквы) может свидетельствовать о том, что здесь внимание агитатора к составлению текста становилось более придирчивым, хотя последний и сам был не способен дать правильную транскрипцию этого термина. Характерно, что подпись — «Василий Горохов» — была выполнена другим почерком, нежели написанное им заявление. Возможно, за него писал это заявление кто-то другой, не исключено, что и вербовщик. Но кто бы ни подготовил этот текст — вербовщик или организатор партийной — считать его отражающим взгляды вступающего в РКП(б) можно лишь с крайней осторожностью. Был даже случай, когда заявление от желающего стать коммунистом было просто пере-

---

¹⁶⁶ Там же. Л. 48, 48 об.

¹⁶⁷ Там же. Д. 22. Л. 35.

писано без каких-либо изменений другим из них. Возможно, это было обусловлено тем, что подписавшие заявления В. Е. Пахомов и П. Е. Пахомов, вероятно, являлись родственниками.¹⁶⁸

Близость содержания заявлений Я. Иванова и С. Александрова, видимо, объясняется тем, что оба они служили в одном учреждении — Крестецкой уездной ЧК — и писали их в один день: 16 ноября 1918 г. Приведем их тексты почти полностью. Заявление Я. Иванова: «Покорнейше прошу товарищей коммунистов большевиков принять меня в партию как сочувствующего и всецело преданного коммунизму. Обещаю быть вежливым и все возлагаемые на меня работы обещаю исполнять энергично и аккуратно».¹⁶⁹ Заявление С. Александрова: «Покорнейше прошу товарищей коммунистов большевиков записать меня в партию коммунистов как сочувствующего стоящего на платформе Советской власти и всецело преданного коммунизму. Обещаю быть преданным и все возлагаемые на меня работы исполнять энергично и ак[к]уратно».¹⁷⁰

Заявления, несомненно, писались по общему образцу или под диктовку одного человека. Кто из заявителей импровизировал, отходя от заранее подготовленного текста, выяснить трудно. Обещание «быть вежливым» кажется более импровизированным (и более искренним, если принять во внимание нравы в ЧК), нежели обещание «быть преданным». Но нельзя не заметить ассоциативную связь последнего из них с предшествовавшим ему предложением, где заявитель характеризует себя как «преданного коммунизму». Типичность клише «на платформе Советской власти», использованного в заявлении С. Александрова, заставляет предположить, что Я. Иванов мог просто слегка сократить предложенную ему и его сослуживцу формулу. Говорить о том, можно ли, принимая во внимание малосущественные и не очень заметные различия в этих текстах, выявить различия в настроениях обоих чекистов, представляется излишним. Даже не задавая вопроса о том, могли ли быть у работавших в столь особом заведении разные политические предпочтения, подчеркнем, что изученные нами заявления скорее маскируют, чем приоткрывают перед нами механику унификации общественного сознания в первые послереволюционные годы. Оба из подписавших заяв-

¹⁶⁸ Там же. Д. 2. Л. 59.

¹⁶⁹ Там же. Л. 72.

¹⁷⁰ Там же. Л. 70.

ление о приеме в РКП(б) скрыты за броней умело или не очень умело сцепленных между собой штампов, за которыми трудно ощутить их индивидуальность.

Заметим в связи с этим, что во многих заявлениях о приеме в РКП(б) мы встречаем одинаковые клише — о том, что партия выступает защитницей низших классов («в зачиту рабочих и беднейших крестьянъ», «только защищает рабочих и беднейших крестьянъ»),¹⁷¹ о том, что вступающий в партию сочувствовал большевикам («все время сочувствовали Большевикамъ», «Я все время сочувствовал к Большевикамъ», «сочувствовал партии коммунистов, большевиков»¹⁷²). Примечательно, что в коллективном заявлении о вступлении в партию (правда, редком в те годы) насыщенность текста различными расхожими клише еще более возрастает. Это объяснимо, поскольку здесь мы обычно имеем дело не с редакцией, унифицирующей различные взгляды в рамках одного заявления, а о «механическом» присоединении к заранее подготовленному тексту.

Наиболее типичным по цепочке скрепляющих его идеологических штампов является текст коллективного заявления служащих отдела внутреннего управления Крестецкого уездного совета (ноябрь 1918 г.): «Ввиду тяжелого кризиса, переживаемого в настоящий момент нашей дорогой Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, и как сочувствующие советской власти и питающие огромную симпатию к фракции коммунистов-большевиков не желаем далее оставаться простыми зрителями и сознавая, что теперь более чем когда либо нужна твердая поддержка существующей власти! Убедительно просим тов[арищей] коммунистов принять нас в свою семью, дабы прочнее сомкнуть ряды борцов за пролетариат и беднейшее крестьянство и общими усилиями добиться светлого будущего».¹⁷³ Уберите отсюда клише («сочувствующие Советской власти», «твердая поддержка», «прочнее сомкнуть ряды», «общими усилиями добиться светлого будущего») и от текста мало что останется. Специфика этого заявления — в чуть большей дозе, чем это допускалось в безыскусно-трафаретных кратких «низовых» текстах, пафосной риторики и канцеляриз-

---

¹⁷¹ Там же. Л. 35, 48, 48 об. Сохранена орфография подлинника.

¹⁷² Там же. Л. 48, 48 об., 50; Д. 22. Л. 35. Сохранена орфография подлинника.

¹⁷³ Там же. Д. 2. Л. 69. Сохранены синтаксис и пунктуация подлинника.

мов. Это было привычным для той среды, которая являлась не только бюрократической, но и более грамотной. Коллективное заявление (постановление, резолюция, обращение, воззвание), разумеется, может так же отражать позицию людей, как и составленный ими «индивидуальный» текст. Но в лучшем случае нам будет дано оценить только их общий настрой, без каких-либо оттенков — и обязательно надо сделать оговорку о том, что коллективное творчество зачастую было следствием манипуляций или репрессивного воздействия на массы. В кратких текстах «рядовых граждан», не очень грамотно переписанных (или, что бывало более редко, содержавших не очень отчетливые импровизации) по неумелости вкрапления клише в чуждую им обиходно-бытовую речь можно все же попытаться определять степень самостоятельности почерка заявителя. В текстах «грамотных» это сделать сложно: непосредственное, «живое» в человеке наглухо закрыто порой виртуозно составленной мозаикой различных систем идеологического письма.

Некоторые заявления представляют собой развернутое изложение биографии их составителя. Проанализируем содержание одного из них, написанного в ноябре 1918 г. П. М. Зениным. Оно явно составлено самостоятельно, но при этом видно, что контрапункты рассказа определены идеологической догматикой. Свою биографию Зенин, очевидно, «подстраивает» под осевые конструкции некоего идеального типа «обращенного в большевизм». «Не желая оставаться пассивным при воссоздании трудовой социалистической коммуны, защищающей интересы рабочих и беднейшего крестьянства <...>, я как истинный сын труда и вышедший из среды беднейших, горю желанием жертвовать всем до жизни включительно за благо и счастье трудового народа» — так начинается заявление.¹⁷⁴ Характерен штамп «рабочих и беднейшего крестьянства» — во многих заявлениях эти два класса перечислены только в такой последовательности и только такое прилагательное употребляли, когда писали о крестьянстве. Фраза «истинный сын труда», хотя и уместна по своей «литературности» и пафосности в устах провинциального педагога, не позволяет все же в должной степени оценить его идейность. Цели заявителя сплошь оформлены цепочкой риторических штампов («горю желанием жертвовать», «благо... трудового народа», «трудовая коммуна»). Конечно,

¹⁷⁴ Там же. Д. 22. Л. 45—46 об.

вступление в партию прежде всего подразумевается как духовный переворот, рассказу о котором и приличествует большая возвышенность, тщательный отбор слов и считается не всегда удобным делать акцент на прозаичных вещах. Но чрезмерная театрализация выставленных для публичного обозрения своих ценностей и целей, как правило позитивных, почти неизбежно исключает доверительность в обращении к кому-либо. Чем более текст насыщен такими штампами, имитирующими восхождение к высотам духа, тем в большей степени содержательно он является «пустым».

Переходя от декламации своих мировоззренческих позиций к повествованию о своем жизненном пути, Зенин, казалось, должен был несколько «приземлить» текст, сделать его менее риторичным. Этого, однако, не происходит, поскольку перечисление всех биографических фактов служит одной цели — доказать подлинность, неминуемость и последовательность своего движения к большевизму, а это снова требует использования особого клишированного языка. Этот язык, к тому же, может служить завесой при описании тех эпизодов, в которых автор мог выглядеть не столь революционно и однозначно. Так, Зенин сообщает, что он принимал «деятельное участие в строительстве новой жизни»,¹⁷⁵ но не уточняет, о чем идет речь. Говорится в заявлении и о том, что в начале революции он находился «на передовых позициях в полку» — двусмысленная фраза, учитывающая контекст события. Еще большей двусмысленностью, осложненной примесью риторики, отличается его утверждение о том, что он «в числе немногих сознательных товарищей всеми силами стремился к созданию в полку прочной красной ячейки».¹⁷⁶ Автор заявления нарочито избегает какой-либо конкретности. Не названы ни фронт, ни полк, где он служил, не ясно, о какой «красной ячейке» идет речь — чтобы поймать его на слове, необходима сугубая изошренность. «Анкетные» заявления о вступлении в РКП(б) не были тогда в диковинку, но им обычно было свойственно громоздкое и дотошное перечисление должностей, на которых удалось побывать кандидату в коммунисты. Здесь же перед нами своеобразная квази-анкета, несомненно определенная знанием ряда стратегий при поступлении в партию. Сценарий заявления имеет следующий вид:

---

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

сначала излагается политическое кредо его составителя, а затем показано, что оно не возникло ввиду конъюнктурных расчетов, а обусловлено его политическим и социальным опытом. Все ненужное, мешающее достижению цели заявителя, отбрасывается. Все вехи его биографии, способные вызвать сомнение в искренности его революционности, получают мотивировки, которые свидетельствуют о понимании заявителем правил тогдашнего политического политеза: когда приходится объяснять свой уход из армии, то подчеркивается, что первый раз он был уволен из ее рядов вследствие своей профессии педагога, а второй раз — из-за необходимости лечения и ввиду расформирования полка.

Еще один вариант заявления — биографии — текст, написанный в октябре 1918 г. членом Крестецкого уездного исполнительного комитета Д. С. Никуличевым. Процитируем его полностью: «Приветствую Советскую рабоче-кр[естьянскую] армию и горячо сочувствую партии коммунистов большевиков. Я 5 марта сего года поступил в рабоче-крестьянскую Красную Армию и приносил всю свою силу и энергию на пользу общего блага, затем я, как представитель от отряда Красной Армии, принят членом исполкома и по настоящее время продолжаю работать на пользу и развитие, и укрепление дорогой рабоче-крестьянской Советской власти, и я, как сознательный работник, не могу ограничиться сочув[в]ствием к партии, а потому прошу исполнит[ельный] комитет партии записат[ь] меня, Никуличева, членом партии коммунистов большевиков и выдат[ь] членский билет».¹⁷⁷ Его тоже можно счесть осмотрительно составленным документом, и не вина его автора в том, что он, желая подчеркнуть, что находился в рядах Красной Армии с самого начала ее существования, не заметил, что оказался в ней спустя несколько дней после заключения Брест-Литовского договора и прекращения войны.

Текст еще менее конкретен, чем заявление П. М. Зенина. Это даже не изложение биографии, а вкрапление тех или иных биографических данных в сугубо риторический текст для того, чтобы подтвердить содержащиеся здесь положения. Составные части заявления имеют такую последовательность: 1) здравицы в честь армии и выражение сочувствия партии; 2) перечисление тех вех биографии, которые характеризуют составителя заявления как преданного сторонника большевизма; 3) мотивация

---

¹⁷⁷ Там же. Л. 38—38 об.

решения о вступлении в партию. Текст можно счесть неким промежуточным звеном между кратким, сплошь насыщенным идеологическими клише текстом и собственно биографией, содержащей конкретные детали жизненного пути кандидата. Не очень, правда, ясно, что перед нами — эволюция жанра заявления или отражение разных подходов к его составлению, характеризующих степень выполнения местными партийными структурами инструкций вышестоящих инстанций. Подчеркнем, что в ряде случаев оговорки в заявлениях, призванные удостоверить лояльность их составителя (например, указание на то, в каких партиях он состоял или сочувствует ли он идеям коммунистов), отсутствовали, но где-то они являлись его обязательной принадлежностью. Но независимо от того, было ли продиктовано (вследствие выполнения канцелярских требований) содержание текста заявителю или он счел необходимым привести подробности своей биографии, чтобы придать заявлению большую доказательность, самый факт изъяснения верноподданнических чувств характеризует как и уровень конформизма кандидата, так и его согласие следовать определенным правилам политических и бюрократических игр.

В некоторых заявлениях приводятся и другие формулировки, не столь прямые, призванные подчеркнуть факт лояльности кандидатов, но не исключено, что они скорее являлись следствием инициативы вербовщиков, контролировавших подготовку документов. Так, два кандидата, подавших заявление о приеме в РКП(б) в октябре 1918 г., Д. Евстюшкин и Д. Лукин, объясняли свое отсутствие в ее рядах почти в одних и тех же выражениях: «Ранее был беспартийным, ввиду того, что проживал в провинции и с программами знаком не был»,¹⁷⁸ «ранее я не просился в названную партию по той причине, что ранее не был знаком с программой и действи[ем] ее».¹⁷⁹ Не очень ясна подоплека того, почему в некоторых заявлениях отмечены одни критерии лояльности, а в других из них эти критерии меняются. Но мы должны отметить в целом прочность и неизменность сценариев составления заявлений и его доминант. Указание на свою преданность, будь то перечисление этапов биографии или оправдание, там присутствует обязательно. Мы можем, конечно, оценить обоснованность таких оправданий (и усомниться в

---

¹⁷⁸ Там же. Д. 2. Л. 51.

¹⁷⁹ Там же. Л. 52.

искренности рассказа кандидата о том, что он ознакомился «с программой и действием ее» только спустя год после Октябрьского восстания), но стоит признать, что внешне они отличаются логичностью, а большего от вступающих в партию, как это видно из документов, и не требовалось. В этом заявлении мы можем явственнее обнаружить «второй» слой, что в какой-то мере помогает снять с него риторические наслоения и лучше оценить искренность политической исповеди. Так, в заявлении В. Е. Петрова после ставших традиционными уверений («раньше я нивкакой партіи не состоял а все время сочувствовал партіи коммунистов Большевиков») содержится следующее признание: «Настоящее время я служу в Чрезвычайной Комиссии необходимо быт в партіи».¹⁸⁰ Первые его оговорки продиктованы сложившимся ритуалом вступления в партию и о его подлинной позиции скажут нам немного. Но последняя из оговорок делает более прозрачными, и, скажем прямо, более прозаичными мотивы его желания стать коммунистом.

Все проанализированные нами заявления о приеме в РКП(б) написаны осенью 1918 г. и круг их авторов ограничивается только жителями Крестецкого уезда Новгородской губернии. В силу этого делать далеко идущие выводы крайне трудно, но и примененный здесь микроисторический подход имеет ряд преимуществ. Он четче показывает нам некоторые доминирующие тенденции, характерные для одной местной структуры, которые труднее проследить в том случае, когда приходится оценивать партийно-канцелярское творчество в рамках губернии или даже целого региона. Первое, что необходимо отметить — сугубо формальный подход к составлению заявлений о приеме в коммунистическую партию. Историка, читающему эти документы даже между строк, едва ли удастся узнать из них о настроениях кандидатов и мотивах их решения. Как следует из документов, специфичность такого акта, как вступление в партию, осознается не в полную меру. Заявления составляются как типичные прошения, с соответствующими лексическими формулами («покорнейше прошу», «к нему и подписуюсь»), а не как нечто, что отражает духовный переворот. В очень многих ситуациях авторы заявлений просто переписывают имевшийся у них образец (и в рамках уезда это увидеть гораздо легче, чем в рамках губернии). Незначительные различия в их текстах

¹⁸⁰ Там же. Л. 55. Сохранена орфография подлинника.

обусловлены скорее уровнем их грамотности, но не способны показать различия их индивидуальностей. Даже там, где самостоятельно пытаются составить заявления, последние скреплены жестким каркасом клише, как правило, однообразных.

Разумеется, использование штампов не обязательно приводит к тому, что мы лишаемся возможности узнать что-либо о «революционном сознании» неофитов большевизма. Но это означает, что различные устремления, предпочтения, ценностные ориентации, которые, конечно, могут быть и очень индивидуальными у разных людей, «унифицированы» нормативным политическим языком, который не позволит выявить оттенки настроений, какие-либо отклонения, неофициозные мнения — все скрыто за шелухой «политической трескотни». Сами заявления, если оценивать структуру и стратегии многих из них, далеки от бесхитростной, искренней исповеди. В тех случаях, когда перед нами развернутое заявление с элементами автобиографии, мы обнаруживаем искусный подбор тех описаний жизненного пути, в которых замалчиваются его «невыйгрышные» эпизоды и выставляется на первый план то, что должно представить заявителя как человека, готового стать коммунистом.

И все же даже такой источник, как заявления о вступлении в РКП(б) дает возможность выявить некоторые особенности облика «революционеров» первых послеоктябрьских лет. Это человек, который часто без оговорок принимает правила предписанных ему бюрократических игр, не пытаясь сопротивляться им. Он зачастую не имеет собственного «индивидуального» языка для выражения своих политических настроений и охотно пользуется языком клишированным. Это человек, который азы политической грамоты приобретал скорее понаслышке, на митингах, а не посредством чтения книг. Для него вступление в партию может быть продиктовано и корыстным расчетом, а не только «идейными» соображениями. Он, наконец, готов нарочито подчеркнуть свою лояльность и порой делает это хотя и неуклюже, но самостоятельно, вырываясь за частокол чуждых его культуре идеологических штампов.

Рассмотрим теперь заявления о мотивах выхода из партии — таковыми могут быть и заявления с просьбой исключить из рядов РКП(б), и последующие, где более подробно объяснены причины такого поступка. Комплекс таких специфических документов в советское время вообще не мог быть предметом

рассмотрения. Слишком много «краеугольных камней» пришлось бы при этом сдвигать, а это никак не способствовало устойчивости историографических конструкций, основанных на идеологической догме.

Источником для этого исследования стал корпус подобных заявлений, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). В целом таких документов сохранилось немного; едва ли они способны воссоздать во всей полноте противоречивую картину трансформации массовых настроений в Новгородской губернии во времена «военного коммунизма». Но и тексты, которые все-таки дошли до нас, позволяют выявить ряд тенденций, обусловивших конформизацию советского общества и формирование новых поведенческих установок.

При исследовании этих документов мы сразу встречаемся с парадоксом. Казалось бы, они должны содержать «первичные» свидетельства о политической культуре, не искаженные, как в партийных сводках, передачей мнений через вторые и третьи руки. Легко убедиться, однако, что подслушанный, нередко записанный невнятно и фрагментарно информатором «антисоветский» разговор, в известной степени более адекватно отражает подлинные настроения людей, нежели их прямая речь, облеченная в письменную форму.

Заявления эти отличаются по языку, но обычно невелики по объему — как и все то, что написано самостоятельно, но требует усилий, непривычных для людей, не занимающихся интеллектуальной работой. Если сравнивать их с заявлениями о вступлении в ряды РКП(б) того же времени и людей того же социального слоя, то сразу заметно, что у заявлений о вступлении гораздо более клишированный, нормативный и унифицированный язык. Писались они, очевидно, под диктовку вербовщика, партийного работника, и включали, как правило, одни и те же политизированные штампы.

Заявление о выходе из партии — особый жанр письма. Здесь нет образцов — каждый составляет его в соответствии с уровнем своего кругозора, грамотности и, скажем прямо, смекалки. Связных, литературно оформленных текстов с логичным переходом от одной части к другой, с устойчивыми и уместно употребленными словосочетаниями почти нет. Заявления во многих случаях словно стенографируют обрыви-

стую и нескладную повседневную речь крестьян. Самый яркий пример здесь — заявление М. Емельянова, написанное в ноябре 1919 года. Приведем его полностью, сохраняя синтаксис и орфографию подлинника: «Прошу я Гражданинъ Костковской волости деревни болш. Порог Михаилъ Емельянов уволить миня из Партіи или же на время Такъ что я живу въ чужом дому и у миня нонича налажано на избу лесу и его мне нужно Приделить Къ делу вывиз и срубить избу ато у миня вся Семя Погибнить и дети будут безчасной безъ своей избы и ещо зоявляю Я вамъ что я был выписоша волостномъ Комунистическомъ отъдели и билет членской был здадина и оны мне сказали что ты Теперь несуществуеш въ Партии и я был выписовша 19 октября с/г а Потом Продержа две нидели и Прислали мне обратно низнаю Пококому Случаю и Говорят что мы ниможемъ выписать и зачем они у миня бумаги взяли и столька время держали у себя и затеить Прошу я вас уволить миня неоставить моей Прозбы въ такомъ маемъ несчастном Положеніи Я Гражданинъ Михаил Емельянов». ¹⁸¹

Здесь даже нет чересполосицы политизированной и обыденной речи, характерной для других подобных документов — например, для заявления Сергеева, написанного в апреле 1921 года: «Сменя потребоволи что почему выходишь ис партии Я заявляю что я Незнаю программы Коммунизма. Не могу проводить огетации среди безпартийных поетому меня выключить испартие». ¹⁸² В заявлении М. Емельянова — сплошь житейские жалобы, высказанные уместным в данном случае просительным, почти униженным тоном. Ощутимы заметные перебивы доминант в этом тексте. Кажется, его последовательность определена внезапно возникающими ассоциативными связями, при этом автору все же трудно сохранить хотя бы минимальную связность в изложении своей просьбы.

Однако эти особенности текстов М. Емельянова и Сергеева в целом все же редки для такого рода документов. Обычно заявление содержит лишь краткую мотивацию принятого решения. Подчеркнем, что одно из заявлений имеет подпись «За безграмотного А. Петрова» ¹⁸³ — примечательная иллюстрация тезиса о роли партии как авангарда общества. Только в том

¹⁸¹ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 92. Л. 13 об.

¹⁸² Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 29, 29 об.

¹⁸³ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

случае, когда грамотность автора заявления выше средней и у него возникает необходимость подробно рассказать о причинах своего поступка, чтобы отвести от себя подозрения, текст становится более пространным.

Форма заявлений нередко очень близка к форме прошений или жалоб, с характерными для них формулами: «Прошу», «К сему подписуюсь». Возможно, такова была традиция оформления различного рода официальных документов, накрепко усвоенная крестьянами еще с дореволюционных времен. Тот же язык, кстати, характерен и для заявлений о вступлении в ряды РКП(б) в 1918—1920-е годы. Но все же такой стиль письменных обращений следует признать символическим, учитывая их содержание. Это действительно *прошения* — в них извиняются, порой униженно, а не выдвигают какие-либо требования. В заявлениях неизбежно проступает чувство вины за совершенный поступок. Это заметно и по сдержанности разъяснений, и по уверениям в лояльности автора, и по эмоциональности обращений, иногда доходящей до интонации мольбы. Это сложившееся уже к 1919 году представление о ВКП (б) как об организации, выход из которой затруднен и нуждается в особо веских основаниях, весьма симптоматично.

В заявлениях чувствуется страх и, возможно, небеспочвенный. Здесь скорее даже сказалось не опасение утраты жизненных перспектив и выпадения из социальной элиты, характерное для общественных практик 1950—1980-х годов. В то время, когда правовое сознание было «революционным», а импровизации местных властей не всегда обрывались окриком верхов, наказания за «рenegатство» могли быть не только экзотическими (например, «занесение на черную доску», как это бывало в 1921 году в коллективе РКП(б) железнодорожной станции Окуловка¹⁸⁴), но и болезненными. Так, на заседании Костыковского волостного комитета РКП(б) осенью 1919 года, рассмотрев заявление коммуниста С. Трушина, решили не только исключить его из партии, но и «лишить настоящего места службы и призвать на тыловые работы».¹⁸⁵

Выраженное во многих заявлениях о выходе из РКП(б) уверение в собственной лояльности в значительной мере можно считать вынужденным. Оно определялось необходимостью сохра-

¹⁸⁴ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 20.

¹⁸⁵ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 113. Л. 46—47.

нить свое положение и оградить себя от репрессий. Стремление продемонстрировать свою благонадежность могло, в соответствии с индивидуальными особенностями каждого из заявителей, по-разному проявляться в содержащих мотивацию выхода из партии заявлениях. Различия эти, однако, не были существенными. Мы уже писали об унифицированности заявлений о вступлении в РКП(б). Но общее желание покинувших ряды партии принизить значение своего поступка и показать его необходимость могли также способствовать аналогичной унификации: несмотря на упомянутый выше стилистический разноречивый в текстах заявлений, вероятно, выбор вариантов оправдания был все же невелик.

В числе главных причин назывались слабое здоровье, сложные «домашние обстоятельства», необходимость сосредоточить все свои усилия на помощи многодетной семье. К этому добавлялись, хотя и явно имели второстепенный характер, такие причины, как незнание партийной работы, перегруженность и, наконец, политическая безграмотность. Являлись ли они подлинными причинами или маскировали что-то иное — ответ на этот вопрос весьма труден, а иногда и невозможен без знания неизбежно ускользающих от историка подробностей события.

Следует обратить внимание, однако, на ряд обстоятельств. Так, находившиеся в одной ячейке РКП(б) В. Яковлев и Л. Петров, вместе подавшие заявление о выходе из ее рядов, похоже, писали их по единому образцу. В заявлении В. Яковлева содержится просьба «выключить меня из партии ввиду моей болезни и Домашние обстоятельства»¹⁸⁶, а Л. Петров мотивировал свой уход «болезнью и семейными делами»¹⁸⁷. Стоит задуматься, случайно ли их мотивация почти совпала в деталях. Необходимо поэтому внимательнее присмотреться и к другим аргументам, высказанным в заявлениях.

Сомнительными кажутся ссылки на слабость здоровья (особенно когда при этом отмечают, что должны содержать семью из 7--8 человек) — пребывание в партии для ее рядовых членов в 1919 году все же не было похоже на каторжные работы. Нерегулярное посещение собраний и разовое выполнение партийных поручений также едва ли было способно пробить брешь в семейном бюджете. Реальной причиной могла быть необходимость уплаты членских взносов, сколь бы

¹⁸⁶ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 31.

¹⁸⁷ Там же. Л. 21.

мизерными они ни являлись, но об этом не говорилось ни в одном из заявлений.

Попытки выходящих из партии продемонстрировать свою преданность новой власти можно оценить иначе, обратив внимание и на ту расчетливость и осмотрительность, с которой они подбирают аргументы. Никаких выпадов против советской власти, никаких искушений представить себя более правозверным коммунистом, чем Ленин и обосновать свой уход несогласием с введением НЭПа -- ничего этого нет. Мы не обнаружили в архиве ни одного заявления о выходе из партии, вызванного таким несогласием. Есть перечисление тех причин, которые более всего извинительны в то трудное время. Но авторам этих текстов нужно было еще и подчеркнуть свою лояльность — прямо и без всяких оговорок. Посмотрим, какими приемами это достигалось.

В заявлении Л. Петрова (15 апреля 1921 года) отмечалось, что его здоровье подорвано на русско-германской войне¹⁸⁸. Тем самым из «шкурника» он превращается в жертву империалистической бойни — могут ли быть к нему какие-либо упреки? Этого ему, однако, недостаточно и он усиливает степень своей лояльности подписью «К вашим услугам верный»¹⁸⁹. В заявлении П. Дмитриева (28 марта 1921 года) ссылка на болезнь как на причину выхода из партии сопровождается таким пояснением: «Быть членом партии и не работать — нахожу это позором»¹⁹⁰. В заявлении А. Зайцева (1 января 1922 г.) перечислены причины, побудившие его покинуть РКП(б). Ни одна из них не является политической, но он счел необходимым заключить свою просьбу и такой ремаркой: «Конечно, добавляю, что мысли мои не изменятся и работа не ослабнет»¹⁹¹. О какой работе идет речь, он не сообщил, и возникает ощущение, что он словно автоматически повторил устоявшийся политический штамп, даже не вникая в его смысл.

Самым ярким, пожалуй, можно признать заявление М. Иванова: «В виду моей болезни так как на собрание являться не представляется возможным а остаюся заурядным членом и числится на бумаги то считаю преступным и посему прошу исключить из партии»¹⁹². Уловить логику в таком тексте крайне

---

¹⁸⁸ Там же. Л. 32.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. Л. 23.

¹⁹¹ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 318. Л. 23–23 об.

¹⁹² Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 28.

сложно, поскольку представленная им причинно-следственная цепочка такова: коммунист, не посещающий собрания — «заурядный» коммунист — «бумажный коммунист» — преступный коммунист. Услышать в ответ на свои аргументы вопрос о том, почему бы ему не вылечиться и не стать вследствие этого настоящим коммунистом, Иванов, видимо, не ожидал.

И в других случаях бывает очень трудно понять, правдивым объяснением или уловкой является ссылка на болезнь как причину выхода из партии. Но речь идет не о том, насколько значима была болезнь, а о том, какими «лояльными» оговорками сопровождаются упоминания о болезни, и о явных противоречиях, на которые не обращают внимания авторы заявлений. «Даже не могу посисцать партийное собрания а нечто-то нисти портейною работу»,¹⁹³ — писал в своем заявлении В. Яковлев, и его доводы следует признать вескими, поскольку «как После отца смерти приходится Делать все самому а семья из 7 человек».¹⁹⁴ Но примечательно, как он заканчивает свое обращение: «А к партии остаюсь таковажо мнения, как был и раньше».¹⁹⁵ Возникает вопрос: почему оказалась столь необходимой эта ремарка? И не только В. Яковлеву, но и авторам других заявлений (имеющих отчетливый «оправдательный» характер), независимо от того, что они указывают в качестве главной причины своего поступка — болезнь, занятость, нищета, многодетность или что-то иное?

Документ, который должен был отразить в какой-то мере настроения коммунистов (не имеет значения, оппозиционных или лояльных), в значительной мере превращается в свидетельство их самоконформизации. Человек мог, не особенно заботясь об аргументах и не всегда воспринимая их политический смысл, по чужому образцу написать заявление о приеме в РКП(б). Это едва бы «перепало» его, если воспользоваться известной ленинской оценкой достоинств романа Н.Г. Чернышевского. Но заявление о выходе из партии требовало от него особой изворотливости, более индивидуальной, «своей» манеры оправдания, осознания важности идеологических табу и хотя бы примитивного понимания их, умения посредством словесной эквилибристики выстраивать образ благонамеренного гражданина и, наконец, толики экзальтации и надрыва — иначе как убедить в своей искренности?

---

¹⁹³ Там же. Л. 31.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

Так происходило глубинное «самовоспитание» человека. Самостоятельное составление «лояльного» ответа, а не участие в рутинном ритуале, предсказуемом по своему сценарию и имевшем групповой характер, быстрее ломало присущие до-революционному, «ветхому» человеку внутренние преграды и превращало его в человека советского.

Парадокс состоит в том, что коммунист, выходявший из рядов РКП(б) и, казалось, совершавший антипартийные поступки, своей апологией в большой степени «перепахивал» себя в советском духе, нежели те, кто вступал в партию. Авторы многих заявлений в силу их низкой культуры не способны были создавать объемные и яркие тексты, и их тактические приемы примитивны. Но там, где мы встречаем человека, владеющего литературным слогом, все детали конформистских операций проявляются особенно ярко.

Таковым является заявление С. Трушина, в котором оправдывается его выход из партии. В нем заметны несколько тактических ходов. Иногда они откровенно казуистичны. Он, например, считает, что «если общее собрание членов партии нашло мотивы в моем заявлении об исключении меня из партии не уважительными, то я полагаю, что оно поэтому не имело законных оснований исключать меня из партии, а целесообразнее и правильное было бы заявление мое отклонить или вызвать меня для личного объяснения»¹⁹⁶. Конфликтов со своими бывшими «товарищами по партии» он, однако, стремится всячески избегать, вообще его апелляциям присуща максимальная тактичность: «Программа партии говорит, что в партию принимаются только желающие и свободно исключаются из партии те товарищи, которые по каким-либо для них уважительным причинам не могут далее быть в партии. <...> Я честно и открыто заявил товарищ[ам] по партии, что по весьма для меня уважительным причинам не могу далее состоять членом партии!»¹⁹⁷ Уважительная причина — это «семейный разлад»; ни о какой политике здесь нет и речи. Замечание о том, что он говорит прямо и ничего не скрывает, видимо, не случайно — никто не смеет заподозрить его в конспирации, уже ставшей в 1919 году синонимом неблагонадежности.

Этого ему показалось мало. Конечно, можно было обратиться к «товарищам» с мягкими увещеваниями, содержащими на-

¹⁹⁶ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 113. Л. 46–47.

¹⁹⁷ Там же.

меки на необходимость соблюдения процедурных деталей. Но даже одно их решение отправить С. Трушина, не имея на то полномочий, на «тыловые работы», показывает, что такие аргументы едва бы оказались для них убедительными. Он прибегает поэтому к другому приему — прямой политической самореабилитации. Как надо поступать в таком случае, он, несомненно, знает. «Я сын своего бедняка отца лапотника — крестьянина землероба»¹⁹⁸ — это предложение показывает, что он хорошо разбирается в новой, советской сословной иерархии. Трушину недостаточно только одного определения своего «правильного» социального положения. Он занимается рискованными синтаксическими упражнениями, ставя слово «бедняк» перед словом «отец», да еще использует диковинную фразу «сын своего бедняка». Он делает все, чтобы отразить в первую очередь именно социальное происхождение, а не степень родства.

Требуется, однако, не только это. Надо доказать еще и духовную преемственность с отцом — сельским пролетарием безупречной чистоты, удостоверяемой бедностью. И Трушин продолжает: «...Предан делу революции и социалистическому советскому строительству жизни трудового народа. Для меня дорог лозунг, написанный на “Красном знамени” Советской власти трудового народа. Советская власть — единственная власть, ведущая трудовой народ к свободной и счастливой жизни. Советская власть есть защитник “прав и правды” трудового народа. Красное знамя коммунизма для меня свято, и я ему всегда буду верен».¹⁹⁹

Автору трудно остановиться. Вся цепочка соотнесенных между собой политических клише в то время традиционно завершалась эмоциональной, «лозунговой» концовкой. Он и к этому готов, и делает это с усердием, которое нельзя не признать чрезмерным даже для апологетических текстов:

«Да здравствует РСФСР[Р] власть!

Да здравствуют вожди мировой революции, ударившие в вечевой колокол и пробудившие трудовой народ от многовековой спячки для свержения рабства и ига империализма и капитала!

Да здравствует доблестная Красная Армия!

Да здравствует полная победа труда над капиталом и буржуазией!»²⁰⁰

---

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же. Л. 47.

Все это — характерные образчики полуистершихся риторических штампов, «политической трескотни», к 1919 году успевшей всем надоесть — недаром ее клеймил даже Ленин в написанной тогда же статье «Великий почин»²⁰¹. Возникает впечатление, что перед нами — не оправдательный документ, созданный для защиты от обвинений в ренегатстве, а классическая советская «агитка», приобретшая пародийный тон из-за стремления автора сверх всякой меры наполнить текст идеологическими штампами. Заметно к тому же, что Трушин причудливо и своеобразно «до-страивает» использованные им для выражения собственной благонамеренности клише, не останавливаясь в своем рвении даже перед тем, чтобы сделать их тавтологичными.

Изученные нами заявления о выходе из РКП(б), рассматриваемые как источник для изучения настроений коммунистов, нуждаются в очень осторожном подходе. Они обнаруживают, что рядовые и недавно принятые члены партии, как правило, имели смутное представление о том, в какой организации они находятся и к каким целям должны стремиться. Кажущееся анекдотичным заявление М. Емельянова с вкраплением канцеляризма («уволить меня из Партіі», «билет членской был здадина», «ты теперь не существуеш в Партіі») — весьма показательный здесь пример.

Когда же авторы придерживаются установленных ритуалов и цель их определяет форму и содержание текстов, становится очевидной нарочитость использования тех или иных политизированных выражений как тактических приемов. В целом можно прийти к выводу, что такие тексты скорее маскируют подлинные настроения их авторов — возможно, и создаются они именно для этого. И маскируют нередко столь основательно, что и обладающий новейшими методиками историк не может прорвать броню крепко спаянных между собой штампов и понять, что они скрывают.

Условность мотивации выхода из партии становится более явственной, когда ее анализируют в широком контексте «партийного строительства» конца 1910-х — начала 1920-х годов. Зная о том, насколько редко проводились партийные собрания и как часто тогда пренебрегали выполнением партийных поручений, вполне возможно оценить, сколь мало значимым мог

---

²⁰¹ Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 23.

быть для мотивации выхода из партии такой довод, как расстроенное здоровье. Более основательными следует считать ссылки на политическую безграмотность — но, возможно, для многих и это было только внешним поводом, учитывая, сколь многочисленными являлись агитационные кампании, следовавшие в 1918 — начале 1920-х годов одна за другой, митинги, сельские сходы, публичные читки газет. Прямые и косвенные уверения в благонадежности, иной раз приобретавшие гиперболические очертания, нарочитое подчеркивание своего «пролетарского» социального статуса — все эти особенности данных документов также не позволяют отнестись к ним с должным доверием.

Ценность их в другом. Заявления о выходе из партии — свод представлений о лояльности к власти, которые были у людей переходного времени. Эти представления могли быть глубокими или поверхностными, но в целом их основные элементы являлись типичными. Именно такие представления о лояльности исподволь приучали людей к конформистской норме — заставляя осознавать границы протеста, вырабатывать особый язык послушания, соглашаться на приемлемые для власти компромиссы.

Еще одним ценным источником для изучения настроений новгородских коммунистов 1920–1930-х гг. являются материалы о партийных чистках. Они разнообразны — это и статистические сводки, и докладные записки партийных структур разных уровней, и жалобы и апелляции коммунистов, и протоколы контрольных и «проверочных» комиссий, выносивших вердикт о возможности пребывания в рядах ВКП(б). Большинство этих документов имеет вторичный характер, о взглядах коммунистов мы обычно получаем сведения из чужих рук. Этого нельзя, правда, сказать о письменных обращениях членов партии в различные инстанции, поскольку создавались они в соответствии с традиционными сценариями апологий и содержали набор определенных приемов, призванных оправдать обвиняемого в нарушениях партэтики. Трудно, к тому же, установить, насколько самостоятельно они были написаны и не пользовались ли их авторы услугами грамотных людей.

Более интересным и адекватно отражающим настроения членов партии документом является запись ответов коммунистов на вопросы участников партийных собраний, посвященных «чисткам» в низовых парторганизациях. Эти вопросы во

многим являлись неожиданными и у коммунистов, как правило, не было времени для обдумывания ответов на них, некому было и сразу подсказать им умелый тактический ход. Такие ответы, поэтому, ярче чем что-либо иное, способны дать представление о реальном облике коммуниста и снять наслоения с нарисованного им автопортрета, имеющего оттенок благообразности. Кажущаяся прямота ответа здесь, однако, не должна вводить в заблуждение: и в такой ситуации запутавшийся человек мог сказать не то, что думал.

Мы приведем здесь несколько примеров этих спонтанных ответов на партийных собраниях в 1929 г. не для того, конечно, чтобы попытаться за оговорками увидеть нечто, тщательно скрываемое коммунистами, а как образчик той растерянности, которая возникает именно тогда, когда кого-то застают врасплох. Так И. А. Баженов на вопрос «А вот часто ездешь, сколько жен имеешь?» отметил: «Пока одну в Новгороде»,²⁰² а А. В. Соловьев откликнулся на слова «Как с религиозностью?» репликой: «Ни во что не верю...».²⁰³ Способы выражать себя для людей, имеющих невысокий уровень культуры, вообще упрощены, а если им еще задают и непредвиденный вопрос, порой начинается и ломка синтаксиса, нарушение логики ответа: буквальное прочтение текста здесь почти всегда невозможно.

Нами изучены протоколы открытых собраний по «чистке» членов партийной организации Боровичского городского и районного управления милиции, проведенных в сентябре 1933 г. Собственно, вопросы к экзаменуемым можно разделить на несколько блоков. Первый из них касается знания коммунистами программы и устава партии, главных положений коммунистической теории, важнейших политических событий в стране и за рубежом. В основном вопросы, заданные на собраниях во время «чисток», затрагивают только эти сюжеты. Другой блок вопросов посвящен выполнению коммунистами своих обязанностей, их поведению в быту, отношениям с семьей. В целом таких вопросов немного. Возможно, они и возникли именно потому, что сугубые «огрехи» морали и быта членов партии — например, хроническое пьянство, попытки суицида, сон во время несения службы, незаконное использование служебного положения, зазнайство — приобретали особый резонанс и их было невозможно скрыть.

---

²⁰² ГАНИНО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 4 об.

²⁰³ Там же. Л. 5, 5 об.

И все-таки более значимыми для участников собраний, посвященных «чисткам», представлялись те вопросы, которые позволяли оценить уровень политического образования коммунистов. Едва ли они стремились дотошными вопросами обнаружить под личиной партийца «примазавшегося» (согласно терминологии тех лет) и тем более замаскировавшегося врага. Усердие, проявленное ими, определялось прежде всего традицией таких проверок. Они постоянно проводились с начала 1920-х гг. обычно по одному сценарию, хотя и в разных формах. Это примечательное явление. Вряд ли целью инициаторов «чисток» было столь уж скрупулезное изучение политической грамотности членов ВКП(б). Куда более важным считалось отношение к партийным, трудовым и общественным обязанностям. В коммунистических же низах «чистку» воспринимали нередко как своеобразный пересказ выученного урока. Так было легче и интереснее, чем разбираться в деталях чужого быта, которые многим были неизвестны и вызвали бы затруднения при формулировке вопроса. Придирчивое расспрашивание о подробностях личной жизни, хотя и допускалось, наталкивалось на непреодоленные этические табу, причем знали, что в таком случае в роли отвечающего мог оказаться любой из участников собрания. Нетрудно было увидеть во всем этом и оскорбительный смысл, а едва ли создание склок в партийке было той задачей, которую ставили перед собой организаторы кампании.

Знакомясь с протоколами открытых партийных собраний, посвященных «чисткам», и отмечая заданные коммунистам вопросы, подчеркнем следующее обстоятельство. Перед нами — очень краткие, нередко однозначные ответы, которые едва ли могли отражать всю сумму политических знаний членов ВКП(б). Трудно определить, в какой мере упростил ответы последних протоколист. Нельзя, однако, не обратить внимание на специфику передачи им чужой речи. Во-первых, она заметно индивидуализирована, если сравнивать записи ответов различных людей, зафиксированных в одном протоколе. У каждого из них ощущается особый синтаксис и специфическая лексика, включавшая политический жаргон тех лет, хотя и с разной степенью органичности вкраплений идеологических клише. Во-вторых, видна законченность ответов. К ним было трудно что-то добавить, поскольку они обычно полностью исчерпывали суть заданного вопроса. Подчеркнем также и другое обстоятельство.

Протокол являлся тем документом, на основании которого принимали решение о продолжении членства в партии и, в силу этого, он должен был максимально точно воспроизводить ответы, чтобы исключить возможность последующих апелляций и обвинений в предвзятости.

Читая протоколы собраний, сразу замечаем, что наиболее точными являются ответы на вопросы, касающиеся «текущего момента» и современного политического положения, причем легче всего даются коммунистами односложные ответы — да, нет, — не требовавшие развернутого обоснования. Исторические и теоретические экскурсы оказываются куда более сложными для отвечающих. Так, М. Г. Давыдов, правильно ответив на вопросы о том, где проходила конференция по разоружению и входит ли СССР в Лигу наций, не смог рассказать о том, с какой целью создана последняя.²⁰⁴ Возникает ощущение, что, говоря о «текущем моменте», коммунисты словно идут на ощупь, опасаясь чрезмерно углубиться в детали того или иного события — верный признак того, что многое в политике ими уловлено поверхностно, посредством ключевых идеологических формул, дальше которых они не идут.

Самыми примечательными можно счесть их ответы об основных положениях коммунистической теории. Прямо скажем, они нередко сумбурны. Из системы коммунистических постулатов обычно выхвачен и огрубленно представлен лишь один тезис, правда, отметим это особо, прежде высказанный иногда в афористической форме. Так, В. И. Шидловская на вопрос: «Что Ленин сказал о женщинах?» ответила: «Освободить от кухни».²⁰⁵ Но показательно даже не это, а то, что в ряде случаев подвергаемые проверке коммунисты не замечали логических неувязок и противоречий в череде следующих друг за другом ответов. Нет системности взгляда: каждый из элементов социалистической практики предстает перед ним в обособленном виде. Вот, например, запись ответов М. Г. Давыдова на вопросы о сущности социализма:

«Вопрос: При социализме будет частная собственность?

Ответ: Да, будет.

Вопрос: Что такое социализм?

Ответ: Это бесклассовое общество.

---

²⁰⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 1 Д. 528. Л. 3 об.

²⁰⁵ Там же. Л. 17 об.

Вопрос: Будет классовая борьба при социализме?

Ответ: Будет». ²⁰⁶

Пожалуй, путаница в вопросе о собственности здесь еще оправдана для того, кто не очень понимает, почему собственность, принадлежащая частному лицу, называется то личной, то частной. Ответ он черпает из двух источников: 1) программно-теоретических занятий и 2) из агитационно-публицистической практики (митинги, собрания, радио, листовки, пресса). Воздействие последних оказывается сильнее, чем воздействие занятий теорией в политкружке. Едва он слышит о классовой борьбе, он сразу воспринимает ее именно в обусловленном «текущим моментом» упрощенно-лозунговым варианте, а не так, как она оценивается в различных «азбуках коммунизма». Отсюда противоречия. Социализм, согласно марксистско-ленинской теории, должен изживать классовое общество. Отвечающий несколько примитивизировал это положение, но в целом передал его правильно, если учесть, что «красными профессорами» еще к тому времени не была отчетливо проведена грань между социализмом и коммунизмом и они нередко воспринимались как синонимичные понятия. Все это так, но утверждать, что при социализме не будет классовой борьбы — значит лить воду на мельницу бухаринцев и прочих «правых уклонистов», утверждавших о мирном вращении кулака и «замазывать» (как говорили в то время) борьбу с остатками нэпманской буржуазии. Вследствие этого и оказывается, что в бесклассовом обществе будет классовая борьба. Каждый ответ сам по себе логичен, а в совокупности они выглядят нелепо — и для оценки уровня политической грамотности коммуниста как раз и важно то, что он не чувствует этой нелепости.

В каждом ответе имеется не только то, что получено зубрежкой во время занятий в кружке, но и некая «игра в отгадки» — предположение о том, как могло что-то происходить в действительности, исходя из общих и нередко примитивных представлений о характере и природе различных политических движений и партийных режимов. Особенно здесь характерны ответы на вопросы о сущности фашизма, ставшие весьма актуальными в 1933 г., в связи с приходом нацистов к власти в Германии. Обратим внимание на ответы Миронова:

«13. Где есть фашисты?

---

²⁰⁶ Там же. Л. 18.

В Германии

14. Что они делают?

Угнетают рабочий класс.

15. Как работает там коммунистическая партия?

Работает подпольно».²⁰⁷

О фашизме в 1933 г. и пресса и агитаторы высказывались не столь односложно. Отмечался и поджог рейхстага, и арест Г. Димитрова, и подавление профсоюзов, и выход из Лиги наций, и запрет политических партий и вообще многое другое. Ничего этого в ответе Миронова нет. Есть лишь единственная реплика, подчеркивающая обязательный атрибут любого классового врага, будь то фашист или социал-демократ, интервент или белогвардеец, Гитлер или Носке, Клемансо или Ллойд-Джордж: «угнетают рабочих». Это то, что осталось, и осталось надолго. Все прочие детали и этапы событий, сиюминутные тактические комбинации, протесты, манифестации, митинги этот коммунист не замечает.

Другому из проверяемых, М. Г. Давыдову, был задан вопрос: «Есть разница между фашизмом и социал-демократией?»²⁰⁸ Вопрос оказался для него трудным, поскольку требовал знания деталей программ обоих политических течений, о чем он, видимо, был мало осведомлен. Он идет по более простому пути: «Фашизм всецело поддерживают буржуазию и социал-демократию тоже».²⁰⁹ Вот как конструируется ответ: фашизм привела к власти буржуазия (это стало почти аксиомой и было усвоено накрепко), социал-демократия отстаивает интересы буржуазии (об этом в многочисленных советских «агитках» говорилось еще задолго до появления фашизма), значит, эти движения связаны узами сотрудничества. Перед нами не политическая безграмотность, а своеобразная «логическая» примитивизация и так донельзя упрощенного коминтерновского тезиса о соглашательстве социал-демократии как факторе, облегчившем победу фашизма. Другой коминтерновский тезис о том, что тенденции фашизма обнаруживаются в различных государствах (Испания, Италия, Польша, Литва), хотя и в разной степени, на этом собрании получает еще более причудливое оформление. Тут чувствуется та же механика упрощения: «Вопрос: Почему все

²⁰⁷ Там же. Л. 5.

²⁰⁸ Там же. Л. 18.

²⁰⁹ Там же.

страны поддерживают у себя фашизацию?» Ответ: Если им не фашизироваться, то им нельзя существовать».²¹⁰

Расплывчатость формулировки вопроса, редкостная парадоксальность ответа в совокупности выявляют недостаток общей культуры участников диалога, не умеющих ясно и без импровизаций изложить прочитанное в брошюрах и услышанное на лекциях. Догматическая трактовка причин «фашизации» (а ее и придерживается отвечающий) предполагает, что установление фашистских диктатур есть попытка правящих классов разгромить рабочее и социалистическое движение — только не «мирными» средствами буржуазной демократии, которые оказываются неэффективными, а грубыми методами, основанными на насилии и жестоком подавлении прав и свобод личности. Сравните этот тезис и его переложение Давыдовым («если им не фашизироваться, то им нельзя существовать») и будет отчетливо видна схема перевода политических понятий на повседневный язык, характерный для неполитизированного мышления.

Наиболее типично для ответов использование различных слов-штампов и даже целых блоков клише для объяснения политических реалий. Они «встраиваются» в речь и являются доминантой, определяющей ее последовательность, причем заметно, что использование одного клише ассоциативно создает цепочку других клише вследствие того, что они тесно связаны между собой в системе целостной коммунистической догматики. Выбор клише в известной мере определяется заданным вопросом, но нередко отвечающий своеобразно «достраивает» его, порой сугубо экзотично и неумело. Таков диалог коммуниста Демшина с одним из участников собрания.

«...Если ты не знаешь, как говорил в своей биографии, кто отец по классу, так можешь и не различить классовое лицо вообще сейчас?

...В этом я разбираюсь.

...Какая разница между кулаком и твердозаданцем?

...Твердозаданцем является тот, у кого еще не созрело лицо кулака».²¹¹

Импульсом для перехода на политический жаргон стал вопрос об «отце по классу». Безграмотное выражение не поставило в тупик Демшина, как и более распространенное в агитпропли-

---

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же. Л. 3 об.

тературе замечание о «классовом лице». Он понимает вопрос и может на него ответить, но при этом придерживается его канвы и лексики. По тому, как он это делает, заметно, сколь мал у него запас политических формул. Эта бедность его политического словаря сказывается и в его последующих ответах:

«В чем в основном заключается закон соцсобственности?

В охране собственности.

В чем заключается классовая борьба?

В том, что мы должны искоренить кулака».²¹²

Он занимался в партийной школе и даже счел нужным отметить, что «в этом году проходили историю партии».²¹³ Вот, однако, каков уровень его политической образованности. В воспринятой фрагментарно марксистской теории он вычленил наиболее простой, но, видимо, самый понятный ему тезис, оформленный столь знакомыми ему «агитками» времен коллективизации. Классовую борьбу он сводит исключительно к схватке с кулачеством — т.е. к тому, о чем в последние годы он слышал особенно часто. Здесь нет и следов изучения теоретической доктрины. Это сводка последних политических новостей, переданная к тому же скупой, возможно потому, что понята смутно. Заметны те «кальки», по которым он способен сконструировать любой, хотя и однотипный ответ:

«Социал-демократия является авангардом?

Буржуазии».²¹⁴

Все просто: коммунисты являются авангардом рабочего класса, социал-демократия — буржуазии. Он даже не чувствует официозной патетики слова «авангард» и механически применяет его к любому классу. И не только он. Коммунист И. Т. Шматов на вопрос: «Что такое партия?» почти автоматически ответил: «Передовой авангард рабочего класса»,²¹⁵ даже не поинтересовавшись и не уточнив, о какой партии идет речь — буржуазной, фашистской, коммунистической или социал-демократической. В таком автоматизме все прочно заученное, огрубленное, предельно краткое, сведенное к словам-штампам, нашло свое адекватное отражение. Этот автоматизм чувствует-ся и в другом его ответе:

---

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же. Л. 17 об.

«Вопрос: Кто возглавил правый уклон?

Ответ: Правый уклон — Бухарин, левый уклон — Троцкий».²¹⁶

Воспроизведенное им ассоциативно сочетание двух клише он не способен разорвать, независимо от того, о чем его спрашивали — столь крепко спаяны они в его сознании. А вот и вопрос по новой истории: «Причина гибели Парижской коммуны?»²¹⁷ Ответ («Не было подготовки пролетариата, не были захвачены банки и телефон»²¹⁸) несомненно основан на канонической ленинской версии условий переворота (высказанной в статье «Марксизм и восстание») и упрощенной трактовке событий октября 1917 г., приведенной в тогдашней историко-партийной литературе и здесь еще более примитивизированной. Оговорка о телефоне едва ли случайна — ответ «достраивает» логическую цепочку причин и условий революции современными реалиями. более понятными, более привычными, и не требующих чрезмерной эрудиции. Его отклик на вопрос о том, где возникла Парижская коммуна — «у нас» — не столь анекдотичен, как кажется: в его сознании могли слиться воедино и Бакинская коммуна (значимый историко-революционный факт, о ней нередко писали в те годы) и Северная коммуна, куда еще совсем недавно входила Новгородская губерния.

Изученные нами ответы коммунистов на вопросы участников партийных собраний, посвященных проведению «чисток» в 1933 г., не могут конечно, претендовать на то, чтобы всесторонне осветить основные элементы политической культуры членов ВКП(б) в конце «великого перелома». Их необходимо поэтому сверять с другими источниками — личными письмами, автобиографиями, прошениями и жалобами, направляемыми в вышестоящие инстанции, доносами, докладами различных партийных структур, спецсообщениями ОГПУ и НКВД. Вместе с тем именно рассмотренные нами документы позволяют лучше, чем что-либо иное, определить уровень политической грамотности людей, отнесенных к авангарду советского общества и, что еще более важно, понять их ценностные ориентации, мировоззренческий кругозор, формы восприятия политических реалий и попытки самостоятельной ориентации в них.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Выделено нами.

Сделать это исследователю нелегко. Много приходится читать «между строк», по оборванной фразе, скороговорке реконструировать источники и приемы политических медитаций. Разумеется, невозможно в работе, посвященной региональной истории, делать общие выводы, касающиеся России в целом, но ряд отмеченных в ней тенденций весьма симптоматичен. Главное, на что сразу обращаешь внимание — это крайне низкий уровень политграмотности членов ВКП(б), который естественно было бы соотнести с их культурой в целом. Многие говорились наугад, невпопад и с характерными абберациями имен, названий и событий, показывающих, что коммунисты больше слушали, чем читали, и не всегда отчетливо воспринимали услышанное. Это явление, так огорчавшее агитпропработников, стоит, однако, признать закономерным для эпохи «штурма и натиска» 1930-х гг., когда ставилось слишком много задач перед людьми, случайно оказавшихся в водовороте истории. Перед нами неофиты коммунизма — мало интересующиеся его прошлым, не способные разобраться в его настоящем и оценить его принципы и формулы, не готовые признать его заблуждения — но как и положено неопитам, самостоятельно или под руководством других прокладываящие путь к светлому будущему и не останавливающихся перед препятствиями на этом пути.

ДОКУМЕНТЫ ПРОФСОЮЗОВ

ПРОТОКОЛЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ СОБРАНИЙ ПЕТРОГРАДА В 1918—1923 гг.

Чаще прочего протоколы фабрично-заводских собраний 1918–1923 гг. можно обнаружить в фондах отраслевых профессиональных организаций — рабочих-металлистов, швейников, печатников, пищевиков, химиков. Много протоколов содержится и в фондах промышленных предприятий — не только крупных, но и мелких. Профсоюзная отчетная документация составлялась низовыми профорганизациями обычно в нескольких экземплярах. Один из них оставался в фондах местной профгруппы, другие пересылались в губернский комитет отраслевого профсоюза. Сложнее выяснить, каким образом осуществлялась пересылка протоколов третьей инстанции — Губернскому совету профсоюзов (Губпрофсовету) и определить, посылался ли третий экземпляр или происходила передача части протоколов от отраслевых к губернским профструктурам. В целом же протоколов низовых профсобраний в фонде Губпрофсовета немного и можно обратить внимание, что в них, как правило, отражены конфликтные ситуации или политические дискуссии на предприятиях. Не исключено, что такие документы направлялись в Губпрофсовет как информационный материал для оценки положения в целях быстрейшего улаживания споров. Особо отметим, что в фондах отраслевых профсоюзов и Губпрофсовета можно встретить и фрагменты протоколов — отдельные выписки, и, чаще всего, постановления собраний, содержавшие политические или экономические требования рабочих. Такая практика «тройного» отбора документов в значительной мере способствовала их сохранению: лакуны фондов фабрик и заводов можно восполнить при помощи комплекса протоколов-копий, оставшихся в фондах отраслевых профсоюзов. Многие протоколы представляют собой ма-

пинописный текст, но уверенно указать, какой из них является подлинником, а какой — копией, можно не всегда. Изредка встречаются рукописные тексты протоколов, даже со следами редакторской правки, но едва ли стоит во всех случаях оценивать их как черновик, предваряющий составление собственно протокола. Нельзя исключать, что в ряде случаев перед нами лишь единственный экземпляр записи. В некоторых весьма аккуратных подборках всех протоколов в фондах низовых профорганизаций можно обнаружить только эту правленную рукопись, причем ее место в данном составе документов строго определено порядковым номером и временем составления.

Почти все протоколы имеют полные или несколько сокращенные заголовки, где содержится информация о месте и составе участников, времени собрания. В ряде случаев в протоколах также указаны число присутствующих, точное время открытия и закрытия собрания, состав президиума. Протоколы обычно подписывались председателем и секретарем собрания. Некоторые из них, однако, не содержат информации о времени и месте собрания, но это можно объяснить, исходя из отмеченных здесь общественно-политических и социально-экономических реалий, по записям о получении документов в вышестоящих организациях, по пометам в тексте.

В начале 1920-х гг. было несколько типов фабрично-заводских собраний. Наиболее часто в 1918–1923 гг. созывались общие собрания всех рабочих и служащих, занятых на предприятии, и делегатские собрания, в которых участвовали представители (делегаты) от рабочих. Проводились, хотя и очень нерегулярно, и «смешанные» собрания, в которых участвовали члены фабзавкомов, коллективов РКП(б), делегаты, уполномоченные от рабочих и женщин — в различном сочетании. Протоколы делегатских собраний, как правило, более кратки, чем протоколы общих собраний. На них присутствовали лица, зачастую подобранные не без помощи фабзавкомов и партячеек, и дискуссии здесь возникали редко, в отличие от собраний всех рабочих предприятия. Делегатские собрания обычно занимались предварительным обсуждением вопросов, выносимых на рассмотрение общих собраний. Но часто можно обнаружить, что по тем решениям, которые почти единогласно и без дискуссии одобрялись делегатами, именно на общих собраниях возникали многочисленные споры.

Протоколы, в соответствии с уже устоявшейся тогда традицией, имели почти одинаковую структуру: а) описание доклада; б) описание прений; в) постановление. Текст разделялся обычно на две части: «слушали» (где и содержались записи доклада и прений) и «постановили», в которой помещалось решение собрания. Но этой структуры придерживались не всегда. Иногда протокол был оформлен как докладная записка.²¹⁹ В ней не было жесткой «протокольной» схемы и обязательных «слушали—постановили», а заключавшая ее фраза: «Собрание прошло спокойно. Настроение удовлетворительное» отчасти повторяла записи наблюдений, привычных для докладов информаторов. Но сам текст этой записки представляет собой подробное описание повестки дня собрания, основного доклада, выступлений в прениях и решения рабочих, т. е. является фактически воспроизведением той канвы, которая была присуща протокольным документам. Это позволяет с большой долей уверенности предположить, что перед нами именно протокол, а форма докладной записки является элементом бюрократической обработки документа при передаче его как информационного материала в вышестоящие инстанции — в данном случае в Петроградский Губком Всероссийского союза рабочих металлистов (ВСРМ).

Несколько модификаций имело и постановление собраний. Обычно оно встречается в трех вариантах. Часто после доклада можно встретить помету «принять к сведению». В том случае, когда обсуждались «текущий момент» и общее положение в России, принималось развернутое политическое постановление. В других случаях, если решались хозяйственно-бытовые вопросы или происходили выборы депутатов и делегатов в различные органы, допускалась просто краткая запись решения по этим вопросам. Иногда, однако, сложно отделить запись изложения речей ораторов от «резюмирующей» части протокола. Так, в протоколе общего собрания рабочих Голодаевской писчебумажной фабрики 7 июля 1921 г.²²⁰ можно обнаружить следующий фрагмент текста, помещенный в разделе «Постановили»: «Рабочие слушали со вниманием, что работать, сказали мы, согласны, но с данными предложениями не согласились, пока Союз

---

²¹⁹ Докладная записка об общем собрании рабочих 8-го отделения завода Погарз 5 апреля 1921 г.: ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 11. Л. 38—40.

²²⁰ Там же. Ф. 6014. Оп. 5. Д. 5. Л. 41.

не примет более точных мер». Уже наличие здесь прямой речи (правда, не отмеченной особой пунктуацией) показывает, что это продолжение записи выступлений на собрании — особенно если учесть, что данный текст связан с предыдущим описанием тех предложений, которые были сообщены рабочим. Но поскольку речь рабочих имела «итоговый» характер, что присуще и любому постановлению, то фиксация ее именно в разделе «Постановили» представляется вполне оправданной. С такими специфическими приемами стенограммы можно встретиться и в протоколах другого собрания голодаевских рабочих,²²¹ где постановление имеет следующий вид: «После прений было приступлено к голосованию, причем рабочие единогласно отказались работать при трех воздержавшихся, которые были за работу».

Другой случай «исключения из правил» можно обнаружить, знакомясь с протоколами общего собрания рабочих завода минеральных вод «Аэрофор» 7 июня 1918 г.²²² Мы встречаем в его «постановляющей» части такую запись (сохранена орфография и синтаксис): «Поступило уволить из завода тов. Гавриила [Иванова] мативируем в том, и то Гавриил избрал себя делигатом, но мы, рабочие, делигатом не избирали — Гавриил состоит делигатом не от рабочих, а от хозяина и соблюдает его интересы и эксплуатирует и за известного агитатора, и что он в заводе не находится, а ездит по заводам и развозит прокламации, чтобы все рабочие заведения минеральщиков и квасников откололись от союза и от пивников и тогда нашим кулакам будет легче эксплуатировать наших товарищей рабочих». Здесь, как видим, постановление больше всего похоже на некое обвинительное заключение. Специфика лексики и синтаксиса документа вызывает сомнение в том, что он составлялся «коллективно» — столь явно проступает тут своеобразие личности стенографа. Если принять во внимание форму документа, то можно отметить, что это скорее не постановление, а донос — прошение о принятии мер с обычными в таком случае мотивировками. Сопутствующие документы подтверждают это предположение. Из них выясняется, что приехавший на завод секретарь секции минеральщиков профсоюза пишевииков поместил «в протоколе собрания

---

²²¹ Протокол общего собрания рабочих Голодаевской писчебумажной фабрики 12 июля 1921 г.: Там же. Л. 42—43.

²²² Там же. Ф. 6261. Оп. 3. Д. 30. Л. 91.

не голосовавшееся постановление об увольнении рабочего Гавриила Иванова, делегата завода... и подсунил протокол рабочим для подписи».²²³ Таким образом, становится очевидным, что личной записке была придана форма постановления собрания для того, чтобы представленные тут аргументы приобрели особую убедительность.

Говорить о том, что все структурные части протокола составлялись стенографом с равной полнотой, в большинстве случаев нельзя. Как правило, довольно подробно излагались доклады о «текущем моменте» и о положении на предприятии, но иногда встречаются и такие протоколы, где о докладе говорится лишь одной строчкой — о том, что он был прочитан, и ком, кто его читал.²²⁴ Особенно часто фиксировались общие и политические доклады в протоколах фабрично-заводских собраний, созываемых во время проведения кампаний по выборам на Беспартийное совещание рабочих Петрограда весной 1921 г. и в Петроградский совет (Петросовет) осенью 1921 г.²²⁵

Прения приводятся в протоколах более редко. Как правило, это краткое изложение выступления, но зачастую стенограф ограничивается тем, что сообщает лишь фамилии выступавших. Наиболее часто и подробно прения фиксировались в тех случаях, когда на собраниях возникали политические и производственные споры, хотя и тогда запись осуществлялась не всегда. Не исключено, что пропуски в протоколах в таких случаях могли восприниматься как искажение позиции спорящих сторон.²²⁶

Иногда стенограф производил отбор записей выступлений в прениях, выделяя лишь те из них, которые имели особое значение для выработки итогового постановления собрания. Так, в протоколе общего собрания рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода 27 января 1921 г.²²⁷

---

²²³ Там же. Л. 93.

²²⁴ См., например, протокол общего собрания рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода 27 января 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 25).

²²⁵ Типичным образцом здесь является протокол общего собрания рабочих и служащих 1-й гос. электростанции 8 апреля 1921 г. (Там же. Д. 14. Л. 122–122 об.).

²²⁶ Отметим такой случай: в протоколе делегатского собрания Невского судостроительного и механического завода 31 марта 1921 г. доклад не приводится, но прения по докладу воспроизведены с весьма редкой для этих документов полнотой (Там же. Д. 13. Л. 91–92).

²²⁷ Там же. Л. 25.

вместо изложения прений можно обнаружить запись трех предложений, высказанных в ходе заседания, по которым предстояло голосовать рабочим. Довольно редкий вид стенографирования прений — обобщенное их изложение по какой-либо одной проблеме — можно обнаружить в протоколе общего собрания рабочих 1-й государственной электростанции 9 февраля 1921 г.²²⁸ Суммировав мнения разных ораторов по тому или иному вопросу, стенограф тем самым систематизировал их и придал им вид некоей сводки требований, что, конечно же, никак не может считаться точной записью выступлений. В данном случае, возможно, скорее сказались не какие-то традиции составления протоколов, а своеобразие приемов стенографа, превращавшего в тезисы все излагаемые им речи. Если обобщенное описание прений структурировано им четко, посредством буквенной нумерации («Все выступавшие товарищи отмечали одни и те же явления: а) важное значение предприятия... в) неудачность опыта разделения рабочих... д) несоответствие норм продовольствия... е) необходимость и возможность выделить станцию в особые условия...»), то в изложении последовавшей затем речи руководителя петроградских профсоюзов Н. М. Анцеловича видно то же «проблемное» структурирование, но уже неявное: «...Тов. Анцелович признал действительно важное значение станции, неудачность... распределения пайков, возможность неправильного незачисления на горячий паек..., скудность снабжения продовольством...».

Протоколы фабрично-заводских собраний представляют немалый интерес для изучения политической психологии рабочих. Нужно, однако, сделать несколько оговорок. Политические сюжеты можно преимущественно обнаружить в документах 1918—1921 гг. В первые годы НЭПа, в силу разных причин, политический протест рабочих затухает, и, что очень важно, не проявляется столь открыто, как в предыдущее время. Сами рабочие собрания в основном занимались обсуждением хозяйственно-бытовых вопросов и «политики» касались редко. Одобрение политических постановлений стало тогда обычным явлением, но зачастую это действие не было связано с прениями на собраниях и являлось скорее обязательным ритуалом, чем следствием каких-либо политических споров. И наконец, подчеркнем это особо, созыв и проведение собрания являлось публичной акцией.

²²⁸ Там же. Д. 14. Л. 119.

Выявление в ходе его неортодоксальной политической позиции по нравам того времени влекло за собой применение репрессивных мер, что делало речи многих рабочих сугубо осторожными.

Открыто система Советской власти как государственный институт почти не подвергалась критике. Неприязнь рабочих преимущественно вызывали действия лиц, выступавших от имени Советской власти. Вместе с тем общие оценки власти косвенно проскальзывали во многих выступлениях рабочих. Знакомясь с ними, можно обнаружить, что восприятие советских институтов рабочими было сложнее и противоречивее, чем это отражено в их официальных постановлениях. Приведем примеры. На общем собрании рабочих и служащих хлебозавода № 6 3 апреля 1921 г.²²⁹ пробольшевистский наказ Беспартийному городскому совещанию рабочих был одобрен единогласно. Но единогласно от завода делегатом на Совещание был избран некто Плинкаман, который на этом же собрании сказал следующее: «Вся система Советского правительства стоит не на тех рельсах, на которых должна находиться». И здесь же, в протоколе, отмечалось, что Плинкаман — «беспартийный, но сочувствующий Советской власти». Итак, перед нами две казалось бы взаимоисключающие версии настроений рабочих. Отчетливо видна специфика политической лояльности и общей массы рабочих и отдельных их представителей: одновременно одобряется и «системный» большевизированный текст и действия человека, критикующего политику большевиков в целом. Рабочий отвергает не некоторые недостатки, но государственный институт как таковой и вместе с тем является «сочувствующим» власти. Возникающая перед историком дилемма, как видим, не может быть сведена к простой дихотомии: критика отдельных недостатков — одобрение политики в целом. Что же перед нами — неумелая мимикрия или особенность политического мышления рабочих? Какой же вывод о политических предпочтениях масс необходимо сделать историку, обнаружившему столь противоречивый текст?

Ответ на эти вопросы отчасти можно дать, приняв во внимание два обстоятельства «частного» и «общего» порядка: специфику стенографирования речи и особенности политического менталитета рабочих, которые отчетливо проявляются в других политико-психологических свидетельствах. Речь Плинкамана

---

²²⁹ Там же. Ф. 6216. Оп. 6. Д. 61. Л. 14—14 об.

здесь очевидно записана очень кратко, «тезисно» и заметны лакуны там, где могли быть высказаны защищавшие его точку зрения аргументы или какие-либо иные пояснения. Их нет, зато мы встречаем примечательное изложение его взглядов: «В настоящее время наблюдается бюрократизм и волокита и нет ... лозунгов... 25 октября 1917 г.». О том, какие из октябрьских лозунгов он счел исключенными из тогдашней политической практики, оратор умолчал, но отметим, что обвинения госучреждений в бюрократизме являлись в то время обычным элементом именно не «системной», а частной критики государственных установлений, не отрицавшей значимости государственной системы в целом. Именно рассуждения о бюрократизации служили аргументом для оправдания власти: виновата не система, виноваты бюрократы, разрушающие эту систему.

Подчеркнем и другое обстоятельство. Рабочий в первые послереволюционные годы, как правило, обладал суммой лишь некоторых, зачастую примитивных политических представлений, которые ни в коей мере не могли быть оценены как целостная, подробная и разветвленная политико-идеологическая программа. «Вся система» в его восприятии в реальности заметно отличалась от тех ее определений, которые обычно используют историки. Для рабочего, в силу ограниченности его политического кругозора, «вся система» могла быть сведена к двум-трем ее ипостасям — и зачастую так и происходило, если принять во внимание рабочие документы 1917–1920-х гг. Особенностью политического мышления рабочих было то, что оно не предполагало всеобъемлющей и системной политической критики. Рабочий отмечал лишь те или иные наиболее задевающие его недостатки — и для него уже наличие их служило достаточным основанием для определенного политического вывода. Рабочий Плинкман, выступавший, казалось бы, с системной критикой, особо выделил лишь частные недостатки — бюрократизм и волокиту, в общественном восприятии как раз и оцененные как помехи социализму. К тому же он посетовал на отсутствие октябрьских лозунгов, т. е. оказался даже «социалистичнее» тех, кого он обвинял. «Сочувствие» к властям здесь обнаруживается хотя и не открыто, но несомненно, характеристику оратору, данную стенографом, поэтому можно принять, а позицию собрания, несмотря на обнаруженные противоречия, мы вправе все же счесть вполне логичной. Большевизированный наказ

Совещанию как раз обращает внимание на то, чего не сделано и что надо сделать — и здесь близость с Плинкманом, также стремившимся «улучшить» социализм, прослеживается явно.

Таким же противоречивым документом, требующим от исследователя чтения «между строк», является протокол общего собрания 1-й Государственной конфетно-шоколадной фабрики 5 февраля 1919 г.²³⁰ Здесь возник конфликт между ревизионным отделом ПСНХ и правлением, фабкомом и контрольной комиссией фабрики. Последние обвинялись «в попустительстве массового хищения рабочими готовых изделий с фабрики, в незаконной выдаче рабочего пайка, отпуске мягкой карамели в рабочий кооператив, в расхищении государственного достояния», т. е. в преступлениях экономических. Но вот как излагает причины данного спора постановление общего собрания, принятое единогласно: «Усматриваем в этих обвинениях не что иное, как дискредитирование наших ответственных товарищей и наших рабочих организаций, взрывание изнутри и подрыв Советской власти, ибо они со своими юридическими познаниями, засевши в советских учреждениях, от безделья и саботажа... придираясь к тому, что не соблюдены формальности, так знакомые чиновникам...». Постановление требовало «самого широкого расследования от рабочих и партийных организаций, а не от того учреждения, где наполовину сидят саботажники». Негативное отношение к «подрыву» Советской власти, дискредитации полугосударственных профсоюзов и саботажу чиновников, равно как и признание коммунистов арбитрами в споре, здесь, как видим, выражено отчетливо. Принять эти изъясления политической лояльности за чистую монету однако трудно, если учитывать причину конфликта. Экономический спор сразу же переводится в сферу политики не случайно. Использование именно политических формулировок или обвинений как приема самозащиты привычно для многих рабочих прошений и жалоб, а данное постановление фактически и является такой жалобой, несмотря на свое «протокольное» оформление. В этом контексте критика чиновничества, обычная для оппозиционных документов, выглядит уже знаком одобрения власти.

Приведем и еще один пример. На заседании уполномоченных от рабочих фабрики «Скороход» 29 января 1921 г.²³¹ речь

²³⁰ Там же. Оп. 4. Д. 46. Л. 24.

²³¹ Протокол заседания уполномоченных от отделений фабрики «Скороход» 29 января 1921 г.: Там же. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 3. Л. 31—32.

не шла о «политике» — говорили о прогулах. Один из выступавших сетовал на то, что члены заводоуправления ввиду занятости не могут находиться в отделениях и «убеждать рабочих, что в настоящее время наша Советская Россия — это действительно наша». Из этого замечания, казалось бы, нетрудно сделать вывод о том, как рабочие относились к власти — если не принять во внимание контекст спора. Рабочие допускали прогулы не потому, что не считали Советскую Россию «своей», а вследствие различных обстоятельств «материального» порядка. Здесь имели значение голод, низкие расценки труда, отсутствие общественного транспорта, обязанность выполнять ввиду простоев «черную», непрофессиональную работу. Для заводской администрации использование именно политических аргументов против прогулов оправданно — возможно, другие из доводов оказались неэффективными. Установление зависимости между прогулами и «политикой» здесь может быть расценено как поиск инструментов воздействия на рабочих, а не как фиксация реального положения дел. Разумеется, нет оснований обвинять администрацию в каких-либо натяжках или даже в фальсификации. Существование зависимости между тем, считают ли рабочие «своими» государство в целом и фабрики в частности, и тем, допускают ли они прогулы на «своих» предприятиях, представляется вполне логичной. Но основываться только на таком формальном подходе, игнорируя специфику трудовых конфликтов в начале 1920-х гг., нельзя. Можно встретить немало свидетельств о том, что рабочие, одобрявшие государственную политику, тут же угрожали забастовкой, если их экономические требования не будут удовлетворены.

Элементы косвенной критики государственных учреждений довольно часто можно обнаружить в протоколах фабрично-заводских собраний. Иногда она проявляется в том, что подвергаются сомнению разные трактовки причин экономических трудностей.²³² Фраза одного из выступавших на общем собрании рабочих и служащих 1-й государственной словолитни 25 апреля 1921 г. — «власть должна принадлежать рабочим массам»²³³ — также может быть оценена двояко: и как элемент обычных для

²³² См. выступление рабочего Парадника на делегатском собрании завода «Большевик» 26 декабря 1923 г. «Положение завода как будто бы улучшается, но не улучшается положение рабочих. В прошлом как говорили: “Потерпите, сейчас война, мы должны отразить врагов”» (Там же. Ф. 4591. Оп. 7. Д. 12. Л. 206).

²³³ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 96–96 об.

того времени «агиток», и как свидетельство недовольства рабочих. Последнее могут иллюстрировать и реплики на собрании о том, что не выполняются наказания, данные при перевыборах в Петросовет.²³⁴ Определенный интерес для исследователя политической психологии масс в данном контексте представляет сравнение содержания прений с содержанием постановлений, явившихся итогом собраний. На общем собрании рабочих Центральных ремонтных мастерских государственных типографий 15 мая 1920 г.²³⁵ один из ораторов «призывал в речи дать отпор врагу и записываться в добровольцы на польский фронт». Собрание же реагировало на его призыв следующим постановлением: «ответим на дерзкий вызов панов тем, что удвоим нашу трудовую дисциплину и повышенной производительностью работы в тылу, чем окажем поддержку фронту». Не исключено, конечно, что постановление готовилось заблаговременно, но все же примечателен диссонанс между призывом к рабочим и ответом на него.

Особо пристального рассмотрения требуют те случаи, когда рабочими нарочито подчеркивается различие ими критики Советской власти как таковой и ее бюрократических учреждений. На делегатском собрании Невского судостроительного и механического завода 31 марта 1921 г.²³⁶ один из ораторов, в частности, заявлял: «Рабочие вправе быть недовольными тем, что Советская власть дискредитируется плохими исполнительными элементами». Это может быть оценено как косвенное одобрение власти, но нужно иметь в виду, что сказаны эти слова были скорее всего (как следует из контекста) руководителем местного профкома. Если учесть, сколь часто профсоюзные чиновники стремились разъяснить рабочим, что в их трудностях виновата не власть, но бюрократы, ей противящиеся, то необходимо признать, что такая реплика — всего лишь элемент пропагандистского воздействия, а не изложение позиции рабочих. Такая же двусмысленность свойственна и выступлению другого оратора на этом же собрании, заявившего: «Всякий рабочий, побывавший у власти более полугода, становится бюрократом чуть ли не прежнего типа». Правда, он сразу оговорился о том, что «считает необходимым через каждое полугодие обновлять состав наших правителей путем перевыборов на их места дру-

---

²³⁴ Там же. Ф. 6014. Оп. 5. Д. 5 Л. 56—56 об.

²³⁵ Там же. Ф. 4804. Оп. 4. Д. 19. Л. 81.

²³⁶ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 91—92.

гих людей из числа рабочих». Однако его первая реплика весьма красноречива: виноватым оказывается не столько бюрократ, сколько та система, которой он служит. «Пусть они примут меры против тех, кто ездит на автомобиле, кто пристроился к Советской власти» — читаем мы о выступлении в прениях одного из ораторов, Панкина, в другом документе — протоколе общего собрания рабочих и служащих Невского судостроительного и механического завода 2 апреля 1921 г.²³⁷ Эти слова здесь же были поддержаны еще одним выступавшим — Васильевым, особенно ярко клеймившим тех, «которые присоседились в центрах и живут лучше, чем в старое буржуазное время», тех, «кто разъезжает в салон-вагонах, в автомобилях, которые жрут, как коровы». В первом случае оратор сопровождает свою речь оговоркой: «пристроился» — она может быть даже оценена как признак косвенного различия власти и лиц, ее дискредитирующих. В другом случае такой оговорки нет, но здесь обличение лишено отчетливо политического оформления: критикуется собственно лишь получение материальных льгот.

Отчасти выражением косвенной антигосударственной критики можно счесть требование ревизии государственных органов, сокращения штатов и вообще громоздкости учреждений, прекращения «кумовства» при назначении на должности. Политизация их оттеняется отчетливо, когда эти требования выдвигаются вкупе с оппозиционными лозунгами и являются как бы частью программы политической демократизации. С другой стороны, нельзя не замечать и оговорок, сопровождавших такие требования — контекст здесь очень важен. В постановлении общего собрания рабочих и служащих завода «Арсенал» 11 февраля 1921 г.²³⁸ есть требование «уничтожить бюрократизм, рост канцелярщины и чиновничества», но тут же содержится и следующее его разъяснение: «за счет более производительного и полезного для страны труда». Тем самым существенно смягчается политическая направленность антибюрократических лозунгов. Весьма важно и помещенное в этом пункте постановления замечание о том, что ликвидация бюрократизма позволит «положить конец росту новой советской буржуазии». Если первая оговорка об общегосударственной пользе лишь вскользь отмечала политическую лояльность рабочих, то здесь

---

²³⁷ Там же. Л. 96—99 об.

²³⁸ Там же. Л. 174.

она нарочито подчеркнута антибуржуазным выпадом. Похожие оговорки можно обнаружить и в других рабочих документах. В поправках к наказу Беспартийному совещанию, одобренных делегатским собранием рабочих Трубочного завода 5 апреля 1921 г.²³⁹ предлагалось «сократить громоздкость учреждений до минимума, увеличить тем самым число лиц, занятых действительно производственным трудом». Именно мотивация антибюрократических действий служит в данном случае знаком политического конформизма. Требование общего собрания рабочих и служащих 2-й государственной электростанции 8 апреля 1921 г.²⁴⁰ — «принять меры к наибольшему сокращению советских организаций, где руководящим органом должны быть рабочие» — подчеркивает эту проблему несколько по-другому, с точки зрения пролетарской «чистоты» чиновничества, но и в этом случае, как видим, политическую оппозиционность обнаружить трудно.

Сокращение учреждений и вовлечение в их работу прежде всего пролетариев — вот две главных ноты, которые прослеживаются в низовых антибюрократических выступлениях. Сокращение штатов учреждений — это ведь не ликвидация государственных институтов, а скорее технократическая акция, позволяющая сделать их работу более эффективной и полезной для низов — никакой политической подоплеки здесь нет. Тем более нет ее и в разговорах об «орабочивании» госаппарата. Уже одно настойчивое пожелание «пролетаризации» госучреждений есть выпад не столько против Советской власти, сколько против старого (т. е. «буржуазного») чиновничества, якобы узурпировавшего права рабочих. Борьба против чиновников оказывается, таким образом, борьбой за чистоту Советской власти — и в этой ситуации амплитуда оппозиционных проявлений становится крайне малой.

Особо следует сказать о лозунге перевыборов Советов, выдвигавшемся в 1918–1921 гг. Его менее всего можно было считать выпадом против советской системы, если не учитывать двух обстоятельств. Прежде всего отметим, что этот лозунг был

---

²³⁹ Там же. Д. 14. Д. 11–11 об.

²⁴⁰ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. д. 71. Л. 1–1 об. Во многом эти требования повторяются в поправках к наказу Беспартийному совещанию, одобренных на общем собрании завода «Сименс» 9 апреля 1921 г.: «Добавить на заводы служащих конторского труда..., вернуть всех квалифицированных рабочих в заводы, как то: из продотрядов и советских учреждений» (ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 14. Л. 80–80 об.).

предложен социалистами впервые в 1918 г. и затем узаконен на Всероссийской конференции РСДРП(м) в январе 1919 г. — вместо прежнего лозунга «Власть Учредительному собранию». Это был именно лозунг политических оппозиционеров и не случайно в 1921 г. он наиболее отчетливо формулировался как раз в тех антиправительственных постановлениях, которые предлагались меньшевиками. Кроме этого, нельзя не обратить внимание и на оговорки, которыми сопровождалось выдвижение данного лозунга в рабочих документах зимы—весны 1921 г. В постановлении комиссии рабочих Балтийского завода (февраль 1921 г.)²⁴¹ перевыборы предлагалось провести тайным голосованием. О том же говорилось и в постановлении общего собрания рабочих 15-й Государственной типографии 7 марта 1921 г.²⁴² Отметим сразу, что оговорка о тайном голосовании несомненно имела политический смысл: этим косвенно высказывалось недоверие к практике выборов «по-советски». Подчеркнем, что именно партиячейки на предприятиях особенно настойчиво выступали за открытое голосование — это хорошо видно, когда знакомишься, например, с документами тех лет о перевыборах заводских комитетов. Правда, в постановлении балтийцев содержалось разъяснение: «для тех, кто имеет право участвовать в перевыборах». Но в последующие недели, начиная с конца марта 1921 г., мы чаще прочего встречаем в рабочих документах требования всеобщего и равного голосования для всех жителей Петрограда. А это было уже весьма далеко от тех оснований, которые отличали систему Советов — но весьма близко к «учредительской» схеме демократии. Таким образом, лозунг перевыборов Советов отчасти маскировал другие лозунги — «учредительские» — и потому трудно придавать ему исключительно «советское» обличье.

Политические аспекты можно обнаружить и во многих рабочих акциях, имевших в первую очередь экономическую подоплеку. Характерный пример — споры вокруг привилегированных пайков, выдаваемых «ответственным» партийным и советским работникам. Политический оттенок дискуссия о пайках приобрела тогда, когда прямо отмечалось партийное или политическое положение тех лиц, которые пайки получали. В частности, в постановлении общего собрания рабочих и служащих

---

²⁴¹ Там же. Д. 8. Л. 42—42 об.

²⁴² Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 64.

2-й Государственной электростанции 8 апреля 1921 г.²⁴³ после пункта, гласившего: «Всякие привилегированные пайки отменить» сразу же следовал другой: «Отменить всякие привилегии партийным». В наказе общего собрания рабочих и служащих 5-го ремонтно-строительного завода 6 апреля 1921 г.²⁴⁴ также требовалось «упразднение всех пайков: ответственных и привилегированных без исключения, как профессиональным, так и партийным работникам». Политические элементы в этой дискуссии ощутимы и в том случае, когда обсуждалась правомерность разделения трудящихся по особым пайковым разрядам в «пролетарском государстве». «Во времена самодержавия нас... разбивали на два класса, класс привилегированных и класс неимущих. И тогда это деление оправдывалось и основывалось на капиталистическом строе, ну а теперь, что при коммунистическом строе, который признает братство и равенство, почему теперь существуют эти деления?» — спрашивал один из выступавших на собрании рабочих и служащих Невского судостроительного и механического завода 2 апреля 1921 г.²⁴⁵ Отметим, правда, что в таком случае мы наблюдаем скорее критику «слева», содержание которой определяли не нападки на политическую систему, а протест против искажения ее основ.

Необходимо также учитывать и другое обстоятельство. Во многом критика «ответственных» пайков была инициирована спорами между самими рабочими о том, кто из них достоин был лучшего обеспечения продовольствием. Естественно, что возникали и обвинения «спецев» в том, что они необоснованно получают «усиленные» пайки — а это нередко оформлялось эгалитаристскими или даже социалистическими лозунгами и сопровождалось антибуржуазной риторикой. Политические наслоения в значительной степени были свойственны лозунгам свободы торговли и свободы труда, особенно часто выдвигавшихся рабочими в начале 1921 г. Поскольку запреты на торговлю и свободный переход на другие предприятия являлись одними из главных рычагов политики военного коммунизма, то выступления против них, как бы ни подчеркивали при этом свою лояльность рабочие, объективно были именно политическими выпадами. Отметим и такую деталь: радикализацию тре-

---

²⁴³ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 11. Л. 123.

²⁴⁴ Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

²⁴⁵ Там же. Ф. 4591. Оп. 1. Д. 13. Л. 93—95.

бований свободной торговли и свободы труда на протяжении нескольких месяцев зимы и весны 1921 г. Сначала они были довольно умеренными, в них прослеживалась ориентация не на полную ликвидацию запретов, но только на их смягчение, причем в ряде случаев прямо-таки ритуальной стала оговорка о том, что это помогает улучшить положение Советской Республики. Но уже в марте-апреле 1921 г. ситуация изменилась. Пункты о свободной торговле и свободном труде стали обязательной принадлежностью антиправительственных рабочих документов, во многом инициированных оппозицией. В них говорилось уже не об изменении правил поездок за продуктами и учете интересов рабочих при определении места их работы — но о полной ликвидации всех запретов, и даже о невмешательстве государства в товарообменную практику рабочих и о снятии всех «крепостных» (именно так их откровенно и называли) стеснений в сфере трудовых отношений.

Прямые политические отклики мы можем наблюдать обычно в тех случаях, когда рабочими оцениваются социалистические и другие оппозиционные партии, когда они выдвигают лозунги свободы слова и свободы печати. Оценки социалистов высказывались, с одной стороны, в общих докладах руководителей местных партийных и профсоюзных органов на собраниях (и здесь они были скорее отражением официальной позиции, чем личных взглядов докладчика), а с другой стороны — в выступлениях, в прениях, в репликах, выкриках с мест рабочих — т. е. в той ситуации, когда такие оценки могли быть высказаны лишь мимоходом, кратко. В выступлениях докладчиков на рабочих собраниях социалистам приписывалась инициатива различных акций, их роль и значение сильно преувеличивались. Но нужно иметь в виду, что это не столько являлось следствием реальных поступков оппозиционеров, сколько было элементом их идеологической дискредитации. Защита социалистов либо выступления против них рабочих зафиксированы в ряде протоколов фабрично-заводских собраний, но следует учитывать и тот контекст, в котором осуществлялись эти действия. На делегатском собрании Невского судостроительного и механического завода 31 марта 1921 г.²⁴⁶ один из выступавших, Кутын, заявил, что «беспартийные не могут согласиться с толкованием докладчика о причинах “волынки” на наших заводах, создан-

²⁴⁶ Там же. Л. 91—92.

ных якобы агитацией враждебных правительству политических партий». Он считал, что «агитировали в данном случае представители нашей власти, получавшие ответственные и другие пайки и жившие почти в полном довольстве, тогда как рядовые рабочие буквально голодали». Очевидно, что перед нами не столько апология социалистов, сколько обвинение властей. Оратор оценивает нападки на социалистов не как несправедливый упрек, но прежде всего как ширму, с помощью которой выгораживали себя чиновники — и как раз разоблачение чиновников его интересует здесь больше всего. Точно так же можно оценить и выступление на общем собрании рабочих и служащих завода Тюдор 24 февраля 1921 г.²⁴⁷ некоего Виноградова: «Во всем виновата власть, сваливающая все ... на эсеров и меньшевиков». Ничего о социалистах он больше не сказал, но говорил о «дутых победах труда», о лживости сообщений о кризисах за рубежом, о необходимости переизбрать Петросовет — т. е. перечислял то, что собственно, касается властей, а не их оппонентов. В выступлении делегата на Беспартийном совещании рабочих (апрель 1921 г.) Медведева на собрании рабочих и служащих Центральной государственной фабрики прозодежды 6 мая 1921 г.²⁴⁸ [Док. 20] нападки на меньшевиков в целом сопряжены с нападками на заводского меньшевика Лившица. Он «начал с того, то упомянул о той вредной работе, которую меньшевики, вроде Лившицев, ведут среди рабочих масс, именно тогда, когда она начинает принимать сурьезный и деловой характер, как на наших собраниях работу тормозят наши меньшевики, вроде Лившица, так и на общегородском совещании были свои Лившицы, пытавшиеся сорвать деловую работу совещания, превратить ее в политический митинг». Уже по тону полемики видно, что в этих обвинениях проявилась не только политическая неприязнь, но и личное раздражение. Заметно, что именно Лившиц, а не его безымянные «соратники» на Совещании, был главным объектом филиппик, причем накал обвинений был таков, что делегату Медведеву рабочие не дали закончить его доклад. Никакими политическими предпочтениями это не мотивировалось, и скорее всего импровизации Медведева были просто оценены как недопустимый личный выпад: сам же доклад был принят к сведению, выступавших в

---

²⁴⁷ Там же. Оп. 5. Д. 14. Л. 103.

²⁴⁸ Там же. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 4—4 об.

защиту меньшевиков, помимо самого Лившица, здесь не было. Отметим, однако, что в ряде случаев публичные оценки меньшевиков обуславливались даже не предпочтениями рабочих, а их опасениями подвергнуться репрессиям. На заседании представителей мастерских и заводоуправления Обуховского завода 19 июня 1922 г., в частности, решение о выходе рабочих на антиэсеровскую демонстрацию было predetermined словами председательствующего о том, «как бы отразился на положении рабочих невыход на демонстрацию».²⁴⁹

Лозунг свободы слова и печати в выступлениях рабочих обсуждался редко и почти столь же редко выдвигался в коллективных фабрично-заводских документах. В общественном восприятии существовала как бы градация предложений о свободе слова и печати по степени их политической лояльности: если данный лозунг предлагался без оговорок и не заменялся эвфемизмами («улучшать освещение событий в прессе», «публиковать в рабочей печати фабрично-заводские постановления» и т. п.), то в глазах чиновников он выглядел подозрительным и даже, как это произошло на общем собрании рабочих и служащих завода Дека 5 апреля 1921 г., следовал жесткий ответ: «свобода слова и печати для рабочих есть, а буржуазии мы не дадим».²⁵⁰ Наиболее радикально пункты о свободе слова и печати формулировались в рабочих постановлениях весны 1918 г. и зимы—весны 1921 г. и во многом эту радикальность следует объяснить активностью социалистов. Однако большинство выступлений в защиту слова и в это время отличались умеренностью, их сопровождали оговорки о том, что это нужно в интересах советской Республики, для борьбы с недостатками. Такой подход проявлялся даже тогда, когда, казалось бы, протест против запретов на свободное слово звучал весьма жестко. На собрании рабочих и служащих завода Новое Адмиралтейство 16 мая 1921 г.²⁵¹ один из выступавших объяснял возникновение «волынок» «лишь тем, что у рабочих нет никакого желания принимать участие ни в каких делах из-за отсутствия свободного слова и печати, так как рабочий не имеет права высказать своего мнения, боясь преследований» — но несмотря на определенный пафос этой речи и элементы «системной» критики, ее мо-

---

²⁴⁹ Там же. Ф. 1275. Оп. 13. Д. 3. Л. 11.

²⁵⁰ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 14. Л. 52.

²⁵¹ Там же. Д. 13. Л. 47.

тивационная часть вполне благонамеренна и традиционна для изъяснения политической лояльности. Подчеркнем, что даже в политическом постановлении рабочих и служащих 5-го ремонтно-строительного завода 6 апреля 1921 г.²⁵², где нашлось место и лозунгам перевыборов Советов «на основе всеобщего избирательного права, прямым, явным, тайным голосованием» и полной амнистии «всем политическим заключенным за свои политические убеждения», — и там отмечалось, что свобода слова и печати необходима «для правильного течения государственной жизни». Впрочем, и прекращение террора здесь предлагалось ввиду того, что «это не умиротворяет жизнь Советской России, а только возбуждает рабочие и крестьянские массы против Советской власти».

Вопрос о том, насколько искренне здесь выражались настроения рабочих и не обнаруживаем ли мы тут специфический прием самозащиты от политических обвинений, требует, конечно, особого рассмотрения. Не исключено, что первоначально источником раздражения рабочих было именно утаивание официозной прессой правдивой информации — не обязательно информации политической, а касающейся, например, бытовых нужд рабочих. Это раздражение могло быть впоследствии использовано социалистами, как правило, придававших примитивным устремлениям рабочих иной, политический регистр сложности — но мотивация низовых протестов оставалась в рабочих документах как реликт, указывавший на их происхождение. Эти реликты можно обнаружить во многих источниках, в т. ч. и косвенных. Так, на делегатском собрании Невского судостроительного и механического завода 31 марта 1921 г.²⁵³, слушавшем доклад представителя ВСРМ, один из его участников, Борткевич, обратил внимание на то, что «из доклада мы узнали не больше того, что уже знаем из газет». Это признание характерно уже тем, что выявляет не сколько восприятие слушателем доклада, сколько отношение его к прессе вообще. Это обнаруживается, когда читаешь дальнейшее изложение реплики Борткевича: «Поэтому просит пояснить подробнее о положении дел внутри страны, т. к. в ходе событий чувствуется что-то неясное, а недоговоренность создает разноречивые толки в массах...». Итак, выясняется, что оратор недоволен содержанием газет, хотя и не говорит об этом прямо — но здесь же мы снова

---

²⁵² Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 86. Л. 76.

²⁵³ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 91—92.

встречаем примечательную оговорку, стремящуюся нейтрализовать возможный политический оттенок вопроса.

Протоколы фабрично-заводских собраний, как и другие документы по истории политической ментальности, требуют очень осторожного подхода, когда речь заходит о полноте и точности изложения взглядов различных людей. Прежде уже приходилось говорить о том, насколько сложно оценивать постановления собраний как документ, отражающий настроения рабочих. Отчасти это можно сделать, обнаружив близость содержания стенограммы прений на собрании и его итогового документа. Так, постановление общего собрания рабочих Балтийского судостроительного и механического завода 10 февраля 1921 г.²⁵⁴ [Док. 21] очень конкретно, требования его сформулированы кратко и оно не содержит риторических прикрас и тесно связано с прениями, возникшими на собрании. Обратим также внимание на содержащуюся в протоколе фразу: «предложение Анцеловича [об избрании комиссии для выявления нужд рабочих] принимается со следующими наказами» — далее помещен перечень требований, насчитывавший свыше десятка пунктов. Слово «наказ» здесь употреблено во множественном числе: этим или отмечалась многочисленность пунктов или, что тоже нельзя отметить, факт разных поправок («наказов») с мест. В пользу последнего можно привести следующие аргументы. Обычно в рабочих документах слово «наказ» приводится в единственном числе и означает систематическое изложение требований. Использование же этого термина во множественном числе допускается очень редко и косвенно указывает на фрагментарность, разрозненность постановления. В этом можно убедиться, если, во-первых, оценить степень стилевой унификации пунктов. Некоторые из них просто отмечают какой-либо вопрос: «снабжение рабочих и их семейств предметами первой необходимости», «снабжение рабочих прозодеждой и обувью», но другие содержат и описание мер, которые должны быть предприняты для улучшения быта: «пересмотреть распределение... пайка», «улучшить положение работающих на дровах». Поэтому возникают сомнения в том, предпринималась ли здесь синтезирующая редакция пунктов, а значит, предлагался ли изначально какой-либо системный документ и не представляет ли последний собственно конгломерат высказанных в ходе собрания различных замечаний. Во-вторых,

²⁵⁴ Там же. Д. 8. Л. 26–28 об.

примечательны синтаксические отклонения в ряде пунктов, в частности, в пункте втором: «членам Петросовета не занимать должности заведующих столовыми и т. д. и требовать свободного доступа для работы в Центре, [для чего] образовать группу беспартийных». Это обычно происходило, когда такой пункт по мере обсуждения обрастал «разъясняющими» дополнениями. Распадающиеся, не связанные общей синтаксической конструкцией части этого предложения и есть своеобразные «наслоения», ставшие итогом дискуссии. И, наконец, отметим еще одно обстоятельство. Как правило, в предварительно подготовленных и предложенных рабочим общих системных документах соблюдается определенная иерархия требований: сначала формулируются политические пункты, затем те, которые затрагивают общие вопросы экономической жизни всего государства, и лишь потом — те, где освещаются частные, «материальные» запросы: о пайках, одежде, бане.

В постановлении комиссии рабочих Балтийского завода, избранной собранием 10 февраля 1921 г.²⁵⁵, эта иерархия проявляется очень отчетливо. Начинается постановление с требования перевыборов Советов «тайным голосованием», затем говорится о созыве «общегородской беспартийной конференции», протесте против действий ЧК, о «свободной торговле» и только потом начинают перечисляться «житейские» просьбы: об одежде, обуви, пайках, рукавицах, отпусках, сокращении волокиты при выдаче карточек и т. д. Там же, где обсуждение не ограничивается рамками комиссии, т. е. на общезаводском собрании, сразу замечается какая-то хаотичность в чередовании и формулировании требований: перевыборы Советов отмечаются в первом пункте, созыв беспартийной конференции — в одиннадцатом, между ними — пункты о бане, об «откреплении детских карточек от столовых». Какой-то импровизацией кажется и пункт о том, что «членам Петросовета не занимать должности заведующих столовыми» — традиционно почти во всех фабрично-заводских постановлениях это излагалось в «общем виде»: «усилить борьбу с бюрократизмом», «оработить государственный аппарат» и т. д.

Заметим попутно, что импровизации в текстах фабрично-заводских документов, предложенных вышестоящими структурами, также могут указывать исследователю на определенное участие низов в выработке коллективных постановлений.

---

²⁵⁵ Там же. Л. 42—42 об.

В постановлении делегатского собрания рабочих и служащих завода «Большевик» 26 февраля 1923 г.²⁵⁶ мы встречаем такую фразу: «Заслушав доклад, ... делегатское собрание констатирует, что рост авторитета, благодаря правильной политике наших представителей, достиг высшей ступени». Здесь очевидно упрощение традиционного клише: предложение сокращено (закономерны вопросы: чьего авторитета?, каких представителей?), заметно неправильное словоупотребление («рост ... достиг высшей ступени»). Учитывая канцеляризмы («констатирует»), нельзя исключать того, что текст составлялся не самими рабочими, а кем-то из президиума собрания, но все же с большой долей уверенности можно предположить, что постановление формулировалось именно «снизу», на собрании, и не представляло собой «заготовку», предложенную высшими инстанциями: в этом случае постановления обычно бывали «развернутыми» и не отличались анонимностью. Постановление общего собрания мастеровых Коробочной фабрики 19 июня 1918 г.²⁵⁷ также имеет отпечаток низового творчества, хотя и индивидуального: текст, как следует из его протокола, был предложен одним из «товарищей», избранным в Совет, но сомнительно, чтобы он правильно использовал отшлифованные клишеобразные агитационные формулы: «Депутаты доложили отстаивать Советскую власть», «стремиться к дальнейшему улучшению рабочих и беднейших крестьян».

«Снижение» риторики текста посредством использования разъясняющих, конкретных примеров и вследствие стилистических отклонений, придающих ему определенную фрагментарность — тоже индикатор «низового» творчества. В постановлении общего собрания рабочих Балтийского судостроительного завода 14 января 1921 г.²⁵⁸ пункты разделяются как бы на две части. Первая из них излагает требования, вторая — мотивирует их, говорит о последствиях, которые возникнут, если требования не будут выполнены либо просто уточняют пожелания рабочих: «Требуем, чтобы власть изменила порядок действия заградительных отрядов..., чтобы таковые не отбирали провозимых продуктов у рабочих, едущих в отпуск и их жен, имеющих на это особые удостоверения, выданные по месту службы рабочего», «распустить продотделы, имеющиеся при Союзах,

---

²⁵⁶ Там же. Ф. 1275. Оп. 13. Д. 8. Л. 3.

²⁵⁷ Там же. Ф. 4804. Оп. 2. Д. 6. Л. 10.

²⁵⁸ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 24.

которые затрачивают много сил и средств, а рабочих не снабжают никакими продуктами, а всю заготовку продовольствия сосредоточить в руках Петрокоммуны». Подробность предложений и отсутствие их литературной отделки — знак того, что они могли, если не составляться, то во всяком случае обсуждаться и дополняться низами. А вот перед нами постановление общего собрания завода «Новый Лесснер» 14 февраля 1921 г.²⁵⁹, о котором точно известно, что оно было предложено членом ЦК РСДРП(м) А. Каменским. Сначала мы видим здесь перечисление исключительно политических лозунгов, которых даже не касались балтийцы: «полной отмены террора над городом и деревней, над рабочими и крестьянами», «восстановления полной свободы слова, печати, неприкосновенности личности и права рабочих и крестьян создавать свои независимые организации и политические партии», а затем следует и «программа-минимум»: «отмены всяких ... привилегированных пайков», «снятия всяких заградительных отрядов, реквизирующих у голодающих петроградских рабочих ввозимые ими продукты», «свободный въезд и выезд из Петрограда». Никаких оговорок, разъяснений и дополнений — одни лозунги, четко и кратко сформулированные, имеющие, как правило, общий характер (отражающие интересы не только рабочих, но и крестьян) и не ограниченные аудиторией только данного завода.

Сама по себе «конспективность», сжатость изложения требований, конечно, не может однозначно свидетельствовать о том, что документ составлялся не рабочими. Но именно отшлифовка лозунгов, широкое использование традиционно употребляемых клише и соотнесенность их с основными постулатами оппозиционных партий обращает на себя особое внимание и сигнализирует о необходимости осторожного подхода к такого рода документам. В частности, в постановлении рабочих завода «Сименс» 1 февраля 1921 г.²⁶⁰ мы обнаруживаем ту же пресловутую краткость. Но оно представляет собой столь своеобразный хаотичный конгломерат частного и общего, протокольных записей, собственно постановления и информационных вкраплений, в котором не соблюдены ни синтаксис, ни обычная иерархия требований, что вряд ли возникнет предположение, будто это

---

²⁵⁹ Протокол общего собрания завода Новый Лесснер 14 февраля 1921 г.: Там же. Д. 12. Л. 167–168.

²⁶⁰ ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 315. Л. 17.

кто-то готовил задолго до начала собрания: «1) выражается солидарность ко всем рабочим, оставившим работу. Требуем: свободы слова, свободы печати, продовольствия, полное уравнивание пайков 2. Протестуем о закрытии нашего завода и распределении рабочих на другие заводы. Ни один рабочий на другие заводы не пойдет. 3. Об откреплении (рабства) от заводов, дать полную свободу перехода с завода на завод. Работу прекратили в 9 часов утра 26.02.1921».

Сверяя тексты прений и постановлений, отметим, что прямой связи между ними может и не быть, но в итоговом документе все же часто отражаются, хотя и косвенно, либо общая направленность прений либо какие-то их детали. На общем собрании рабочих и служащих завода Тюдор 24 февраля 1921 г.²⁶¹ возникла дискуссия о причине разрухи в России. Версии официальных докладчиков некоторыми рабочими были оспорены, но о сущности прений в постановлении ничего не говорится — зато там содержится примечательный пассаж против самой попытки критики официозной версии: «Тех же, кто... старается внести разброд в нашу среду и призывает к недоверию органам власти, клеймим позором, твердо помня, что предательства от своих же братьев рабочих, посланных нами в верховные учреждения, мы ожидать не можем». Этот документ, таким образом, пусть и косвенно, но все же может быть соотнесен с прениями на собрании. Голосование здесь отчасти было направлено не только против безымянных «раскольников», но и против местных рабочих-оппозиционеров — один из них, например, прямо заявил на этом собрании о том, что «нынешний состав Петросовета должен быть признан нетрудоспособным» и выразил удивление тем, что «несмотря на истечение срока, он продолжает работу».

В ряде случаев задача определения авторства постановлений может быть решена и без изощренного текстологического анализа. Когда мы обнаруживаем почти сходные по содержанию политические постановления, принятые за короткий срок на нескольких предприятиях, то нельзя исключать, что одобрение документов осуществлялось и за счет «живой связи» (как ее тогда называли) между фабриками и заводами: с рядом примечаний одобрялся наиболее авторитетный и систематизированный политический текст. Иногда можно встретить добавления в виде по-

---

²⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 14. Л. 103.

правок к итоговым документам, особо отмеченные в протоколах (очень часто это происходило при обсуждении наказа Беспартийному совещанию весной 1921 г.) — тем самым лучше выявлялась механика компоновки постановлений. И, наконец, нельзя не обратить внимание на те случаи, когда постановления, хотя и были по-своему логичны и могли быть объяснены политическими обстоятельствами, все же противоречили житейским правилам людей. Едва ли одобренное работницами 2-й Государственной типографии 15 мая 1919 г. постановление — «считать счастьем отдать своих мужей в ряды доблестной Красной Армии»²⁶² — отражало их подлинные настроения в тех условиях, когда потеря кормильца усугубляла и без того голодное существование семей, если вообще можно допустить, что охотно, считая это «счастьем», отправляли на смерть близких и любимых людей.

Примечателен и инцидент, произошедший на общем собрании рабочих и служащих 2-й Государственной табачной фабрики 26 марта 1923 г.²⁶³ во время обсуждения «текущих дел». Как следует из протокола, «некоторыми рабочими вносятся заявления о том, что на прошлом общем собрании неправильно было вынесено постановление о коллективной подписке на Петроградскую Правду». Можно предположить, что это были люди, недовольные подпиской — иначе зачем было вновь обращаться к этому, если дело касалось лишь формальностей; учтем и то, что повторное голосование, которое стало ответом на такие заявления, решало вопрос именно о том, осуществлять или нет подписку. Но вот что парадоксально: протокол фиксирует, что «коллективная подписка на Петроградскую Правду вторично принимается единогласно». Получается, что и те рабочие, которые выступали против подписки, также голосовали за нее — или все-таки нужно допустить, что на собрании не успели точно подсчитать голоса всех 1400 его участников.

Отметим особо, что постановление, если оно имело политический характер, могло быть и не связано с дискуссиями рабочих, но представляло собой часть ритуальных действий, ставших столь частыми, привычными и далекими от подлинных нужд рабочих, что они не вызывали ни споров, ни возражений. В этих случаях не приходится удивляться тому, что

---

²⁶² Протокол общего собрания работниц 2-й Государственной типографии 15 мая 1919 г.: Там же. Ф. 4804. Оп. 3. Д. 22. Л. 29.

²⁶³ Там же. Ф. 6261. Оп. 8. Д. 46. Л. 97.

итогом собрания, ожесточенно обсуждавшего вопросы о тарифах и пайках, являлось постановление с призывом дать отпор Колчаку. И все же иногда мы можем обнаружить в текстах протоколов соотнесенность прений и постановлений. Нередко зазор между ними весьма велик, но то, что проекты постановлений отчасти включали импровизации низов, а не только представляли собой некую агитационную «заготовку», предназначенную для многоразового употребления в рабочих аудиториях, несомненно. В частности, на общем собрании рабочих и служащих 1-й Государственной словолитни 7 марта 1921 г.,²⁶⁴ в прениях «выступали некоторые рабочие, которые указывали на отдельные упущения со стороны советских учреждений; на невозможность существования при существующей оплате труда; на необходимость дать возможность проезда рабочим ... для закупки продуктов». Теперь посмотрим, как эти жалобы отразились в постановлении собрания: «...Заявляем, что стоя на основе Советской власти, мы не закрываем глаз на крупные недостатки и волокиту в советских учреждениях, а также и на плохое снабжение рабочих и служащих продовольствием и предметами первой необходимости, поэтому мы считаем необходимым, чтобы в скорейшем времени были увеличены тарифные ставки и тариф вообще должен быть пересмотрен в смысле переведения оплаты труда на натурпремирование. Снабжение предметами должно быть достаточным и его необходимо передать всецело в ведение профсоюзов. Дать возможности рабочим и служащим делать дальние поездки за продуктами. Заградительные отряды переорганизовать и влить в них ответственных работников... Советы рабочих и красноармейских депутатов должны давать отчет о своей деятельности».

Мы нарочито прибегли к столь обильному цитированию, чтобы четче отметить элементы последующей редакции «жалоб» в прениях и превращения их в некое прошение-постановление. Прежде всего подчеркнем ритуальную оговорку «стоя на основе Советской власти». Это обязательная принадлежность всех привнесенных «сверху» в рабочую среду политических документов. В изложении прений никаких оговорок о лояльности нет, но даже если допустить, что такую формулировку предложили сами рабочие, то в свете последовавшего затем оформления конформистскими мотивировками низовых просьб она выгля-

²⁶⁴ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 58–58 об.

дит весьма символично. Не очень отчетливо выраженные, лишённые каких-либо осторожных оправданий, жалобы рабочих в этом постановлении как-то постепенно дополняются перечнем мер по ликвидации выявленных упущений. И сразу становится видно, что эти меры — прежде всего инструмент ограничения недовольства рабочих, заключения его в строго регулируемые рамки. Если есть нарекания на работу снабженцев, то их полномочия предлагается передать большевизированным профсоюзам, а не особым ревизионным комиссиям рабочих (а ведь были в начале 1921 г. и такие предложения). Не всеобщее уравнивание пайков и не лишение пайковых привилегий партийцев, а только увеличение тарифных ставок, не снятие заградотрядов, а лишь пополнение их другими чиновниками, не перевыборы Советов, а только предоставление регулярной отчетности о их деятельности — каждая из мер, отмеченных в постановлении, словно «дисциплинирует» стихийный порыв рабочих, показывает, что делать можно и что делать нельзя. В феврале 1921 г. Президиумом ПГК ВСРМ разбирались почти такие же жалобы рабочих заводов Балтийский и Дюмо²⁶⁵ и можно обнаружить все те же попытки снизить накал недовольства низов посредством лояльных интерпретаций и определения круга не очень радикальных стабилизационных мер. В постановлении общего собрания рабочих 15-й Государственной типографии, принятом в тот же день, 7 марта 1921 г.,²⁶⁶ и после доклада того же представителя ВСРМ, который выступил и в словолитне, эти схемы, упорядочивавшие низовой протест, были отвергнуты — и соответственно проявились жесткость и радикальность требований: «...Товарищам дать следующий наказ: ... 3) о снятии заградительных отрядов 4) об уравнивании всех рабочих в пайке 5) о перевыборах всех Советов тайным голосованием».

Как они обсуждались рабочими 1-й государственной словолитни, почему они одобрялись ими — это особый вопрос. Нас должны насторожить здесь два обстоятельства. Это, во-первых, какая-то сугубая разветвленность, подробность, систематичность антикризисных мер — они явно контрастируют с краткостью изложения речей рабочих, выступления которых, видимо, не были ни многочисленными, ни вызывающими («некоторые рабочие ... указывали на отдельные упущения»). Во-вторых,

²⁶⁵ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 6. Л. 6, 12—12 об.

²⁶⁶ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 64.

можно обнаружить, что предложенные здесь меры не отличались новизной. На других предприятиях предлагались столь же приемлемые для властей формы разрешения конфликтов — это почти универсальный метод умиротворения рабочих. Исходя из этого, можно предположить значительное участие верхов в оформлении низовых постановлений. Но тогда возникает другой вопрос: почему они принимались массами? Механизм принятия решений на собраниях не очень четко документирован и в большинстве случаев мы узнаем лишь о том, принято или отвергнуто было какое-либо постановление. И все же отметим такие факты, влиявшие на позицию рабочих: 1) авторитет управленческих и профсоюзных структур, 2) присутствие на предприятии представителей оппозиционных партий, 3) угроза репрессий, 4) разобщенность рабочих, их нежелание брать на себя ответственность за других, опасение не получить должной поддержки, 5) аполитизм и конформизм рабочих, стремление за неимением лучшего получить хотя бы малое, 6) личные отношения и групповые связи, 7) общественная активность и партийные ориентации. Подчеркнем также, что определенная критика «верхов» в постановлении могла имитировать критический настрой рабочих и делать постановление созвучным их устремлениям. В протоколах рабочих собраний влияние этих факторов выявить иногда очень сложно. Требуются дополнительные источники (сводки, донесения, отчеты, письма), но все же обнаружение их во многом позволяет решить вопрос о том, могло ли быть одобрено решение, даже если оно противоречиво взглядам рабочих.

Мы уже отмечали выше, что ряд фабрично-заводских постановлений (особенно тех, где выражалась политическая лояльность) почти копировал агитационные «заготовки» верхних структур. Именно местные импровизации, упрощавшие предложенный «сверху» текст, в какой-то мере помогают оценить степень низового участия в подготовке документов. То же можно сказать и об общих докладах, которые предлагались на фабрично-заводских собраниях. Особый примитивизм речи был присущ местным ораторам. Представители районных и городских партийных комитетов, губернских и отраслевых профсоюзных структур, как это видно из протоколов (иногда очень подробно воспроизводивших их речи), обладали навыком в агитационной работе. Техника их выступлений являлась более

усложненной, им был присущ определенный уровень политической культуры. Едва ли, даже скороговоркой произнося доклад, они могли позволить себе такую оценку революции в Германии в 1923 г.: «Все кулаки Германии забрали себе хлеб и, конечно, не дают пролетариату, а говорят определенно, чтобы они находились под башмаком буржуазии и чтобы не возникла там революция».²⁶⁷ Нельзя, правда, исключать то, что здесь мы имеем дело с импровизацией стенографа, либо не успевшего подробно записать речь, либо «обобщившего» ее в соответствии с теми политическими представлениями, которыми он обладал. Среди документов можно обнаружить, например, и такую запись выступления одного из ораторов на собрании работниц в 1922 г.: «Тов. Буревич обрисовал общее положение. ...Капиталисты просят... отдать фабрики. За что предлагают денег! Но так, как у нас сейчас на Поволжье урожай и мы их угроз не боимся!»²⁶⁸ Своеобразие личности стенографа здесь выявляется и междометиями, и хаотичностью построения предложения — несогласованием его частей, обрывом фраз и какой-то особой, «житейской» интонацией («предлагают денег») при рассказе о политико-экономической ситуации.

Необходимо, однако, иметь в виду, что сокращение и редакция текста требовали некоторых культурных навыков. Когда мы обнаруживаем примитивность изложения, то должны допустить, что перед нами может быть вовсе и не обзор, более или менее полный, всей канвы доклада, а воспроизведение нескольких отрывочных фраз, которые уловил стенограф. Здесь следует обратить внимание на причинно-следственную связь между отдельными предложениями, степень фрагментарности последних, просторечие и наличие жаргонизмов в письме. В ряде случаев можно наблюдать, как стенограф, излагая ход собрания, дает собственные оценки тем или иным лицам, превращая протокол в некое подобие отчета. Составитель протокола общего собрания рабочих и служащих 1-й Государственной словолитни 25 апреля 1921 г.²⁶⁹, передавая речь члена Петросовета Ф. Яковлева об ограничении «свободы торговли», излагает и его мотивировки, но в своеобразном оформлении: «докладчик указал ... что со-

²⁶⁷ Там же. Оп. 7. Д. 89. л. 136 об.—137 (Протокол делегатского собрания Государственной типографии 19 ноября 1923 г.).

²⁶⁸ Протокол собрания женщин 4-й Государственной типографии 24 октября 1922 г.: Там же. Оп. 6. Д. 35. Л. 11.

²⁶⁹ Там же. Оп. 5. Д. 77. Л. 96—96 об.

крашение свободной торговли ... сделано будто бы в интересах самих рабочих». Возникает вопрос: кому принадлежит оговорка «будто бы» — докладчику или стенографу. Если докладчику — то следует признать весьма неожиданной (для депутата Совета, по своему положению в тех условиях должном быть лояльным) и не очень логичной такую неожиданную концовку выступления, в котором спокойно, даже нейтрально, обстоятельно рассказывалось о позиции Петросовета — без каких-либо протестов, сомнений или подозрений. Поэтому нельзя исключать того, что эта оговорка могла отражать взгляды стенографа, — тем более, что известно, с каким скептицизмом воспринимали рабочие весной 1921 г. попытки чиновников ввести торговлю в регулируемые рамки. Такие импровизации, разумеется, важны, если мы стремимся выяснить настроение стенографа — но ценой за это будет искажение взглядов других людей.

В ряде случаев проверить достоверность изложения стенографа мы можем, сравнив его описание с данными прессы, политических сводок, а также других документов, подготовленных партийными, государственными и общественными структурами. В отчете о делегатском собрании рабочих и служащих фабрики «Скороход» 4 апреля 1921 г., опубликованном «Красной газетой»,²⁷⁰ дано полубеллетристическое описание возникшего на фабрике спора об уравнивании пайков. В протоколе собрания²⁷¹ эти споры не отражены, а отмеченное репортером «Красной газеты» «предложение о необходимости включить в наказ пункт о немедленном уравнивании всех в пайке» здесь получило такую редакцию: «распределять продукты между всеми одинаково, чтобы не было никаких групп «А» и т. д.». Здесь еще нет противоречия между газетным и протокольным текстами — они появляются тогда, когда сообщается о решении собрания. В протоколе оно записано так: «Отклоняется [предложение] всеми против 2-х». А вот газетная заметка: «Предложение принимается с оговоркой уравнивать всех в пайке, как только у Петрокоммуны явится к тому возможность». Казалось бы, тут две противоположные версии решения — но рассмотрим внимательнее эти тексты. Мы увидим, что несмотря на разные редакции постановления, они фактически в главном схожи. Оговорка о том, что уравнивание в

---

²⁷⁰ Красная газета. 1921. 5 апреля.

²⁷¹ Протокол делегатского собрания рабочих и служащих фабрики «Скороход» 4 апреля 1921 г.: ЦГА СПб. Ф. 1776. Оп. 23. Д. 10. Л. 46–49 об.

пайке должно производиться только по мере возможности, почти равносильно решению об отклонении уравнения — ведь этой возможности тогда не было.

Большое значение для выявления достоверности протоколов имеет определение степени фрагментарности изложения ими какого-либо события. Обычно встречаются несколько вариантов протоколов: подробное, почти стенографическое воспроизведение докладов и прений, краткое их изложение, изложение, в котором отсутствует описание одной из частей протокола (доклада или прений), и, наконец, только краткая сводка обсужденных вопросов и решений по ним, помещаемая, как правило, в разделе «слушали — постановили». Передавая доклад, традиционно протоколист выделял в нем постановку главных проблем, их краткое разъяснение и определение перспектив будущего — видимо, следуя здесь логике самого доклада. Сообщая о докладе заместителя председателя Петросовета Г. Е. Евдокимова на общем собрании рабочих и служащих Ижорского завода 7 апреля 1921 г.²⁷², составитель протокола следует за нитью рассуждений оратора, нигде не обрывая ее: сначала описывается положение государства (весьма сложное и угрожающее), затем отмечались и те, кто ему угрожает, говорится о том, что это побуждает сторонников Советской власти быть крепкими, и далее — о том, как приобрести эту «крепость». Та же логичность присуща и описанию доклада представителя президиума Петрогубпрофсовета Милейковского на общем собрании рабочих и служащих 2-й Государственной электростанции 8 апреля 1921 г.²⁷³: говорится о сложном «текущем моменте», затем о том, что необходимо сделать для улучшения обстановки — и как следствие этого: о борьбе с бюрократизмом, об общественной активности самих рабочих. Логичность, отсутствие сумбурности изложения, наличие причинно-следственной связи между его различными частями также могут служить доказательством того, что все произошедшее на собрании более или менее со-размерно отразилось в протоколе. При этом, конечно, нельзя отрицать, что ряд выступлений мог быть изложен полнее по сравнению с другими — хотя и проверить это трудно.

Иногда, правда, ядро доклада выявить сложно, отчасти

---

²⁷² Протокол общего собрания рабочих и служащих Ижорского завода 7 апреля 1921 г.: Там же. Ф. 1790. Оп. 45. Д. 61. Л. 1—1 об.

²⁷³ Протокол общего собрания рабочих и служащих 2-й Государственной электростанции 8 апреля 1921 г.: Там же. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 71. Л. 1—1 об.

и ввиду не очень четкой записи стенографа или допущенной им стилистической либо терминологической путаницы. Так, в протоколе общего собрания 1-й Государственной конфетно-шоколадной фабрики 14 июня 1921 г.²⁷⁴ было отмечено, что «по докладу об организации кооператива выступает тов. Кукушкин», причем сам доклад приведен не был. Но вот что примечательно. Дальнейшее выступление Кукушкина тоже было названо докладом и, видимо, таковым и являлось. Во всяком случае, ощутима разница между безапелляционностью, директивностью его речи, указывающей, что и как надо делать и оправдательным тоном, жалобами тех, кто выступал после него. Отметим, что протокол начинался с описания повестки дня из 4-х пунктов — первым числился «доклад об организации кооператива». Нельзя исключать поэтому, что другого доклада не было, а фраза «выступает по докладу» могла означать «выступает по первому пункту повестки дня» или, что почти равнозначно этому — «выступает по вопросу». Стилистическая небрежность стенографа здесь еще более вероятна и оттого, что крайне редко можно встретить в протоколе отсутствие каких бы то ни было сведений о докладе и уже тем более о докладчике — да и вообще трудно предположить, чтобы кто-то «докладывал» по докладу.

В некоторых случаях изложение и прений и доклада не соответствовало каноническим образцам. Так, составитель протокола общего собрания рабочих и служащих завода «Новое Адмиралтейство» 16 мая 1921 г.²⁷⁵ пересказал лишь вопросы, которые затронул докладчик, не раскрыв подробно их содержания. Можно встретить и «обобщенное» описание прений, при котором не приводились фамилии выступавших, а передавались лишь наиболее обычные аргументы, используемые различными сторонами. Критерии отбора стенографом деталей происшествий, которые должны были отразиться в протоколе, здесь выглядят еще более неясными и произвольными.

Особая проблема возникает перед исследователем в тех случаях, когда изложение какого-либо выступления явно оборвано на полуслове. В протоколе общего собрания рабочих фабрики «Светоч» 28 февраля 1921 г.²⁷⁶ [Док. 22]мы обнаруживаем такую запись речи оратора: «Тов. Николаев, ... коснув-

²⁷⁴ Там же. Ф. 6261. Оп. 6. Д. 72. Л. 29.

²⁷⁵ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 47.

²⁷⁶ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 51—51 об.

шись вопроса о топливе, в связи с которым враги Советской власти подняли вновь свою голову, мутят и подбивают рабочих к прекращению работ в то время, когда спасение наше только в труде и через труд можно выйти из создавшегося положения». На этом изложение кончается и остается не ясным, закончено ли выступление или стенограф не стал его дальше излагать. Можно предположить, что иллюзия неоконченности здесь возникла вследствие неправильной стилистики записей стенографа. Необходимо поэтому обратить внимание на то, как стенограф передает другие выступления. И тут мы встречаем такие же стилистические отклонения: «Тов. Семенова указала на несправедливое распределение продуктов и, получая три с половиной тысячи руб. в месяц, семейством жить невозможно», «тов. Ильин высказался за общегородскую конференцию ... на которой должны обсуждаться все ... вопросы, то как на одном заводе требуют учредительное собрание, на другом — свободную торговлю, свободный труд и т. д., а не слушать шептунов и не верить слухам».

Еще один способ проверить, как возникла иллюзия неоконченности речи в протоколе — попытаться оценить ее фактическую и не формальную (достигнутую посредством стилистически правильного оформления) целостность. Если мы видим, что основная идея выступления высказана достаточно полно, а побочным рассуждениям, иллюстрирующим и развивающим, ее присуща связность, то ни редукция отдельных слов, ни стилиевые огрехи и отсутствие согласования падежей еще не дают повод безоговорочно утверждать, что мы имеем дело лишь с фрагментом текста. Очень важно при оценке фрагментарности текста выяснить также, где сумбурное, стилистически неправильное изложение речи оратора возможно вследствие специфики «писательской» манеры стенографа, а где последний просто адекватно передал бессвязность, присущую разговорной речи самих выступавших. Сделать это сложно, поскольку можно предположить, что оратору были присущи такие же шероховатости в устной речи, какие стенографу — в речи письменной. Можно возразить, что изложение — это всегда некое действие по «обработке» чужой речи и коль скоро мы обнаружили в нем огрехи, то их всецело нужно приписать именно составителю протоколов. С этим спорить трудно, но нельзя не учитывать многочисленные вкрапления прямой речи в пересказах докладов и пре-

ний. Отметим и другое обстоятельство: сообщая о каком-либо выступлении, стенограф иногда пользуется столь необычными, образными сравнениями, метафорами или гиперболами (противоречащих общему тону изложения), что возникает предположение, что это не «свое», а заимствованное. В протоколе общего собрания рабочих и служащих Центральной государственной фабрики прозодежды 6 мая 1921 г.²⁷⁷ стенограф, излагая речь одного из ораторов, Лившица, отмечал, что из нее «можно было заключить, что без капитала рабочий класс не может существовать, ибо капиталы есть колесо, вокруг которого рабочий класс должен всегда вертеться». Если даже учесть, что речь Лившица в какой-то мере огрублена и утрирована, все же можно допустить, что образ колеса принадлежит именно ему — опытному и часто выступавшему полемисту, ставшему главной мишенью критики со стороны управленческой верхушки предприятия. Никаких других метафор в протоколе мы не обнаруживаем, не только риторические, но и синтаксические упражнения стенографу даются с трудом, а об уровне его грамотности свидетельствует употребленное им здесь же слово «сурьезный».

Говоря о приемах изложения стенографом хода собрания, необходимо отметить и такую деталь. Довольно часто составитель протокола передавал наиболее полно лишь те фрагменты речей выступавших, которые отличались особым эмоциональным накалом, либо были необычны и потому обратили на себя внимание. В качестве примера последнего можно привести протокол общего собрания рабочих и служащих завода «Новый Лессер» 29 мая 1922 г.²⁷⁸ Сообщая о заключительном слове докладчика, говорившего о суде над эсерами, из всех содержащихся здесь ответов стенограф счел нужным привести только один: «партия эсеров до 1917 года дала немало героев революции». Такой же специфический отбор парадоксальных рассуждений, провоцирующих предложений, необычных сравнений можно обнаружить и в ряде других документов — правда, нередко в сочетании с изложением достаточно банальным, скрупулезно фиксирующим рутину собраний.

Характерный пример отражения в протоколе эмоциональных элементов в речах ораторов — запись выступления Н. М. Анцеловича на общем собрании рабочих Балтийского су-

²⁷⁷ Там же. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 4—4 об.

²⁷⁸ Там же. Ф. 4591. Оп. 6. Д. 11. Л. 159.

достроительного и механического завода 10 февраля 1921 г.²⁷⁹ [Док. 21] Поначалу стенограф фиксирует его речь почти дословно. В изложении отчетливо видны характерные для устной речи повторы, пропуск слов, стилистические отклонения: «Если рабочие, говорит тов. Анцелович, требуют отчета, то разрешите мне сказать. Сказать дайте мне правду, ибо правду говорить гораздо тяжелее, чем неправду». Затем, после столь эмоционального вступления, Анцелович начинает говорить о нормах продовольствия и составитель прекращает пересказывать его речь дословно и возникает уже собственно изложение: «Тов. Анцелович указывает на ту малую норму выдачи продовольствия, которую получают рабочие, ... характеризует общее положение республики». Затем снова передается прямая речь оратора, и, обратим внимание, ей также свойственен какой-то надрыв: «Когда я был в партии при царизме, то я призывал к забастовке и за это много страдал, находя, что в забастовке есть цель освобождения рабочего класса..., а теперь я призываю к работе». Можно, конечно, допустить, что стенограф просто не поспевает за докладчиком, то пытаюсь сперва дословно записывать, то скорописью переходя к обобщенному, краткому изложению. Но тогда закономерен вопрос: почему запись прямой речи возникает, как правило, не тогда, когда монотонно и скрупулезно перечисляются рутинные подробности материального снабжения, а когда речь близка к крику. Из выступления того же Н. М. Анцеловича на делегатском собрании рабочих Трубочного завода 5 апреля 1921 г. в протоколе²⁸⁰ приведен лишь один пассаж — как некий вызов, необычный для такого рода действ, риторический вопрос к залу: «Согласны ли все делегаты с тем, что наш правильный путь — это совместная работа коммунистов с беспартийными на почве совместного строительства?» В протоколе общего собрания рабочих фабрики «Светоч» 28 февраля 1921 г.²⁸¹ речь одного из ораторов, Богдановой, дана в изложении, но зато возглас, который она ее закончила — «Да здравствует советская власть» — оформлен полностью в виде прямой речи. В изложении общего собра-

²⁷⁹ См. протокол общего собрания рабочих Балтийского судостроительного и механического завода 10 февраля 1921 г. (Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 26–28 об.).

²⁸⁰ См. протокол делегатского собрания рабочих Трубочного завода 5 апреля 1921 г. (Там же. Д. 14. Л. 11–11 об.).

²⁸¹ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 51–51 об.

ния рабочих Первой государственной фабрики производства одежды 23 февраля 1921 г.²⁸² в виде прямой речи также выделены наиболее эмоциональные моменты: риторические вопросы («Каким образом попадают дрова в руки спекулянтов»), возмущенные ответы («Что же касается торговли дровами на улицах, то я должен сказать тов. Андрееву следующее: “почему это тов. Андреев, видя такую спекуляцию, не мог доставить таких продавцов куда следует”») или просто обвинения («Если говорить, как везде и всюду ... грабят, то надо говорить целый день и быть хорошим оратором... Теперь доверие смеют только те, кто говорит в угоду правительству»).

Протоколы в ряде случаев можно сравнивать с сейсмографом, четко улавливающим даже перепады интонации выступлений участников собраний. Амплитуда их споров запечатлена в архитектонике протоколов — сложного сплава дословной стенограммы, контурно отмеченных малоуловимых реплик выступавших, кратко и сумбурно переданных изложений аргументов, сопровождаемых личными, субъективными оценками. Конечно, выделение эмоциональных моментов — не главный прием, объясняющий технику сокращения и отбора сведений, помещаемых в протоколе. Следуя по этому пути, можно обнаружить лишь имитацию причинно-следственной связи: в сложной механике составления протоколов многие факторы проявляются опосредованно. Но и этот аспект должен быть учтен — он ярче показывает в стенографе человека с присущими ему пристрастиями и волюнтаризмом, а не безликого регистратора событий, и под канцелярскими наслоениями текстов позволяет ощутить пульс времени.

Проблема реконструкции протоколов очень сложна, поскольку нередко у исследователя, кроме самих протокольных текстов, нет других материалов, позволяющих объяснить лакуны в документах. В ряде случаев можно попытаться воссоздать отсутствующие в изложении фрагменты докладов, исходя из содержания прений. В протоколе общего собрания рабочих и служащих 4-й Государственной конфетно-шоколадной фабрики (10 декабря 1922 г.)²⁸³ отмечено, что один из выступавших «просил советское правительство не обременять налогами

---

²⁸² Протокол общего собрания рабочих Первой государственной фабрики производства одежды 23 февраля 1921 г.: Там же. Ф. 6006. Оп. 5. Д. 5. Л. 8–9.

²⁸³ Там же. Ф. 6261. Оп. 6. Д. 74. Л. 24.

рабочих». В изложении доклада, переданном стенографом, о налогах ничего не говорится. Нельзя исключать, поэтому, что о фискальных обязанностях шла речь в той части доклада, которая не зафиксирована в протоколе, тем более, что доклад был целиком посвящен новой экономической политике. Но и здесь нужна осторожность и уместны оговорки о том, что рабочий не обязательно мог оценивать те или иные аспекты НЭПа только в связи с докладом, услышанным на собрании — поводом для этого могла послужить и его собственная экономическая практика. Отметим также, что прения могли и не отражать адекватно те сюжеты, обсуждение которых предполагалось тематикой докладов. Нередко в ходе дискуссии спор начинал затрагивать и такие вопросы, которые выходили за рамки повестки дня. Реконструируя тексты, историк должен обратить внимание и на заключительное слово докладчика. Здесь можно обнаружить сведения о некоторых выступлениях в прениях — в том случае, если докладчик подробно и обоснованно разбирает обвинения, прозвучавшие в речах его оппонентов на собрании. Иногда ход прений, недостаточно четко изложенный в протоколе, можно детализировать, если на собрании возникает полемика не о самом докладе, но речах тех лиц, которые откликаются на доклад.

Стиль протоколов фабрично-заводских собраний во многом определялся тем «канцелярским» их оформлением, которое диктовалась традицией. «По данному вопросу постановили принять к сведению»,²⁸⁴ «докладывает собранию поступившее ... предписание, в коем говорится о воспрещении», «собрание находит предписание неосновательным»²⁸⁵ — такие канцелярские обороты в значительной мере возникают именно как следствие жесткой схемы составления протоколов, хотя и стилистика стенографа, нередко лишавшего канцелярские формулы связующих слов, также накладывала здесь свой отпечаток. Неправильный стиль стенографа не всегда ведет к неясности текста. «Вина настоящего момента не коммунистической партии, а всего рабочего класса»²⁸⁶ — несладкая изложения (а может быть, и самой

²⁸⁴ Там же. Ф. 4591. Оп. 5. Д. 13. Л. 25 (Протокол общего собрания рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода 27 января 1921 г.).

²⁸⁵ Протокол общего собрания рабочих и служащих завода Лесснер 25 июля 1919 г.: Там же. Оп. 3. Д. 16. Л. 24.

²⁸⁶ Протокол общего собрания рабочих и служащих Балтийского судостроительного и механического завода 27 января 1921 г.: Там же. Оп. 5. Д. 13. Л. 25.

излагаемой речи) в целом не мешает объяснению текста. То же можно сказать и о фразе: «В текущих делах было задано несколько вопросов волнующего характера рабочей массы, как то о хлебе, о распределении продуктов» из протокола группового собрания рабочих и служащих станочной мастерской Обуховского завода²⁸⁷ — несмотря на просторечие и стилистические отклонения, текст все же остается прозрачным, поскольку сопровождается уточняющим разъяснением.

В ряде случаев расшифровка скорописи стенографа затруднена вследствие небрежности использования технико-экономических или канцелярских терминов в структуре протоколов. В протоколе общего собрания рабочих 1-й Государственной электростанции 9 февраля 1921 г.²⁸⁸ сообщалось, в частности, что Н. М. Анцелович «отметил некоторые невыполненные еще возможности, напр[мер], выдача кожаных рукавиц, неполного горячего пайка». Если о кожаных рукавицах здесь сказано достаточно четко, то с интерпретацией последующего текста возникают сложности: то ли рабочие требуют выдачи неполного пайка, то ли недовольны тем, что паек неполный. Приведем еще один текст - протокол собрания рабочих фабрики «Светоч» 28 февраля 1921 г.,²⁸⁹ на котором один из выступающих предложил «высказываться для того, чтобы выяснить, для чего созвано данное собрание». Логика изложения здесь очевидно нарушена, если учесть, что повестка дня уже была известна — в ней числился лишь один вопрос: «О положении на фабрике». Правильнее, наверное было бы сформулировать вторую часть предложения так: «чтобы выяснить (или рассмотреть) те вопросы, для обсуждения которых созвано собрание» — но это только одна из возможных реконструкций текста, необходимых ввиду отсутствия уточняющих слов.

---

²⁸⁷ Там же. Ф. 4591. Оп. 3. Д. 16. Л. 41 об.

²⁸⁸ Там же. Оп. 5. д. 14. Л. 119

²⁸⁹ Там же. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 51—51 об.

ПРЕССА

ПЕТРОГРАДСКАЯ ПРЕССА 1917–1921 гг.

Городская печать — один из самых специфических источников о политической психологии петроградцев в послереволюционные годы. Ее часто рассматривают как источник ненадежный, противоречивый и требующий чтения «между строк», но этим едва ли могут исчерпываться ее характеристики. Журналисты не столько освещали события, сколько оценивали их, и отделить при анализе прессы первичный факт от его последующих «интерпретационных» наслоений — задача нелегкая. Наиболее ценным источником для изучения настроений петроградцев в 1917–1920-х гг. являются пять газет — полуменьшевистская по оценке большевиков и полубольшевистская по оценке их противников газета «Новая жизнь» (издававшаяся М. Горьким), либеральная газета «Наш век» и большевистские «Красная газета», «Маховик», и «Правда» («Петроградская правда») — органы Петроградского Совета, Петроградского губернского профессионального совета и Петроградского комитета РКП(б).

Судьбы «Новой жизни» и «Нашего века» в чем-то оказались схожими, несмотря на заметные различия в их стиле и, в особенности, в их политической направленности. Они прекратили свое существование к лету 1918 г. Это не было случайным — едва ли они могли быть терпимы в условиях идеологической унификации, проводимой новым режимом. Публикуемые ими критические реплики и историософские заметки, хотя и писались со все большей оглядкой на цензуру, были тем не менее вызовом политическим практикам тех лет, с присущим им монополией не только на власть, средства производства и распределения, но и на печатный станок. Уже с весны 1918 г. молчание стало формой протеста многих не-

коммунистических газет — печатались в нарочито официозном стиле и без комментариев правительственные сообщения, сдержанно и нейтрально фиксировались события городской жизни. Потерявшие читателей, утратившие традиционные источники финансирования, сократившие тираж, уменьшившись в объеме — эти газеты потеряли всякое влияние. Их издатели и репортеры не участвовали в политических играх большевиков, но и не вели собственную игру. Все, вызывавшее раздражение новых чиновников, рассматривалось ими уже неотчетливо, скороговоркой, в своеобразной летописной манере — «не ведая ни радости, ни гнева».

В октябре 1917 многое было иным. «Наш век» претендовал на то, чтобы быть респектабельным рассказчиком о городских новостях — без «погромной», как тогда говорили, лексики правительственных агитаторов, без двусмысленной, умеренно социал-демократической фразеологии «Новой жизни». Публицисты «Нашего века» более сдержанны, их сообщения более информативны, но и их рассказ о многих событиях изобилует слухами. Кажется, что им недоступны коридоры Смольного, они почти не общаются с «комиссарами» или с иными осведомленными лицами, и многое узнают от тех «бывших», кто уже прячется или другим способом спасает себя. Им трудно разглядеть лица участников событий. Они или размыты до неузнаваемости, или нередко неотличимы от толпы, которая, как это ни парадоксально, часто оказывается безгласной. Мотивы акций людей здесь заменяются интерпретациями рассказчика, или, вернее, они нечетко отделяются друг от друга — перепутано «свое» и «чужое».

В «Нашем веке» не было протокольной четкости сообщений о постановлениях митингов на предприятиях, характерных для большевистской прессы. С журналистской небрежностью к точности фактов здесь говорилось лишь «в общем плане» об оппозиционных настроениях горожан, в том числе и рабочих. Учитывая, однако, антибольшевистскую направленность газеты, пусть и маскируемую нейтральностью многих оценок, нельзя без осторожности оценивать достоверность такой информации. Во-первых, она обычно имеет оттенок оппозиционности, и, во-вторых, здесь заметно ощущается целенаправленный отбор фактов. Многие сообщения — «картинки с натуры» (если воспользоваться газетным штампом тех лет). Сведения о событиях

в них не искажены, но им придано «беллетризованное» оформление. Репортер не только описывает людей, но и переживает вместе с ними, зачастую не отделяя себя от толпы. Необходимая деталь для создания должного впечатления преподносится более крупно, жест становится необычно драматичным, голоса различных людей сливаются в декламационном порыве.

Очевидным следствием такого приема являются особая живописность и рельефность описаний. Но, превращая в городские улицы в театральные подмостки, стоя «на котурнах», трудно оценить рутину повседневного существования. Она становится не только еще более тусклой, но и оказывается смещенной с подобающего ему места в иерархии традиционных ценностей: возникает ощущение, что город живет только героическим и драматическим бытием. Не больше конкретности и во многих публикациях «Новой жизни»: где-то прямо говорится о том, что «по городу усиленно распространяются слухи»,²⁹⁰ где-то «слух» ретушируется «общими впечатлениями»: «Общественное мнение кристаллизуется на формуле: 24–30 октября — это бунт, солдатский мятеж, военный заговор, большевистская авантюра, политический погром и т.д. и т.д.».²⁹¹ Далее следует опровержение этого: «На самом деле переживаемые и еще не изжитые события являются не чем иным, как бурной, ненужной, жестокой ... с огромной примесью заговорщицки-авантюристических и военно-бунтарских элементов, но исторически неизбежной формой краха крупной буржуазии и умеренной демократии».²⁹² Тем самым рассказ, «о кристаллизирующемся мнении» во-первых, приобретает политический оттенок (а отсюда недалеко и до утрировки взглядов противной стороны), а во-вторых, может обоснованно рассматриваться как звено в ряду социалистических штампов, которыми пестрит «опровержение». Стоит отметить и ту сугубую неконкретность, с которой выражено «общественное мнение» — о том, кто его высказывал и кто его разделял, можно только гадать. Эта манера проявлялась и в других публикациях «Новой жизни». «Заговаривал я с ними [молодыми рабочими. — С. Я.] по вопросу о свободе печати и ясно было, что они стыдятся того, что делают со свободой печати»²⁹³ — в этой заметке обращает на себя внимание не только безымянность «молодых рабочих», (вполне,

²⁹⁰ Новая жизнь. 1917. 16 ноября.

²⁹¹ Там же. 1 ноября.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же. 14 ноября.

конечно, объяснимая), но и фраза «ясно было, что они стыдились» — вместо более категорических утверждений, вполне естественных, если бы речь шла о чем-то, в чем репортер был твердо уверен. В таком контексте фраза «ясно было» передает скорее субъективное впечатление репортера, а не то, что можно оценить как непреложный факт.

В «картинах с натуры», публикуемых в «Новой жизни», заметны социал-демократические мотивы. Их персонажи: передовые рабочие, заблуждающиеся, но во многом «свои» красногвардейцы, просвещающий их социалист — интеллигент. Сценарии их тривиальны: некто протестующий с эффектными фразами обличает неправоту революционеров в соответствии с социалистическими трафаретами (Россия не готова к революции, нужно единение всех социалистов, их разногласия откроют дорогу погромщикам, корниловцам и черносотенцам), внимающая ему публика единогласно его поддерживает. При знакомстве с некоторыми из этих зарисовок порой кажется, что видишь социал-демократическую листовку с присущей ей трафаретной фразеологией, но оформленную в виде «художественного» диалога. На вопрос, состоящий из присущих меньшевистской ортодоксии клише, следует ответ, в котором также воспроизведена целая цепочка соотнесенных между собой политико-риторических штампов. Отчетливо это заметно, если сравнить их с передовицами или редакторскими статьями, опубликованными в той же «Новой жизни» — беллетризованной формой текст «оживлен», но содержание его от этого не меняется. В отсутствии назидательности эти зарисовки упрекнуть нельзя — но неизбежно возникает вопрос о том, где кончается собственно назидание, и начинается сколько-нибудь точный рассказ очевидца. Идеологическая направленность таких заметок едва ли допускает возможность, что репортер столь же полно расскажет не только об обвинителях, но и о защитниках нового режима: «агитке» противопоставлена полифоничность.

Перечисленные выше характеристики стиля «Нашего века» и «Новой жизни» не были чуждыми и большевистской прессе — с той лишь оговоркой, что многие их приемы были ею утрированы. Сразу же подчеркнем, что в 1917–1920 гг. большевистские газеты помещали разнородную информацию о настроениях масс — как о проправительственных, так и об оппозиционных. Индивидуальных политических откликов здесь

мало — обычно говорят «массы». Когда их все-таки обнаруживаем, то становится очевидно, что «политики» здесь немного и основное — это специфическая «бытовая» реакция с весьма приметным «антибуржуазным» оттенком. Одного бельгийского социалиста, защищавшего эсеров на суде в Москве в 1922 г., рабочие называли не иначе, как «жирным боровом», которого «откормила буржуазия». Внушительный вид этого адвоката, а не политические аргументы в его речах, стали главным объектом их внимания: «это холеный буржуй, он толст и мясист»,²⁹⁴ «тип банковского директора»²⁹⁵ — и ни слова о том, о чем говорил защитник эсеров.²⁹⁶

В других же «позитивных» индивидуальных откликах заметна, напротив, чрезмерная политизация, использование расхожих агитационных клише. Это заставляет предположить, не подправлял ли здесь редактор-цензор и без того «благонамеренные» речи — или, наоборот, не пользовался ли оратор уже привычными идеологическими сентенциями. В воспроизведенном «Красной» газетой выступлении на Беспартийном совещании рабочих Петрограда в апреле 1921 г. представителя Северо-западной железной дороги так говорилось об опасности «Учредилки»: «Учредительное собрание может тоже объявило бы всякие свободы, а потом оно переарестовало бы всех рабочих».²⁹⁷ Эта речь почти дословно воспроизвела один из блоков «антиучредительской» аргументации, приобретшей каноничность и системность еще в феврале 1921 г. Призыв работницы фабрики Кебке Александровой на первой конференции петроградских работниц в ноябре 1917 г. — «несмотря на созыв Учр[едительного] соб[рания], Советы должны остаться, как революционные организации, контролирующие работу Учр[едительного] соб[рания]»²⁹⁸ — не предварял, а только по-

---

²⁹⁴ Отчет рабочего Трубного завода Неклюдова о суде над эсерами (Красная газета. 1922. 5 июля).

²⁹⁵ Отчет рабочего фабрики «Треугольник» Викторова о суде над эсерами (Там же. 6 июля).

²⁹⁶ И этот прием не исчерпывался лишь отчетами рабочих делегатов о суде над эсерами — ту же невнятицу можно обнаружить, знакомясь с репортажами городских официозных газет о Беспартийном совещании рабочих Петрограда в апреле 1921 г.: «Тов. Конкин поддерживает обычные требования сторонников Учредительного собрания» (Маховик. 1921. 12 апреля), «в ... речи нет цельности, частые уклонь то в одну, то в другую сторону» (Там же), «разводит бобы, защищает меньшевистские лозунги» (Красная газета. 1921. 12 апреля).

²⁹⁷ Красная газета. 1921. 14 апреля.

²⁹⁸ Правда. 1917. 12 ноября.

вторял очередной зигзаг «учредиловской» тактики РСДРП(б). Разумеется, такие примеры не могут быть единственным поводом для подозрений в недостоверности передаваемой официальной прессой информации, но они сигнализируют о необходимости четче учитывать политический фон выступлений. Необходимо поэтому оценить, какие политические цели преследовала публикация подобных речей, выяснить, можно ли говорить в этом случае о их типичности и не следует ли обратить внимание на специфику усвоения социальными низами блоков клише, возникших в ортодоксальных партийных рамках. Нередки случаи, когда рабочий, путаясь в партийной терминологии, вместе с тем использовал в своей речи расхожие идеологические штампы. Будучи вкрапленными в полуграмотную речь, они отчетливо показывают нам, где кончается импровизация оратора и начинается заимствование «чужого» текста. Это можно определить по неуместности применения таких клише в контексте выступления, по очевидной замене ими привычных для масс образов (негодяй — контрреволюционер, зажиточный — кулак, офицер — корниловец и двурушник — оппортунист). Мы можем это выяснить в зависимости от того, состояла ли изучаемая нами речь целиком из блоков клише или мы имеем дело с «чересполосицей» текста, где «высокое» — эффектно красочные, хотя и стершиеся от частого употребления фразы — гармонично (или не очень гармонично) сочеталось с «низким»: нескладицей высказывания, нарушенным синтаксисом, повторами, однообразием аргументов. «Гладкость» идеологизированной речи или ее «шероховатость» может сигнализировать о том, на какой стадии партийной риторики находится оратор, овладел ли он тем языком, которой позволил придать его, зачастую не очень высокому политическому кругозору, системность и отчетливость. Учтем, вместе с тем, специфику передачи его выступления в газетном отчете (подвергнутом и редакторской и политической цензуре), манипуляции с текстом, изменение акцентов в нем и замену слов.

Чаще всего на страницах большевистской прессы мы встречаем коллективный политический отклик в виде постановлений фабрично-заводских собраний. Это не очень достоверный источник о настроениях масс — постановления могли подготавливаться партийными работниками и публицистами, а потом выдаваться за мнение фабрично-заводского коллектива вслед-

ствие их формального одобрения рабочими. Но, во-первых, значительная часть рабочих плохо разбиралась в тех политических штампах, которыми были насыщены постановления. Во-вторых, многие из них голосовали вследствие угроз, репрессий, боязни быть замеченными в оппозиции, или надеясь получить за это определенные выгоды. Наблюдались подтасовки итогов голосования, частыми были переголосования — до тех пор, пока не принималось «нужное» постановление.

«Чтобы эта мелкая кучка оборонцев-соглашателей, неизвестных заводу, не вышла в защиту Учред(ительного) соб(рания), мы, подлинные рабочие, работницы и служащие завода, единогласно заявляем, что наша власть только власть советского правительства, которое мы приветствуем и которому обещаем оказывать всемерную поддержку»²⁹⁹ — как это нагромождение клише в постановлении общего собрания завода И. А. Семенова, принятое в январе 1918 г., («мелкая кучка оборонцев-соглашателей», «подлинные рабочие», «единогласно заявляем», «обещаем всемерную поддержку») далеко от обычной нескладницы повседневной речи фабрично-заводских низов. К этому следует добавить, что большевистская пресса нередко публиковала только изложение, а не полный текст постановлений — и в таком изложении прежде всего выделялись именно клише: «всякое посягательство на Советы ... встретит отпор со стороны революционного пролетариата», «Учредительное собрание социалистов-предателей»³⁰⁰ «не верить лозунгу “Вся власть Учредительному собранию”». Под этим лозунгом кроется заговор контрреволюционных сил, стремящихся к восстановлению диктатура капиталистов и помещиков»³⁰¹.

Анализ текстов постановлений скорее позволит исследователю оценить не политическую позицию разных социальных слоев, а коды политического мышления и логику аргументации партийно-ориентированных публицистов и профессиональных партийных работников. Разумеется, сравнение систем официозных клише с теми политическими репликами, которые отражены в документах личного происхождения, позволят и лучше представить источники и механизмы формирования массовых

---

²⁹⁹ Правда. 1918. 1 февраля.

³⁰⁰ Там же. 1917. 25 декабря (сообщение о постановлении общего собрания завода Дека).

³⁰¹ Там же 1918. 18 января.

настроений: степень упрощения предложенных клише, особенности их фрагментации, специфику и логичность их применения.

Касааясь «негативных» выступлений оппозиционеров, отраженных партийно-советской прессой, следует отметить, что они почти никогда не излагались без пристрастных комментариев. Можно отметить несколько вариантов такого «комментирования». Один из них — весьма неотчетливый рассказ о неких личностях, протестующих против советских порядков. О том, что они существуют, можно в данном случае узнать по косвенным намекам газетных «агиток» и инспирированных писем: «кто недоволен и кричит, что советская власть дает мало, пусть почитает газеты, что во всех странах рабочие еще больше голодают, чем мы»,³⁰² «в рабочей среде теперь появилось много людей, которое называют себя беспартийными»,³⁰³ «смутные эсэро-меньшевицкие настроения в брюзжащих обывательских массах».³⁰⁴ В этом варианте комментирования характерны нарочитый оптимизм многих статей («настроения изжиты», «рабочие догадываются» и т.д.), сугубая анонимность врагов революции и фиксация их малочисленности в сочетании с почти ритуальной обязательностью разоблачения из взглядов.

Близок к этому и другой вариант «комментированного» рассказа. Ему также присуща анонимность оппозиционеров, но все же четче указаны место и время события и само содержание «контрреволюционного» выступления, хотя последнее и отмечалось обычно кратко. Как правило, в таких публикациях отмечается отпор, данный оппозиции, и уже не публицистом, а самими участниками собраний, которые описывает газетный репортер. Характерный образчик подобного рода публикаций — статья П. Юрьева «О делегатском собрании на заводе»³⁰⁵: «Потолковали и о свободе труда. Нашелся рабочий, предложивший разрешить переходить с завода на завод без союза, но ему выставили такие ... аргументы против этого, что и разговаривать об этом не стали». Если даже признать достоверной описанную выше сцену (из рассказа не ясно, было ли перечисление аргументов частью разговора), то уже никак нельзя игнорировать

---

³⁰² Маховик. 1921. 25 февраля (письмо работницы Центральной швейной фабрики).

³⁰³ Красная газета. 1918. 10 апреля.

³⁰⁴ Петроградская правда. 1923. 28 октября (статья И. Майского «Слово пролетариата»).

³⁰⁵ Красная газета. 1921. 7 апреля.

требование «свободного перехода», которое выявилось в десятках постановлений фабрично-заводских собраний в Петрограде в феврале-апреле 1921 г. В этом контексте фраза «нашелся рабочий» выглядит весьма сомнительной. В заметке «Май-июнь-июль», опубликованной «Маховиком»,³⁰⁶ говорилось о выступлении на одном из собраний оратора-коммуниста. «Когда им было сказано, что до улучшения нашего положения пройдет еще месяц-полтора некоторого ухудшения, что май хуже апреля, а июнь может выйти хуже мая, выступил эсерствующий оратор и ехидно продолжил: “а июль будет хуже июня, а август хуже июля и т.д.”». Рассказав об этом случае, газета тут же добавила: «Оратор ожидал грома одобрения своему продолжению, но этого грома не было». Привычный для тогдашних политических дискуссий ярлык «эсерствующий» и саркастическое замечание «ожидал грома одобрения» — риторические наслоения, отчетливо указывающие на пропагандистскую направленность статьи: едва ли репортеру было точно известно, ожидал или нет оратор услышать «гром». Даже если этот эпизод передан без искажений, необходимо отметить, что молчание рабочих могло иметь разные причины (в том числе и боязнь репрессий), которых публицист явно не хочет касаться. В целом же полемический оттенок такого рода комментариев неизбежно придавал изложению события односторонность. Полемика по тогдашним политическим нравам должна было отмечать правоту единственно верного взгляда, а не быть скрупулезным сверением pro и contra. Детали, которые могли бы расцветить повествование, нередко оказывались для публициста лишними, если их окраска была «нейтральной» — все подчинялось одной цели.

В ряде случаев «негативная» информация появлялась на страницах прессы лишь для того, чтобы ее опровергнуть. Таковым является, например, сообщение «Красной газеты» о постановлении в защиту Учредительного собрания, принятого в мае 1918 г. на Путиловском заводе. Чтобы эффектнее выглядело опровержение «слухов», нужна была, во-первых, их карикатурность — отсюда и фраза в сообщении о том, что постановление «чуть ли не решено стачкой поддерживать», о чем сам документ умалчивает. Во-вторых, здесь использовались ярлыки для дискредитации источника информации: отмечается, что таковым была «оборонческая и буржуазная печать» и в данном случае мы

---

³⁰⁶ Маховик. 1921. 19 мая.

имеем дело с «очередной наглой ложью продажной прессы».³⁰⁷ В третьих, для «разоблачения» слуха используется факт подтасовки при проведении собрания: постановление, как писала газета, было принято «небольшим собранием оборонцев, которое присвоило себе название общего заводского собрания».

Зачастую о «негативных явлениях» газеты сообщали лишь для того, чтобы предостеречь от их повторения — так писалось о стачках, демонстрациях или иных политических выступлениях. Информативность статей при этом была минимальной, отмечались обычно только такие детали, которые могли бы дать возможность сделать удачный полемический ход: неосторожная или не к месту произнесенная фраза, корыстные поступки, очевидная лживость слуха. Оговорка — главный компонент официальной газетной информации о настроениях масс. Она не была лишь некой «автономной» ее частью, своеобразным риторическим дополнением. Она непосредственно влияла и на самое содержание информации, придавая ей нужные оттенки, оставляя в тени не очень существенные для целей эффективной полемики подробности.

---

³⁰⁷ Там же. 1918 . 10 мая.

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ С ЖИТЕЛЯМИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Интервью с блокадниками еще не стали предметом сколько-нибудь скрупулезного источниковедческого анализа. Их привлекали скорее как иллюстративный материал, придающий описаниям блокадных дней столь подобающее им человеческое измерение. Сочувственное восприятие драматического рассказа было несовместимо с нарочитостью его трезвого и беспристрастного разбора. Трагедийное поле, в котором находились и слушатель, и рассказчик, испытанный ими катарсис делали неуместными проявления той осторожности и скепсиса, которые привычны историкам. К этому добавились и иные трудности. В досконально изученной, казалось, истории блокады, осталось немало сюжетов, не обративших на себя внимание исследователей и не вызывавших интереса общественности – в силу как цензурных и идеологических условий, так и присущего каждому цивилизованному социуму такта при обращении к прошлому. «Новое знание» о блокаде, приобретенное в диалоге с ее очевидцами, зачастую нельзя было ни проверить, ни оценить – потому оно и воспринималось как конгломерат частных случаев, как элемент не коллективного, но только личного опыта.

Изученными здесь четырьмя интервью с блокадниками А. М. Степановой, А. Г. Усановой, М. А. Ткачевой и В. Г. Григорьевым, конечно, далеко не исчерпываются все характерные образцы такого рода источников. Но они, в силу эмоциональности их авторов, для которых блокада и поныне остается частицей их бытия и в силу присущей им, может быть и чрезмерной, подробности при освещении картины событий 1940-х гг., ярче и рельефнее показывают нам общие типичные тропы

рассказов блокадников о своем прошлом – несмотря на различие их политических взглядов, житейских правил, происхождения и образования.

В какой-то мере характерным и по механике сцепления эпизодов, лиц, событий, и по схемам развертывания рассказа можно считать интервью с М. А. Ткачевой. Сразу выявляется следующая структура рассказа: место проживания, связанная с ним история семьи, с подробным описанием каждого из его членов, и затем, при перечислении родственников, — сведения о том, чем они занимались, с обилием мелких деталей. В них, однако, угадывается стремление респондента выявить прежде всего яркое, вызывающее радость, восхищение, удивление, протест, неприятие — спорное, отталкивающее, привлекательное: «хороший специалист, «симпатичная девушка», «суровые условия», «драматическая история». Когда возникает рассказ о какой-либо родственной связи (о том, кто с кем жил), часто здесь же фиксируется и характер этой связи: «Они всегда жили... при старшем брате. Всегда он ей помогал. Всегда поддерживал». Иногда причина «ответвлений» рассказа — необычные случаи: поведение отца (он «очень был расстроен, когда я родилась..., даже не хотел на меня смотреть... а потом очень полюбил»), судьбы сына — наркомана и т.д. В ряде случаев подробность рассказа, его повторы обуславливаются тем, что респондент словно на ходу уточняет, корректирует свои впечатления, пытается одновременно сделать их и более точными и досказать то, что ускользнуло от его внимания, когда он только намечал пунктир разговора: «Были двоюродные братья у отца... Они были огородниками. У них были великолепные огороды. Они были, вот, производителями на продажу этой продукции, всякой... такой вот овощной... У них был дом деревянный...» Но иногда повторы — и регистры эмоционального напряжения, четко указывающие на то, какие эпизоды вызвали самый бурный отклик респондента, даже если для них и не было найдено эффектных красок. Этот эпизод не может еще «обрасти» живописными деталями, но эмоциональный настрой так цепко держит рассказчика, что он инерционно повторяет одни и те же слова, пока напряжение не ослабеет во время этого «проговаривания» — рассказ исчерпан, но не исчерпаны чувства, его сопровождавшие.

Характерной особенностью рассказа М. А. Ткачевой является то, что он словно имитирует бесконечное течение

жизни, которая не разбита, как по драматургическим канонам, на завязку, интригу и развязку, но вбирает в себя все без разбора — и важное, и случайное. Ни одна из историй, рассказанных ею, полностью не закончена, персонажи внезапно исчезают и вновь возникают уже в других эпизодах, почти нет привычных для откликов на прошлое завершающих их концовок — сентенций, почти нет оценок. Автор не конструирует рассказ, не шлифует его, не отсеивает в нем основное и малозначительное — она увлечена им как потоком. Крайне редкие моральные максимы, как правило, исчерпываются сравнением прошлого времени с настоящим — они не прерывают и не заканчивают описание эпизода, но подчеркивают им достоинство их поколения: «Мы никогда не рассказывали о страстях никаких... Ну как жаловаться-то? Надо говорить о хорошем».

Для рассказа А. М. Степановой привычны те же скрепы повествования, которые можно обнаружить в интервью с М. А. Ткачевой. Правда, четче ощущается избирательность взгляда. Она проявляется уже в описании первой бомбежки семьи. Каждый эпизод имеет свою драматическую кульминацию, сколь бы приземленно-бытовым он не выглядел: драматическое оттенено уменьшением числа случайных персонажей. И человек, и его вещи фиксируются прежде всего в предельных «маргинальных» состояниях — человек мародерствует, поет или стреляет, лестницы залиты водой, очереди нескончаемы, дома ломаются, горшки пробиты осколками. Даже в описании салюта прежде всего подчеркнут испуг одной из женщин, принявших праздничный фейерверк за начало обстрела. Рассказ распадается на ряд «новеллистических» фрагментов. Каждый из них логичен и представляет развертывание причинно-следственной цепочки: обстрел — последствия обстрела (разрушения), холод — строительство печки — поиск материалов для строительства и т.д. Если в интервью М. А. Ткачевой заметны хронологические смещения, рассказчик то уходит в прошлое, повторяя уже сказанное, то перемежает события настоящего времени с тем, что случилось позднее, то в интервью с А. М. Степановой каждая история охватывает определенный промежуток времени, излагается последовательнее, хотя и с отступлениями и, как правило, доведена до конца. Биография четко структурируется в соответствии с изменением семейных обстоятельств и профессиональной деятельности. Чувствуется,

порой и неотчетливо, своеобразная «этапность» каждой из рассказанных историй. При этом мы часто обнаруживаем ассоциативность при реконструкции прошлого: если, например, в поле зрения респондента оказываются его соседи, то здесь же кратко излагаются эпизоды их биографии, яркие, обращающие на себя внимание особенности их поведения.

В целом рассказ А. М. Степановой менее хаотичен, в нем уже чувствуется упорядочивающая его специфическая «отделка», переход от одного сюжета к другому более мотивирован. Еще более зримо мы наблюдаем это в интервью В. Г. Григорьева. Спокойный, чуть приглушенный тон, продуманность, даже изящество некоторых оборотов, неторопливость — таковы отличительные особенности его рассказа. Ему присущи приподнятость ряда описаний, в которых главное — не фиксация происшествия, а воссоздание эмоционального следа какого-либо события: «... Отбой. Музыка такая красивая заиграла... Она так нравилась. Самая была любимая музыка — отбой... тревоги», «мне казалось — там водоросли, а это просто солнечные лучи... преломляются так красиво». Предложения не раздроблены взаимодополняющими полуповторами, но нередко сочетаются столь гармонично, что скрадывают неизбежную фрагментацию рассказа. Здесь часто не люди соотносены с событиями, а события соотносены с людьми. Общее, а не личное оказывается на первом плане, причем многие эпизоды помещены в более широкий, чем у других респондентов, идеологический и исторический контекст. Заметная эрудиция автора позволяет ему рассматривать прошлое как бы двойным зрением. Непосредственные, живые впечатления обрамляются усложняющей текст рефлексией, каждое событие имеет своеобразное «двойное дно». Соединены или, вернее, переплавлены записи ощущений и размышлений. Иногда рассказ становится даже артистичным: стилизуется неграмотная речь («ероплан»), повествование окрашивается лиризмом, отчетливо проявляется пафос описаний, хотя он и не сопряжен с официозной риторикой.

Особое место среди изученных нами рассказов блокадников занимает интервью с А. Г. Усановой. Его прежде всего отличает особая эмоциональность рассказа. Очень часто описание какого-либо эпизода еще не завершено, но уже взрывается моральными сентенциями, негодующими репликами, накалом категорических оценок. Концовки эпизодов обычно пафосны,

причем отчетливо видна их близость к устоявшимся в исторической литературе прошлых лет образам и тропам. Нередко такие сентенции обрывают и сокращают описание отмеченных автором сюжетов. Их можно принять за своеобразную скороговорку, которая заменяет собой рассказ, делая его тем самым неясным и разорванным. В интервью В. Г. Григорьева многоплановость, анализ сложного переплетения различных обстоятельств, где нет однозначного определения правых и виноватых, делает менее возможным безапелляционность выводов. Здесь же краткость и жесткость описаний, определенный схематизм сцен, четкий дуализм света и тьмы, возможно, одно из условий, вызывающих жесткость вердиктов. История не просто рассказана — она сразу же оценена по присущей автору нравственной шкале и очень часто соотнесена с современностью. Это неизбежно раздробляет рассказ — возникает специфическая «чересполосица» текста, где целостность эпизода нарушается риторическими вкраплениями, где соседствуют два языка, два стиля, два способа развертывания описания. В силу неприятия многих сторон настоящего, чего А. Г. Усанова и не скрывает, прошлое становится для нее более добрым и человечным, чем это можно допустить, если избрать иную точку отсчета. Часто-та сравнения прошлого и настоящего (редко описание какого-нибудь эпизода обходится без него) может быть регистром того, что эта практика сравнения являлась тотальной и постоянной и возникала, вероятно, не только при обращении к блокадному времени — а значит, имела свои упрочившиеся сценарии и типы аргументации.

Рассказы блокадников, при всей их хаотичности и непредсказуемости, вместе с тем по своему логичны. Эту логику, правда, не сразу можно уловить за нагромождением мелких деталей и подробностей, и ввиду обилия отступлений, придающих повествованию даже некую барочность. Место действия и действующие лица: рассказчик, его положение, его мысли и чувства, его близкие и знакомые, скрупулезно фиксируемая (обычно ассоциативно) цепочка их поступков, жестов, отдельных слов, реакций на различные обстоятельства — вот обязательные элементы почти каждого рассказа. Он не стеснен поправками слушающего его собеседника. Уточняющие вопросы обычно редки и не нарушают свободу выбора рассказчиком значимых для него тем и сюжетов.

Как правило, рассказ строится ассоциативно — одна деталь «цепляет» другую. Любой эпизод освещен в обрамлении подобающих ему атрибутов: описываются время, место, участники, обстоятельства, начало, развитие, конец событий. Такие атрибуты — специфическое средство ориентации мемуариста, нечто, усиливающее целостность повествования. С их помощью схематично намечается план рассказа, который затем ассоциативно «обрастает» подробностями. Эта ассоциативная цепочка воспроизводится, однако, далеко не хаотично: как ни парадоксально, здесь мало случайных деталей.

Что прежде всего отмечается мемуаристом? Во-первых, «сдвиг» событий, что-то новое, переход от бытия прошлого к бытию другому. Этот «сдвиг» фиксируется намного отчетливее, нежели обычная рутина повседневного существования. Это неизбежно — человек переживает игру с неизвестностью, яркую по эмоциональной окраске, прикасается к тайнам, необычным для него. Сомнение, отчаяние, надежда — то, чем сопровождается обретение себя в новом бытии — оказываются теми импульсами, которые точно восстанавливают в сознании человека живую ткань ушедшей эпохи. Во-вторых — это необычность событий. Ожесточенные бомбежки, потрясающие картины голода, изменение самой канвы традиционных человеческих отношений, непривычный вид улиц, жилищ и кладбищ, непривычность еды — все это досконально фиксируется респондентами. В-третьих, в поле зрения рассказчика чаще всего оказываются, что неудивительно, наиболее драматичные моменты его биографии. Утраты, приобретения, неожиданные находки, счастливые случаи — обо всем этом человек говорит с предельным эмоциональным напряжением, мимо этого он никогда не проходит, каким бы хаотичным не выглядел присущий ему поток сознания. И, наконец, в-четвертых, человек, подсознательно или осознанно, выявляет в своей судьбе такие эпизоды, которые обязательно должны были вызвать в его собеседнике чувство сопереживания, восхищения, участия — такого участия, которое подтвердило бы особую общественную значимость пережитого им лично, подчеркнуло бы уникальность его житейского опыта, может быть даже выделило его из среды простых людей.

Жизнь, описанная блокадниками — это жизнь «*ad marginem*», жизнь «на краях» — и в силу того, что они оказались очевидцами ленинградской трагедии, и по тому, что они сочли

возможным отобрать из «запаса житейских мелочей». Отсюда проистекают и достоинства, и противоречивость их рассказа. Он ярок, впечатляющ, драматичен. Но блокадная «цивилизация» с ее особым языком, непривычными для нас нормами — именно как обыденная форма существования человека в экстремальных условиях — оказывается иногда заслоненной ввиду ориентации рассказчика прежде всего на описание героического. Это не всегда позволяет показать подлинную летопись эпохи, в которую оказались вплетенными и неразрывно связанными яркое и тусклое, повседневная рутина и подвиг, драматичное и невыразительное, сложное и банальное.

Использование слов и выражений, являющихся элементом уже устоявшихся идеологических или историографических конструкций, не чуждо респондентам, но пользуются они ими в разной степени и для разных целей. Риторика, во-первых, возникает в интервью как знак эмоционального накала, когда надо не только высказать свою точку зрения, но и особо подчеркнуть ее правоту, отметить свою личную причастность к общему подвигу, выделить общественную ценность прожитой жизни. Поэтому для аргументации используется нечто не раз слышанное и, что очень важно, общепризнанное, неоспоримое, что однозначно переводит рутину повседневного существования в высокую трагедию. Во-вторых, риторические обороты возникают при пафосности завершающих описания эпизодов сентенций — они подчеркивают тем самым их значимость. Это не случайно. Эпизод отмечен, но он должен быть еще и оценен, ибо это не просто рассказ, а рассказ о трагедии. Отсюда оценка — не только фиксация того, что пережито, но признание героики пережитого, для которого привычен даже и некоторый оттенок экзальтации.

М. А. Ткачева уже при описании событий гражданской войны редко выходит за рамки семейной хроники. Единственно узнаваемое здесь клише — «красный террор» — едва ли можно счесть широким заимствованием идеологом, как и выражение «все 900 дней» при описании блокады. Это скорее запечатленные в мышлении людей реликты историографических парадигм, термины, хотя и возникшие в рамках историко-политических интерпретаций прошлого времени, но в данном употреблении ставшие безоценочными. Они не продолжают автоматически цепочкой связанных между собою блоков кли-

ше и не «организуют» эту цепочку, но существуют просто как синонимичные определения времени.

Рассказ А. М. Степановой также лишен нарочитой приподнятости. Даже там, где, казалось, риторика была бы уместна, можно наблюдать своеобразное «снижение» пафоса, «упрощение» мотивов деятельности, сведение их к обыденным вещам — это видно по тем эпизодам, в которых, например, отражена история музея блокады. На вопрос о том, праздновали ли они снятие блокады — а именно здесь скорее всего можно было ожидать экзальтированный рассказ о всеобщем ликовании — было отвечено просто и бесхитростно: «Да, праздновали конечно. Но праздновали как, собственно говоря. Мы же были за городом, в городе же основное там...» Уже по интонации ответа, учитывая отсутствие каких-либо конкретных деталей (которых в описаниях других эпизодов было очень много), можно предположить, что для нее такое событие — это скорее торжество официозное, оно связано лишь с определенным порядком и местом празднования. И ту же простоту рассказа можно встретить там, где говорится о начале блокады — событии, несомненно, драматичном: «нас особенно не предупреждали, что началась блокада».

Крайне редко фрагменты историографических и идеологических систем можно найти и в интервью В. Г. Григорьева. Обращение к ним определено прежде всего общей эрудицией автора и связанной с этим культурой рассказа. Он не может быть сведен только к прозаичному описанию повседневной жизни, но обычно сопровождается и их интерпретацией, рефлексией респондента, осложненной анализом причин событий. Типичный пример — рассказ о начале войны с Финляндией: «Наше правительство решило... кусочек от Финляндии, причем сначала хотели договориться по-хорошему — ну это как уже из истории известно, что мы предлагали им дать кусок территории Карельской... АССР. Большой. А тут попросили отодвинуть границу от Ленинграда...». Обратим, однако, внимание на оговорку: «Из истории известно». В другой части интервью, говоря о намерениях немцев в 1941 г., В. Г. Григорьев также сопровождает рассказ характерным примечанием: «Я уж потом по книгам знаю». Этим автор четко отделяет «свое» от «чужого», в известной степени и дистанцируясь от последнего. Слияния человека с событиями, растворения себя в них, что присуще идеологи-

зированной импровизацией ряда экзальтированных респондентов, здесь нет. При описании событий В. Г. Григорьев пользуется снижающими пафос героического словами «конфузия», «кусочек» — нет тех терминов, употребление которых, пусть и подсознательно, но подталкивало бы к созданию клишированных текстов, намечая сетью привычных штампов их осевые конструкции. Автор внезапно обрывает общие рассуждения о причинах войны рассказом о том, чем была война для него лично: затемнение жилищ, вид обмороженных солдат, отказ от поездки на дачу. Ни интонационно, ни эмоционально, ни стилистически он не выделяет эти фрагменты от других, предшествующих советско-финляндской войне или происшедших после нее. Возникает ощущение, что этот эпизод — некое социологическое дополнение, не меняющее структуру рассказа, но придающее ему дополнительную полифоничность. Этот опыт объяснения истории, хотя отчасти и соотнесен с историографическим каноном, но имеет отпечаток собственного стиля респондента, не обрамлен типичными идеологическими клише и высказан так, что его рисунок трудно отличить от общего силуэта авторских отступлений: видны те же неторопливость, сдержанность, неприязнь к экзальтации, доверительный тон разговора.

Заметно отличается по стилю, частоте и практике использования историографических конструкций и идеологем, созданных в 1950–1980-х гг., интервью А. Г. Усановой. Описание блокадного опыта столь прочно переплетено здесь с риторикой и пафосом, что простое их разделение зачастую невозможно. Иногда риторика тут даже не соотнесена с текстом, не определяется его содержанием, а связана прежде всего с тем напряжением, которое испытано во время «проговаривания» пережитого — это скорее элемент эмоциональной разрядки. Эмоциональное дробит рисунок рассказа, делая его прерывистым, хаотичным, непоследовательным: «Комиссар пришел и говорит, мол, одевайте спасательные пояса... на всех не хватало... Я говорю, мы не оденем. Будем погибать все вместе. И мы не одели, не одевали. А я старалась когда слишком... Со мной был Зоценко. И всегда читала, отвлекала, и мы смеялись. Эти скажут... Тося! Тося! Быстроходный катерок меня звали. Я быстро очень бегала. “Иди давай”. Когда вот здесь были у Зимнего дворца... “Не пойдем мы в бомбоубежище, в Зимний дворец сюда не пойдем, давай сюда!” Вот мы сядем и начинаем говорить...». Рассказ словно движется «по ухабам».

Сцепление сцен здесь обуславливается не их содержанием, а близостью их по эмоциональному накалу. Такая же хаотичность при-суща и вкрапленным в ткань рассказа риторико-идеологическим пассажам. Здесь можно выявить сразу несколько напластований различных историографических концепций, и 1940—1950 гг., и позднейших лет, соотнесенных со слухами, широко бытовавшими в городской среде: «К уличным боям готовились уже... Уже баррикады. Огневые точки поставлены пулеметные... Такой был ужас! Потому что Гитлер, у него «Майн кампф», книжка, «Моя программа»... Он хотел смести с лица город трех революций. Людей, значит,... цепями к станку и все. И вот так хотели использовать людей наших. Советских людей <...> Вот сейчас обижаются, что почему Ленин появился, что он загробил всю Россию... Не то. И если бы... это люди не захотели делать революцию. Такая жизнь была... <...> Эксплуатация, конечно, полная. А почему... Потом-то, из истории, уже потом из деревни в города пошли рабочие. Здесь то какие условия были, тоже не ахти... Почему созрела революция? Ну еще повлияло еще и то, что такой руководитель, как Ленин был. А потом был девятьсот пятый год. Конечно расстрел, да? Покачнулось царское правительство... <...> С чего началось? Это не переворот, это революция начиналась. Такое хозяйство... Почему... Они, конечно, себе... кучка, дворяне... они были... Деревня у них, у них были крестьяне...». Чередование, или вернее переплетение различных частей этого рассказа с трудом поддается системному анализу. Здесь можно обнаружить несколько блоков официозной аргументации 1950—1980-х гг., которая, во-первых, упрощена, и, во-вторых, перемешана со слухами. Они, хотя своеобразно и передают ее «дух», но вместе с тем и изменяют ее, сплавляя реальное с фольклорным.

Упрощение историографических и идеологических концепций вообще характерно для традиции устного рассказа, и ее степень может быть соотнесена с типом культурной реакции респондента. Гиперболизацию же концепций, их «развитие», имеющее отпечаток личности самого рассказчика, вероятно, нужно считать атрибутами уже отмеченного прежде чрезмерно эмоционального «вчувствования» в историю. Слова-клише - «город трех революций», «эксплуатация», «материальное благосостояние», «немецкая колония пятая», «враги народа», «советские люди», «настоящие коммунисты» и др. — нередко определяют узловые точки сцепления и идеологию рассказа. Достоверное и спорное

соединено в ее ответах не только ввиду разнообразия источников ее сведений, но и вследствие того, что эти источники представляются ей одинаково исчерпывающими и правдивыми — такой вывод можно сделать, выявляя компоновку ее рассказа. Так, фразу «началась война. Потому что в 4 часа уже Киев бомбили», учитывая, что при описании 22 июня 1941 г. ни о каких других бомбардировках в интервью не говорилось, можно оценить как ассоциативное воспроизведение известной песни: «в 4 утра Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Торжественность уже первых слов ее интервью — «Когда началась война, мне было двадцать лет...Вот мы молодежь... Мы все были очень патриотичны. Мы любили свою родину...» — могла быть отчасти объяснена привычностью для нее практики публичных выступлений. Их традиция как раз и предполагает пафосность и напутствие как необходимую увертюру, предваряющую рассказ.

Анализируя в целом структуру, стиль и риторику интервью с блокадниками, можно сделать несколько выводов:

1. Рассказы блокадников, в том случае, если они не определялись отчетливо вопросами слушателей, а представляли собой свободное повествование, затрагивали, как правило, лишь определенный набор тем. Особо следует подчеркнуть, что речь идет о тех мемуаристах, чей блокадный опыт не был равноценным, кто отличался по образованию, мировоззрению и культуре восприятия. Вместе с тем мы обязательно встретим в интервью эпизоды, связанные с семьей, лишениями, перенесенными во время блокады (они общие для всех: голод, холод, бомбежки) с судьбой других жителей Ленинграда 1940-х гг., с их работой. Это, вероятно, можно объяснить сформировавшимися у респондентов общими сценариями рассказов о прошлом и, особенно, о блокадном прошлом. Такие сценарии создавались, прежде всего, в рамках определенной городской среды. Отсюда узнаваемость для петербуржцев своеобразного голоса их собеседников: слов, междометий, характерных идиом, нарушений синтаксиса. Усиленные тысячеголосым эхом откликов многочисленных очевидцев тех событий, направляемые историографическими канонами, эти сценарии, видимо, не раз повторялись при общении с другими людьми, уточнялись и изменялись в соответствии с их ожиданиями, упрощались, приобретали четкость, разветвленность, шлифовались и получали даже литературную отделку, обрамлялись сентенциями.

Разумеется, эпизоды блокадной истории переданы каждым из респондентов по-своему. Они могли переставлять акценты в рассказе, усложнять его политическими и этическими рефлексиями. Но даже и в его хаотичности ощущаешь определенную логичность и структурность. Сколь бы непоследовательным и разорванным ни был их рассказ, но при описании родных и близких приводятся сведения о их занятиях, характере родства, достоинствах и привычках, при описании блокадных лишений — о способах и примерах выживания, при описании работы — о ее трудностях. Эпизоды «долгой истории», охватывающие несколько месяцев или лет, могли быть не соединены между собой, но составляющие их сцены, касающиеся какого-либо частного случая, заметно сцеплены причинно-следственной связью, их описание нередко завершено.

2. Анализ интервью показывает: рассказчику трудно «тасовать» прошлое, выделять в нем значимые и не значимые эпизоды, выстраивая иерархию ценности тех или иных событий. Прошлое неделимо: человек может его воссоздать, только опираясь на тысячи мелких деталей, важных и не важных, только при сцеплении различных обстоятельств, описание которых, казалось, отвлекает рассказчика от его цели. Только так и создается ткань рассказа: тысячи подробностей составляют единое поле, и лишь в этом поле возможны свобода потока сознания, свобода передачи ощущений, свобода объяснения своих поступков. Респонденты иногда стесняются мелочной подробности своих рассказов, но не могут обойтись без нее. Вынешь звено из их цепочки — и в ассоциативной связи обнаружится пробел, рассказ раздробится, застопорится, угаснет.

3. Риторика интервью зачастую определяется не его содержанием, а степенью эмоциональности респондента и особенностями присущей ему культуры самопредставления. Те же сюжеты и образы, которые у одного респондента могут сопровождаться высказыванием соотнесенных между собой политико-идеологических постулатов, другого респондента едва ли подвинут к риторической оценке. Если в их рассказах о блокадных событиях, несмотря на отличия, все же прослеживаешь общую канву, то риторические вкрапления ощущаешь скорее как импровизацию, обусловленную политической ангажированностью или лекционным опытом. Они редко логично сочетаются с рассказом, но часто выглядят чуждыми ему по стилистике социоло-

гическими дополнениями. Они не рождены блокадным опытом, и потому придают описаниям подлинно драматических картин порой ненужную им глянцевоcть, превращая крик в театральный жест. Это соотнесение себя с «коллективным» прошлым посредством употребления общепринятых слов-символов, как правило, является весьма сдержанным. В таком контексте эти слова — некий пароль, указывающий на общепризнанность высокой оценки подвига, но не связывающий ее с каким-либо из его истолкований.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Попытаемся здесь определить некоторые общие приемы работы с историко-психологическими документами советской эпохи. Зачастую мы не имеем нескольких описаний одного и того же события и вынуждены определять достоверность источника, пользуясь, прежде всего, текстологическим анализом. Сразу отметим, что допускающее лишь однозначное толкование чтение источника именно так, «как он написан», без попыток определить в нем «двойное дно», во многих случаях невозможно. Сообщая о своих наблюдениях, информатор употребляет слова-понятия без обязательной для них строгости и точности. Текст становится и многозначным и неотчетливым, нередко и загадочным. Порой кажется, что он создан несколькими людьми: выпренняя риторика в нем соседствует с полуграмотной речью, метафоричность с косноязычием, пафос с просторечием. Образно говоря, роскошные одеяния здесь скрывают лохмотья — но какие из этих одежд принадлежат именно тому человеку, которого мы слышим, выяснить трудно. Нам необходимо поэтому четче выявлять в переданной информатором речи различных лиц вкрапления речи «чужой», отделить то, что принадлежит самому протоколисту или докладчику, от того, что высказано другими людьми. Мы должны определить различия в стиле письма рассказчика и тех, о ком он рассказывает, отметить частоту употребленных здесь однотипных формул, характерных оборотов, нарушений синтаксиса. Так, создавая «канцелярский» документ, его составитель мог инерционно «канцеляризовать» и другой язык, передав его в традиционных для делопроизводственной отчетности формах — поэтому историк должен тут выступать и знатоком устной повседневной речи тех лет, снимая с нее чуждые ей наслоения.

При выяснении достоверности текста мы должны обращать внимание на то, в какой степени он конкретен, насыщен

детальными и подробностями и как мотивированы в нем различные события. Чем неотчетливее становится изображение, тем быстрее оно облекается в риторические формулы, тем скорее разнообразие ситуаций упрощается интерпретациями, созданными в рамках партийных догм. Анализ риторических штампов, допускаемых авторами документов, позволяет нам, во-первых, определить самостоятельность их письма. При этом необходимо выявить степень разветвленности и частоты использования политических терминов, определить, что перед нами — отдельные клише, вкрапленные в повседневную речь и не меняющие ее содержание, или цепь клише, за частоколом которых уже трудно разглядеть подлинные причины событий того времени. Во-вторых, мы должны обнаружить источники заимствования идеологем. Сравнив прототекст и текст, можно изучить не только механизмы формирования политической ментальности масс, но и приемы модификации предложенных им клише — а значит, и рамки их применения. Заметим при этом, что использование политических терминов неизбежно создавало условия для воспроизводства клишированных текстов, поскольку эти термины намечали их осевые конструкции.

Необходимо четко представлять, какова роль риторики в формировании политико-психологических свидетельств. Риторика — это и отбор значимого и незначимого в описываемых событиях, это определенный ракурс их видения, заменяющий их скептический анализ. Риторика в интервью — это своеобразная оговорка, которая обрывает или упрощает рассказ, переводит его на те тропы, которые привычны и даже необходимы для восприятия его обществом. Риторическое часто заменяет конкретное: детали становятся более патетичными, но менее определенными. Нередко риторика возникает ввиду эмоциональности рассказа, для которой обычны крик, возглас, восклицание и, как следствие этого — пафосность. Изучение мельчайших подробностей событий разрушает патетику, поскольку раздробляет один громкий крик на множество разнородных голосов, не обладающих столь сильной степенью эмоционального напряжения. Эмоциональное во многом формирует и структуру рассказов блокадников. Конструкция их такова: сначала намечаются общие, контурные их схемы, которые затем «обрастают» деталями посредством повторов и уточняющих полуповторов — но последнее нельзя отделить

от эмоциональных проявлений. Для рассказчика ткань событий зачастую восстанавливается не по связанным с блокадой местами, а по эмоциональному следу, оставленному каким-либо событием.

В воспоминаниях и дневниках эмоциональное также может рассматриваться как элемент сцепления многих эпизодов. Последовательность придается им не внешней причинно-следственной связью, а своеобразным «единством» взгляда, не различающего полутонов, но четко отделяющим свет от тьмы. Меняются люди и обстоятельства, но не меняется шкала их оценок: логика нравственного выбора определяет логику повествования. Постоянство морального вердикта упорядочивает и структуру рассказа — ему всегда присущи страсти к сентенциям и новеллистичность, делающие описание более ярким и тем самым созвучным эмоциональному настрою их авторов.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ

1. Из доклада инструктора по организации Советов А. Панковца Вологодскому губернскому Совету о событиях в Березниковской волости Вологодского уезда Вологодской губернии. 26 июня 1918 г.

1918 г. июня 26-го дня, я, инструктор по организации Советов А. Панковец, прибыл в Березниковскую волость для ознакомления с постановкой дела в волостном Совете кр[естьянских] депутатов. Мне попалась на вид копия постановления из протокола Березниковского общего собрания от 13 июня (30) мая 1918 г. По обсуждаемому вопросу об организации волостного военного комиссариата волостным собранием вынесена резолюция следующего содержания: «Ввиду плачевных условий деревни, при наличии безработицы, голода и могущей быть братоубийственной войны, вследствие неправильной политики Совета комиссаров, решили выборы военного комиссара не производить, а требовать немедленного созыва Учредительного собрания как единственного выразителя воли народа, и по его зову мы, как один человек, встанем на защиту революционных идей». Постановил: по настоящему делу произвести дознание, что вызвало граждан вынести резолюцию этого содержания...

1918 г. июня 26-го дня, опрошенный по настоящему делу граждан дер[евни] Березняк, бывший председатель Березниковского исполнительного комитета Василий Павлович Молоков объяснил: «...13 июня с.г. волостным исполнительным комитетом было собрано общее собрание гр[аждан] Березниковской волости, в числе разных вопросов, поставленных на повестку, стоял вопрос об основании волостного военного комиссариата... Обсуждая этот вопрос, собрание, имея в виду, что в волости не имеется лиц, вполне знакомых с постановкой военного дела, и хотело просить о высылке такого лица Вологодский уездный Со-

вет. В это время взял слово гражданин дер[евни] Березняк Александр Иванович Сеничев и объяснил собранию, что организовать волостной военный комиссариат, по его мнению, не следует, ввиду непродолжительной политики народных комиссаров и других явлений, как-то голода, безработицы и пр. Многие из граждан его заявление поддерживали и некоторые предложили по внесению его предложению выработать резолюцию... При голосовании этой резолюции некоторые подняли руки за выработанную резолюцию, но большинство [ли] ее голосовало — выяснить не удалось, т.к. против этой резолюции вопрос на голосование поставлен не был и не подсчитаны воздержавшиеся ввиду того, что председатель собрания Степан Владимирович Ильюшин сложил с себя полномочия председателя собрания, т.к. резолюция противоречила распоряжениям Советской власти...»

1918 г. июня 26-го дня спрошенный по настоящему делу гражданин дер. Пуминова Василий Александрович Максимовцев объяснил следующее: «...Когда резолюция была поставлена на голосование, все ее принять отказались и открыли прения. По окончании прений некоторые лица, находившиеся на собрании, голосовали за выработанную Сеничевым резолюцию, но голоса их не были подсчитаны...»

1918 г. июня 26-го дня опрошенный по настоящему делу член административного отдела Березниковского волостного Совета, гражданин дер[евни] Сазоново Степан Сергеевич Хандин объяснил: «...Высказался против этой резолюции, но собрание держало себя вызывающе. Я запросил собрание, чтобы голосование было поставлено правильно с точным подсчетом голосов за и против... Но большинство приняло резолюцию...»

ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 31—31 об. Копия.

2. Из доклада агитатора Павлова агитационно-пропагандистскому отделу при Союзе коммун Северной области и Петроградском Совете рабочих и крестьянских депутатов о восстании в с. Грузине Новгородской губернии. 8 июля 1918 г.

Приехав 4-го июля в село Грузино Новгородской] губернии[и], мы, три агитатора Павлов, Рубцов и Кулеша... знакомимся с положением места и с их жизнью, ходили на фабрику Лапшина. И так в деревне положение было ужасно

возбуждено против Советской власти и самый ... главный недостаток — отсутствие хлеба. В воскресенье 7-го июля утром приехал комиссар по постройке моста и дорог тов. Якунин и мы трое пошли в здание казармы бывшего 88 пех. полка где должно было быть собрание из 23 деревень и от несколько фабрик... Тов. Якунин открыл собрание и приступили к выборам председателя и секретаря, когда это было сделано, то председатель огласил повестку дня:

- 1) Продовольственный вопрос.
- 2) Организация Крас[ной] Армии и хлебных отрядов.
- 3) О постройке моста и дорог.

По первому вопросу докладчиком выступил тов. Рубцов, его речь заключалась в том: он рассказал положение о продовольствии в общем государственном масштабе и указал им, что они неправильно поступают, посылают отдельных людей за хлебом и так как сейчас идет борьба с мешочниками, то поэтому и у них отбирают. Он предлагал им послать организационные хлебные отряды, которые прошли бы через губернский Совет, тогда собрание приняло бурный характер и стали кричать: «вон, вон» и несмотря на уговоры председателя, приняло еще хуже с криком «вон его, бей его». Услышав такие слова, я выбежал в соседнюю комнату и там вскочил в окно, а тов. Рубцов сделал тоже самое, но он побежал к реке, а я в парк, больше я ничего об них не знаю, но когда я добежал по болотам до ст. Чудово и сел в вагон, то услышал разговор, какая-то дамочка говорила своему соседу, «что у нас сегодня убили 2-х агитаторов, а третьему, говорят, удалось скрыться в парке», тогда я подсел к ней поближе и признался, кто я. Она мне рассказала, что «я жена директора фабрики Лапшина и когда ехала сюда, то видела на пароме кров[ь] и говорил паромщик, что когда один из агитаторов выпрыгнул в окно, то прибежал к лодке и поехал на другой берег, но за ним поехал[о] еще несколько лодок и на другом берегу его поймали и повезли обратно на пароме и когда его везли, то тут же и избивали и нанесли ему 3 штыковых раны и бросили в воду, но он все таки выплыл и тут же ему была пущена пуля, после которой он больше не появлялся, а не знаю, кто был второй, его избивли на берегу до полусмерти и отнесли в Совет, а там кажется добили совсем». На этом она кончила мне рассказ, и я все время беспокоился в вагоне, чтобы они не догнали меня, но она меня все утешала, что теперь не опасно.

Наши впечатления на их жизнь были слишком не хороши, местный Совет села Грузино раздал 650 винтовок на каждую деревню по 10 штук, не смотря на то, есть ли там партийные люди или люди идущие против Совета...

Агитатор Павлов

ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 3—4. Подлинник.

3. Из доклада агитатора А. Муницына агитационно-пропагандистскому отделу Петроградской Трудовой коммуны о поездке в гор. Бежецк и Бежецкий уезд. 11 июня 1918 г.

Затем я отправился по волостям узнать настроение местных крестьян, как они относятся к местному Совдепу. Тут я узнал, что почти все местное население относится очень враждебно к местному Совету и были такие возгласы, что возьмем оружие и разгоним местный Совет... Ввиду такого настроения крестьян местные кулаки ведут свою преступную агитацию не только против местного Совета, а и против всей Советской власти. Местные волостные Советы не принимают никаких мер против такой агитации и даже сами склонны к этому, потому что они люди беспартийные, не считаются ни с каким положением страны, относятся к настоящему моменту спустя рукава, и так что вести агитацию в таком месте слишком трудно. Опереться там не на кого, и в случае чего дать помощь, то уже про это с уверенностью могу сказать, нечего ожидать.

ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 107. Копия.

4. Из доклада в иногородний отдел Союза коммун Северной области агитаторов В. Орлова и А. Южука о поездке в Боровичский уезд Новгородской губернии. Ноябрь 1918 г.

Согласно распоряжения Боровичского уезд[ного] комиссариата по военным делам были назначены объезжать волостн[ые] Совдепы и комитеты бедноты вместе ввиду того, что возможно будет столкнуться с кулачеством ввиду враждебного настроения против Советской власти по случаю реквизиции хлеба.

... В Устрекском волостном Совдепе 26/XI были столкновения граждан означенной волости с Советом, ввиду реквизиции хлеба. Два дня собиралась вся волость к Совету и хотела разогнать Совет и выбросить из окон и утопить в реке членов Совета, и были по адресу председателя нанесены оскорбления,

что и заставило председателя вызвать из Совдепа Николомо-шенской волости вооруженных коммунистов в составе 10 человек для подавления контрреволюционного восстания, но по приезду нашем просили нас принять участие в оказании содействия Совдепу против восставшего кулачества, что нами и было сделано немедленно. Собрание фракции коммунистов, обсудив доклад председателя тов. Овчинникова о случившемся положении, предложило приступить к немедленным обыскам и арестам намеченных им лиц, что нами и было исполнено.

В. Орлов, А. Южук.

ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 41—41 об. Подлинник.

5. Из доклада агитатора Н. Отрожденнова Петергофскому уездному комитету РКП(б) о состоянии комитетов деревенской бедноты петроградской губернии. 19 декабря 1918 г.

...Деревенские комбеды, очевидно, находятся в первобытной стадии развития. Так, при мне было собрание комбеда деревни Карла Маркса (кажется, бывш. Красная Подстава); был собран весь сход деревни. Когда я просил председателя комбеда, чтобы он наиболее богатых просил выйти, председатель комбеда ответил: «У нас нет кулаков, мы не признаем кулаков, мы все здесь средние крестьяне!» Правда, он обратился к собранию, со словом, что «здесь, мол, собралась лишь беднота, а потому все, кто не бедняки, должны уйти», но из крестьян никто не шевельнулся. Так, вероятно, дело обстоит и во многих — многих шу[н]горовских комбедах. Председатели обществ, по видимому, отождествляются с представителями комдербедов (при мне этот «коалиционный» исполком рассылал повестки на волостной съезд комбедов с адресом: «Председателю такого-то общества»; повестка же была вполне легальна!). Таким образом, «на местах» происходит путаница, отождествление и смешение стар[ых] и нов[ых] [органов] власти, часто просто перемена вывески. Вряд ли где кулаки или богатые ставятся вне прав гражданства, особенно активного избирательного права. Но права быть выбранным, кажется, они все более начинают терять: это постольку, поскольку сыграла агитационную роль вывеска: комитет бедноты.

Н. Отрожденнов.

ЦГАИПД. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л. 5 об, 6. Подлинник.

6. Из доклада агитатора В. Иванова агитационно-пропагандистскому отделу Петроградской Трудовой коммуны о положении в Холмском уезде Псковской губернии. 20 июля 1918 г.

...Загорский волостной Совет — настроение на политической почве бодрое, деревенские кулаки бездействуют. Исполнительный комитет строго проводит в жизнь декреты и постановления Совета народных комиссаров, кроме некоторых, которые приходится отложить по случаю голода. Волостной военный комиссариат не существует.

Русановская волость.

Деревенская беднота организована, производит тщательный обыск хлеба у деревенских кулаков, которые сдаются на все предложения бедноты. Волостной Совет помогает бедноте, избран волостной военный комиссариат.

Тухомический исполнительный комитет работает слабо под давлением кулаков, которых в волостном Совете и в волости большинство. Так, например, 24 июня общим собранием волости было постановлено произвести обыск лишнего хлеба для раздачи неимущим, но Новинское общество под давлением кулаков и правых эсеров постановило проживавшим во время войны в Петрограде рабочим хлеба не давать ни за какие деньги...

Наговский волостной исполнительный комитет работает революционно, в особенности председатель, который не оставивается ни перед чем, все декреты проводит строго.

Город Холм Псковской губ[ернии].

Со слов очевидца происшедшего события 15 июня... Стали ходить по волостям слухи, чтобы все граждане из деревень собирались в г. Холм требовать от Советской власти хлеба, но 14 июня по волостям было получено Холмского исполнительного комитета воззвание, в котором говорилось не выступать на призыв контрреволюционеров и были разосланы члены Совета по волостям, но было уже поздно. Некоторые волости... были удержаны, много крестьян послушали, не пошли... Но непослушная толпа все росла и росла в г. Холме 15 июня. Все выступили на площадь и стали требовать от Советской власти: «хлеба давайте, а если не может[е] дать хлеба, то царя давайте». Когда было все доказано, от чего нету хлеба и просили разойтись, то из толпы кто-то сделал выстрел и бросили бомбу, которая, к счастью,

не разорвалась. Тогда был дан приказ подавить восстание, после чего оказалось 2 убит[о], 4 ранено.

Влас Иванов.

ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 133—133 об. Подлинник.

7. Из доклада агитатора Ткачева в Иногородний отдел Комиссариата ВД СКСО о поездке в Лисинскую волость Петергофского уезда. 2 декабря 1918 г.

На съезд опоздал и попал к самому концу. Сделал доклад по текущему моменту — после чего шумные дебаты. По волости никакой агитации. Крестьяне не знают о комитетах бедноты и не хотят их. Волостной исполком не может даже разбирать присылаемые инструкции. Организация коммунистов не на высоте своего призвания, среди членов есть прямые враги Советской власти. Резолюция мною проведена исключительно из желания наверное узнать настроение массы и выражением мнения данной волости служить не может. Съезд был чисто кулацким, пахнет левоэсеровщиной. Причина недовольства Советской властью — запрещение свободной торговли.

ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 111. Л. 47—47 об. Подлинник.

8. Из доклада агитатора Яковсона Тихвинскому уездному комитету РКП(б) об отношении крестьян-бедняков и Советской власти. Череповецкая губерния. Ноябрь 1918 г.

В 2 часа дня 10 ноября с ближайших деревень... собрались крестьяне, отчасти и кулаки. С начала моей речи, когда я охарактеризов[ал] действия Временного правительства Керенского и действ[ия] партий соглашателей, наблюдалось недружелюбное [настроение], а уже при вопросе о Красной Армии были слышны возгласы, «зачем опять вооружение...»

Объяснив все эти вопросы, я уже видел, что соглашались со мною все бедняки, ввиду чего кулаки, видя свое банкротство, замолчали и начали удаляться, бедняки выслушали меня до конца, их было человек около 200.

Агитатор Яковсон.

ЦГАИПД. Ф. 0-851. Оп. 1. Д. 6. Л. 4—4 об. Подлинник.

9. Из доклада агитатора П. Прокофьева Петергофскому уездному комитету РКП(б) о настроениях крестьян в Витин-

ской волости Петергофского уезда. 30 декабря 1918 г.

Будучи командирован Петергофской уездной партией коммунистов в Витинскую волость на митинг, в качестве агитатора, на 29 декабря, я считаю своим долгом дать самый подробный доклад как о самом митинге и о настроении граждан данной волости...

Как во время самих речей, так и вопросов с мест слушатели относились к пояснению с самым серьезным вниманием — видно было, что все это их настолько интересовало, что они стараются не проронить ни одного слова. Причем вызвать слушателей на вопросы с мест было гораздо труднее, чем это предполагалось. Тов. Попову и мне во что бы то ни стало хотелось вызвать на эту беседу, так как мы никогда не могли себе представить, что крестьянство согласно со всем нашим докладом и разделит наши взгляды. И на третий наш вопрос, почему именно крестьянство не хочет высказать свой взгляд на положение вещей в то время, когда мы их призываем самих к строительству народной жизни, беднота присутствующая здесь заявила, что все мероприятия Народного Правительства как нельзя лучше отвечают их желанию. Вот тут то как из рога изобилия посыпались вопросы со стороны кулацкого элемента. Почему, мол, военный комиссариат предписывает под страхом арестов представить подводы и т.д. Почему наложен в таких крупных размерах чрезвычайный налог и т.д., на все эти вопросы тов. Поповым и мною были даны самые обстоятельные ответы, кому страшны аресты и налоги. Причем вся присутствующая беднота на собрании самостоятельно стала разоблачать все спекулятивные и мародерские поступки присутствующих и запрашивающих кулаков...

Митинг окончился в 7-м часу вечера, что речи докладчиков произвели должное впечатление, можно судить потому, что уже при отъезде моем я видел кучки людей оживленно споривших между собою, как у самого здания, где проходил митинг, так и по деревне.

Член Бубаницкого коллектива П. И. Прокофьев
ЦГАИПД. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 46. Л. 12—12 об. Подлинник.

10. Из письма агитатора Баранова Тихвинскому уездному комитету РКП (б) о положении комитетов бедноты в Лукинской волости Череповецкой губернии. 14 ноября 1918 г.

... 10-го ноября утром собрались по возможности граждане количеством не более полутора сот человек (150).

Я им объяснял о текущем моменте и о значении празднования великой Октябрьской революции.

Потом перешли к значению инструкции и деятельности комитетов деревенской бедноты. На это мне беднота и ответила, что так как нас голодающих всего найдется среди зажиточных не более как третья часть, и по этому то нам с ними ничего не сделать по разделу хлеба.

И просим содействия исполнительного комитета послать немедленно на помощь вооруженную силу, хотя из 5-и человек во главе с распорядителем.

И просили меня лично походатайствовать перед исполкомом о высылке им на помощь вооруженной силы. Этим и закончилось собрание.

Член партии коммунистов большевиков Баранов.

ЦГАИПД. Ф. 0-851. Оп. 1. Д. 6. Л. 3—3 об. Подлинник.

11. Из доклада агитатора В. Попова Петергофскому уездному комитету РКП(б) об отношении крестьян к Красной Армии. 2 января 1919 г.

Митинг был собран в имении Анташах. По случаю дурной погоды собрание было немногочисленно (не более 100 человек), в числе собравшихся присутствовали 23 человека чл[ена] коллектива [РКПб] Витинской волости.

Много было сказано текущем моменте и о Красной Армии... Далее говорил тов. Прокофьев, который дополнил мой доклад о международном положении, еще раз остановился на некоторых пунктах о Красной Армии, подробно говорил о земельной реформе и указал еще раз на необходимость чрезвычайного налога.

Собрание к нашим докладам отнеслось очень сочувственно.

Несмотря на наши просьбы, никто из собрания не решался задавать вопросов. Наконец один крестьянин подал записку, в которой ему — члену комитета бедноты — военный волостной комиссар предписывал предоставить в его распоряжение одну подводку под страхом отправки на Гороховую, 2. Военный комиссар оправдывал свою угрозу тем, что если не написать вышеуказанной угрозы, то лошадей никогда не подадут...

Три крестьянина в своих вопросах о налоге указывали на

неправильность разверстки; с чем, просмотрев списки обкладываемых, мы согласились, так как в списках фигурировали рядом с крупными суммами суммы 25 и даже 10 рублей, что означало, по нашему мнению, обложение бедноты.

Член городской организации Рос. Комм. парт. В. Попов.

ЦГАИПД. Ф. 1620. Оп. 1.Д. 46. Л. 10—11. Подлинник.

12. Из отчета представителя Петроградского комитета РКП(б) В. Кисилева о положении в Гдовском уезде Петроградской губернии с 12 марта по 5 апреля 1918 года. 5 апреля 1918 г.

...В вышеназванной местности положение дел таково: с подходом врага внешнего совместно с нашими внутренними врагами Советской] власти т.е. капиталистами молодая еще не твердая Советская] вл[ась] пошатнулась и контрреволюционные] и... им сочувствующие элементы этим моментом пользуясь приняли угрожающую позу, стали восклицать: «Вот пришел расплаты час за вашу свободу». Вот в это время пришлос[ь] как пастуху собирав[ь] разбежавшихся от страху овец в виду появления волка и успокаиват[ь] как испуганных детей, чтобы одумались], сгруппировались] как можно плотнее друг к другу и дали отпор не так страшному врагу, как его рисуют. За этим врагом более страшный враг подкрался тихими шагами. Это голод, создавшийся более благодаря спекуляции и мародерства, на почве чего стали возникать конфликты между крестьянами имущими и неимущими. Первые догнали цены 1200— 1300 руб. за кул[ь], т.е. 120—130 руб. за пуд муки или ржи, а из последних не каждый в состоянии заплатить] и благодаря этому то приходится... налагать реквизицию большинству не желательную. Начали 25-го (12) марта с/г с мельницы Сухловицы на реке Люте Лосицкой волости Гдов[ского] уезда, где было заподозрено укрывательство хлеба многими местными] кулаками ввиду предстоящей реквизиции и более удобной продаже спекулянтам по высокой цене. При производстве на зак[онном] основании] реквизи[торами] было обнаружено 150 меш[ков] разн[ого] хлеба, из коих 80 меш[ков] нашли справедливым... оставить неприкосновенными, а 70 м[ешков] это равняется] с лишни[м] 300 пуд. ран[него] хлеба реквизировали... Во время отправки обоза с погруженным хлебом с мельницы в волост[ной] комитет для распределения по неимущим сего хлеба вдруг с другой

стороны реки посыпались выстрелы, засвистели пули, лошади бросились в разн[ые] стор[оны], одним словом получилась] паника, но с нашей стороны люди не растерялись и дали наступающим отпор. Эти наступающие оказались двух дер[евень]. Одной из них 2-х гражд[ан] оказался хлеб в этом количестве и они постарались поднять с оружием в руках и другое селение, такое же богатое хлебом... Вот они предвидя, что коснется и их дело реквизиции..., сосчитали это грабежом, хотели отбить хлеб и этим дат[ь] толчок, чтобы их вовсе не могли коснуться и еще с угрозой: «мы, мол эту нищету подавим»... Я с болью в сердце должен был прибегнуть] во имя Советской] власти к следующему: обратиться с просьбой о вооруженной помощи в уездный штаб Красной] Ар[мии] для подавления своих же безсознательных и не подчиняющихся Советской] вла[сти] братьев ввиду того, что никак словом не убедит[ь] и дальше медлит[ь] нельзя, ввиду принятия острой формы поддержки наших врагов капиталистов... Явились 16 человек во главе начальника отр[яда] члена Гдов[ского] исполнительного] К[омитета] тов. Малякова чрез 30 часов и первым[и] приступили к расследованию случившегося и конфискации оружия у лиц, не подчиняющихся Советской] вла[сти] и в селениях нападавших... 1-го апреля н.ст. в Лосицкой волости произвели перевыборы волостного Президиума в присутствии тов. Малякова; благодаря в глазах присутствующих вооруженного отряда] восстановили порядок и прошли люди более твердо стоящие на платформе Советской] вла[сти] и тут же при общ[ем] волостном собрании постановили произвести полную волостн[ую] реквизицию хлеба...

Владимир Кисилев.

ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 225. Л. 7—7 об. Подлинник.

13. Из письма отдела управления по внутренним делам Тихвинского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО о положении в Тихвинском уезде Череповецкой губернии с 15 по 30 ноября 1918 г. 3 декабря 1918 г.

...Уезд был богат происшествиями и выступлениями: на почве недостатка хлеба кулаки подстрекатели возбуждали граждан к смещению волостных Советов или перевыбору их. Это явление имело место в Большегорской и Усадьевской волостях, но благодаря своевременному сообщению в волости были посланы

работники коммунисты с охранниками и дело без проявления реальной силы было ликвидировано.

В Новинской волости было выступление отдельных деревень, с требованием дележа денег трудовой артели, но инцидент был улажен командированными от отд[ела] управления агентами. Вообще население уезда настроено тревожно и везде стоит вопрос о выборе новых составов Советов, причина тому — бесклубица, а в Саньковской волости частью питаются мхом.

Из волостных Советов получены сообщения о том, что дни празднования торжества Октябрьской революции происходили торжественно при массе собравшихся граждан и учеников, при всех Советах происходили манифестации в присутствии командированных от уездного исполкома членов коммунистов и празднование это в большинстве случаев отмечено устройством разного рода увеселений, лекций и митингов.

ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 61. Л. 19—19 об. Подлинник.

14. Из доклада политико-просветительного отдела Николаевщинского волостного военного комиссариата Новоладожскому уездному военному комиссариату об организации партиячек в волости. 20 ноября 1918 г.

По формировании отдела было приступлено к... образованию коллективов (РКП) по сельским обществам, для какой цели коллегией был командирован заведующий отделом тов. Аксенов, которому поручено было объехать 7 сельских обществ для вышеупомянутой цели. На первом же собрании в Часовенском сельском обществе граждане, несмотря на разъяснения тов. Аксенова о стремлениях партии, не записались в списки сочувствующих большевикам коммунистам, мотивируя отказ полным непониманием всего им объясняемого и незнанием программы партии и выразили желание получить побольше литературы, дабы ближе ознакомиться со всеми начинаниями партии на пользу трудового народа... Таким образом, пришлось временно, до подготовки населения, приостановить запись сочувствующих и заняться ознакомлением населения с программой партии и другими ее начинаниями.

Никаких противосоветских выступлений не было и в политическом отношении волость благонадежна.

ЦГА СПб. Ф. 6689. Оп. 6. Д. 2. Л. 55—55 об. Подлинник.

15. Из письма председателя исполнительного комитета Сольвычегодского уездного Совета в ЦИК Союза Коммун Северной волости о роспуске Совета в Сольвычегодском уезде. Июль 1918 г.

В В.-Тоемском волостном Совете Сольвычегодского у[езда] засели торговцы и кулаки, которые крепко защищают свои интересы. В заседании 16 июня Совет постановил дать СВОБОДНУЮ ТОРГОВЛЮ всем торговцам волости без права контроля их торговли местной Советской властью и наложения процентов. 16 июля, когда члены уездного исполнительного комитета прибыли в волость за взысканием единовременного налога с капиталов, то волостной кулацкий Совет первый оказал сопротивление вплоть до призыва избияния членов уездного исполкома, а присутствовавшие местные торговцы радовались действиям своего «родного» Совета и охотно кричали: «долой», «в шею их». Уездный исполнительный комитет постановил настоящий состав В.-Тоемского Совета считать распущенным... Совершенно другая картина в других волостях, вот хотя бы в Фоминской волости, Совет которой [в письме] от 16 июля за №210 пишет: «Граждане Фоминской волости глубоко возмущены попыткой свергнуть Советскую власть. Вся волость, как один человек, [гитова] в любое время поддержать Советскую власть, ибо она только выразительница и защитница интересов трудового крестьянства. Граждане Фоминской вол[ости] шлют проклятия мятежникам, поднявшим хищную лапу на Советскую власть. Да здравствуют Советы и все те, кои идут по его стопам. Подписали: Председатель Вяткин, секретарь Клыпин». Правду сказать, население Фоминской вол[ости] живет бедно, крупных кулаков нет, нет и засилья их, власть находится в руках трудового крестьянства, а не в руках торговцев и кулаков, как в В.-Тоемской волости.

ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 153. Л. 5. Подлинник.

16. Из письма секретаря Старопольской волостной организации РКП(б) И. Петухова Петроградскому губернскому комитету РКП(б) о деятельности комячеек в Старопольской волости Гдовского уезда Петроградской губернии. 7 октября 1918 г.

...Нам же одним без посторонней помощи было очень тяжело работать, мы все время были гонимы. Частенько даже на

собраниях не давали нам говорить. Вообще в нашей волости люди такие, что дай только нам, тогда и хорош, а как от нас, так и на дыбы. Например, на днях у нас в волости был митинг по поводу мобилизации. На митинге присутствовало около полутора тысячи человек, выступали ораторы от Северной Коммуны. Несмотря на горячий призыв товарищей идти служить, митинг постановил не идти, мотивируя тем, что зачем демобилизовали старую армию и почему большевики обещали хлеба и мира, а вместо мира опять призывают воевать. Как ни бились приезжие товарищи, доказывая митингу всю правоту их взглядов, так ничего желаемого и не добились. Уже после их отъезда мы собрали всю молодежь, подлежащую призыву, объяснили им вторично в чем дело, упрекали их в трусости и что они из-за шкурного вопроса согласны потопить все завоевания октябрьской революции, кое-как уговорили, составили протокол и так же послали в уездный военный комиссариат телеграмму, что призываемые Старопольской волости все как один человек согласны стать под ружье. Не знаю, все ли явятся 11-го октября на сборный пункт и опасаясь, чего бы и в уездном городе не вышло, потому что все время идет погромная агитация. А агитация ведь имеет огромный успех, когда играют на голоде и шкурном вопросе.

ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 296. Л. 14. Копия.

17. Из письма председателя Военно-революционного комитета Усть-Ижорского района (Петроградская губерния) Л. Ю. Койро Комиссару по внутренним делам СКСО М.С.Урицкому о введении военного положения в Усть-Ижоре. 28 июля 1918 г.

...Военно-революционный комитет доносит до вашего сведения, что нами объявлено военное положение в Усть-Ижоре и прилегающих районах. Советы волостные распущены. Мера эта вызвана ввиду сильной агитации членов Совета и местных кулаков против Советской власти. Бедняки находятся в ужасном положении. Распущена также следственная комиссия, в которой работали люди, не заслуживающие доверия, ввиду агитации против Советской власти.

Койро

ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 2. Д. 100. Л. 1. Подлинник.

18. Из письма Отдела управления внутренних дел Кирilloвского уездного Совета Новгородской губернии в Комис-

сариат ВД СКСО о крестьянских восстаниях в Кирилловском уезде. 25 декабря 1918 г.

1) 2 и 3 декабря сего года в Казанской волости произошло восстание. Восстание было подготовлено кулацкими элементами в связи с обложением, произведенным местным Совдепом. Вся суть дела произошла при следующих обстоятельствах: кулаки Казанской волости через темных личностей пустили по волости слухи, что Совет их обкладывает, а впоследствии возьмут и последнюю корову. Вскоре после распространения подобных слухов местным исполкомом было назначено собрание представителей от сельских обществ. Но местные кулаки означенной волости Тордонского прихода, чтобы более подорвать Советскую власть, распустили слухи, что члены местных исполкомов разделили деньги по своим карманам, а чтобы собрать толпу народа больше, были посланы повестки, что[бы] на имеющем быть собрании явились все граждане. По полученным повесткам граждане явились на собрание. Получилась большая толпа народа, и вот эта толпа, руководимая провокаторской агитацией, пущенной в несознательную массу местным кулачеством, учинила беспорядки, выразившиеся в разгроме волостного военного комиссариата, избиении военного руководителя Исаева. На место происшествия был командирован карательный отряд из города Вологды. Восстание подавлено. Зачинщики восстания... расстреляны, остальные виновные преданы суду.

2) 8 декабря 1918 года в Вогненской волости Кирилловского уезда произошло контрреволюционное выступление кулацкого элемента волости. Дело произошло при следующих обстоятельствах: 8 декабря утром граждане явились в исполком по каким-то неизвестно кем написанным повесткам с надписью в конце «Волостная организация». Во время собрания толпой разоружено 9 человек милиции и волостной военный комиссариат и был занят телефон. При решении контрреволюционных вопросов, как например, не ходить в солдаты, не давать лошадей и т.п., произошел незаконный выбор нового состава исполкома... После собрания решено явиться на другой день вооруженными кто чем мог. Взятые оружие было разнесено по домам. На место происшествия был командирован карательный отряд. Восстание подавлено. Зачинщики арестованы и преданы суду, а двое из них расстреляны. В остальных волостях все спокойно, никаких контрреволюционных выступлений нет.

ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 22—22 об. Подлинник.

19. Изписьма заведующего информационно-инструкторского подотделом отдела управления внутренних дел Демянского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО о положении в Демянском уезде с 11 по 18 октября 1918 г. 19 октября 1918 г.

Положение на местах в Демянском уезде устойчивое, за последнее время в народной толще замечается резкий переворот в пользу существующей Советской власти. Во всех волостях на съездах выносятся резолюции, из которых видно, что беднейшее и среднее крестьянство не отступит ни на один шаг от завоеваний Октябрьской революции... Контрреволюционных выступлений за истекшую неделю не было. Раньше замечалось некоторое движение в среде более зажиточных элементов, но благодаря своевременно принятым мерам Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и преступлениями по должности, все успокоилось. Виновники такого движения понесли законную заслуженную кару... Беспорядков на почве голода не было.

ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 43. Подлинник.

20. Из протокола общего собрания рабочих и служащих Центральной государственной фабрики прозодежды. 6 мая 1921 г.

№ 4

Порядок дня:

1. Доклад делегатов об общегородском совещании беспартийных.

2. Утверждение делегатов, выбранных на общегородск[ое] совещание.

3. Выборы временного правления кооператива.

4. Выборы в комиссию по товарообмену.

5. Текущие дела.

СЛУШАЛИ:

1. Доклад делегатов об общегородском совещании беспартийных.

Т.Медведев в докладе своем о той работе, которая была проделана на общегородском совещании, о тех положениях, какие были там приняты, какие резолюции обсуждались, какие меры были намечены для проведения в жизнь — он ничего не

указал, свой доклад он начал с того, что упомянул о той вредной работе, которую меньшевики, вроде Лившицев, ведут среди рабочих масс, и именно тогда, когда она начинает принимать сурьезный и деловой характер, как на наших собраниях работу тормозят наши меньшевики, вроде Лившица, так и на общегородском совещании были свои Лившицы, пытавшиеся сорвать деловую работу совещания, превратить ее в политический митинг. Это заявление вызвало большой шум части собрания, что помешало правильному и спокойному течению собрания. Докладчику говорить не дали.

В открывшихся после доклада прениях тов. Корсак указал, что на общегородском совещании присутствовало 1051 делегат, из них 2 меньшевика и 1 анархист, несмотря на это ничтожное количество им удалось при открытии Совещания устроить такой же хаос, какой только что произошел на нашем собрании, и только после речи тов. Зиновьева, которая произвела громадное впечатление, общее собрание могло приступить к деловой работе. Тов. Корсак указал, что все речи выступавших рабочих, принятые по обсуждаемому вопросу, застенографированы и будут отпечатаны. Кроме того, он упомянул о том, что выбранные делегаты в Советские учреждения для практических работ обязаны делать доклад о своей работе на местах не менее 1-го раза в месяц, чтобы не порывать связи со своим предприятием. Из слов т. Лившица, который говорил, можно было заключить, что без капитала рабочий класс не может существовать, ибо капиталы есть колесо, вокруг которого рабочий класс должен всегда вертеться. После речи т. Лившица т. Андреев в кратких словах указал, что капитал никоим образом не может служить спасением рабочему классу.

ПОСТАНОВИЛИ: Доклад принят к сведению.

СЛУШАЛИ:

2. Утверждение делегатов, выбранных на общегородском совещании в Советские учреждения, намечены: тт. Медведев, Ершов, Евстафьева, Соколова, Гордеева.

ПОСТАНОВИЛИ: Единогласно принято.

СЛУШАЛИ: Бюро к[оллекти]ва совместно с фабкомом предлагает т. Гордееву дополнительно.

ПОСТАНОВИЛИ: Принято единогласно.

...5. Текущие дела: рабочий говорит о скверном состоянии столовой, о неправильном премировании, о подарках на праздник швейников.

ПОСТАНОВИЛИ: Принять к сведению.

Председатель собрания Иванкович
Организатор коллектива [РКП(б)] Яковлева
Секретарь Кондратьева

ЦГА СПб. Ф. 6006. Оп. 5 Д. 5. Л. 4—4 об. Подлинник

21. Протокол общего собрания работы Балтийского судостроительного и механического завода 10 февраля 1921 г.

Порядок дня:

1. Положение на заводе.
2. Доклад Петросовета.
3. Текущие дела.
1. Положение на заводе.

Первым говорит управляющ. [ий] заводом. Указав на то, что за последние дни на заводе работа происходила не нормально, т.е. 8-го февраля работало 25 %, 9-го — 40 % и 10-го — 60 %, считает явление ненормальным, а потому предлагает решить вопрос о дальнейшей работе.

Тов. Осипов, член Завкома: «... в связи с уменьшением хлебного пайка работы идут ненормально. Кроме того, до сих пор не сказано, что рабочие хотят, и может быть, причина не только хлеб.» По мнению тов. Осипова, одной из причин является прилив на завод трудмобилизованных, которые, не считаясь с положением, хотят под тем или иным предлогом оставить завод и уехать в деревню. Заводской комитет делал каждый день заседание, обсуждал положение на заводе. Принимая во внимание, что, несмотря на тяжелое положение петрогр[адской] промышленности в связи с топливом, Балтийский завод считается одним из важных и закрытию из-за топлива не подлежит. Тов. Осипов для выхода из положения предлагает выбрать комиссию, которая бы занялась рассмотрением и формулировкой вопросов, волнующих рабочих. Тов. Осипов предлагает рабочим свободно высказаться, что они хотят, и оглашает постановление собрания уполномоченных от цехов, завкома, правления завода и представителей от Союза металлистов от 10/II, в котором говорится, чтобы с 11 февраля с утра приступить к работе.

Тов. Вейнберг (представитель Союза металлистов)

В связи с топливным кризисом часть заводов закрывается, но Балтийск[ий] завод ввиду его важности для государства за-

крытию не подлежит, но рабочие Балтвода вдруг бросили работу и итальяничают, благодаря чего топливо сжигается зря в то время, когда оно так нужно для промышленности, а потому, обсудив положение, Союз приходит к тому, что топлива жечь зря нельзя, а потому предлагает прямо сказать, будут работать или нет. Итальянничество заставляет союз закрыть завод. На вопрос, что будет дано рабочим, говорит, что обещаний дать союз никаких не может, по вопросу же о продовольствии скажет представитель Петрогубкоммуны, но все-таки в недалеком будущем улучшение положения возможно. Оратор уверен, что большинство рабочих закрытия завода не допустят.

Тов.Матвеев говорит, что положение Балтийского завода нельзя рассматривать с точки зрения одного завода, а надо рассматривать с точки зрения положения всей промышленности. Указывает, что три года Советская власть занята была защитой от белогвардейцев и внешних врагов, а потому не могла дать того, что могла бы дать, и в то время, когда надо переходить на мирный труд, вы бастуете.

/Поднимается шум/

Поставлено на голосование: желает ли собрание дать говорить оратору или нет.

Большинство: не давать говорить.

Ввиду требования огласить наказания от цехов, наказания были оглашены.

Речь Анцеловича: Если рабочие, говорит тов.Анцелович, требуют отчета, то разрешите мне сказать. Сказать дайте мне правду, ибо правду говорить гораздо тяжелее, чем неправду.

В то время, когда Советской власти приходилось бороться с Деникиным и Врангелем, тогда была причина всех недостатков, теперь Деникин и Врангель разбиты, а хлеба и топлива нет. Вот в такое время гораздо труднее убедить рабочих, когда те препятствия отошли, на которых мы могли указать. Но если мы продумаем, то увидим, что хоть немного, но кое-что улучшилось.

Тов.Анцелович указывает на ту малую норму выдачи продовольствия, которую получают рабочие. Я не стану скрывать, говорит тов.Анцелович, что есть такая ненормальность, что работающие на горячих работах получают сладость. И той нормы, которую получает рабочий, иногда не хватает и для курицы.

Затем тов.Анцелович характеризует общее положение Ре-

спублики, отмечает то тяжелое положение, в котором мы находимся. И что выход из такого положения — есть дружная работа в восстановлении промышленности. А посему, когда я был в партии при царизме, то я призывал к забастовке и за это много страдал, находя, что в забастовке есть цель освобождения рабочего класса в его тяжелой жизни, а теперь я призываю к работе, так как теперь забастовка — не средство в улучшении рабочего положения, а его ухудшение.

Тов. Анцелович отмечает важность для государства Балтийского завода, приостановка которого не может быть допущена. Затем тов. Анцелович дает ответы по пунктам тех наказов, которые даны цеховыми собраниями, где вообще отмечает, что ни один наказ не дал, с точки зрения рабочего, за исключением некоторых пунктов, где только указывается на некоторую ненормальность в Советских органах, где требуется только исправление той расшатанности, которая имеет место.

В конце речи дает пояснение того кризиса, того тяжелого положения, которое мы переживаем и призывает в целях лучшего будущего не жечь зря топлива, а приняться за работу.

Тов. Савкин в своей речи указывает на то недовольство рабочих на Коммунистическую партию, которые уже не считают как рабочую, несмотря на то, что в этом сами рабочие виновны. Если Коммунистическая партия и власть, состоящая из такой, вышедшая из рядов рабочих и в то же время не считается рабочей, то здесь взгляд рабочего неправильный, потому что они сами дали возможность образоваться этой власти, халатно относясь ко всяким выборам, и вина настоящего момента не коммунистической] партии, а всего рабочего класса. В конце своей речи тов. Савкин призывает рабочих приступить к работе, не находя в этом средства улучшения положения.

Тов. Акимов, касаясь общего тяжелого положения, отмечает в своей речи следующее: что все наши переживания, столь тяжелые и мучительные, вызываются как бы природой: зимой — заносом, весной — распутицей, летом — ожиданием созреваемости и снятия хлеба и т.д. Затем тов. Акимов отмечает все те невыполнения требований рабочих, которые должны выполняться властью рабочих. Неоднократно рабочие требовали, чтобы власть приняла меры к освобождению провоза продовольствия рабочими от заградительных отрядов, так как это требование не есть совершенно снять заградительные отряды и дать возможность

свободный провоз спекулянтам, а дать возможность свободно провести рабочему для своей нужды, освободить от насилия заградилки, которая, не считаясь ни с чем, чинит различного рода произвол.

Потом тов. Акимов указывает на ненормальность Петрокоммуны, которая за счет уменьшения пайка одной части, увеличивает паек другой группы, этого не может быть допустимо, и рабочий на это не согласится. А также по отношению к красноармейцам, которые много перенесли страданий на фронте, они же и больше обижены в условиях жизни, чем хотя бы матросы, которые лучше, чем кто-либо находятся в отношении тяжелых условий, больше во много раз обеспечены и продовольствием и предметами необходимости. Это недопустимо при рабочей власти, которая делает разделение.

Затем, касаясь множества ненормальностей, исходящих от власти, останавливается на перевыборе Петросовета, которого требуют рабочие. Петросовет продолжен 1 год, вместо полугода и перевыбору не подлежит, и это сделано, не опубликовав в печати, а потому, если рабочие волнуются, то они вполне правы, не зная положения волноваться о неисполнении их требований.

Тов. Клинов отмечает роль и задачи Союза метал[листов] по отношению к рабочим, где указывает на малую организованность Союза между рабочими, делая сравнение западного пролетариата. Затем тов. Клинов говорит, что каждый лишний день, нами не проработанный, дает только ухудшение для рабочих и предлагает приступить к работе. И предлагает избрать из среды общего собрания комиссию из 5 чел[овек], которая с завкомом выяснит положение в недельный срок и даст отчет рабочим.

Тов. Козлов указывает, что у нас ненормальное явление не третий день, а много больше. Касаясь членов Петросовета, беспартийных, Козлов говорит: «Беспартийным делают всевозможную преграду в доступе государственной работы, как члену Петросовета.» Приводит пример члена Петросовета Чеботарева, который избран как беспартийный и получил назначение на должность паспортиста, каковую может выполнить сторож, а Чеботарев высшего образования. И тогда Чеботарев вынужден был уйти обратно в завод. И таких случаев целый ряд. По отношению к забастовке тов. Козлов говорит, что забастовка нам не дает улучшения, а потому предлагаю приняться за работу. И предлагает, [чтобы], всякое требование рабочих принималось

властью и выполнялось. Резолюции наши [чтобы], были опубликованы в печати /шумные аплодисменты/.

Тов. Дмитриев в своей речи отмечает тяжелое положение продовольствия, которое вызвано объективным условием жизни, которое при терпении и выдержке рабочих улучшится.

Тов. Анцелович в заключительном слове характеризует общее положение, где указывает, что рабочая власть построена на организованному классу рабочих и без них таковой не может быть. В целях лучшего будущего предлагает приняться за работу.

После речи всех ораторов оглашается предложение т.Анцеловича: избрать комиссию из 5-ти или 7 человек, которая выяснит все нужды Рабочих Балтийского] завода по всем данным наказам, работая при помощи Союза, и через неделю сделает доклад на делегатском собрании, а через две недели на общезаводском — о всех результатах своей работы, а с завтрашнего 11-го февраля приняться за работу.

При голосовании предложение Анцеловича принимается со следующими наказами:

1. О перевыборе Петросовета.
2. Членам Петросовета не занимать должности заведующих столовыми и т.д. и требовать свободного доступа для работы в центре, образовать группу беспартийных.
3. Свободный провоз продовольствия по жел[езной] д[ороге] рабочим и их семьям, чтоб заградительные отряды не чинили никакого препятствия и насилия по предъявлению особого удостоверения, устанавливающего личность рабочего, как то: фотограф[ической] карточкой или каким друг[им] обр[азом].
4. Открепление детских карточек от столовых и ускорение выдачи продуктов в сухом виде.
5. Скорейшее восстановление получения прежней нормы хлебного пайка до его уменьшения.
6. Снабжение рабочих и их семейств предметами первой необходимости.
7. Снабжение рабочих прозодеждой и обувью.
8. Функционирование бань и снабжение мылом.
9. Пересмотреть распределение горячего пайка, чтобы таковой относился и к холодным работам.
10. Улучшить положение работающих на дровах и подвозке угля, выделив в особую группу.
11. Назначение общегородской беспартийной конференции.

12. Замена ответственного пайка ударным.

В конце собрания горячо был поднят вопрос об отсутствии бань, мыла и т.д. Предложено избранной комиссии принять меры совместно с завкомом, заводоуправлением... для функционирования бань. Постановили Комиссию избрать из 7 человек и не на общем собрании, а по цехам.

Председатель собрания Акимов

Тов.председателя [подпись отсутствует]

Секретарь А. Сулабе

Секретарь [подпись отсутствует]

ЦГА СПб. Ф. 4591. Оп. 5 Д. 13. Л. 26—28 об. Подлинник

22. *Протокол общего собрания рабочих фабрики «Светоч» 28 февраля 1921 г.*

Порядок дня: О положении на фабрике.

(СЛУШАЛИ):

Тов. Николаев, представитель секции Полиграфических производств, коснувшись вопроса о топливе, в связи с которым врачи Советской власти подняли вновь свою голову, мутят и подбивают рабочих к прекращению работ в то время, когда спасение наше только в труде и чере; труд можно выйти из создавшегося положения.

Тов. Богданова говорит о действительном продовольственном и топливном положении, которым воспользовались меньшевики и эсеры и агитируют против власти, подсовывая рабочим резолюции об Учредительном собрании, о свободе торговли и т.п. И заканчивает свою речь возгласом: «Да здравствует Советская власть».

Тов. Орлов, призывая общее собрание к порядку, предлагает высказываться для того, чтобы выяснить, для чего создано данное собрание.

Тов. Николаев вполне соглашается с председателем и добавляет: «Чтобы ни говорилось на Общем Собрании, репрессий никаких быть не может и поэтому каждый открыто может говорить и выставлять свои нужды.»

Тов. Семенова указала на несправедливое распределение продуктов и, получая три с половиною тысячи руб. в месяц, семейством жить невозможно.

Тов. Ильинов высказался за общегородскую конференцию, которая должна быть назначена и на которой должны обсу-

даться всесторонне все больные вопросы, то как на одном заводе требуют Учредительное собрание, на другом — свободную торговлю, свободный труд и т.д., а не слушать шептунов и не верить слухам.

Тов. Гордон, взяв слово по заданным вопросам, привел постановление Петросвета о созыве общегородской конференции, о заградительных отрядах и поездках для рабочих пригородного сообщения и предложил избрать комиссию на общегородскую конференцию.

Тов. Лебедев предложил резолюцию: «Избрав комиссию на Общегородскую конференцию для обсуждения наболевших вопросов, по окончании Общего собрания приступить к работе».

Принята единогласно при одном воздержавшемся.

(ПОСТАНОВИЛИ):

Избрать комиссию из пяти человек, избраны: Бармакова, Кукушкин, Макарова, Ильинов, Степанова.

Председатель Г. Орлов

Секретарь В. Иванов

ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 51—51 об. Подлинник

23. Политсводки ревтройки Василеостровского района. 4 марта 1921 г.

В настроении рабочих произошел перелом, особенно после того, как узнали, что в Кронштадте к власти приблизились белые генералы. Ночь прошла спокойно.

Балтийский завод: Утром явилась 1/3 рабочих, но к работе не приступали. В настоящее время разошлись по домам. Требования те же, что и вчера. Группа застрельщиков призывает поддерживать забастовку.

Трамвайный парк: Все работают. Настроение спокойно.

Трубочный завод: Все работают. Оживленно обсуждают происходящие события...

Кабельный завод: Настроение спокойно. Все работают.

Гребной Порт: Во всех мастерских, расположенных на территории Порта, работа идет нормально. Среди рабочих носят слухи о том, что Кронштадт предъявил Петрограду какой-то ультиматум.

Финляндская верфь: Работа протекает нормально. Настроение спокойно.

Фабрика Печаткина: Работают все. Ввиду ареста сегодня 2-х человек в фабрике, наблюдается недовольство рабочих арестами и призыв протестовать против них прекращением работ.

Завод Осипова и Брусницына: Работа идет нормальным ходом. Настроение спокойное.

Лаферм: Все работают. Очень интересуются листовками. Настроение спокойное.

Гвоздильный з[авод]: Утром все выходили в завод, но к работе не приступали. Сейчас все разошлись по домам.

Члены ревтройки А. Аменицкий
Секретарь [подпись неразборчива]

ЦГАИПД. Ф. 4. Оп.1. Д.312. Л.34—34 об. Подлинник

*24. Политсводка ревтройки Василеостровского района.
4 марта 1921 г.*

Балтийский завод: Не работает.

Гвоздильный завод: Не работает.

Кабельный завод: Работа шла обычным порядком. Настроение некоторой части рабочих колеблющееся.

Фабрика Лаферм: Работали спокойно. Настроение хорошее.

Завод Осипова: Работали. Настроение среди рабочих колеблющееся, жалуются на голод, но вместе с тем боятся и происходящих событий.

Финляндская верфь: Работали. Атмосфера сгущенная, наблюдается брожение среди рабочих под влиянием крикунов. К коммунистам относятся недоверчиво.

Трубочный завод: Работали 950 человек. Настроение хорошее, есть перелом к лучшему. События в Кронштадте повлияли на некоторую часть рабочих, они раскаиваются в происшедшем. Небольшая часть рабочих относится к последним событиям скептически, открыто выявляя это.

Фабрика Печаткина: Все спокойно.

Член ревтройки [подпись неразборчива]

Секретарь [подпись неразборчива]

ЦГАИПД. Ф. 4. Оп.1. Д. 312. Л. 33.

25. Из политсводки штаба внутренней обороны Петрограда. 7 марта 1921 г.

Московско-Заставский район:

1-я Государственная] электр[ическая] станция. Было предъявлено категорическое требование освободить арестованного Быстрова, что и было исполнено по получении указаний из Военного Совета. Усилена военная охрана, приняты меры охраны котлов; коммунары все на местах.

Трамвайный парк: Работа протекала нормально, недовольство задержкой в выплате жалованья. Настроение пассивное.

Зав[од] «Скороход»: Работа протекала нормально. Подброшены кронштадские прокламации.

На остальных заводах спокойно. Настроение курсантов бодрое, уверенное.

Петроградский район:

Артсклад: Все спокойно, к событиям относятся так себе. Многие говорят, что как не было генерала, еще было ничего, но как только появляются на сцене генералы, то рабочие не могут быть на них. Есть слухи о том, что Финляндия дает помощь кронштадтцам и тем они держатся.

Фабрика Гот: Настроение хорошее. Рабочие говорят, что все имеющееся оружие дят на защиту Петрограда, а не для смерти коммунистов, как говорили раньше. Фабком не пользуется уважением рабочих. Охрана фабрики удовлетворительная.

Завод «Гамаюн»: Настроение хорошее, отношение рабочих и служащих к коллективу Коммунистов хорошее. Пользуется уважением среди рабочих фабзавком.

Завод военно-врачебных заготовлений: Завод не работает из-за недостатка топлива. Идут бытовые разговоры о хлебе, провозе и Кронштадте. Есть рабочие, не довольные Советской властью, тем, что мало получают хлеба, но агитации не ведут...

...Выборгский район: Утром все заводы приступили к работе, но к 11 часам на заводе «арсенал» кучка рабочих, числом 150—200 человек, устроив митинг, избрала комиссию для посылки на другие заводы, чтобы снять рабочих с работы, приняв при этом резолюцию кронштадтских матросов. Своевременно принятыми ревтроеккой мерами, делегация была не допущена к заводам. Трое рабочих завода «Арсенал» арестованы. На остальных заводах спокойно. На улицах скопления не наблюдается.

Район Володарского: Невский Судостроительный завод самочинно прекратил работы в 11 часов, на остальных заводах

без перемен. На Невском судостроительном заводе разбрасывались листовки, призывающие красноармейцев и курсантов присоединиться к рабочим в борьбе за Учредительное собрание и к свержению Советской власти.

2-ой Городской район:

Ново-Адмиралтейский завод: Работало около 50 процентов]. Настроение среднее.

Старый Адмиралтейский: Работы протекали нормально. В рабочих большой интерес к текущим событиям, громадная потребность газет.

6-я фабр[ика] производства одежды: На фабрике спокойно.

1-я Государственная фабрика утилизации ветоши: Собрание прошло спокойно, прошел предложенный председателем список.

2-я фабрика производства одежды: Собрание прошло спокойно, выбраны на конференцию беспартийные. Коммунисты не пожелали провести даже в кандидаты. Мотив: конференция беспартийная.

Центральная муниципальная мастерская: На собрании был только утвержден намеченный ранее список.

3-я Государственная] шапочная фабрика: Собрание прошло довольно бурно, резолюции никакой не принимали, на конференции прошли беспартийные.

2-я Государственная] типография: На собрании на конференцию оказались выбраны три коммуниста, хотя коллектив не выставлял кандидатуру. В течение дня несколько раз были разогнаны без всяких эксцессов толпы на рынках. Общее впечатление: настроение спокойное, проявляется интерес к предстоящей конференции, что определенно обнаружилось на ряде собраний, организованных союзом.

1-й Городской район: Положение без перемен.

ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 155—155 об. Копия

26. Из протокола общего собрания рабочих и служащих 1-й Государственной словолитни. 7 марта 1921 г.

Порядок дня: Выборы на общегородскую беспартийную конференцию.

Представитель Союза полиграфического производства тов. Китаев в своем докладе о причине созыва общегородской кон-

ференции останавливается на происходивших в последнее время волнениях рабочих на петроградских фабриках и заводах, [вызванным] с одной стороны продовольственным кризисом, а также разделением рабочих в отношении получения продовольствия... Большую роль, по мнению тов. Китаева, в брожении среди рабочих сыграла волокита в советских учреждениях и мытарства, которые приходится испытывать рабочим, ходя по этим учреждениям.

Чтобы изжить все эти неурядицы и выяснить отношение к ним рабочих, и созывается конференция, на которую избирается один представитель от ста человек.

После доклада тов. Китаева выступали некоторые рабочие, которые указывали на отдельные упущения со стороны советских учреждений; на невозможность существования при существующей оплате труда; на необходимость дать возможность проезда рабочим по ж[елезной] д[ороге] для закупки продуктов и т.д.

В заключение была принята следующая резолюция:

Мы, рабочие и служащие 1-ой Государственной словолитни заслушав доклад представителя Союза полиграфического производства тов. Китаева об общегородской беспартийной конференции в связи с переживаемыми затруднениями в продовольственном и топливном отношениях и вызванными этими кризисами волнениями рабочих Петрограда заявляем, что стоя на основе Советской власти, мы не закрываем глаз на крупные недостатки и волокиту в советских учреждениях, а также и на плохое снабжение рабочих и служащих продовольствием и предметами первой необходимости, поэтому мы считаем необходимым, чтобы в скорейшем времени были увеличены тарифные ставки и тариф вообще должен быть пересмотрен в смысле переведения оплаты труда на натурпремирование. Снабжение предметами первой необходимости должно быть достаточным и его необходимо передать всецело в ведение профсоюзов. Дать возможность рабочим и служащим делать дальние поездки за продуктами. Заградительные отряды переорганизовать и влить в них ответственных работников.

Врачебная помощь должна быть упорядочена. Советы рабочих и красноармейских депутатов должны давать отчет о своей деятельности.

Все это должно быть проведено для большого сближения советских верхов с рабочими и служащими...

Председатель Кузнецов
Секретарь Яковлев

ЦГА СПб. Ф. 4804. Оп. 5. Д. 77. Л. 58—58 об. Подлинник

27. Из политсводки ревтройки Василеостровского района. 7 марта 1921 г.

На улицах все спокойно.

Балтийский завод: Работали все цеха, кроме судостроительного. В 4 часа состоялось общее собрание, прошло спокойно. Было принято предложение к[оллекти]ва поручить членам совета и членам завкома совместно с тов. Анцеловичем поехать к тов. Зиновьеву для выяснения их нужд с просьбой освободить арестованных. Постановили всем работать.

Кабельный завод: В 12 часов было собрание. Настроение спокойное, постановили избрать комиссию для освобождения арестованных. Состав комиссии — 2 от рабочих, 1 от к[оллекти]ва, 1 от завкома. Предложенная коллективом резолюция принята большинством. Постановили работать...

Фаб[рика] Лаферм: Все спокойно.

Трубочный завод: Настроение массы удовлетворительное.

4-й Государственный] кож[евенный] Завод: Завод работает нормально.

Завод Осипова: Завод работает нормально. Рабочих волнует вопрос об арестованных.

Финляндская верфь: Настроение на заводе почти спокойное, волнующие вопросы о продовольствии...

Член ревтройки А. Аменицкий
Секретарь [подпись неразборчива]

ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л. 41. Подлинник

28. Политсводка «О положении в Василеостровском районе к 19 час.» 17 марта 1921 г.

Балтийский завод: Утром, в связи с обстрелом Кронштадта, волынили Механическая и судостроительная мастерские, но потом приступили к работе. Остальные мастерские работали.

Кабельный завод: Часов в 11 снялся с работы. Все разошлись по домам.

Трубочный завод: Требуют освобождения арестованных. Работали все мастерские.

Остальные фабрики и заводы работали нормально. Настроение удовлетворительное. В воинских и матросских частях без перемен.

Член ревтройки Вас[иле]островск[ого] района Антонов
Секретарь В. Андреев

ЦГАИПД. Ф. 4. Оп. 1. Д. 312. Л.77. Подлинник

29. Из политсводки штаба внутренней обороны Петрограда. 17 марта 1921 г.

Срочно.

Секретно

Нарвско-Петерг[офский] район. На Путиловской верфи настроение натянутое. На заводе Экспедиции ЗГБ небольшое недовольствие по продуктовому вопросу.

Московско-Заст[авский] район. В районе в общем спокойно. Работа на Электрической] станции затормозилась невыходом на работу каталей, но последние были заменены коммунарами из местного отряда и частью из Петросплава...

...Василеостровский район. В связи с обстрелом Кронштадта воынили механическая и судостроительные] мастерские, но потом приступили к работе. Кабельный завод. В 11 ч. снялся с работы и все разошлись по домам. Трубочный завод. Требуют освобождения арестованных, но работу не бросают.

2-й Город[ской] район. Ф[абри]ка производства одежды. Ходят слухи, о наших неудачах в Кронштадте. 2 [-я]и 4 [-я] типографии. Настроение хорошее в связи с получением продуктов. Во 2-й типографии в связи с известием о разбитии [со стороны] красных войск настроение приподнятое... На остальных заводах без перемен.

Район Володарского. Все заводы работают...

...Выборгский район. Все заводы работали нормально. На некоторых заводах происходили собрания коллективов совместных с беспартийными. Настроение вполне удовлетворительное...

...Обуховский район. Работы происходили нормально. К стрельбе относятся с большим интересом. По адресу завкома получена листовка белогвардейского содержания...

...Смольнинский район. Невско-бумагопр[ядильная] ф[абри]ка. Все приступили к работе, настроение хорошее. Невская ниточн[ая]. Рабочие не довольны Бумаго-пряд[ильной] ф[абри]кой, где опять воынились.

В остальных районах — без перемен.
Исполняющий] д[ела] Начальника Штаба [подпись неразборчива]

ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 162. Копия

30. Из политсводки штаба внутренней обороны Петрограда. 19 марта 1921 г.

Срочно.

Секретно.

...1-й Городской район: Настроение рабочих с получением известий о взятии Кронштадта сильно поднялось. Газеты разбираются на расхват и читаются с неподдельной радостью. На 3[-й]. Электрической ст[анции] и строительном заводе все рады счастливому концу и с гордостью говорят о героизме красных курсантов... Обыватели и быв[шие] хозяева и сочувствующие им общего настроения изменить не могут. У рабочих стремление как можно скорее войти в нормальное русло. Напр[имер], Государственные типографии выражают желание снять военную охрану и осадное положение в городе. Таково же настроение в красноармейских частях.

2-ой Городской район: В районе спокойно, без перемен. На Техностроительном заводе найдено обращение к рабочим, где говорится о кучке сменивших свободу насилием, правду обысками и воровством, обращение заканчивается призывом добиться свободы, труда, свержения кабалы комиссаров и освобождения заложников и требовать Учредительного собрания.

Володарский район: Заводы работают нормально, рабочие удивляются взятию Кронштадта...

Московско-Заставский район: День в районе прошел спокойно. Все фабрики работали, кроме закрытых по распоряжению совета. В массах несомненный перелом. Настроение улучшается — бодрее. В некоторых еще неизвестность о возможности взятия Кронштадта атакой пехоты и кавалерии. Среди обывателей пущен слух, что с понедельника начнется новая волынка, что война еще не окончена и преувеличивают потери войсковых частей, наступавших на Кронштадт...

В остальных районах спокойно, без перемен.

За Начальника Штаба [подпись неразборчива]

ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 161. Копия

*31. Из политсводки ревтройки 1-го Городского района
19 марта 1921 г.*

Настроение рабочих в связи известием о взятии Кронштадта сильно поднялось, газеты разбираются нарасхват и читаются с неподдельной радостью, как напр. На 3-ей электрической станции, Строительной станции. Все рады счастливому концу и с гордостью говорят о героизме красных курсантов... Противники советской власти, обыватели и бывшие хозяйчики стараются вселить сомнения и недоверчивость в рабочие массы по поводу нашей победы, называют это уткой, пущенной коммунистами. Но эта агитация очень редко встречает сочувствие и общего настроения изменить не может.

У рабочих есть стремление как можно скорей войти в нормальное русло жизни, напр[имер] на 5-ой [Государственной] типографии выражают желание снять военную охрану и осадное положение в городе. Таково настроение и в красноармейских частях.

За председателя ревтройки Чеклин
[Заведующий] информационным отделом] Антонова
ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 54 об. Подлинник.

32. Протокол экстренного собрания организаторов коллективов [РКП] Петербургского района о положении на местах. 25 февраля 1921 г.

СЛУШАЛИ:

1. Доклады с мест:

а) Пожарное Депо. Было общее собрание. Докладчик был слаб. Выдача куриных головок и лапок вызвало большое недовольство. В общем настроение спокойное.

б) Трампарк. Было собрание. Есть недовольствие на почве продовольствия. Выступал эсер, требовал устройства общегородского собрания. Последнее собрание прошло спокойнее. Возбуждает массу эсер и группка, поддерживающая его. Коллективно [РКП] подтянулся и работу свою усилил.

в) Ремонтный завод. Собрание было в субботу и главным образом из-за урезывания премиальной платы. Докладчики были очень слабы и не могли удовлетворить собрание. В общем настроение спокойное.

г) Завод Тюдор. Настроение спокойное. Завтра будет общее собрание.

д) Тюлевая фабрика. Было собрание по сельскохозяйственному кризису. Волнуются из-за несвоевременного получения жалованья, продзнаков и [пайков] горячего цеха. В общем спокойно.

е) Хлебозавод- Завод работает. Все сыты. Были недоразумения из-за предполагаемого закрытия столовых.

ж) Завод Лангензишпен. Все спокойно. Отражается на массе несвоевременное получение продзнаков. Есть и нежелательный элемент среди трудармейцев.

з) 8-[е] Авторемонтные мастерские Петросовета. Настроение спокойное. Недоразумений нет.

и) Фабрика Керстен. Волнения особого нет. Болтают всякую чушь, подхватываемую с улицы. Активно проявляла себя одна работница, которая кричала «долой коммунистов» и требовала увеличения продовольствия. Она же выступала на общем собрании.

к) Завод «Лебедь». Настроение спокойное. Листовок нет. Коллектив силен.

д) 1-[я] Государственная типография. Недовольствие есть из-за плохой пищи в столовой и куриных голов и лапок, волнения нет. Все работают, но не во восемь часов, так как норма вырабатывается в течение 3 часов. Есть один эсер, но себя не проявляет. Коллектив качественно силен. Коммунисты распределены по отделениям и следят за набором.

м) Завод военно-врачебных заготовлений. Недоразумения из-за телефонограмм, требующих привлечения рабочих к работе и по разгрузке дров и уборке снега. Требуют снабдить вначале их обувью и т.п. Перевязочная мастерская целиком интеллигентные барышни, боящиеся заморозить ручки. Было собрание — прошло более чем удовлетворительно. Настроение в общем среднее. Было получено на заводе какое-то письмо.

н)8-[е] отделение авто-мастерских. Настроение спокойное.

о) 12-[я] Лесопильный завод. Настроение спокойное. Мелкое недовольство из-за продовольствия. Продзнаки получены.

п) 5-[й] Средне-машиностроительный завод. Настроение удовлетворительное. Есть группа в 2–4 человека, которая сбивает рабочих и отказывается от работ.

р) Фабрика «Светоч». Спорный вопрос о закрытии фабрики. Волнуются из-за предметов первой необходимости. Ставки небольшие. Рабочие плохо обуты, групп эсеровских нет. Выступлений не может быть.

с) Фабрика Гот. Работает спокойно. Есть отдельное недовольство.

т) 9-[й] Лесопильный завод. Настроение спокойное. Недоразумений нет.

у) Артсклад. Настроение удовлетворительное. Недовольства отдельные из-за продовольствия. Группы не проявляют себя отдельно активно. Бывшие меньшевики и эсеры тоже себя не проявляют. Эсер работает в шорной мастерской.

ф) Завод «Гамаюн». Была заминка из-за закрытия завода. Было общее собрание, на котором в закрытии завода обвинили правление. Сегодня была принята революция, которая читалась рабочим и кажется одобрялась.

х) 1-[й] Объединенная фабрика военного снаряжения. Настроение спокойное. Было собрание, которое прошло довольно спокойно. Коллектив пользуется авторитетом.

ц) Завод Дека-Дюфлон. Было общее собрание, на котором горячо обсуждался вопрос, продовольственный. На заводе работают американцы, которым кто-то обещал в союзе увеличить паек. Собрание постановило: предложить Райкому озабот[ить] ся снабжением продовольствия.

ч) Кожно-обмундировочная фабрика. Настроение внешне спокойное. Получили продзнаки.

ш) Монетный двор. Рабочие недовольны, потому что много спецов. Недовольства нет. Настроение спокойное. Сегодня все ходили на собрание в Выборгский район — их туда кто-то призывал.

щ) В заключение тов. Семенов констатирует, что настроение в Петербургском районе спокойное. В других районах группы меньшевиков и эсеры проявляют себя более активно. Наблюдалось волнение на Трубочном заводе Организация меньшевиков и эсеров в Петрограде имеется. Она и ведет работу по снабжению фабрик и заводов листовками и т.п. Нужно быть бдительным и теснее связаться с беспартийной массой. Обратить серьезное внимание на охрану завода и фабрик. Проверить состав охраны. Принимать меры к ликвидации ложных слухов. Усилить агитацию среди беспартийных. Всех меньшевиков и эсеров взять на учет и следить за таковыми.

В прениях товарищи указывали, что необходимо обратить внимание на почту и ее работу, на водопроводы. В частности тов. Евстигнеева сообщила, что в Выборгском районе на улице

меньшевики митинговали, пользуясь сборищем спекулянтов. На этом летучем митинге случайно присутствовал член Райкома Выборгского района. Необходимо на такие факты обратить внимание, кроме этого, по словам одного товарища, в Смольнинском районе на одной из Рождественских улиц имеется организация меньшевиков.

ПОСТАНОВИЛИ: Пронять к сведению.

Председатель Семенов

Секретарь Лупченко

ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 49–50. Копия

33. Протокол собрания организаторов коллективов ВКП (б) Выборгского района. 9 марта 1921 г.

Порядок дня: ...2. Доклады с мест.

СЛУШАЛИ:

...В докладах с мест высказались тов. со следующих заводов и учреждений:

...5. Металлический завод: Работал все время, настроение удовлетворительно...

7. Ст[арый] Лесснер: Удовлетворительно.

8. Зав[од] Айваз: Настр[оение] рабочих удовлетворительно, работал зав[од] все время.

9. Зав[од] «Арсенал». Закрыт, идет регистрация, польза для работы указанной мерой будет достигнута.

10. Огнесклад: Принятые меры с Арсеналом заставили отнестись рабочих серьезнее к работе и не поддаваться на призыв волынщиков...

13. Зав[од] Оптический: Работает все время, настроение удовлетворительное}.

14. Выб[оргская] ниточная: Работают все время, удовлетворительно.

15. Нов[ый] Лесснер: Большая оппозиция, выраженная в ряде собраний и выноса резолюций к поддержке волынки...

17. Зав[од] Парвизайнен: Были собрания, видна связь с Арсеналом и Лесснером, настроение склонно к волынке.

18. Зав [од] Эриксон: Спокойно.

19. Зав[од] Нобель: Происходили собрания и было настроение не работать, но после доклада тов.Евдокимова постановили приступить к работе...

После докладов с мест слово берет тов. Абрамов, который говорит, что контрреволюции среди питерских рабочих нет, а было брожение на почве голода, учтенное и разожженное эсер[ами] и меньшевиками. Но из этого партии РКП нужно сделать выводы для прекращения таких брожений в будущем.

Тов. Солдаткин говорит, что в районе приступлено к борьбе с волокитой и в заключение предлагает устроить по заводам ряд делегатских собраний, чтобы получить ряд беспартийных работников для советских] учреждений. Прений не открывалось.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принять к проведению в жизнь на заводах.

ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 341. Л. 17.

34. Из протокола собрания организаторов коллективов РКП (б) Петербургского района. 9 марта 1921 г.

СЛУШАЛИ:

...2. Доклады с мест.

...3. Завод Лангензиппен: Настроение хорошее, контр-агитации нет.

4. Трампарк: В связи с волынкой есть арестованные, семьям которых некоторые лица стараются устроить денежный сбор. События действовали на рабочих в лучшую сторону и есть перелом.

5. 5-[я] Парусиновая фабрика: Охрана несется сторожами и установлено дежурство членов партии. Настроение удовлетворительное, о Кронштадте говорят: «скоро ли они там угомонятся...»

11. Лесопильный завод: Сегодня из-за несвоевременного получения хлеба около получаса рабочие не приступали к работе, после выяснения приступлено к работе.

12. Фабрика Гот: Настроение хорошее. Ждут конца кронштадтских событий.

13. Завод Лебедева: Среди рабочих тишина. Есть группа, которая старается мутить рабочих, но успехом не пользуется. Завком не пользуется авторитетом и рабочие желают его переизбрать. Сегодня весь завком за пьянство арестован. С дровами положение улучшилось. Газеты рабочие получают не аккуратно, сплошь и рядом на второй день...

17. 1-[я] Государственная] объединенная] фабр[ика] воен[ного] снар[яжения]: Настроение в связи с происходящими событиями улучшилось. Фабрика работает нормально...

20. 1-[я] Государственная типография: На прошлой неделе собирались кучки рабочих. Оказалось, что были разговоры из-за неудачно изготовленного обеда в столовой. Настроение удовлетворительное. Группа, мешающая рабочим, окончательно коллективом [РКП] разбита. Касаясь кронштадтских событий, рабочие говорят: «волюнили, волюнили, вот и довольнили». Получили прозодежду и настроение улучшилось. Рабочие недовольны, что табачники занимаются самоснабжением ...

22. Артсклад: Настроение хорошее. Работа идет нормально.

23. 14-[я] Хлебопекарня: Все спокойно и нормально. О событиях Кронштадта много не говорят, но ждут конца.

25. Завод Дюка Дюфлен: Завод работает нормально. Настроение как среди рабочих американцев, так и остальных, хорошее. Трудармейцы раздеты и ниоткуда нельзя ничего достать. Ни союз, ни Смольный, ни район ничего не дали. Последнее угнетает рабочих и трудармейцев...

31. Фабрика «Светоч». Фабрика после волнений, работает нормально. Настроение неважное. Агитации особой не ведется. Был выработан группой горлопанов наказ на беспартийную конференцию. О кронштадтских событиях говорят: «Носились с клешниками и доносились...»

33. Авто-мастерские Петросвета: Нет совершенно дров. Настроение удовлетворительное.

34. Фабрика Джемс-Бека: Настроение хорошее.

35. Фабрика веретен. Ругают кронштадтских генералов. Недовольств особых нет. Газеты получают нормально. Дежурство несут коллективом [РКП] и фабкомом...

39. Электрическая подстанция: Настроение удовлетворительное. О событиях говорят: «почему не были приняты меры к предотвращению таковых?».

40. 3-[я] Инженерная дистанция: Рабочие осуждают кронштадтскую авантюру. Настроение среди служащих неопределенное. Газеты получают не нормально.

41. 1-[я] Кожно-обмундировочная мастерская: Все спокойно. Работа протекает нормально.

42. Завод Геймлер: Все спокойно. Не волюнили и не будут. Газеты получают, но очень мало.

43. 1-[й] Технический завод: Все благополучно. Контрреволюционный элемент изъят. Настроение хорошее. Недовольство небольшое из-за получения продзнаков. О событиях

говорят: «Было худо, будет еще хуже». Газеты получают нормально.

44. 8-[е] авто-ремонтные мастерские: Коллектив [РКП] слабоват. Настроение неважное. (О событиях говорят: «Почему нельзя было избежать кровопролития»). Газеты получают нормально. Нуждаются во врачах.

45. Завод военно-врач[ебных] заготовлений: Волянить рабочие не хотят, но просят ускорить получение натурпремий. Последний получили и настроение уже повысилось. Часть отделов с завтрашнего дня будет пущена в ход. Настроение среди служащих неважное, скрытое. Газеты получают. Среди некоторой части молодежи настроение хулиганское. К событиям относятся, сочувствуя Советской власти.

46. Завод Тюдор: Настроение удовлетворительное, недовольств нет. Работа протекает нормально.

Председатель [подпись отсутствует]

Секретарь Лунченко

ЦГАИПД. Ф.6. Оп. 6. Д. 64. Л. 53. Подлинник

35. Из протокола собрания организаторов коллективов РКП (б) Петроградского района. 16 марта 1921 г.

СЛУШАЛИ:

...2. Доклады с мест:

1. 1-[я] Государственная типография: Настроение среднее. Отношение к Кронштадтским событиям пассивное. [В] разговорах наблюдается желание скорее окончить эту волюнку. Идет выдача продзнаков. Листовок не наблюдается. Недовольствие на почве премиривания.

2. Трампарк: Резких волнений не наблюдается. Идет распределение прозодежды. Недовольство распределения горячего цеха. По сведениям есть кучка эсеров. Разговоры про летучку, которая появилась в парке. Приняты меры к розыску. В Пассаже 1 при получении прозодежды рабочими Трампарка другого района читались кронштадтские листовки.

3. 1-[я] [Государственная] фабр[ика] воен[ного] снар[яжения]: Происходят кражи. Контрреволюционного течения не замечается».

4. Управление электри[ческой] подстанц[ии]: Особых организаций не чувствуется и не выявляется. В управлении тоже.

5. 1-[й]ремонт[но]техн[ический] зав[од]: Разговоры о продзнаках и жаловании. Настроение спокойное.

6. Артсклад: Настроение спокойное. Отношение к кронштадтским событиям безразличное.

7. Зав[од] воен[но]-врач[ебных] заг[отбвлений]: Работает одна треть рабочих. 2/3 рабочих проводят время в клубах. Настроение обывательское. К Кронштадтским событиям пассивное...

9. 8-[е] авто-ремонтн[ые] мастерские: Работа течет нормально. Настроение подавленное. Были листовки, которые изъяты.

10. Зав[од] «Лебедь»: Настроение пассивное. Разговоры о задержке выдаче хлеба...

11. 9- [й]Лесопильный завод: Настроение пассивное. В виду кронштадтских событий и предполагаемой установки батарей — боязнь за выселение из новой и старой деревни.

13. Зав[од] «Гамаюн»: Работа протекает спокойно. Были прокламации, кронштадтские резолюции. Отношение ко всем безразличное.

14. Хлебопекарня: Разговор о скорейшей ликвидации Кронштадтских событий.

15. 2-й хлебозавод: Работа идет нормально. Настроение спокойное. Разговоры о прозодежде, листовок нет.

16. Завод Гейслер: Работают спокойно. Ведут различные толки. Есть меньшевистская группка...

20. 3-я инженерная] дистанция: Настроение спокойное. Идет выдача продзнаков рабочим.

21. Зав [од] Лангензиппен: Настроение хорошее. Есть вопросы: скоро ли окончится волынка...

23. Тюлевая фабрика: Разговоры о продовольствии. Идет выдача продзнаков. Служащие шипят из-за невыдачи продзнаков.

24. Заречная станция: Работает нормально. Настроение безразличное.

25. Фабрика Керстен: Желание скорее кончить с Кронштадтом. Недоразумения на почве распределения горячего цеха...

28. Монетный двор: Работа идет нормально. Идет распределение обуви. О кронштадтских событиях разные толки.

29. Фабрика «Светоч»: Настроение неопределенное. Разговоры об отпусках. К кронштадтским событиям относятся безразлично...

33. Авто-ремонт[ые] мастерские Петросовета: работа идет полностью. Настроение хорошее...

39. 5-я Парусиновая: Прокламаций нет. Настроение спокойное. Кронштадтские события не волнуют...

42. Завод Дека-Дюфлон: Настроение среднее. Прокламаций нет...

Секретарь [подпись отсутствует]

ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 64. Л. 54, 54 об. Копия.

36. Интервью с А.Г. Усановой

Р.³⁰⁸ ...И мы так воспитаны...³⁰⁹ и вообще..., что патриотизм у нас... Великий патриотизм. Люди настолько были добрыми..., вот такого нет. Не было, как сейчас. Мы жили все в коммунальных квартирах, редко кто, может быть научные сотрудники, кто-то, высокопоставленные люди жили в отдельных квартирах... Мы все... У нас праздники были совместные. У нас праздники... Мы шли на демонстрацию. У нас весело, у нас песни. У меня песенников целый воз. И вот мы жили вот такой жизнью. Хотя материально мы нуждались.

И.³¹⁰ А кто были ваши родители?

Р. Родители были самые простые, (смеется). Мой отец был дворник. Мама труженица была, уборщица. Самые, самые, самые.

И. Ну вы уже во втором поколении... Или вы всегда жили в Ленинграде? И ваши родители?

Р. Нет, нет... Я была... Я не знаю... как... У меня сестра старшая жила с 1924 года, в период НЭПа она здесь была. А мы в тридцатые годы уже пришли сюда. Это период коллективизации. Отец не захотел вот жить, в общем, в колхоз пойти...

И. Вы из Тверской области, да?

Р. Да, из Тверской.. И здесь мы оказались.

И. А...Извините, а какого вы года рождения?

Р. С 1921.

Р. Как раз мне было двадцать лет, когда началась война.

И. А вот вы помните вот сам момент? Тот день?

Р. Да, помню. Очень, очень хорошо. У меня был жених, первая любовь. И мы с ним шли..., дом ленинградской торгов-

---

³⁰⁸ Р — респондент.

³⁰⁹ Здесь и далее паузы респондента отмечены отточиями, кушеры в тексте интервью — знаком <...>.

³¹⁰ И — интервьюер.

ли, у ДЛТ, чтобы купить... У нас на следующей неделе должна быть свадьба. Вот, сейчас уже не могу... (Плачет). И мы идем, это улица Желябова называлась.., и радио, городское радио включено. И люди останавливались и выступал Молотов, министр иностранных дел. И он обращается и говорит, что началась война. Потому, что в 4 часа уже Киев бомбили. И мы не пошли в магазин, вернулись, а он был военный, кончил училище. Ему дали квартиру в город Выборг, под город. Уже квартира была, мы уже смотрели все. Уже только начинать жить. И он вечером уехал туда. Уже нужно по призыву ... сразу быть на месте... А 10 февраля вот 42 года он погиб. Вся кончилась моя жизнь.

И. Да, да.

Р. Вот так. Ну что.. Еще у нас в семье был брат еще, с 25 года, ему было 15 лет. Он не может пойти на фронт да, отцу 64 года, также ... Мы знали, что кто-то должен защищать нашу семью, нашу родину. Ну, каждый должен идти защитить свою семью. Я была самая старшая. Я пошла, на курсах ...это... медсестер.

И. Ага. Очень интересно! А вот, вопрос, а вот вы что-нибудь знали о финской войне? То есть... А вы помните, как она начиналась?

Р. Да. Конечно. Даже я помню дату. 26 ноября 1939 года. А кончилась она 12 марта 1940 года. Я когда работала в райкоме партии секретарем техническим, а то скажешь секретарем... (смеется), и мы дежурили после работы в госпиталях. Очень большие обмороживания были. Какой-то был вообще был, ...такая была погода.., природа наказывала людей, наверно... столько обмороженных было наших ребят. Это мы дежурили в госпиталях. Финская война.

И. Но вот...

Р. ...И там была светомаскировка. Было затемнение. Потому, что таких бомбежек, налетов не было. И еще, еще мы ходили в театр спокойно. Потом стали налеты, бандитизм начался, ограбления и тогда Сталин издал указ. Тройка должна судить в течении суток. Расстрел этих людей. И все прекратилось. Мы все ходили спокойно, как будто не было войны. Ну, тогда были карточные системы.

И. Это вот с финской войны?

Р. С финской войны, да.... Были карточные системы, ограничения в продуктах, но как-то мы не чувствовали... Достаточно было, потому, что не то, что в блокаду.

И. А вы не ждали войны? <...>

Р. Война уже шла. 1938 немцы захватили уже Чехословакию. Оккупировали. В 1939 вот Польшу. И уже должны знать, и Сталину говорили вот-вот... Я сама читала, помню, в библиотеке... Не очень то я политическая, не интересовалась там политикой, но помню, в сорок первом лозунг был у немцев, ... сорок первый год будет годом началом войны с Советским Союзом. Вот. Он опыт имел уже, пройдя всю Европу, да? Армию большую уже собрал, и он открыл фронт по всей линии нашей.

По границе до юга и пошел полным ходом и быстро началось продвижение. Да... чего-то я сейчас перепрыгиваю <...>

Р.: Ну, я потом эвакуировала... родителей с братом. Сама осталась..

И.: ..А? А...? Когда вот?

Р.: ...Я их эвакуировала 10 февраля.

И.: Уже..

Р.: Вот. Да. Открыла... открылась дорога. Нужно было... и приказ! Вообще... Меня вызвал секретарь райкома, говорит, вывози свою семью потому, что нужно было как можно больше оставить работоспособных людей,... чтобы они остались в живых, чтобы ...э... Обеспечить питанием.., с земли то мы получали, с большой земли..., а здесь столько детей нужно вывезти, очень много детей.. А в начале, когда началась война куда повезли? ...Псковская, Новгородская область детей-то туда.. А немец как пошел,... и здесь опять обратно их вернули. И куда? В детские дома, в Ярославскую область, в Алтайский край, туда же в Сибирь посылали уже ребят..

И.: Угу. А вот вы помните тот момент, когда ...ну вот, вы узнали о том, что <...> началась блокада? Как это, сразу же...?...

Р.: Получилось так. Я была на корабле.

И.: Угу.

Р.: У нас питание еще ничего было. Сейчас расскажу гибель еще корабля... А потом, когда я ... в увольнении,... нас привозили сюда, .. судно приходило. Я там на минутку забегала,... наш порт., куда... порт, ленинградский морской, а я на Петроградской здесь жила., недалеко. Три месяца от меня никаких извести не было, почта не работала, погибла,... мама уже думала, что я погибла.

И.: А вы всегда жили на Петроградской?

Р.: Всегда. Семьдесят лет уже. Семьдесят один год.

И.: Здорово.

(Смеется).

Р.: На Зверинской, где зоологический сад, на этой. Целое детство. А школа была... Вот в этой книжке... 37 школа, я там училась. Вот так что. Все здесь связано. А что еще хочу сказать? Сбилась. <...>

Р.: Уже.., уже.., уже в ноябре, уже, по моему в сентябре... уже в сентябре стали уменьшать нормы хлеба. Потом еще большая беда у нас случилась... у нас склад продовольственный Бадаевский.

И.: Да.

Р.: ...Сразу. Вот. 8 числа и его уничтожили 8 сентября. Я была на капитанском мостике. Мы наблюдали. Немецкие танки шли и на Ленинград. Уже свастика видна. Вот здесь Кировский завод... еще Путиловский вот был... там завод Пишмаш <...> это граница. Уже фронт был. Он шел. И как остановили? Как вообще люди,... то что он не пошел,... ближе не пошел в центр ... немец. И, и потом очень, ... как раз кольцо закрылось..., продуктов нет и стали уменьшать продукты питания..., вообще ужасно.

И.: Мама ваша работала?

Р.: Нет. Нет. Она знаете, когда... Вот в октябре месяце..., вы даже не представляете... снег был, сугробы, мороз 30-40 градусов. Невыносимо было. И мама бедная... царство небесное, она..., она на саночках вот на Неву ходила. Ездила за водой.

И.: Угу.

Р.: Еще семья-то была здесь. За водой, как она, а потом похудела, вылезли волосы, потом... У нас еще отец был дворником,, дрова были. Мы топили, кто., остался у нас в доме, все приходили к нам здесь и спали и грелись все че-то... Горячая вода и то хорошо, что было... Потом мама, когда еще,... когда началась война, она ходила под снаряды, собирала листья свеклы, капусты, хряб капусты... У нас маленький бочоночек был,... потом мне дали сколько-то килограмм, 5 килограмм жмыха горчичного. Такой крепкий,... знаете, как вот ... этот... деранда, Брат, помню, молотком разбивал, так не разбить. Ой. Голод, Таня, самое страшное! Горе даже пережи... Горе,... когда отец умер он ... ни.<...> слез не было. Сосед умер — он лежал недели две за стенкой. Жена его <...> не хоронила потому, что карточку, чтобы пользоваться... Не плакали люди. А голод страшный. Самый страшный! Я до сих пор, у меня голодный... Не то что... Я хлеб

никогда не брошу. Если останется — я помочу, съем его. Крошки там... если что, я птичкам отдам. На помойку куда-то,... никог.. никогда. Самый страшный это голод.

Архив Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ф. 001

37. Интервью с М.А. Ткачевой.

Р.: Вот, на войну,... на дачу мы выехали 22 июня 41 года. Приезжаем, значит, ... я ехать на машине, ехать не могла, потому что меня всегда тошнило на машине. И поэтому мы с мамой ехали поездом, а остальные ехали ... В Карташевской мы снимали дачу у очень хорошего садовода <...> Вот мы там поселились. И сразу вот, мы приехали. Остановился поезд, а люди уже кричат: «Война». Началась война. Мы прожили три недели, три недели жили, самолеты летали, уже были эшелоны с беженцами, уже была обстановка такая, тяжелая. Ну, в общем, вернулись в город. Город совсем неузнаваемый. Эти перекрещенные бумагой окна, эти какие-то суровые лица, грязно как-то мне показалось в городе. Ну, начали жить. Мы не эвакуировались.

И.: Да, вот, интересно почему?

Р.: Значит, первая эвакуация детей отдельно от родителей, тут категорически мои родители встали против, потому что я просто слишком слаба и вообще, так сказать, я уже потом могла это понять, что вообще и принцип сохранять кулак, ... вот, семья в кулаке должна быть, не распыляться. Это то, что нас спасло. Вот. А поскольку ходили по квартирам, ну буквально вылавливали детей, и..., соседка из квартиры наверху посоветовала, я дружила с той девочкой, она говорит: «У меня в Александровской, в Пушкине, как раз, у меня в Александровской там где-то родня, не то кто, мы там можем туда поехать». Мы туда поехали. Мы там что-то дня 3 пробыли, жили там у совершенно чужих людей, мама сразу поняла, что такое эвакуация. Что мы где-то были в какой-то сараюшке где-то, в общем, ужас. И вернулись. Ну, уже этот раж прошел, а ведь известна, наверно, судьба этой эвакуации. Ну и потом мы не эвакуировались, чтобы не возвращаться к этому вопросу, скажем так. Я хотела уехать, особенно когда начались бомбежки, я ужасно хотела уехать. Я <...> боялась, страх все время, вот, а настроение ... Страх, он меня,... вот, был у меня все время. <...> Я все время боялась. Все время мне было страшно до последнего дня блокады. Вот, как 8 сентября

родился этот страх, так он 900 дней и продолжался. Поэтому я очень хотела ... Ну, и поэтому я хотела новые места увидеть, какой-то другой город, какие-то подружки пишут, что они куда-то там уехали, а я значит, здесь сижу. Ужасно. Вот. Мама не хотела. Мама не хотела уезжать. <...>

Р.: Последняя возможность уехать где-то уже в декабре, когда мы уже голодали... Мы вообще всю осень, мы начало зимы все время сидели на чемоданах. Все время. Вот, уедем. Вот, уедем. Мама опять в последний момент говорит... Вот мы уже чуть ли не пальто одели, села на чемодан, говорит: «Не поеду». Остались. Уже больше таких организованных не было выездов.

И.: А куда предлагали выезжать, вы знали?

Р.: Академия эвакуировалась в Вятку, в Киров. Они там продолжали работать, но отец один раз попытался эвакуироваться вместе с академией. Он, на чунках их довезли до Ладоги, а дальше они, значит, всех их собрали на перегоне, ждали баржей для переправки через Ладогу. И он увидел эту обстановку, и он увидел эти баржи. Он услышал, наверное, всякие слухи, всякие разговоры о налетах на эти, значит, ...суда. В общем, он пешком вернулся домой. Это было 17 сентября. Сейчас там около... разорванного кольца есть... курган. Памятник тем, кто погиб 17 сентября, потому что эти баржи, на которых ехали эти вот, ...вот эта именно группа, они были все потоплены. <...>

Значит, эта печурка, которой мы пристроили буржуйку... и, значит, сколько нас человек? Пять человек. Пять кроватей, кушетка там какая-то была. В общем, каждый имел свое отдельное ложе и стол посередине стоял. Вот там жили.

И.: В одной комнате?

Р.: В одной комнате двадцать четыре метра комната и третья комната у нас она была угловая, соседнего дома не было, его построили немцы после войны, пленные немцы строили. Та угловая комната, естественно, выходит на открытое такое пространство, и в смысле, и в случае бомбардировки, и в случае снаряда, эта комната очень опасна, мы в ней не жили. Но с осени 41 года у нас там появились жильцы. Дело в том, что когда началась блокада, из Автово просили всех уехать жильцов, гражданское население, и сослуживец отца, какой-то доктор, он поделился с ним: «Ну, не знаю, куда, куда уехать. Куда? Как я с семьей уеду куда-то?». Отец говорит: «У меня комната пустует. Не боитесь, с

угловой комнатой. Пожалуйста, комната пустует». И они приехали. Семья немножко странная. Он военный врач, она Конкордия Ивановна, он ее нежно звал Коня, ужасно подсмеивались между собой, потому что она выглядела совсем не так нежно. <...>

Один раз почему-то я попала в бомбоубежище, которое находилось под другим подвалом, в другом подвале нашего дома. Вот это было страшно. Вот это было страшно, потому что ... Это просто подвал, значит, на весу, на весу какие-то эти трубы, толстые трубы, которые кажутся все фановыми (смеется), вот, очень тусклые <...>, очень редкие лампочки по сорока свечовые, может быть еще более слабые и скамейки, больше ничего. И на меня это произвело гнетущее впечатление, и вот, я один раз только в бомбоубежище зашла, вот, тогда, и больше, по-моему, одну бомбежку только и посидела там, потом ушла опять в газоубежище. ... Начались бомбежки. <...> Я пряталась, чтоб ничего не видеть и не слышать. Я сидела там, в этом подвале в газоубежище, чтоб ничего не .видеть. Как-то раз, <...> было уже темно и была бомбежка и мы почему-то вот только шли. Была тревога в разгаре и эти разрывы и эти трассирующие пули, вспышки, то есть, ...это было ужасно. Я чуть живая добежала и больше никогда этого не было, чтобы там, как другие говорят, что они героически на чердаках бывали. Нет. Я боялась все время. У меня есть медаль «За оборону Ленинграда», но я умирала от страха все время, все время, все 900 дней. Я всегда и школьникам об этом говорю. Не в этом дело. Дело в том, что люди выстояли. Значит, вот так мы проводили ночи. <...>

Ну, вот, весна. Весна — это витамины. А где взять витамины? Травы. Вам рассказывали про траву? <...> В газетах, листовках везде было написано, какую траву можно есть, какую нельзя есть. С картинками, с рисунками, чтоб Боже упаси какую-нибудь отраву не съесть. Вот. Но самыми, ... вот мы больше всего увлекались одуванчиками. В Ленинграде не расцвел ни один одуванчик в мае сорок второго года. Все были съедены. Не дали им расцвести. Во всяком случае, вот здесь, в центре города. Потому что из листьев варили зеленые щи, это была вода и листья одуванчиков, и больше ничего. Это было так вкусно. Это было упоительно. А из корешков — лепешки. Это было сытно. Вот так мы спасались весной. И вот почему я знаю про бегемота. Потому что однажды выяснилось, что здесь, в Александровском парке, одуванчиков больше нет. Ни насо-

бирать. Надо ехать на трамвае в Удельную, на трамвае ехать очень опасно, потому что немцы... обстреливали остановки <...> В общем, меня отпустить мама, конечно, не могла так далеко и пожаловалась Марии Андреевне, что вот, где достать одуванчиков, не знаю. Не знаю, может, у нее была задняя мысль, не знаю, в общем, (смеется) пожаловалась. Мария Андреевна говорит, так пусть Гуленька приходит к нам в зоопарк, у нас есть одуванчики. Пусть насобирает. Я пошла. Значит, были эвакуированы, конечно, львы, там, тигры, там какие-то еще, я не знаю, крокодилы, я не знаю, кто еще, не могли эвакуировать слона. Слон был убит в сентябре 41 года.

И.: Мы продолжаем. Угу. Итак, слон.

Р.: Зоопарк. Слона... Да, для сотрудника зоопарка это была страшная ... Потом уже я слышала эти рассказы, была страшная проблема, как захоронить эту тушу. Потому что не осталось мужских рабочих рук, и такой колоссальный могильник вырос, было невозможно. В общем, это была проблема. Знали бы они, какая голодная зима им предстоит, они бы засолили и не знали беды. Ну, в общем, какие-то животные сохранялись там, оставались менее ценные. Про бегемота я, конечно, ничего не знала. Полное неведение. Вообще мне было на все это как-то ..., все это не интересно. Прихожу, нахожу бегемотник, мне было сказано: «Найдет меня в бегемотнике». Захожу в бегемотник, открываю дверь, вхожу и застыбаю. Потому что я вижу живого бегемота. Для меня это был шок. Потому что калитка в клетку была открыта настежь. А бегемот был не в воде, не в безопасной какой-то ситуации, а сидел ... возлежал там у себя и смотрел на меня очень внимательно, ушки вот так круглые на макушке, внимательно глазами смотрит на меня. Я табличку как сейчас вижу. «Бегемот Красавица. Родина Африка». Я думаю, что же мне делать? А служебное помещение, значит, в другом конце этого ... Думаю, ой-йой-йой, мне же надо,... оно же меня съест. Оно же вырвется из-за,... клетка открыта, а как же я пройду? Я же ходила очень медленно, как старушка. Я сейчас быстрее хожу. В общем, собрала все силы. Все силы собрала и пролизнала мимо этой дверцы. Дверцы-то, бегемоту, пойдти, и не пролезть было. (Смеется). Ну, на это я не рассчитывала. Ну вот так Мария Андреевна показала мне, значит, место где можно пособирать и я насобирала одуванчиков. Вот такая история. Так сказать документ, ... документальное доказательство,

что были бегемоты, был жив бегемот, вот, пережил блокаду и она умерла уже после войны, эта Красавица. А сейчас у нас нет бегемота. Сейчас мы не можем держать бегемота. Слона у нас нет. Ничего у нас нет. Зато торговля идет всюю. Ой, даже закричала. Вот. Что еще? Да, еще началась огородная кампания. С огородной кампанией очень кратко скажу, что мы конечно, были готовы раскопать любые грядки и посадить,... семян у нас никаких у нас нет, естественно, семена каким-то образом распространялись организованным порядком, наверное, в общем, принесли капусту, я помню, что-то еще, но, в общем, никаких больше порядочных, вот я помню капусту и турнепс. Я помню, что мы сажали. Что такое турнепс я знать не знала, а капусту ... как хорошо мы посадили в горшочки, значит, рассаду, выращивали. Все смотрели, как она растет, потом, вот тут во дворе, где этот дом, раскопали грядки, посадили эту рассаду, я все ходила поливала. Все. Значит, ждала, когда начнут закручиваться эти ... листики. А они не закручиваются и не закручиваются. Они все растут вверх и вверх. Вот такие выросли. С такими вот листьями огромными, темно-темно зелеными. Как вода в Балтийском море. (Смеется). Вот такие. Ну, в общем, оказалось, это кормовая капуста. А турнепс — это кормовая свекла. То есть дали нам самые-самые кормовые.... Как мы перешли на подножный корм, так и оно ... кормовые семена. Значит, ну что? Хряпа это называлась. Как мы ели эту хряпу. Картошки никакой мы не видели. <...> Уже в конце, там, с того урожая 43 года может быть что-то было. Да, что-то было уже. А так мы жили без картошки и без других порядочных овощей. Летом ... Да летом никаких особенностей не было переживаний.

Архив Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ф. 001

38. Интервью с В.П. Григорьевым.

Р. Дело в том, что после первых же бомбежек, которые вот близко, когда бомбы падали — у нас все окна,... стекла повывлетали. Остались только, так как дом был старый... То есть ну, он не так старый... <...> Ну, потолки были высокие, окна были большие. И вот верхняя расстекловка была — фрамуга, значит, мелкая. Такие вертикальные были узкие стекла. Вот эти стеклышки остались. А все остальное, там, где были большие стекла, боль-

шой площади — все это высыпалось. Все, значит, пришлось занавешивать, так как у нас фанеры не было — занавесили какими-то старыми одеялами, коврами. Вот. И туда, в общем, выпустили через проем этот трубу. Ну и топили как? Вот соберемся около этой... Темно, во-первых, электричества уже не было. Вода уже тоже перестала поступать. Замерзло все. Канализация тоже не работала. Ну, уж отхожим местом, извините, было ведро обычное. В комнате стояло. И печку топили, значит, вот, чем придется — книги там, журналы, газеты... В общем, всякие... И потом то, что вот если на улице найдешь какой-нибудь случайно там... В общем, было довольно сложно. Был, правда, такой эпизод, когда... Ну, это уже было позже. Когда однажды бабушка шла и... А, это я потом расскажу историю. Ну, так как хлеба стали давать все меньше и меньше... Сначала хоть какой-то был приварок — там давали какую-то крупу там, сахара немножко, еще что-то. Все это были, конечно, очень мизерные порции. Ну а потом вообще, кроме хлеба — ничего. Ни сахара, ни масла никакого, ни мяса, конечно. Ничего нет. Один хлеб. И норма... Так как у нас бабушка уже тоже перестала работать, потому что ей было... Транспорт перестал работать вообще, трамвай остановился. Это уже был, наверно, конец ноября — начало декабря, наверно, 41 года. Вот, а ей ходить в Адмиралтейство уже было далеко, и тяжело, и холодно. Она уже тоже перестала... Да. И почему еще — потому что «Главсевморпуть» практически свернул свою работу. Они уже эвакуировались на большую землю, по-моему, в Москву и, значит, остались мы все безработные. Мы с сестренкой получали детскую карточку еще, потому что иждивенческую давали с двенадцати лет. Мне еще только должно было наступить двенадцать. А мама с бабушкой получали, значит, иждивенческую карточку. И по сто двадцать пять грамм хлеба. Вот и все. И вот такая пайка хлеба, она была до, по-моему, середины... А, до конца декабря, по-моему, или начала января. Сейчас уже трудно сказать, но это можно проверить по истории. Ну и, конечно, быстренько стали слабеть. Холодно. Значит на ок...на, стенах уже иней появился. Потому что ни одна из комнат... Соседи вот — Бойцовы — умерли. За... за стенкой которые были. Значит, старший сын и сам, значит, портной — они ушли на фронт. Их призвали и они погибли тоже в первые же дни блокады. Вот. И поэтому мать с младшим сыном умерли от голода. Вот. А остались, значит, мы — вот 4 человека — и тетя Муза, значит, со своей дочкой. Дядя Коля Красно-

рядцев, он был мобилизован как коммунист и ему присвоили, значит, какое-то там офицерское звание и он был в войсках противовоздушной обороны. Ну, он иногда, правда, так как он в городе был — он иногда приходил. Ну и потихонечку стали слабеть. Значит, ну, Наташа, еще так как она была совсем маленькая — она еще... Может быть ей хватало как-то вот. А мне было, конечно, тяжело, потому что я организм, так сказать, был совсем молодой. Только развивающийся. Рос, а ничего нету, кроме хлеба. Ну, я большей частью лежал, значит, на кровати, закутанный во все что можно. Сверху там... Не раздеваясь, конечно. Сверху там что-то напялено и шапка на голове. Единственное, что было какое развлечение — что я читал. Значит, очень много читал. Да, а надо сказать, что мы из-за боязни, значит, обстрелов и бомбежек мы, значит, в какой-то период... Я уж затрудняюсь сказать... Это был еще 41-й год. Мы перебрались в комнату Марии Васильевны Рязанцевой. Она жила на 2-м этаже. Там через двор... Там внутри тоже окна во двор выходили и это считалось более безопасно. Все-таки второй этаж — это не пятый этаж. Ну, вот. Ну, у нее, правда, тоже стекла вылетели. И вот, значит, мы там коротали время. Ну, бабушка, так как она была вот связана с медициной... Так что дед-то был врачом... Она знала, что надо поддерживать какое-то ну, движение в организме. Чтобы человек не лежал. Потому что если он лег, то он быстро теряет вообще силы, слабеет и, значит, наступает апатия и человек умирает. Поэтому она меня все-таки старалась как-то шевелить. И вот однажды — я, значит, тоже так лежал — вдруг кто-то приходит. Двери, конечно, не закрывались. Электричества не было, поэтому звонки не работали. Кто-то, слышно, идет по коридору, там какие-то голоса. Не один человек. Женские голоса. И вот говорит: «Зинаида Васильевна, можно?» «Можно». Значит, входят. Говорят: «Скажите пожалуйста, вот можно, — говорит, — Славика, это, попросить на дежурство?» Она говорит: «А в чем дело?» «Так нам, — говорит, — просто, — говорит, — не к кому уже, — говорит. Все — говорит, — устали, — говорит, — кто умер. Никого не осталось. Мы, — говорит, — и так целыми сутками дежури́м. В жилконторе надо у телефона ночами, значит, дежурить». Ну, вот. Ну, бабушка поняла, что для меня это хоть какая-то будет отдушина. Значит, меня подняли с кровати и повели, значит, в жилконтору. А жилконтора помешалась на 1-м этаже в этом же доме. И тоже вход был тоже со двора там. Вот. Меня там еще до-

полнительно утеплили чем-то. Привели в контору. В общем, когда мы входили в парадную, — значит, смотрю около там дверей лежат 2 трупа завернутые. Тоже вот кто-то вынес и больше сил не хватило. Ну, я уже, как говорится, внимания на это не обращал, потому что и ну, уже ко всему привык это. И ни страха, ни... Ничего не было. Ну, привели меня в эту в контору... <...> И вот если будет какой-то звонок — ты должен пойти там в какую-то там определенную квартиру и вызвать там кого-то». И, в общем, меня... Мне помогли забраться на стол, значит, я так сел, потом лег. И вот я так вот ночами сидел потом около этого телефона — ждал, когда какая-то информация поступала. <...> Вот. Ну, это считалось тоже вот работа при штабе местной группы самозащиты. Вот такие были дела. Ну, что ж... Потом... Да, прошел Новый год. Значит, да, прибавили немножко хлеба. Там какие-то граммы, но это все равно было уже здорово. И мне надо было ходить за хлебом. Получать пайку хлеба. Бабушка заставляла меня ходить, чтобы я, значит, двигался. Вот я тоже одевался и шел в булочную. Приходил там, стоял в очереди. Темно, значит, кроме свечки или копилки там освещения никакого. И вот эта мрачная очередь. Стоят люди такие грязные, изможденные, закутанные Бог знает кто во что. И вот очередь медленно двигается. А весы еще были такие старые — с гирьками... <...> А еще когда была жива соседка — вот тетя Нюра <...> — она... Сын у нее уже младший тоже умер. Вот. И она, значит, никому не доверяла получать свою пайку хлеба. Она лежала, не могла вставать и она всегда вот звала меня. Говорит: «Славик, Славик». Я приходил, говорю: «Что, тетя Нюра?». «Славик, сходи пожалуйста, выкупи мне хлеб». И вот она мне одному только доверяла. И я ходил для нее специально, ее 125 грамм хлеба получал. Приносил ей. Она меня благодарила. Вот. Но она все равно умерла. Это еще до декабря было даже. Вот. Ну, правда, когда она умерла, каким-то образом дали знать родным — их родным — пришли там, не помню кто, и ее тоже завернули. И на лестницу там вынесли и куда-то вниз спустили. <...> Рассказали, что: «Когда тетю Нюру, — говорит, — сняли с кровати, стали, — говорит, — убирать за ней, потому что, наверно, мокро все было. Вот. Завернули матрас, а под матрасом лежали деньги. Большие суммы денег». То есть она человек деревенский, она была прижимистая, очевидно, она жила всю жизнь трудно. И она не могла расстаться с деньгами, то есть она их берегла для чего-то, в надежде, что... А

в итоге деньги пропали... Ну, не пропали, а кому-то достались вообще. А так бы она если бы эти деньги истратила, она могла... Потому что хлеб можно было купить там. <...> Ну, потом мы в итоге переехали обратно к себе в квартиру, потому что там вот на 2-м этаже уже никого в живых не осталось. Была там одна соседка — <...> — но она была очень странная женщина. У нее зимой умер муж. Причем они жили, да, вдвоем. Сын был на фронте. Был он уже офицером. Он потом после войны вернулся живой. И вот однажды эта <...> приходит и говорит: «Вы знаете что, — говорит, — мой-то, — говорит, — пропал». «Ну, как пропал?» «Да вот, — говорит, — пошел», — говорит... Еще дрова были в сараях у них. Говорит: «Пошел, — говорит, — в этот...». Не в сараях, а в подвале. «В подвал, — говорит, — за дровами, — говорит, — и нету. Вот уже, — говорит, — третий день нету». И так и все. И никто не искал ничего. Ну, она была странная тем, что хоть она и работала в команде МПВО дома, но она всегда запиралась на ключ и какие-то запахи оттуда из комнаты доносились. То ли она что-то там жарила, то ли варила — боялась, что у нее отнимут или что. Не знаю, (смеется). Ну, в общем, мы не остались в этой квартире и переехали к себе наверх. И однажды... Ну, это было, по-моему, утро — слышим во дворе... А, значит, дом таким колодцем был двор... Кто-то внизу там кричит, что: «Григорьевы! Григорьевы!» Значит, бабушка подошла к окну, значит, откинула этот... Одеяло, которым было занавешено. Значит, стекло нет, она поэтому высунулась — смотрит: там стоит какая-то девушка в военной форме. В шинели там, в шапке. Вот. А она кричит: «Григорьевы здесь, здесь на 5-м этаже. Поднимайтесь». Значит, девушка приходит и рассказывает, говорит: «Вы знаете что, я вот из конторы вашего, значит, зятя. От Григория Николаевича, значит, пришла посылка. Вам надо прийти на, значит, Садовую улицу». Дело в том, что их контора — она называлась «БАМ-проект» — то есть контора по проектированию Байкало-Амурской магистрали — она помещалась в Гостином Дворе. То есть сейчас там все это сплошь магазины, а раньше на 2-м этаже — со двора вход был, да — там помещалась вот эта их контора. И вот сказала... Эта девушка сказала: «Возьмите, — говорит, — какие-нибудь мешочки. Там какие-то продукты». Ну, бабушка решила, что: «Ну, что там можно? Какие продукты?» А у отца были такие маленькие мешочки, ну, буквально, не знаю там — 20 на 20 сантиметров — для отбора геологических

образцов. То есть, когда идет изыскание железной дороги, то под... Попутно, помимо топографических изысканий, делаются геологические изыскания. То есть отбираются пробы фунта, потом эти пробы, значит, в лабораториях проводят... Делается анализ там. Их там определяют — что это такое. Ну, вот. И вот такие мешочки у него какие-то были. Они были с завязочками такими. Вот бабушка взяла этих несколько мешочков, пошла туда. Пешком, конечно. Трам... трамваев не было... Не работали. И вот она <...> дошла до Гостиного Двора, со стороны Садовой там. И вот смотрит, сидят там люди какие-то. Тоже все закутанные такие... Ну, спросила что... «Да. Да. Вот, пожалуйста, вот ждите. Сейчас вызовут». Бабушка села там, какие-то разговоры. Потом ее вызывают и показывают. <...> Говорит: «Вот стоят довольно приличных размеров мешочки большие». Там, значит, что было — там была гречневая крупа, сахар, масло, лук сушеный и <...> Но это было по количеству в то время так было много, что, конечно, (смеется) те вот геологические мешочки — они просто не подходили. И ей говорят: «Слушайте, — говорят, — а где же, — говорят, — ваши санки?» Потому что в руках это не унести было. Ну, так как во время войны все было разрушено и все валялось где попало — быстро нашли где-то санки, нашли какие-то... Упаковочную тару, мешки там — не знаю что. Помогли ей все это упаковать, помогли спустить с лестницы на улицу. И вот бабушка идет, закутанная вся, значит, мороз. Санки скрипят сзади, она идет и только вот думает: «Господи, вот сейчас я дойду до Кировского моста, а . кто-то догадается, что это продукты — меня, — говорит, — стукнут по голове, бросят вниз в лед. На лед. И все. И вы, — говорит, — умрете с голода. И все». Но, как говорится — судьба. Она дошла до дома. Притащила эти санки и стоит, не знает, что делать. Значит, мы спуститься не можем, помощи от нас никакой. Значит, кричать там — Бог его знает. В общем, она стоит и ждет. Стоит и стоит. Вдруг идет какая-то женщина с вязанкой дров. И она ей доверилась. Она говорит: «Слушайте, — говорит, — вы не могли бы мне поднять эти санки? Мне, — говорит, — тяжело. Я, — говорит, — не могу». А она говорит: «Ну, пожалуйста, — говорит, — пожалуйста». И вот они вдвоем эти санки втащили к нам на 5-й этаж. Бабушка, значит, там разделась. Значит, женщина это самое... Потом она ей говорит... Говорит: «Вы подождите минуточку, я вам сейчас, — говорит, — кое-что дам». Бабушка развязала, зна-

чит, мешок с крупой, отсыпала ей немножко крупы там. Я уж не знаю, что еще... И, значит, дала этой женщине. А женщина так обрадовалась, она говорит: «Ой, Господи, — говорит, — ну спасибо вам. Это, — говорит, — просто, — говорит, — это, — говорит, — такое счастье». Ну, в то время это действительно было... И она оставила ей эту вязанку дров. И вот эта женщина потом, до самой весны, ходила к нам... Там я не знаю, сколько раз она приходила... И она нам приносила все время вязаночку дров. То есть это нас тоже вот спасло — мы стали хоть греться. Вот видите, даже в таких тяжелых условиях люди все равно вот помогали друг другу, понимаете, как-то.

Обстрелы были, конечно, очень жуткие такие. Вот идешь, бывало, через парк — я очень часто ходил все-таки в этот Травматологический Институт... И вдруг... Причем, обстрел, конечно, начинался без всякого объявления. Сначала начинается обстрел, потом по радио говорят: «Обстрел. Граждане, укры... Укрыться. Обстрел. Артиллерийский обстрел района». И так далее и так далее. И вот вдруг слышишь, что где-то над головой такой как бы шелестящий тяжелый такой звук. Жжжж. Что-то жужжит, жужжит. Ну вот и уже потом-то и понял, что, когда он прошуршал где-то — это уже не страшно — это не твой снаряд. Хуже, говорят, когда ты его не слышишь. Но такого, слава Богу, со мной не было. И обычно они все пролетали где-то стороной или далеко, во всяком случае, падали. Но,... но все равно было неприятно, поэтому старался побыстрее куда-то или укрыться или отбежать. Вот. Ну, что... И страшные, конечно, картины, когда после вот обстрелов или бомбежек на улицу выходишь и лежат, значит, убитые. Трупы. И оторванные части тел и все это. Причем, вот, зимой особенно это было тяжело еще тем... Вот сейчас, конечно. <...> Сейчас вот тяжелее просто вспоминать... Что вот лежит и лежит труп. И все. И никому дела нет, понимаете. Редко кто остановится, посмотрит. Если лежит там на дороге — перешагнут, пошли дальше. И... Потому что каждый думал, что: «Сегодня — он, а завтра — я». Поэтому было... С одной стороны была и взаимопомощь, была, с другой стороны было такое и равнодушие, что не сегодня — так завтра. Не сегодня — так завтра. И вот, кстати, то что вот поддержка какая-то — вот с тетей Музой, значит, Красноярцевой. Значит, дочка ее уехала уже... Была эвакуирована вернее <...> Причем, они попали на Кавказ — там сестра ее и целый, значит, ряд родственников...

Попали на Кавказ. А потом туда пришли немцы. То есть они уехали из заблокированного города от голода, а попали в оккупацию к немцам. И потом, когда они рассказывали что... Там, правда, немцы были не так долго... «И вот когда, — говорит, — немцев оттуда уже выбили, то оказалось, что они уже были в списках обреченных на, значит, угон в Германию или там на уничтожение». Потому что у них была цыганская кровь. Вот и каким-то образом, значит, они попали в эти списки. Ну, вот. И вот мы, значит, собирались у тети Музы в ее комнате. Причем, так как было очень холодно, то... Да вот... Когда вот умерли Бойцовы все, значит, погибли и умерли, то комната освободилась. И туда переселили из Кировского района семью Филаретовых... <...> Значит, отец, мать и дочь. Трое. Отец работал на каком-то заводе, а мать была, значит, то ли домашней хозяйкой... Не знаю. Ну и потом их, правда, тоже... Эти... Дочь с матерью куда-то ее эвакуировали, остался вот этот Филаретов. И так как... В целях экономии, значит, топлива, значит, тетя Муза с этим Филаретовым, значит, жили в одной комнате. Значит, они топили одну буржуйку и вот мы туда собирались все. Значит, соберемся, эту буржуйку все вместе топим, все сидим вокруг, вот и тетя Муза рассказывает... (смеется). Бывало так — сидим... «Сидим, — говорит, — и все... Ну, все разговоры в основном, почему-то о еде». Хотя старались не говорить об этом — и без того тошно. И вот она говорит: «Ой, — говорит, — девчонки, вы знаете что... Вот, — говорит, — кончится война, я, — говорит, — куплю бочку капусты квашенной, как, — говорит, — начну ее есть, так меня оттуда только за ноги и вытащите», (смеется). Ой, сейчас ее уже нет, к сожалению, в живых. Она прожила долго — больше 90 лет. Ну, вот я тетю Музу так до сих пор вспоминаю. Вот такие были...

Архив Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ф. 001

39. Интервью с А.М. Степановой.

И.: А вы не собирались эвакуироваться?

Р.: Вы знаете, об эвакуации... Во-первых, я была младшей, мне 17 лет уже было. Детей не было маленьких. И как-то мысли у нас не было эвакуироваться, мы были в полной уверенности, что немцев отгонят, вот-вот отгонят буквально. И, значит, ну, дня через три, наверное, мы попытались опять попасть в Дачное. Дело в том, что у нас были куры закрыты, у нас была картошка на чер-

даке и нас не пустили, у Кировского завода была застава и нас просто не пускали. Но мы обошли заставу, знали, где там можно через виадук пройти, и пошли в Дачное. Брат с нами не ходил, мама, папа и я. И опять, мы боялись идти по шоссе, но на шоссе уже лежали убитые лошади, с развороченными животами, и в Дачном многие дома уже были побиты снарядами. И когда мы подошли к дому, то увидели, что в наш дом попал то ли снаряд, то ли бомба, я не знаю. Мы жили на втором этаже и когда мы поднялись, то, значит, стенка одна нашей ква... нашей комнаты была ... разрушена, мандолина брата была пробита осколком, мамин горшок опарный большой тоже пробит, картошки на чердаке уже не было. Мародеры уже действовали, те, кто остался в Дачном. <...> Ну мы кое-что взяли, что могли унести, мы же пешком шли. Кстати, почему-то мама с па... с отцом больше всего дорожили периной (Смеется). Потому, что на полу спали и, в общем-то было не очень-то уютно, отец нес перину, я взяла остальные учебники и пошли мы обратно. В этот раз до Автово мы дошли, от Автово уже трамваи шли. Трамваи то ходили, то нет, в зависимости от у нас обстрелов, наверное обстановки. <...>

Р.: Нет, нас особенно не предупреждали, что началась блокада. Мы кое-какие продукты в очереди стояли, доставали. Ну, в общем, уже было туго и я помню, что мы... в ноябре месяце мы ходили, достать пытались дрова. Ну, дров не достали. И первым умер папа. 25 декабря. От голода умер. Мы вернулись с мамой из магазина, за хлебом ходили, ну, и продукты еще кое-какие думали достать. И вдруг вот увидели, что отец свесился с кровати и хрипит. Ну, мама сразу догадалась, что он умирает, а я как-то не очень понимала. Ну, у отца была ... <...> И отец умер. Вечером. Ну, мы его вынесли, это был деревянный дом, старинный такой и большие были..., большие такие коридоры. Положили его. А утром попросили мужчину одного сделать фоб и гроб сделали ему. Положили его в фоб и повезли на Серафимовское кладбище. Так как это было в декабре месяце, Нева уже замерзла, Крестовский недалеко от Серафимовского кладбища и мы через Неву сначала в Новую деревню пошли, там жила племянница родная папы, мы зашли за нею и вот все хоронили папу. Причем, Вы знаете, меня просто потрясло, когда я увидела, что по обе стороны Серафимовского кладбища, там дорога такая основная, я думала, дрова лежат — оказалось, это покойники. И просто набросаны, вот знаете, как дрова, покойники. Ну мы

просили папу из фоба не вынимать, хотя они клали покойников просто так, в траншеи. <...>

Был декабрь, папу мы похоронили, карточку не сдавали. И, собственно говоря, пришлось расплатиться хлебом за работу, фоб сделали. Новый год мы встречали уже втроем: мама, брат и я. Брат пошел на Кировский завод, чтоб получить карточки продуктовые. С Крестовского на Кировский завод он шел пешком, уже трамваи не ходили. И он потратил так много сил, что он уже и не вставал, он слег и лежал двадцать дней. А у мамы начался кровавый понос. Ну, голодный понос у мамы был. И я не могла уже спать с мамой. Я уже,... мы не раздевались, потому, что было холодно. Дело в том, что мы с братом кололи дрова и пилили, а тут брат уже обессилел и уже не мог колоть. А мне одной, там оставалось немножко совсем дров и было очень холодно. И поэтому я спала с братом, не раздеваясь. Но печурку мы немножко топили. И я утром проснулась, поставила чай, просто воду. Ну, мы еще,... понимаете, мы в саду рвали смородины лист, смородины вернее ветки и заваривали чай. И я вдруг обратила внимание, что брат со мной не разговаривает, я так удивилась. <...> Я уже понимала, что брат умирает. Я говорю: «Мама, брат умирает». Она говорит: «Ты его не тревожь, не спугни», страшно, как говорить, умирающему помешать умереть. Брат умер. (Плачет). Я пошла, а это рядом совсем, к крестной, к его крестной, хоть я и звала ее крестной, это его крестная. Она поставила на нашу временку воды и мы с ма... с крестной вымыли брата, переодели, сняли матрас и на доски постелили простыню. И крестная собралась уходить, а уже быстро это, это 19-е января было рано утром. Я говорю: «Крестная, мне же спать негде. У мамы понос, брат мертвый лежит, а с кем же я-то буду спать?» Она говорит: «А ты не ложись. В эту ночь умрет мама». Я села около печурки, печурка еще чуть теплая была, села и жду, когда мама будет умирать. Мама что-то мне хотела сказать. А я., вы знаете, я просто боялась. Я боялась подойти к ней ближе. Я подошла, говорю: «Что, мама?». Я говорю: «Я сейчас за крестной схожу». Я пошла за крестной, крестная пришла и она поняла, что мама просит протянуть ноги. А у мамы ноги в коленях были согнуты. Она протянула маме ноги, мама сложила руки и умерла. И крестная повела меня к себе. Ну, так как крестная никуда не уезжала, у нее были дрова, ну, может быть, были какие-то съестные припасы, но во всяком случае, первое,

что я ощутила, во-первых, крестная меня вымыла. Потому что я немойтой была уже два месяца. Бани не работали, а у нас было холодно. Вымыла меня крестная, положила в мягкую теплую постель и вы знаете, я до сих пор помню, как во мне боролись два чувства. С одной стороны, я осталась одна, а с другой стороны, я в тепле, вымытая и ... И все позади. (Плачет). Понимаете, у меня такое было чувство, что самое страшное позади. Наутро я пошла... Нет, я не пошла. Крестная меня не взяла с собой. Она сама вымыла маму, как она сказала, одела ее во все, что полагается покойнику, и положила рядом с братом на кровать. И я ходила. Это было, значит все, вот в ночь... девятнадцатого января утром умер брат, а в ночь на 20-е умерла мама. И я ходила на кварти,... в комнату эту, садилась около кровати, смотрела на них и вот я очень хорошо помню, что мама была очень красивая. Вот знаете, она никогда не была красивой вообще, мама. Но как-то, ... когда была,... стала мертвой, она стала красивой. Я ходила к ним до ... до тех пор, каждый день, пока не надо было их хоронить. <...>

И вы знаете, мы такие все были разговорчивые. Вот у нас просто нужно было выложить все, что у нас на душе. И я девушке сказала, что я не знаю, как мне жить дальше. Потому что Химико-технологический институт уехал в эвакуацию, и я не уехала с ними, осталась с родными. Специальности у меня никакой нет, карточка у меня иждивенческая и специальности никакой нет, в общем, я не знаю, как я буду жить. Я живу у тети. Она говорит: «Ты комсомолка?» Я говорю: «Комсомолка» «Ну вот здесь райком комсомола рядом, ты пойди в райком комсомола и скажи им, как ты живешь и они тебе помогут». Я тогда же, очередь медленно тянулась, я пошла в райком комсомола, рассказала и секретарь Приморского райкома комсомола дала мне направление в бытовой комсомольский отряд. И я на следующий же день пошла, она сказала, куда пойти, встретилась с девушками, и все эти девушки из бытового отряда, они были с фабрики «Красное знамя». Они были постарше меня и уже работали на фабрике «Красное знамя». А я нигде не работала. И я поэтому меня оформили в трест, негде уже было оформлять, уже на фабрике кем меня оформить, меня оформили в трест столовых Приморского района и дали рабочую карточку. И я значит, вместе с этими девушками на Большом проспекте Петроградской стороны, около Пионерской улицы,

прикрепилась и у нас было двухразовое питание и это конечно спасло меня, наверное, меня спасло это. Потому что двухразовое питание было по рабочей карточке. И мы стали помогать, ну, в общем, людям помогать. <...>

Архив Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ф. 001.

Часть II

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

В.И.ЛЕНИН. РЕЧЬ ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛОЗУНГАМИ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА

Язык Ленина обычно меньше привлекал внимание исследователей, нежели его идеи и политические акции. Ленин не соответствовал классическому типу ораторов, для которых нормой были искусственный подбор красноречивых и афористичных сентенций, эффектные отступления, строгая логичность и последовательность изложения, расчетливо продуманная аффектация и тщательно выстроенная соразмерность каркасов речи. Перед нами *par excellence* — эмоциональные, торопливые и сбивчивые выступления, акцент на одной и той же идее, варьируемой вновь и вновь, хотя и на разные лады. Во многих его речах нет ни монументальности, ни системности, ни связности. В них заметно другое — эмоциональное “проговаривание” мысли, особенно увлекшей его в данную минуту, еще и еще раз до тех пор, пока охватившее его напряжение не ослабевает. Это можно скорее назвать своеобразной терапевтической практикой, посредством которой проходит высвобождение неприязни к идеям, людям и событиям, вызывающим нарастающее раздражение.

Анализируя стиль Ленина, Л. Якубинский употребляет даже термин «лексический разряд». Обратив внимание на то, сколь часто Ленин использует подряд сразу несколько синонимических определений, не желая ограничиваться одним из них, он пришел к выводу о том, что «логическое, предметное знание этого “перечисления” стоит совсем на заднем плане и это “перечисление” является фактом эмоционального говорения (а, следовательно, может быть использовано и как прием эмоционального внушения посредством речи), когда высокое

эмоциональное напряжение разрешается мобилизацией ряда подобных членов предложения».³¹¹

Вместе с тем ленинские речи далеко не так хаотичны и сумбурны, как это может показаться на первый взгляд. В них есть своя логика, отшлифованные приемы и не одни лишь ассоциативные связи определяют последовательность и сцепление их разных частей. Попытки уловить законы построения ленинских речей были предприняты известными русскими формалистами, членами Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ) в знаменитом сборнике «ЛЕФа», увидевшем свет в 1924 г. У Ленина заметили латинскую конструкцию фразы и найденные у него цicerонианские стилистические заимствования связали с его классическим образованием.³¹² Наблюдения эти интересны, но едва ли у Ленина можно обнаружить те элементы латинских апологий и филиппик, которые делали речь Цицерона, по замечанию одного из русских филологов-классиков, «патетичной и несколько мелодраматической».³¹³ Речи, «сконструированной» по определенным законам экзальтации, мы у него не найдем. Простота и однообразие ритма жестов, замеченных Н. К. Крупской в выступлениях Ленина,³¹⁴ являлись своеобразным «внешним» отражением присущего ему стремления к тотальному упрощению всего словесного материала и его каркасов — синтаксиса, лексики, метафор, сравнений.

Упрощение — главный ораторский прием Ленина. Он подмечался всеми, будь то панегирист М. Горький или «формалист» Б. Казанский, маскировавший лингвистической терминологией свой скепсис в оценках ораторского мастерства Ленина. «Цеховой язык сменяется обыденной речью. Тяжелые слова — легкими словечками. Ученые рассуждения — фамильярным разговором», — в столь полуафористической манере описал наиболее бросающиеся в глаза приметы этого упрощения А. Финкель в умеренно «формалистической» книге «О языке и стиле В. И. Ленина» (1925).³¹⁵ Образцом нарочитого, стилизованного упрощения являлась брошюра Ленина «К де-

³¹¹ Якубинский Л. О снижении высокого стиля у Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 75.

³¹² Эйхенбаум Б. Основные стилевые тенденции в речи Ленина // Там же. С. 70.

³¹³ Покровский М. М. История римской литературы. М., 2001.

³¹⁴ Крупская Н. К. Из ответов на анкету Института мозга в 1935 г. // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 368.

³¹⁵ Финкель А. О языке и стиле Ленина. Вып. 1. Харьков, 1925. С. 27.

ревенской бедноте». Вряд ли для ее автора она стала поучительной школой. Язык этой работы — это не язык простого крестьянина, а намеренно вульгаризованный язык городского обывателя. Для его «облегчения» и «доступности» Ленин использовал прибаутки, пословицы и поговорки, в том числе литературного происхождения, и столь густо приправил его «простонародными» выражениями, что сделал текст порой отчетливо искусственным, похожим на какой-то формалистический эксперимент. Такие опыты в России были — псевдонародные «афишки» московского губернатора Ф. Растопчина, призывавшие к борьбе с Наполеоном в 1812 г., или воззвание к крестьянам П. Чаадаева, обычно писавшего только на французском языке. Они казались забавой аристократов — «замечательных оригиналов» — и «пейзанской» бутафорией, над которой со времен карамзинской «Бедной Лизы» смеялись даже не очень придирчивые критики.

Чуждый какой-либо художественной экзальтации Ленин, возможно, не мог не почувствовать неестественность языковых барочных виньеток. «Подстраивание» под другой язык — это тоже своеобразное артистическое действие: человек играет чужую, не свойственную ему роль, что делает его похожим на фигура. В позднейших его сочинениях не видишь особой заботы о их литературной и стилистической отделке. Встречающиеся здесь удачные обороты речи, остроты, афоризмы и каламбуры кажутся случайными, поскольку крайне редки. Канонический стиль Ленина был психологически обусловлен его неприязнью к любой театральной аффектации, особенностями его прагматического, сугубо трезвого и скептического ума. К пафосным выкрикам, «исповеди горячего сердца» и равнозначным им литературным украшениям он относился с брезгливостью, неприязнью и недоверием. В силу присущей Ленину общей культуры ему никогда не удавалось копировать артистичный язык и он обычно не выходил за рамки сухих риторических штампов с их утратившим былой блеск холодным пафосом. В артистичности ему виделись божественность, разухабистость, эпатаж. Да и как могла закрепиться у него высокая речевая культура, спокойные, рассудительные «плехановские» обороты, где все дозировано — ирония, пафос, цитата, метафора. Всегда готовый к быстрому и беспощадному ответу и не разбиравший при этом средств, он испытывал даже какую-то аллергию к замедленности, округло-

сти и витиеватости выражений. Речи Ленина — это постоянные полемические срывы, при которых не укорениться продуманной до мелочей эффектной ораторской технике: она взрывается его эмоциональностью, раздражением, гневом. Все гипертрофировано и обострено до ненависти и крика, нет и намеков на академический слог — как тут следовать традиционным риторическим формам, как поминутно заботиться о благозвучности фраз и оттенках голоса?

Формалисты находили в речах Ленина «сделанность», хорошо рассчитанные ораторские ходы, но его приемы кажутся скорее импровизацией. В них нет четкой последовательности и жесткой логики, не все из них выигрышны. Удачный речевой оборот зачастую заканчивался невнятицей, скороговоркой или банальностью, и очень часто в ленинских выступлениях заметны повторы — именно не варьирование мысли с целью показать ее новые грани, а использование одних и тех же идиом, ничего не прибавляющих к прежде сказанному.

В его неожиданных каламбурах, как хорошо отметил Б. Казанский, нет игры,³¹⁶ они у него «случаются», а не конструируются. Пластичность, яркость описаний ему редко удавались. Видна сугубая сдержанность даже и там, где ожидаешь встретить некую лиричность. Его бесцветные строки в некрологах И. В. Бабушкина и Н. Е. Федосеева, когда он стремится быстрее уйти от личных характеристик, закрываясь социологическими клише, — пример того, как вообще трудно давался ему жанр политической агиографии, лишенный полемичности. Живописность его язык приобретает лишь в политических боях. Он всегда к ним готов, он полон решимости выдержать их до конца, он обучен их технике. Ему присущи здесь и своеобразное остроумие (хотя обычно грубое) и эффективность саркастических упражнений.

Стремясь сделать слово более емким, доходчивым, выразительным, Ленин обычно прибегает к нескольким приемам. Первый из них — краткость предложений. Каждая фраза при этом получает особую весомость, ясность и жесткость. Можно даже сказать, что краткость здесь эквивалент громкости. Такие фразы легко повторять, а посредством повторений (весьма частых у Ленина) усиливается их воздействие на слушателя — они лучше воспринимаются и быстрее заучиваются. Второй прием — использование диалогических форм. В ряде случаев Ленин не

---

³¹⁶ Казанский Б. Речь Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 113, 118.

ограничивается прямым категорическим утверждением, но достигает этого посредством ответов на вопросы воображаемого оппонента — это более наглядно и выпукло показывает слушателю его мысль. В-третьих, Ленин не перенасыщает свои выступления литературными реминисценциями, эпитетами, цитатами, поговорками, пословицами и сравнениями. Вообще там, где Ленин ссылается на литературные типажи для лучшей иллюстрации своих мыслей, это нередко приобретает характер жесткого ритуала: говорить об игре художественными образами для того, чтобы придать своим идеям пластичность и живописность, крайне трудно. Каждая из привлеченных им литературных цитат обычно четко прикреплена к какому-либо определенному постулату и «расшифровывает» только его. Связки этических терминов и соответствующих им художественных типов становятся у него необычайно прочными и окостеневшими. Каждый из терминов обычно имеет только один аналог: болтун — Репетилов, фантазер — Манилов, враль — Хлестаков, путаник — Ворошилов. Набор используемых Лениным литературных цитат довольно беден. Как правило, он ограничивается теми авторами, изучение которых являлось обязательным в гимназиях: только общепризнанные классики, никаких модернистов и очень мало «второстепенных» писателей.

Лексика ленинских выступлений весьма специфична. Ленин не увлекался латинизмами, что было тогда модой, а употребляя иностранные слова, даже переводил их на русский язык. Зато он не брезговал обиходно-бытовыми и даже «крепкими» выражениями, близкими к ненормативной лексике. Это, пожалуй, самый частый из применявшихся им способов «разнообразить» слово, лишить его монотонности и бесцветности. Нормативный, «правильный» русский язык он, конечно, знал, был чуток к чужому слову (это отмечали многие исследователи) и при случае мог поправить оглушенного терминологической какофонией Н. И. Бухарина.³¹⁷ Но его прозаизмы, однако, не случайны. Обиходные выражения, просторечия — элементы упрощения стиля — являлись своеобразной лингвистической параллелью к предпринятому в его речах тотальному упрощению идей или оценок событий. Только такой язык и оказывался для этого наиболее адекватным.

---

³¹⁷ См. его замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» (Ленинский сборник. Т. XL. М. 1985. С. 414, 429).

Отметим, наконец, и еще один его прием. Это сугубая категоричность, безапелляционность высказывания. У него почти никогда не найдем академической традиции равнения «pro» и «contra», нет простой констатации какого-либо события, нейтрального изложения его эпизодов. Он не столько излагает, сколько нападает, высмеивает, проклинает, обличает. Очень ярко эту особенность ленинского стиля подчеркнул Б. Казанский: «Его речь не развертывает панораму для пассивного созерцания... Она борется со слушателем, вынуждая его к активному решению, и для этого припирает к стенке. “Ни с места. Руки вверх. Сдавайся” — вот характер ленинской речи, она не допускает выбора».³¹⁸

«Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства», произнесенная Лениным на 1-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г.,³¹⁹ можно счесть квинтэссенцией его ораторских приемов, присущей ему логики и риторики. Наиболее интересны III и IV части речи, где Ленин откровенно выразил свое отношение к лозунгам демократии и равенства. Первое, на что здесь сразу обращаешь внимание, — это бесконечное повторение одних и тех же мыслей. Они, словно гвозди, прочно вдалбливаются в сознание слушателей. Как правило, повторяются предложения краткие, близкие к лозунгам. Предшествующие им рассуждения могут несколько отличаться по содержанию, но их концовки, выводы совпадают почти текстуально. Один из наиболее часто произносимых лозунгов: «Свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман». Поначалу Ленин его высказывает, не мотивируя особо, а ограничиваясь ссылками на программу РКП(б) и сочинения К. Маркса,³²⁰ — этого оказывается достаточно, чтобы придать фразе солидность. Затем этот лозунг повторяется еще раз в несколько модифицированном виде. Обоснование лозунга также отсутствует — только навешиваются ярлыки на тех, кто отстаивает чистую демократию. Они называются пособниками эксплуататоров.³²¹ Почему? А потому что «свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман»³²², — и затем вновь, для подтверждения правоты этого постулата следует ссылка на про-

³¹⁸ Казанский Б. Речь Ленина. С. 124.

³¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38.

³²⁰ Там же. С. 346.

³²¹ Там же. С. 347.

³²² Там же.

грамму партии. В этой формуле заменено только одно слово, что, конечно, облегчает ее заучивание. Произнеся еще несколько фраз о необходимости борьбы с капиталом, который против большевиков «выдвинет знамя свободы», он заявляет: «И мы ему отвечаем. Мы считаем необходимым этот ответ дать в своей программе: всякая свобода есть обман, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала».³²³

Действительно, трудно не увидеть во всем этом отмеченную Б. Казанским «стойкость словесного сознания» Ленина.³²⁴ Не так и существенно, где помещена ссылка на партийную программу (перед лозунгом или после него) и что допущена перестановка слов. Важнее, что он не только дословно повторяет самый лозунг, но и выдвигает его в одном и том же оформлении, повторяя сопутствующие ему вводные слова. Прочность словесного рисунка Ленина наглядно видна при последующих повторениях этого лозунга. Теперь ему предназначена несколько иная роль. Он используется для опровержения «буржуазной лжи». Происходит это в диалогической форме: «Эти цивилизованные французы, англичане, американцы, они называют свободой хотя бы свободу собраний... А вы, большевики, вы свободу собраний нарушили. Да, — отвечаем мы, — ваша свобода... есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала».³²⁵ Нет теперь устойчивой связки лозунга с партийной программой, но зато появляется связка с обвинением коммунистов в нарушении свобод. Через несколько абзацев читаем: «Вы нас обвиняете в нарушении свободы. Мы же признаем, что всякая свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман».³²⁶ Здесь наконец мы находим некое подобие мотивации данного лозунга — в других случаях она казалась неуместной. Особенностью этой мотивации является предельное, почти анекдотическое упрощение проблем демократии, которые сведены к вопросу о том, предоставят ли гражданам помещения для собраний: «Чтобы собираться в цивилизованной стране, которая все-таки зимы не уничтожила, погоды не переделала, нужно иметь помещение для собраний, а лучшие здания — в частной собственности».³²⁷

³²³ Там же.

³²⁴ *Казанский Б.* Речь Ленина. С. 117.

³²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 348.

³²⁶ Там же. С. 349.

³²⁷ Там же.

О том, что для осуществления свободы собраний не всегда нужны лучшие здания и этим правом не обязательно пользоваться только в помещениях и только зимой, он не говорит, и, заметим, достаточно несколько простых саркастических вопросов, чтобы разрушить до основания эту логическую конструкцию. Прочие доводы, прозвучавшие в речи чуть позднее, не менее примитивны: свобода собраний «есть обман, потому что связывает руки трудящихся масс на все время перехода к социализму»,³²⁸ и она также является обманом тогда, когда «трудящиеся задавлены рабством капитала и работой на капитал».³²⁹ Эту примитивность не могут замаскировать даже риторические штампы. Нужно особенное усилие, чтобы обнаружить последовательность логического развития мотивационной цепочки у Ленина. Вместо ответа на вопрос, почему свобода является обманом, следует указание на то, кому и при каких условиях выгоден этот обман. Речь Ленина столь хаотична и непосредственна, что трудно говорить об обдуманности умолчаний или тактических ухищрениях. Перед нами своеобразная стенограмма свободного потока политизированного сознания, в котором, правда, можно выявить определенные осевые конструкции и ключевые слова-клише. Последние он произносит как заклинания, зачастую не объясняя их содержания. Они — некий контрапункт для последующих рассуждений, которые, однако, в дальнейшем оказываются мало чем связанными с исходной точкой разговора.

Внимательно приглядевшись к тексту речи, замечаешь, что последовательность ее частей нередко определена ассоциативными связями, что делает системы аргументации громоздкими и неоправданно усложненными. Они только мешают ясности изложения, но, раз коснувшись какого-либо вопроса, Ленин словно автоматически воспроизводит все ответвляющиеся цепочки доводов, не сдерживаясь, эмоционально, не желая дисциплинировать себя оглядкой на утилитарные цели выступления — и до конца, пока не выговорится. Приведем примеры. Говоря о равенстве рабочих и крестьян, он сообщает, что это невозможно ввиду трудного положения в стране. Здесь, казалось, уместнее всего было бы дать его краткую (или развернутую) оценку. Ленин поступает по-другому. Он полемизирует с оцен-

---

³²⁸ Там же. С. 350.

³²⁹ Там же. С. 351.

ками ситуации в России, данными оппозицией, ухватывается за ее утверждение о том, что является подлинным или грубым коммунизмом, отмечает, что и Каутский что-то писал об этом, от Каутского естественно переходит к положению в Германии. Здесь срабатывает какой-то автоматический стереотип — и он шлет проклятья «палачам» германских рабочих Шейдеману и Носке, и наконец переходит к России: «Как же вы можете развить производство в стране, которая разграблена и разорена империалистами».³³⁰ Так кончается цепочка рассуждений, начатая спором о равенстве рабочих и крестьян. Укажем и на другой пример. Так, он говорит, что «крестьянин привык к свободной торговле хлебом».³³¹ Ход дальнейших рассуждений таков: отмечается сила привычки, которой и держится капитализм, говорится о том, что крестьянин не привык отдавать хлеб по твердой цене, причем из-за того, что плохо работает государственный аппарат, а происходит это потому, что интеллигенция занимается саботажем, а аппарат надо чистить, и среди коммунистов есть жулики, и аппарат Комиссариата по продовольствию тоже плох, поскольку рабочие, как отмечают статистики, половину продуктов берут у спекулянтов и вообще голодают, и, таким образом, «надо говорить не о „равенстве“ вообще и не о „равенстве людей труда“, а о безусловной обязанности 60-ти крестьян подчиниться решению 10 рабочих»³³². Вся цепочка мало связанных между собой постулатов воспроизводится здесь почти без переходов, но их сцепление вызвано тем, что они касаются одной области — продовольствия. Рассуждения о том, что положение в стране плохое и что сложно представить равенство рабочего с крестьянином, которые можно было проиллюстрировать простыми примерами, отягощены, раздроблены, замутнены всевозможными отступлениями, хотя и выражены далеко не витиеватым, а директивным, сухим и жестким языком.

В этой речи заметны и другие характерные для Ленина приемы. Высмеивание чужих лозунгов происходит не только посредством их анализа, но и безапелляционного указания на тех, кто их повторяет («обыватели»)³³³ или поддерживает («грабительское правительство»)³³⁴. Иронический подтекст обнару-

³³⁰ Там же. С. 357.

³³¹ Там же. С. 361.

³³² Там же. С. 362.

³³³ Там же. С. 345.

³³⁴ Там же. С. 348.

живается и в том, что он называет такие лозунги «прекрасно звучащими».³³⁵ Неоднократно, как рефрен, повторяются его категорические утверждения о том, что любой, кто поддерживает лозунги свободы и равенства, — пособник Колчака, Милюкова, белогвардейцев, имущих классов. Если он где-то и смягчает их, то не для того, чтобы оправдать защитников свободы и равенства, а затем, чтобы сильнее подчеркнуть их шатания и недалековидность. Не брезгает Ленин простонародным языком и даже вульгаризмами («маленькая нехваточка вышла»)³³⁶. Чтобы подчеркнуть правоту своих идей, он создает иллюзию их всеобщей поддержки, употребляя обычно местоимение «мы» и делая оговорки: «это ясно», «это совершенная правда». И, что совсем анекдотично, истинность своих размышлений он подтверждает ссылками на программу РКП(б). Здесь очень отчетливо проявляется полярность его мышления. Середины тут нет: идти или за рабочими, или за буржуазией; кто не помогает трудящимся, тот помогает эксплуататорам; или диктатура пролетариата, или рабство капитала.

Твердость, решительность, непреклонность, уверенность в собственной правоте, нежелание сколько-нибудь объективно оценить чужие взгляды, привычка в любых либеральных лозунгах видеть только обман, придирчивое внимание к тому, каким языком пытаются замаскировать этот обман, — вот стиль Ленина. Как ни парадоксально, но его ораторские приемы оказывались преимуществом в ремесле агитатора. Он обращается не к искушенным политикам (их он и не пытался разубедить), а к тем, кому легче было понять именно простые, поверхностные догмы, кому трудно было следить за изысканностью слога и цветистостью метафор. Эта простота не всегда Ленину давалась ввиду привычки откликаться на все мелочи, относящиеся к темам его выступлений, и увлекаться их подробным разъяснением. Но нельзя не заметить присущего ему многогранного дара упрощения даже там, где сооружается громоздкая система аргументов, — это основная, все подчиняющая себе доминанта его речи и письма.

---

³³⁵ Там же. С. 346.

³³⁶ Там же. С. 358.

И. В. СТАЛИН.

РЕЧИ 1920-х—1940-х гг.

Если ленинским выступлениям была во многом свойственна некая «хаотичность» приемов упрощения, то о речах Сталина этого сказать нельзя. Упрощения у него всегда глубоко обдуманы, порой даже искусственны, и нельзя не заметить настойчивой и постоянной шлифовки весьма простых оборотов, выражений, сравнений. Есть искушение увидеть в простоте политических речей Сталина отражение бедности его русского языка и присущего ему уровня общей культуры. Последнее отрицать нельзя, но даже обращение к сталинским письмам (за исключением, конечно, предназначенных для публикации многочисленных «ответов товарищам») ярче выявляет нарочитую стилистическую отделку его устной речи. Скрытый от многих прагматический, деловой и трезвый эпистолярный язык Сталина оказывается намного богаче по оттенкам, интонации, синтаксическим оборотам его публичного политического языка, хотя и является столь же лексически примитивным. Парадокс ораторского ремесла Сталина заключался, однако, в том, что его граничившее порой с маниакальностью стремление обединить устный язык делало его выступления одним из наиболее мощных инструментов воздействия на слушателей. Суть этого парадокса четко выразил в своей превосходной, хотя порой и излишне раскованной и полемичной книге «Писатель Сталин» М. Вайскопф: «Несмотря на скудость и тавтологичность, слог Сталина наделен великолепной маневренностью и гибкостью, многократно повышающей значение каждого слова».³³⁷

Риторическая техника Сталина не раз была объектом внимания исследователей, но всегда дискуссионным оставался вопрос о том, импровизированными или заранее обдуманными являлись его ораторские приемы. Начиная с середины 1920-х годов Сталин выступал особенно часто и многословно, но для того,

---

³³⁷ Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 23.

чтобы рельефнее представить генезис его ораторской риторики, необходимо обратиться к его творчеству более ранних лет.

Публичным оратором на русской политической сцене он стал именно в 1917 г. Оратором он был не очень удачливым и заметно проигрывал таким своим соратникам, как Ленин, Троцкий, Луначарский, Зиновьев и Коллонтай. Его редкие выступления на партийных съездах и конференциях в 1907—1912-х гг. едва ли могли стать для него лабораторией выработки ораторских приемов. Среди их делегатов он обычно находился в тени. Там были свои корифеи, а Сталин не принадлежал тогда к числу вождей партии, чье положение неизбежно заставляло их быть в пекле политических схваток, оттачивать свое полемическое мастерство, быстро и ядовито реагировать на враждебные реплики. Сталину трудно было стать в те годы хорошим оратором еще и потому, что он должен был параллельно овладеть азами не только революционного, но и обычного нормативного русского языка. Добавим, что даже позднее его словарь был более беден, нежели словарь других «вождей». Плохим знанием русской лексики и грамматики вообще объясняли многие из оплошностей его русскоязычных lamentаций. Отрицать этого полностью нельзя. Читая речи Сталина, чувствуешь, что он явно не слышит интонацию и подтекст не родного для него языка. Он часто пользуется просторечиями и это внимание к вульгаризированному словарю отчасти может указывать на его недостаточное знакомство с русской литературой — и классической, и современной. М. Вайскопф в своем исследовании о «писателе Сталине» вообще считает, ссылаясь на лингвистов, что его русская речь скорее подчиняется нормам грузинской грамматики.

«Примиренческая» позиция Сталина и в партийных дразгах, и в принципиальных политических вопросах в 1917 г. не позволила ему в должной степени придать остроту, наступательность и казуистичность своей риторике, а более хорошей школы для воспитания оратора, чем полемика, все-таки найти было трудно. Для «примиренческого» языка бедность лексики естественна — но она была явным недостатком для языка борьбы с искушенными в идеологических тонкостях оппонентами, для полемических ходов, имевших цель сильнее уязвить соперника. Гражданская война 1918—1920-х гг. также была не лучшим временем для приобретения им ораторских навыков. Он обычно имел дело не с рабочими заводов, которых надо было убеждать (и долго учиться

это делать), а с чиновниками и солдатами, которым можно было приказывать. Он и действует не прямо, а нередко (как в случае в Ворошиловым, выступавшим в 1919 г. от имени «военной оппозиции») через подставных лиц, позволяя им формулировать разделявшиеся им взгляды. Он учился тогда не ораторскому ремеслу, а мастерству закулисных игр — немногословность здесь была важнее, чем красноречие. Его речи 1918 г. необычайно бедны и по содержанию и по стилистической отделке по сравнению с выступлениями более поздних лет, хотя и их зачастую трудно было назвать ораторскими шедеврами. Его выступления были редкими во время дискуссии с оппозиционной группой «левых коммунистов» в 1918 г. и «рабочей оппозиции» в 1921 г. Собственно, первую серьезную заявку на то, чтобы быть одним из ведущих ораторов партии, Сталин сделал в 1923 г., во время агонии Ленина. В это время он стал реально претендовать на роль одного из руководителей партии, а ораторское мастерство числилось среди обязательных атрибутов вождя. Надо было заявить о себе как о лидере, а здесь не обойтись одной лишь передовой статьей с ее поблекшими от частого употребления клише. Его лекции об основах ленинизма и речи о Ленине в 1924 г. содержали ряд приемов, которые не были столь отчетливо выявлены в предыдущие годы. Первый из них — это системность и директивность речей. Последние определялись многоплановым характером ленинской ортодоксии (включавшей экономические, политические, идеологические и даже философские вопросы), изложением которой Сталин утверждал свою роль теоретика партии.

Системность отчетливо влияет на стиль выступлений, придавая им торжественный и величавый ритм и сокращая число полемических упражнений. Истина постулируется безапелляционно. Отчасти это диктовалось особым положением Сталина в партийном руководстве в середине 1920-х годов. Его труды постепенно приобретали сакральность и, следовательно, директивность и потому обязаны были быть далеки от фельетонности и журналистской развязности. Другая особенность развития ораторской техники Сталина — повышение эмоциональности его выступлений. Пафос и приподнятость сталинских речей в 1924 г. были во многом сформированы традицией эмоциональных откликов на смерть Ленина с присущей им фиксацией прежде всего «человеческих» характеристик покойного «вождя». Сентиментальные ноты проскальзывали в траурных выступле-

ниях почти всех соратников Ленина и ограничиться на этом фоне лишь суховатой констатацией только его политических заслуг было бы очевидным проявлением черствости и безразличия. Для Сталина все эти близкие к выкрикам фразы о «горном орле», усиливавший воздействие на слушателя нескончаемый рефрен «товарищ Ленин завещал нам» станут хорошей школой обучения патетике, вполне сдержанной и скупой, но обладающей значительным эмоциональным потенциалом.

Сталин часто называл своим наставником Ленина, но существенные различия между их ораторскими приемами были очевидны. Сталинская риторика была менее импровизированной, и ее тропы представляли скорее окаменевшие каркасы, которые со временем порой отшлифовывались до лоска, но не меняли своих контуров. Сталин даже не пытался подстроить свою речь под простонародный язык, чем, например, занимался Ленин в своем малоудачном стилистическом эксперименте — брошюре «К деревенской бедноте». У Сталина таких экспериментов нет, да, пожалуй, они были бы для него трудны, учитывая уровень его общей (не только речевой) культуры. Стилизация — это артистическое действие, а откуда раскованные словесные клоунады могли возникнуть у того, кому на первых порах было присуще старательное, крайне осторожное заучивание прописей примитивного словаря.

В выступлениях Ленина есть одна особенность, к которой стоит присмотреться внимательней. В его хлестких, презрительных, нередко доходящих до цинизма разоблачениях мифов «буржуазного общества» происходит замена одних мифов другими, более претендующими на «научность», но основанных на упрощенно систематизированной и потерявшей диалектическую гибкость марксистской мысли, догматизм которой удивил бы и Маркса. Ленин иногда верно и точно подмечал шаткость тех или иных идеологических конструкций. Яростно срывая «все и всяческие маски» (его собственное выражение из статьи о Толстом), он, однако, водворял на место сорванной маски другую маску. «Деконструкция» чужой лжи, как ни парадоксально, проходила для него бесследно, хотя ее инструментарием он владел превосходно. У Сталина нет и этой, хотя и часто грубой, ленинской полемичности.

Даже в жестких нападках его на оппозицию редко звучит ядовитая насмешка. И здесь, где уместнее всего было бы встре-

тить всплеск эмоций, многое отмечено холодной монументальностью и какой-то нарочитой торжественностью изрекаемых сентенций. Возникает ощущение, что на поприще оратора он идет словно на ощупь, опасаясь лишний раз употребить «неправильное», хотя и удачное выражение. Его речь порой излишне бедна и банальна, — но она нормативна, а это надежнее, и есть уверенность в том, что не споткнешься в ораторских импровизациях и не станешь предметом насмешек оппозиции. У Ленина логика речей замутнена огромным количеством отклонений от основной темы выступления, мелкими деталями и слишком долгим перечислением аргументов, которые при ближайшем рассмотрении таковыми не являлись. У Сталина логика речей простая и незамысловатая, а его аргументы немногочисленны — в них слушатель точно не запутается. У Ленина в каждый из временных промежутков есть некая постоянная доминанта в интерпретационной цепочке. В 1918 г., например, он очень часто для оправдания Брестского договора указывал на Тильзитское соглашение и, призывая к компромиссам, нередко ссылаясь даже на собственный опыт (ограбление на дороге), правда, не признаваясь в том, что он являлся одним из участников инцидента. У Сталина доминанты были иными. Раз использованный им довод уточняется, отшлифовывается, но почти не меняется. Он, к тому же, нередко имеет универсальный характер. Его можно использовать и для оправдания индустриализации и коллективизации, и для объяснения репрессий, и для мотивации успехов Советской власти.

Отметим и приемы упрощения у Ленина и Сталина. Стремление Ленина к примитивности аргументов и интерпретаций событий было определено не только тем, что он хотел сделать свою мысль доступнее. Его часто занимало другое — он хотел лишить своих противников словесной «брони», обнажив их, разоблачить лживость их постулатов. Он, поэтому, сложные хитросплетения казуистических доводов переводит на другой язык — простой, прозрачный, не дающий возможность замаскировать корыстные замыслы употреблявших его людей. Это оказывалось для Ленина эффективным средством — упрощая, ему легче было полемизировать со своими оппонентами, высмеивать и утрировать их, искажая их позицию.

Сталинские приемы упрощения имели несколько иную природу. Легче всего было бы приписать их происхождение

ограниченности культурного и языкового кругозора Сталина, но это вызывает существенные оговорки. Сокращение сталинского словаря явно искусственное. Сталин, если оценивать хотя бы его конфиденциальные письма к соратникам, мог выражаться и ярче, и афористичнее, и менее монотонно. В его публичных речах этого нет — тем самым им придается должная монументальность. Не бойкая речь фельетониста, расцвечивающего свои рассказы десятком прибауток и анекдотов, а тяжеловесные, торжественные изречения, в своей эпической простоте годные только для заучивания, а не для приглашения к дискуссиям — таково содержание сталинского языкового проекта, который осущестлялся с редкой последовательностью.

Не случайным является и время возникновения сталинского ораторского канона — 1930-е годы. Тогда не нужно было откликаться на выпады оппозиции и подробно цитировать ее высказывания — оппозиции не было. Тогда не было необходимости уснащать свою речь обилием доходчивых и убедительных примеров — никто бы не посмел публично усомниться в правоте вождя. Тогда требовалось заботиться о том, чтобы речи, ввиду положения их автора и его непререкаемого авторитета, служили основой для разветвленной системы идеологического воздействия на массы, ядром программ обучения в советско-партийных школах. Фельетонный стиль при этом был неуместен: не на анекдотах же воспитывать «нового человека».

Попробуем рассмотреть основные элементы сталинского ораторского канона. Нельзя сказать, чтобы речь Сталина была искусно построена, несмотря на его тяготение к предельной простоте и системности. Он мог отягощать свои выступления бесконечным перечислением различных цифр — достаточно, например, указать на его доклады на XVI и XVII съездах Всесоюзной коммунистической партии. Подчеркнем при этом, что приводились не только цифры, которые позволяли иллюстрировать успехи пятилеток. Это противоречило всем риторическим нормам, утомляло слушателей, нарушало целостность речи, не имело очевидных идеологических выигрышей — и все-таки данным приемом он пользовался с завидным постоянством. Недостатки этого «цифрового» фетишизма отчасти компенсируются скрытой энергией речи, созданной многочисленными повторами одних и тех же фраз, тезисов, постулатов.

Повторы часто связывали с катехизисной гимнастикой ума, усвоенной Сталиным еще в юности. Но манера Сталина не просто имитировала форму кратких вопросов и ответов. Она доводила этот прием до крайностей, аналоги которым подбирать весьма трудно. Речи Сталина нередко строились в виде ответов на вопросы. Вопросы при этом отличались особой простотой, лаконичностью и сжатостью, а ответы — исключительной краткостью при крайней скудости словаря. О бедности языковых средств Сталина мы говорили выше. Подчеркнем связанную с этим одну особенность его речей. Он очень редко использовал синонимы, а если это и происходило, то они перечислялись в связке с друг с другом, а не заменялись один другим. Его антонимы еще более бедны. Противоположные по смыслу слова обычно оформляются посредством приставки «не», например: агрессивные — неагрессивные; он, однако, не прибегает в этом случае к антониму «миролюбивые».

Примеры катехизисных конструкций можно обнаружить во многих речах Сталина, но ограничимся лишь одной из них — его речью на объединенном пленуме Центрального комитета и Центральной Контрольной комиссии ВКП(б) 7 января 1933 г. «Итоги первой пятилетки»,³³⁸ той самой, которую Анри Барбюс назвал литературным шедевром. Можно иронизировать по этому поводу, считая мнение Барбюса следствием его экзальтации и ангажированности, но нельзя не признать, что именно эта речь Сталина является энциклопедией его ораторской техники. Приведем один из примеров цепочки сталинских катехизисных упражнений: «Знала ли об этом партия и отдавала ли себе в этом отчет? Да, знала. И не только знала, но и заявляла об этом во всеуслышание. Партия знала, каким путем была построена тяжелая индустрия Англии, Германии, Америки. Она знала, что тяжелая индустрия была построена в этих странах либо при помощи крупных займов, либо путем ограбления других стран, либо же и тем, и другим путем одновременно».³³⁹ Здесь нет «равновесия» вопросов и ответов. Краткая формулировка вопроса, не имеющего оценочного характера, почти «нейтрального» и не уводящего в сторону многословными ответвлениями, здесь нужна для того, чтобы быстрее привлечь внимание к

³³⁸ *Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Издание десятое. М., 1934. С. 478—512.*

³³⁹ Там же. С. 487.

ответу содержательному, полновесному, четко расставляющему идеологические приоритеты и не допускающему сомнений. Вопрос не должен был быть громоздким, ему надлежало быть предельно ясным, для того чтобы последующие части катехизиса усваивались более целенаправленно, в соответствии с заданным вопросом алгоритмом. Для этой же цели требовалось прочнее удержать его в сознании слушателей, и, может быть, именно этим было вызвано усиление вопроса посредством повторений: «знала» и «отдавала себе отчет» — понятия в данном контексте равнозначные.

Теперь обратим внимание на то, как строится ответ. Сначала мы встречаем краткое утвердительное предложение. Затем оно повторяется, но имеет более развернутый вид. Оговорка «заявляла об этом во всеуслышание» должна была с особенной силой подтвердить то, что «партия знала». Этого аргумента (сформулированного безапелляционно и неконкретно) оказывается достаточно. Других попыток подтвердить правоту своего постулата Сталин не делает. Такой канвы он придерживается и в дальнейших вариациях на данную тему, расширяя еще и еще раз грани того, о чем «партия знала», но и намеком не говоря о том, как ей стало об этом известно. Лишние рассуждения и оправдания могли только ослабить концентрацию внимания слушателей: вместо того чтобы просто воспринимать эти доводы, не сомневаясь в их истинности, они запутались бы в витиеватых цепочках доказательств. Трудно сказать, насколько оратор обдуманно пользовался данным приемом, но отчетливо видно, что не то что путаницы, но и вообще какой-либо усложненности в постулатах, «дополняющих» ответ, он не допускал. Он мог, конечно, убрать эти повторы, нескончаемый рефрен клише — утверждений «партия знала», но он поступил по-другому. В его пропагандистских опытах, однако, слишком уж велика концентрация различных риторических техник, чтобы признать его приемы случайными и импровизированными. Примененная им схема построения речи такова: тезис — развитие тезиса, но не слишком подробное, чтобы не дать возможности утратить его смысл — внимание на каком-либо аспекте тезиса, но не слишком пристальное, чтобы не нарушить целостность его восприятия, — давала возможность лучше манипулировать сознанием слушателей.

Наиболее впечатляющими являются у Сталина повторы смысловых конструкций — при почти полном совпадении как

утвердительных, так и вопросительных предложений. В этом отношении его выступление на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. является поистине классическим: «Победила политика индустриализации страны. Ее результаты для всех теперь очевидны. Что можно возразить против этого факта?

Победила политика ликвидации кулачества и сплошной коллективизации. Ее результаты также очевидны для всех. Что можно возразить против этого факта?

Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране — вполне возможна. Что можно возразить против этого факта?».³⁴⁰

Следует привести и еще один пример — повторы в следующих абзацах речи: «Значит ли это, однако, что борьба кончена, и дальнейшее наступление социализма отпадает, как излишняя вещь? Нет, не значит.

Значит ли это, что у нас все обстоит в партии благополучно, никаких уклонов не будет в ней больше и — стало быть — можно теперь почивать на лаврах? Нет, не значит».³⁴¹

Неизбежным следствием этой механики максимального сжатия лексических средств становится повторение даже не отдельных лексических конструкций, а целых предложений — как буквальное, так и смысловое. И здесь вновь обратимся к речи Сталина на XVII съезде ВКП(б): «После того, как дана правильная линия, после того, как дано правильное решение вопроса [то же самое, что «правильная линия». — С. Я.], успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение в жизнь линии партии, от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов [в сущности то же самое, что «организационная работа». — С. Я.]. Без этого правильная линия и правильные решения [то же самое, что «правильная линия». — С. Я.] рискуют потерпеть серьезный ущерб. Более того: после того, как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все [ср. с первым предложением: «После того, как дана правильная линия... успех дела зависит от организационной работы». — С. Я.], в том числе и судьбу самой политической линии — ее выполнение или провал».³⁴²

---

³⁴⁰ Там же. С. 579.

³⁴¹ Там же.

³⁴² Там же. С. 589—590.

Этот прочный словесный рисунок, донельзя упрощенный, ничем не разорвать. Предельно абстрактные формулировки трудно оспорить именно потому, что их расплывчатость исключает самую возможность несхоластического спора (схоластический как раз был возможен, вопрос лишь в том, способны ли были его вести не очень образованные слушатели). Раз высказанная мысль при помощи перестановки слов и словосочетаний, энергичных и настойчивых их повторений вбивается как гвоздь в сознание людей. Многословие обычно мешает оратору. Многословие зрудита, отягощенного выбором различных тактических ходов и богатством вариантов ответа, который под напором неожиданно возникающих культурных, идеологических и политических ассоциаций путается сам и путает других, — это одно. Многословие Сталина особенное — *оно почти лишено слов*. Так легче говорить и самому оратору. Так легче слушать и тем, кто внимает ему.

Повторы в речах Сталина тесно связаны с применявшимся им четким, тезисным дроблением постулатов: «во-первых», «во-вторых» «в-третьих». В ряде случаев эта специфическая цифровая пунктуация отсутствует, но членение текста выделяется композиционно и интонационно посредством использования одинаковых вводных слов в абзацах, следующих один за другим, например: «основная задача пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР... в страну индустриальную», «основная задача пятилетки состояла в том, чтобы... вытеснить до конца капиталистические элементы», «основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом», «основная задача пятилетки состояла в том, чтобы перенести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства».³⁴³ При этом разные тезисы могут оказаться близкими по содержанию, либо просто детализировать предыдущий тезис — но этим и достигалось нужное оратору усиление акцента на каком-либо из декларируемых постулатов. Происходит своеобразная схематизация мысли через схематизацию аргументов и частных примеров, подтверждающих правоту главного вывода, через схематизацию причин и последствий. В этой расчленяющей все и вся схеме и оказывается единственно уместной краткость предложения. Чтобы усилить воздействие краткого вступления,

---

³⁴³ Там же. С. 485.

сосредоточить внимание слушателей на излагаемых далее постулатах. Сталин иногда просто повторяет одну и ту же мысль, придавая ей, правда, в каждом последующем предложении несколько иное оформление: «Перейдем к вопросу о пятилетнем плане по существу. Что такое пятилетний план? В чем состояла задача пятилетнего плана?»³⁴⁴

Изучая порядок построения сталинской речи, замечаешь одну особенность. Сначала Сталин высказывает свою мысль, употребляя длинное предложение. Затем в других, соседних предложениях он чуть подробнее ее разъясняет и детализирует, и вот эти-то предложения последовательно становятся все более короткими, концентрацией слов усиливая воздействие основной идеи оратора: «Поэтому единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж».³⁴⁵ Достигнув своей цели, Сталин вновь использует длинное предложение — подобно опытному чтецу, который для поддержания внимания аудитории то говорит шепотом, то повышает голос.

Краткость предложений усиливается и тем, что почти в каждом из них содержатся те же слова и идиомы, которые имеются в предыдущем предложении. Сталин лишь изредка переставляет их, чередует, но в целом набор их крайне беден: «Ленинцы опираются на бедноту, когда есть капиталистические элементы и есть беднота, которую эксплуатируют капиталисты. Но когда капиталистические элементы разгромлены, а беднота освобождена от эксплуатации, задача ленинцев состоит не в том, чтобы закрепить и сохранить бедность и бедноту, предпосылки существования которых... уничтожены, а в том, чтобы уничтожить бедность и поднять бедноту до зажиточной жизни».³⁴⁶ Ленинцы, капиталистические элементы, беднота, эксплуатация, уничтожение — это опорные, осевые слова в данных предложениях, варьируемых на разные лады. К каждому из них можно подобрать не один синоним, но их Сталин избегает педантично и, надо особо отметить, изобретательно. В этом движении к упрощению лексических средств нарушается даже нормативная стилисти-

---

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Там же. С. 507.

³⁴⁶ Там же. С. 586.

ка русского языка; Сталина, во всяком случае, не коробит словосочетание «зажиточная жизнь». Он редко меняет присущие ему устойчивые клише: «кризис и безработица», «пятилетка в четыре года», «хорошо поставленная проверка исполнения» — только так и не иначе. Синонимы у него чаще всего возникают только как средство усиления какого-либо утверждения. В этом случае они, как правило, соседствуют друг с другом: «пакостить и вредить», «путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов».³⁴⁷ Подобные слова («воровство и хищение») он делает основой одного из самых впечатляющих абзацев речи «Итоги первой пятилетки» — непревзойденного образца знаменитых опытов в жанре прозаических рондо: «Главное в “деятельности” этих людей состоит в том, что они организуют массовое воровство и хищение государственного имущества, кооперативного имущества, колхозной собственности. Воровство и хищение на фабриках и заводах, воровство и хищение железнодорожных грузов, воровство и хищение в складах и торговых предприятиях — особенно воровство и хищение в совхозах — такова основная форма “деятельности” этих бывших людей».³⁴⁸ Здесь, как видим, все построено на повторении как отдельных слов, так и целых смысловых конструкций.

Не раз обращалось внимание на то, что Сталин редко использовал литературные цитаты. Они к тому же часто выглядели как неумелые вкрапления, чуждые словесной ткани текста. Сама манера цитирования отчетливее всего выделяет его как эпигона социал-демократической публицистики. В его работах встречаются те же литературные образы, почерпнутые из русской классической литературы, обычно обличительные, которые типичны для социалистических пропагандистов. Они только представлены более грубо, без полемической изобретательности, гораздо более скупо и с характерными неточностями, словно он получил их из вторых или даже третьих рук. Саркастический язык, построенный на игре слов, неожиданных каламбурах и эффектных аллитерациях, ему чужд. У него нет языковой чуткости Троцкого, сочетавшего «волокиту» с «волисполкомом». Для выразительности ему проще употребить обычные ругательства, причем заметно, что он предпочитает из них не столько политические, сколько «житейские», бытовые, более понятные

---

³⁴⁷ Там же. С. 507, 580.

³⁴⁸ Там же. С. 507—508.

слушателям: «болтун», «трус». Стилистика языка — пожалуй, самое уязвимое место в выступлениях Сталина. Им присущи канцеляризмы и просторечия, в них не раз используется косноязычная советская бюрократическая речь. М. Вайскопф испещряет буквально целые страницы своей книги анекдотическими образцами сталинского красноречия. Приведем ряд примеров, обратившись к «Итогам первой пятилетки»: «беднота прет вверх к зажиточной жизни», «перевести мелкое хозяйство на рельсы крупного хозяйства», «вытянуть основные звенья плана», «основное звено пятилетнего плана состояло в тяжелой промышленности», «имеем указания Ленина и на этот предмет», «в смысле производства электрической энергии», «бледнеют масштабы и размеры», «разбросавшись по лицу всего СССР», «сознание людей отстает от фактического их положения».³⁴⁹ Такой же стиль присущ его докладу на XVII съезде ВКП(б): «обезличка в работе», «куча задач», «телячий восторг», «подгонять работу к требованиям политической линии»,³⁵⁰ и, наконец, подлинный перл: «дальнейшее наступление социализма отпадает как излишняя вещь».³⁵¹ Последняя фраза является типичным для сталинской речи примером неточной метафоры — и таких примеров немало. Сталин знает наиболее употребительные обиходные выражения и расхожие и устойчивые политические клише. Но ему редко удастся без натяжки так их сочетать, чтобы они стали естественной и необходимой частью метафор и сравнений. Едва ли Сталину требовалось особое усилие для того, чтобы нарочито вульгаризировать свой язык. Не удастся так точно пародировать советский словарь, с присущим ему смешением разговорной речи и бюрократических штампов тому, кто сам не живет в стихии этого языка, кто не говорит на нем и не мыслит его категориями. Сталину подделываться не надо: на таком языке он говорит всегда и везде. Этот язык для него естествен, и он не пытается его выправить даже тогда, когда это стало бы выгрышным ходом, поскольку его лингвистические импровизации были предметом насмешек оппозиции. К слову сказать, позднее эта привычка к употреблению вульгаризмов чуть не сыграла со Сталиным злую шутку. Готовя к печати в 1945 г. свою знаменитую речь о русском народе, он в числе его достоинств отметил и

---

³⁴⁹ Там же. С. 485, 486, 487, 489, 490, 507, 508.

³⁵⁰ Там же. С. 591, 595.

³⁵¹ Там же. С. 597.

«крепкую спину» — правда, затем исключив эту сомнительную характеристику из окончательной редакции текста.³⁵²

Нельзя не отметить своеобразную системность и «равновесие» различных ораторских приемов Сталина. Простота риторики его речи вполне гармонировала с простотой и незамысловатостью оформленных ею положений, которые подкреплялись простыми, очевидными, внешне логичными и апеллирующими к здравому смыслу аргументами. Чем меньше аргументов, тем лучше — они будут звучать четче и в них не запутается слушатель. Чем очевиднее аргументы, тем быстрее сказывается эффект воздействия; чем проще аргументы, тем лучше они могут быть заучены. Можно спорить о том, так ли уж тщательно просчитывал Сталин последствия применяемой им ораторской техники, но несомненно, что сама эта техника шлифовалась им последовательно и целенаправленно. М. Вайскопф заметил, что «с годами, по мере укрепления его власти, сопряженной с все более капитальным погружением в русскую языковую среду, идиолект Сталина не расширяется, а неуклонно беднеет».³⁵³ Как ни парадоксально, но именно обеднение словаря Сталина придало его речам монументальность и торжественность, сделало их не тем, над чем стоило размышлять, а тем, что не подлежит сомнению.

Укрепляя свою диктатуру и избавляясь от соперников, становясь не одним из многих, а единственным, Сталин неизбежно должен был менять и стилистику своих речей. Они приобретали директивный характер, а язык директив не мог быть цветистым, многословным, призывающим к соисканию истины, вопрошающим, плюралистичным и толерантным. Он обязан был быть кратким, четким, ясным, не терпящим двусмысленностей, безапелляционным. Такова природа метаморфоз сталинского языка — от спокойной, уравновешенной манеры его ранней книги «Марксизм и национальный вопрос», близкой к обычной социал-демократической публицистике, и блеклой, умеренной риторике статей 1917–1918 гг. до языка «тоталитарного», исключительного по простоте и прозрачности, догматического и не допускающего никаких сомнений и прекословий, хорошо приспособленного для заучивания и скандирования вследствие его «лозунговой» лексики.

³⁵² Невежин В. А. Застольные речи Сталина. М.—СПб., 2003. С. 470.

³⁵³ Вайскопф М. Писатель Сталин. С. 35.

Особого разговора заслуживают системы аргументации, призванные обеспечить обоснованность выдвигаемых Сталиным положений. Во-первых, они были внешне логичны, что облегчало их усваивание. Обнаружить их внутреннюю противоречивость и квазилогичность способен был только убежденный скептик, обладающий к тому же недюжинным кругозором и талантом «деконструктора». Таковых оставалось к этому времени немного, а массы довольствовались видимостью железной логики сталинских концептов. Во-вторых, Сталин стремился сделать свои тезисы доступными для понимания разных, в том числе и малограмотных людей. Он, наверное, мог бы предложить и более сложную и разветвленную мотивационную цепочку для доказательства своих постулатов, но он этого не делает и очевидно не случайно. Лишние аргументы только запутают слушателей — а провоцировать их на то, чтобы нарушить коллективный речитатив участников тысяч собраний, единогласно одобрявших решения партии, и дать им возможность сравнить разные точки зрения, вряд ли являлось целью Сталина. В-третьих, многие выдвигаемые Сталиным положения отличались своеобразной красочностью и образностью, что достигалось посредством поясняющих их житейских примеров и бытовых сценок. Примечательно, что Сталин охотнее пользуется именно таким материалом, а не образцами, почерпнутыми из классической и современной литературы.

Приводимые им примеры столь просты и очевидны, что с ними трудно не согласиться и лишь позднее, при внимательном их изучении можно догадаться о том, что при всех своих достоинствах они мало объясняют суть дела. Многие его постулаты так безупречно логичны, что их зачастую ничем не оспорить — разве что отметить поверхность этой чисто «внешней» логики. Вот образец такой логики в его докладе на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.): после расстрела «троцкистско-бухаринских извергов» за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных» голосовало больше избирателей, чем до него. Попробуйте опровергнуть этот факт. И не обращается внимание на то, при каких условиях происходит это голосование. И не говорится, для чего нужна cabina для тайного голосования, если в избирательном бюллетене имеется фамилия только одного депутата: для чего же заходить в эту кабину, как не для того, чтобы у всех на виду ее вычеркнуть.

Необходимо особо остановиться на военных речах Сталина. Война, ставшая символом горя, страдания, испытанные в ходе боевых действий солдатами и мирным населением, голод, гибель близких, уничтожение беззащитных женщин, стариков и детей — все это, казалось, должно было придать сталинскому ораторскому канону особую эмоциональность. В нем, однако, почти ничего не меняется. Исключение, и пожалуй, самое яркое — его речь по радио 3 июля 1941 г. В самом начале ее содержались обращения «братья и сестры» и «друзья мои» — так Сталин никогда не говорил ни ранее, на позднее. Об источниках такого необычного обращения есть разные мнения. Наиболее популярное из объяснений — указание на то, что Сталин почерпнул эти фразы из пьесы М. Булгакова «Дни Турбиных», постановку которой он много раз видел на сцене Московского художественного театра. Но даже и это эмоциональное обращение перемежалось с канцелярским «Товарищи! Граждане». Рискнув проявить некую сердечность, он не смог до конца выдержать усвоенного им тона. Не исключено, впрочем, что об эмоциональном воздействии этой речи Сталин заботился намного меньше, чем это принято считать. Одна из последующих речей Сталина, произнесенная им на параде Красной Армии в Москве 7 ноября 1941 г., несколько проливает свет на происхождение столь необычной фразы. В числе адресатов этой речи — «братья и сестры в тылу нашего врага». Вполне возможно, что Сталин испытывал трудности по поводу того, как именовать людей, оказавшихся на оккупированной территории. Назвать их по привычке колхозниками или рабочими, очевидно, было неловко: тем самым как бы признавалось, что они сотрудничают с врагом и продолжают заниматься тем же делом, что и раньше.

В целом речь 3 июня 1941 г., несмотря на ее эмоциональный зачин и программность, весьма близка к монументальным докладам 1930-х годов с их холодным пафосом, скудостью лексических средств и тривиальностью прямолинейной логики. В других речах Сталина, наиболее программными из которых являлись его выступления на торжественных заседаниях по поводу годовщин Октябрьской революции, патетичные ноты и вовсе приглушены. Очень мало и саркастических упражнений, которые бы естественно выглядели в тех фрагментах его выступлений, где обличаются идеология и практика врага. Как это ни парадок-

сально, но героические страницы войны, подвиги летчиков, моряков, пехотинцев, партизан в их конкретных деталях — все то, что посредством агитации стало мощным средством мобилизации страны для отпора немцам, — почти не получили отражения в речах Сталина. Говоря в них о победах, он быстро переходит к инвентарному перечислению военных операций и их итогов, никогда не останавливаясь на их отдельных ярких эпизодах и не называя имен тех, кто в них отличился. Более подробно он откликался на различные события войны только в приказах Верховного главнокомандующего. Здесь действительно приводятся сотни имен, но их список очень похож на канцелярскую опись. О конкретном вкладе в победу каждого из отмеченных в приказе воинов ничего не сказано. Сами эти приказы весьма кратки и в целом написаны по единому стандарту.

Специфическое «спокойствие» речей Сталина отчетливо выявляется на фоне советской военной публицистики. Сравнивать по силе эмоционального накала работы ее корифеев — А. Толстого, О. Берггольц, Н. Тихонова, В. Вишневского — с выступлениями Сталина никак нельзя. Вместо крика — ровные, спокойные фразы, вместо ярких образов — стершиеся риторические штампы. Могут возразить, что речи Сталина — это не публицистика, а изложение позиции государственного деятеля. Примечательно, однако, что официальные заявления Советского правительства (в частности, по поводу истребления русских военнопленных, оказывались намного сильнее и взволнованнее, чем посвященные этому абзацы речей Сталина. Даже одна из последних речей Сталина периода Второй мировой войны — его знаменитое выступление на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г., где он сказал о вкладе русского народа в дело победы над врагом — стройность, ясность и афористичность получила только после весьма тщательной авторской правки.

Речи Сталина в послевоенное время были крайне редки и нельзя не отметить в них одну особенность. Начался разрушаться их прочный схематичный каркас и они чаще стали подходить к плохо контролируемый поток сознания. Отдельные блоки сталинских речей по-прежнему отличались примитивной логичностью, но переход от одного блока к другому в ряде случаев не выглядел обоснованным. Последняя из произнесенных Сталиным публичных речей — на XIX съезде КПСС в 1952 г. —

характерный образец деконструкции его ораторской техники. Он считал возможным коснуться лишь международных вопросов — и одно это выглядело несколько странным, учитывая, что на съезде главное внимание обращалось на внутривластные задачи. Но речь Сталина 1952 г. примечательна не только этим. Ее вообще отличает какая-то хаотичность — отдельные тезисы не развиваются и происходит торопливый переход к другим, знаменитое сталинское пунктуационное членение причин тех или иных событий («во-первых», «во-вторых») употребляется лишь один раз и тоже оборвано, причинно-следственные связи между различными частями речи не кажутся убедительными.

Отчетливо проявляется и то, что в различной мере давало о себе знать и предыдущие годы — идеологические импровизации, весьма далекие от марксистских канонов. Сталин порой позволял себе говорить то, что с ортодоксальной точки зрения могло быть оценено как откровенная ересь. Его реплика во время встречи с Риббентропом о том, что он знает, как германский народ хорошо относится к Гитлеру, может быть являлась такой недвусмысленной потому, что она не предназначалась широкой аудитории. Но его замечания в беседе с американским общественным деятелем в 1946 г. об одобрении политики правительства США американским народом были опубликованы в советских газетах. В речи на XIX съезде КПСС мы встречаем все те же неординарные идеологические пассажи о том, что буржуазия боролась за демократию, о том, что коммунисты должны продолжить ее дело, невзирая на отказ буржуазии защищать демократические права. Возможно, здесь сказалось и не очень пристальное внимание Сталина к оттенкам формулировок. Эти идеологические казусы, однако, становясь более частыми, в какой-то мере символизировали распад сталинской риторической системы, в которой форма и содержание были соединены особенно прочно. Анализируя речи Сталина, мы можем выявить три этапа его ораторской техники: 1) формирование оратора, происходящее параллельно с изучением им азов русского языка; 2) оформление ораторского канона, в котором происходит нарочитое обеднение присущего Сталину словаря для того, чтобы увеличить силу воздействия и придать директивность его речам; 3) медленный и не всегда последовательный распад ораторского канона, нарастание сумбура и хаотичности (и содержательной, и композиционной) его выступлений.

И. А. БУНИН. ОКАЯННЫЕ ДНИ

Есть нечто общее между описанием революции в «Окаянных днях» и ее отражением в «Двенадцати» Александра Блока — поэта, которого Бунин искренне ненавидел. И перед Блоком и перед Буниным революция предстала прежде всего как хаотичный водоворот — криков, жалоб, слухов, покаяний, разоблачений, — водоворот, захлестнувший человека, вовлекший его, вопреки желанию, в пучину хаоса и душевной смуты. Из этого хаоса ему уже суждено было выйти иным: обновленным — по Блоку, умудренным — по Бунину, но одинаково непохожим на «человека ветхого». Пестрота художественных приемов «Окаянных дней» и «Двенадцати» очень хорошо выявляет эту хаотичность: романс сменяется частушкой, революционный марш — элегией, «сухая» цитата их газет — беллетризованными «живыми картинками», публицистическая статья — философскими раздумьями. В этой стилевой разноголосице и преломилась своеобразная «разорванность» существования человека в революции: потеря им прежних ориентиров, крушение старых идеалов и обретение идеалов новых, отказ от мира и интерес к миру. Человек ищет — но его путь труден и неизведан, он объят прошлым, но думает о будущем, он пытается понять свое время, а «кто умножает познание, тот умножает скорбь». В этой паутине сомнений и раздумий, ежедневно менявшихся настроений, в напластованиях разноречивых мыслей и чувств и начиналась новая жизнь, представшая перед Блоком и Буниным.

Стало обычным говорить о беспристрастности, «полифоничности» Блока, призывавшего «слушать музыку революции», и пристрастности Бунина, революцию проклявшего. Бунин и сам признавал, что он не мог оставаться сторонним наблюдателем, но он и оправдывал себя. «Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно» — это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей

беспристрастности все равно никогда не будет. А главное — наша “беспристрастность” будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна “страсть” только “революционного народа”? “А мы-то что же не люди, что ли”», ³⁵⁴ — читаем в одной из февральских записей 1918 г. Пристрастность очевидца для него не менее важна, чем нарочитая сдержанность нейтрального регистратора происшествий. Ненавидящий видит яснее любящего — не случайно на эту мысль обратил внимание в своем дневнике Бунин. Нам по особому передается тревога революции, отчаяние ее жертв, непримиримость ее участников, жестокость ее проявлений — то, что было так заглушено шумом литавр в революционных одах. Оценки и исторические экскурсы Бунина удивляют своей упрощенностью и в чем-то даже примитивностью — достаточно только узнать, что он говорит о причинах Февральской революции. Но так ему легче выразить свои чувства, облечь их в сентенции и афоризмы, высказать протест — а разве протест совместим с многословным, оправдывающих себя и других, и правых и виноватых, всепрощающим, подробным исследованием истоков революции. Бунин стремится как можно точнее передать не столько свои наблюдения, сколько свои ощущения. Он кричит, а для крика непривычна рассудительная многословность, крик — краток и громок. Бунин — не историк революции, он ее жертва, но здесь он выступает и как ее пророк, он «отчасти знает и отчасти пророчествует». И в этом пророчестве есть нечто, сближавшее его с Достоевским. «Да — сказала она с мукой. Нет — возразил он с содроганием», — так иронично Бунин определял, по воспоминаниям Г. Адамовича, ³⁵⁵ основную формулу творчества Достоевского — но разве не повторен этот надрыв, пусть и по другому, во многих строках его книги.

«Окаянные дни» — очень своеобразный литературный памятник. Его особенности ярче проявляются при сравнении с другими дневниками, которые оставил нам Бунин, и прежде всего — с дневниковыми записями 1917–1918 гг. Последние обращают на себя внимание сжатостью, конспективностью, большой интимностью — это именно личные записи, не предназначенные для публикации. Революции посвящены многие страницы дневника 1917–1918 гг., но Бунин здесь лишь летопи-

---

³⁵⁴ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 71–72.

³⁵⁵ Адамович Г. Бунин. Воспоминания // Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. М., 1994. С.15.

сей событий, хотя и весьма субъективный. Текст очень краток, в нем многое недоговаривается, многое оборвано на полуслове, часто отмечается то, что понятно лишь автору. В отличие от «Окаянных дней», автор дневника 1917–1918 гг. почти не вглядывается в себя, не исследует себя, он замкнут, отъединен от читателя. Импрессионистичность описаний, присущая и «Окаянным дням», в дневнике 1917–1918 гг. проявляется наиболее выпукло и обнаженно. Сложный мир человеческих страстей, политических и бытовых распрей, волнующий мир природы. Все отражено фрагментарно, все, словно прожектором, лишь частично выхвачено из темноты и высвечено — то ли случайно, то ли нарочито: «На мужицких гумнах молотба, новая соломаazole тока, красный платок на бабе...».³⁵⁶

В Дневнике 1917–1918 гг. особо обращает на себя внимание описание природы. Оно столь пластично, ярко, многоцветно, что возникает ощущение, будто это черновик будущей повести: «Клены по нашему садовому ... необыкновенные. — Сказочный — желтый, прозрачные купы. Ели темнеют — выделились. Зелень непожелтевшая посерела, тоже отделяется. Вал весь засыпан желтой листвой, грязь на дороге — тоже. Ночью позавчера поразила аллея, светлая по весеннему сверху — удивительно раскрыта. Вообще — листопад, этот желтый мир непередаваем. Живешь в желтом свете. Все, весь лес необыкновенно сух, шуршит и непередаваемо прекрасный запах подожженных сушью, солнцем листьев. Блеклая трава засыпана листвой, дубовая листва коричневая на опушке — дубы все шуршат, все бронзово-коричневые».³⁵⁷ Некоторые дневниковые записи 1917–1918 гг. и являются преимущественно описанием различных ипостасей природы, в которые, словно для связности текста, изредка включается и рассказ о бытовых происшествиях.

Структура и содержание «Окаянных дней» намного сложнее и необычнее дневниковых записей 1917–1918 гг. Это и политический памфлет, и философское сочинение, и собрание цитат, и импрессионистичные «живые картины», зачастую без комментариев автора, и читательский дневник, и запись слухов, и отклик на политические события и житейские поступки. Хаотичность составных частей «Окаянных дней», однако, во многом кажущаяся. Цитаты подтверждают непосредственные

³⁵⁶ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 29.

³⁵⁷ Там же. С. 39–40.

впечатления автора, слухи упрочивают их, прочитанные книги укрепляют его антиреволюционный настрой, «живые картины» — яркая иллюстрация к прочитанному и обдуманному. Словно незримой нитью, все части «Окаянных дней» связаны между собой и подчинены одной цели — выразить протест против революции.

Политическое пропитывает все дневниковые «московские» и «одесские» записи 1918–1919 гг. Даже когда политические рассуждения прерываются какой-либо «живой картиной», явно не связанной с предыдущим текстом, то вывод, «мораль» таких полубеллетризованных описаний вновь возвращает нас к антиреволюционным филиппикам автора — хотя и не всегда прямо, зачастую через подтекст: «Наиболее верным «коммунистам» раздают без счета что попало: чай, кофе, табак, вино. Вин, однако, осталось по слухам мало, почти все выпили матросы (которым особенно нравится, как говорят, коньяк Мартель). А ведь до сих пор приходится доказывать, что эти каторжные гориллы умирают вовсе не за революцию, а за Мартель».³⁵⁸ Даже в коротких записях наблюдений, не связанных напрямую с политикой, все равно ощутима скрытая политизация текста. «Опять несет мокрым снегом. Гимназистки идут, облепленные им — красота и радость. Особенно была хороша одна — прелестные синие глаза из-за поднятой к лицу меховой муфты... Что ждет эту молодость?»³⁵⁹ — здесь запись имеет тот же оттенок, как и негодование при описании другой «бытовой» сцены: «Молодой солдат с пьяной, сытой мордой предлагал пятьдесят пудов сливочного масла и громко говорил: — Нам теперь стесняться нечего. Вон наш теперешний главнокомандующий Муралов такой же солдат, как и я, а на днях пропилил двадцать тысяч».³⁶⁰ Но и выступая как политик, Бунин продолжает оставаться художником. Его политическое кредо часто выражено через образ — и потому нередко так убедительно и бесспорно. Типичный художественный прием Бунина — передача прямой речи, позволяющая, даже при отсутствии авторских ремарок, ярко и пластично рассказать об облике современников тех лет. Возможно, в чем-то эти речи стилизованы — уж очень они красочны, «цитатны», как сказал бы О. Мандельштам. Но не упустим из виду и дру-

---

³⁵⁸ Там же. С. 157–158.

³⁵⁹ Там же. С. 73.

³⁶⁰ Там же.

гое. Бунин прежде всего обращал внимание на сумбур полуграмотной низовой речи, комичность словоупотребления, смешение политических клише и обиходных народных выражений. Ему не нужно было ничего приписывать, сочинять или приукрашивать. Для художника Бунина, так строго относившегося к слову, выглядит естественным каждодневное наблюдение за неправильной речью. В «Окаянных днях» отчетливо виден весь спектр его оценок нового, непривычного языка: частое отрицание, обычная ирония, редкое одобрение. В дневниках замечен и его интерес к необычному слову и любованию им. Меткое слово повторяется автором и для подтверждения своих мыслей, хотя не только лишь интерес к чужой речи характеризует палитру художественных средств писателя. Они разнообразны. Диалоги и монологи в «Окаянных днях» по сравнению с дневником 1917–1918 гг. более развернуты и драматичны, описание более живописно и напрямую обращено к читателю. Но «Окаянные дни» — это прежде всего политический дневник. Бытовые зарисовки здесь обычно всегда сопровождаются политическими ремарками — иногда они выглядят как импровизации, иногда отчеканиваются в длинные авторские отступления. Последние выявляют условность формы дневника. Видно, что он не просто фиксирует ежедневные наблюдения автора, но и является записью его политической рефлексии, включавшей раздумья не только о дне прожитом, но и обо всем революционном времени. В «Окаянных днях» очень мало столь характерных для дневниковых записей Бунина предыдущих и последующих лет описаний природы. Они вытеснены пересказами слухов, и может быть, не случайно: слухи так же целебны для Бунина, как и другое лекарство — обращение к природе. Дневник Бунина — это царство слухов. Записи слухов начинаются уже в «московской» части «Окаянных дней» — тут и Блок, назначенный секретарем Луначарского, и свергнутый большевиками московский градоначальник, ставший одним из «главнейших тайных советников в «Совете рабочих депутатов»».³⁶¹ Кажется, что слухи порой заслоняют автора, они нередко повторяются и противоречат друг другу, они часто вытесняют со страниц дневников наблюдателя-очевидца. Возникает ощущение, что слухи как-то незаметно уже подменяют собой реальность, вернее, сами становятся реальностью. Автор часто рассказывает о происшествиях, свидетелем

---

³⁶¹ Там же. С. 80.

которых он никак не мог быть, без каких-либо оговорок, словно это случилось с ним самим. В слухах, отмеченных Буниным, прежде всего улавливаются две ноты: это произвол революции и ее грядущий крах. Слухи, рассказывающие об угрозах, грабежах, конфискациях, унижениях — одна из тех лабораторий, где выковывались антиреволюционные убеждения писателя. Они подтверждали его собственные наблюдения, упрочивали их, придавали им вескость, позволяли видеть в частном общее.

Но слухи имели и другую сторону. Они не только освещали, пусть и искаженно, лики настоящего, они отражали и те ожидания, которыми буквально поминутно жили люди в эпоху революции. «Оптимистические» слухи о поражениях большевиков, их разложении, об успехах Деникина, о близости освобождения из «красного плена» — это то лекарство, которое помогало выстоять в те трудные времена. Слухи занимают в «Окаянных днях» столь значительное место не только потому, что автор мало знает об окружающем его мире, но и потому, что он и не хочет многого знать, он хочет знать только то, что желает знать. Никто, как пишет Бунин в своих дневниках, «не может не солгать, не может ни прибавить и своей лжи, своего искажения к заведомо лживому слуху. *И все это он нестерпимой жажды, чтобы было так, как нестерпимо хочется...* Иначе не выжил бы и недели»³⁶². «Оптимистические» слухи — словно вторая, параллельная жизнь Бунина, жизнь, обещающая лучшее, жизнь, манящая надеждами. Без нее существование было бы неполно, бесцветно, мертво.

Может ли быть объективным свидетельство, основанное на слухах? Нет, скажем мы, — но здесь возникает другой вопрос: о чем мы хотим узнать? О чувствах человека, обожженного революцией, или о самой революции — событии столь сложном и многомерном, что о нем не смогут с исчерпывающей полнотой рассказать и сотни свидетелей?

Можно долго говорить о том, насколько соблюдено в «Окаянных днях» равновесие между «негативным» и «позитивным», и спорить о том, что такое дневник Бунина — сплошной обвинительный акт или стенограмма революции, пусть и искаженная, но все же отразившая проблески чужой «правды». «Окаянные дни» — не летопись событий, а свидетельство морального выбора. Для Бунина правда о революции, которую требовал

---

³⁶² Там же. С. 99.

Блок, равнозначна ее приукрашиванию. Нравственное является единственной истиной, все что противоречит ей — ложь. Бунин ежедневно слышит рассуждения о том, что революция — действо сложное и всеохватывающее, что ее творцы — и победители и жертвы, что надо признать, наряду с «ложью», и «правду» революции, что в ней есть не только темное, но и светлое. И всему этому Бунин четко и безапелляционно говорит — нет! Бунин не хочет признать революцию, потому что главное, что он в ней видит — это насилие, а насилию он подчиняться не будет. Разговоры о том, что революционеров нужно просвещать, несмотря на все их преступления, Бунин отвергает напрочь, ибо просвещающий тоже становится частицей того мира, который мерзок и отвратителен. Бунин видит связь между оправданием революции и ее эксцессами, считая именно такое оправдание карт-бланшем для насильников: «надо еще *объяснять* то тому, то другому, почему я не пойду служить в какой-нибудь Пролеткульт! Надо еще *доказывать*, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайной ... и просвещать насчет «последних достижений в инструментовке стиха» какую-нибудь хряпу с мокрыми от пота руками... Это ли не крайний ужас, что я *должен* доказывать, например, что лучше тысячу раз околеть с голоду, чем обучать эту *хряпу* ямбам и хорям, дабы она могла воспевать, как ее со товарищи грабят...»³⁶³. Здесь почти каждое утверждение сразу вызывает желание оспорить его: реалии всегда сложнее, обстоятельства запутаннее, связь между причиной и следствием зачастую и неявна и необычна. Бунин спрямляет этапы, переходы, напластования, опосредования и показывает эту связь столь нереально обнаженной, что хочется возразить — так не бывает! Но у Бунина своя логика правды. Помогать — значит продлевать дни того порядка, при котором можно грабить, унижать, уничтожать. И не имеет значения, кому помогать — доморощенному любителю стихов или палачу чрезвычайки — виноваты все. Новый режим, как винтиками, держится малыми делами, незначительными поступками, безобидными увлечениями. Он держится низовым бытом и через быт цементируется, становится чем-то, с чем можно сжиться, что можно потерпеть. И человек, пытающийся выразить свой революционный восторг полуграмотными виршами, упрочивает этот аморальный для Бунина режим временами лучше, чем одиозный чекист. Попро-

³⁶³ Там же. С. 117.

буешь разглядеть «кристальную чистоту» в облике палачей, как это делает Волошин, — и уже признаешь олицетворяемый ими режим чем-то, что достойно существования, и значит, оставишь лазейку для палачества, ставшего частицей этого режима, — вот мысль Бунина.

В описании тех, кого он ненавидел, Бунин не допускает каких-либо полутонов. «Вы тоже — жертвы века», — обмолвится позднее о революционерах Б. Пастернак, но для Бунина такой взгляд неприемлем. Как это ни парадоксально, Бунин зачастую демонстрирует ту же нетерпимость к чужой культуре, бытовой и духовной, какую он обнаруживает в обличаемых им «красных». Бунин не желает допытываться причин неприязни низов к «бывшим», он не ищет истоков перелома эпох. Для него разрушение — это только разрушение, но никак не созидание, хам — это не заблудший, который может со временем покаяться, но только хам, без каких-либо оговорок. Новый «хозяин земли русской», грубый и жестокий, — символ революции по Бунину и зачем дробить его образ, выискивая в нем и светлое и темное — он нужен писателю именно цельный, для того, чтобы точнее высказать все, что накопело на сердце. Люди революции для Бунина — это обычно «похабная солдатня» и «отборные каторжники». И не хочет он даже приблизиться к ним, разглядеть за «каторжными» лицами отпечаток судьбы, личности, духовного мира революционеров. Те, кто призывает оценивать революцию во всей ее полноте, вызывают у него откровенную неприязнь. «"Блок слышит Россию и революцию как ветер". О словоблуды!.. Им все нипочем», «"Революция — стихия..."». Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются» — такими записями пестрит бунинский дневник.³⁶⁴

Сумбур, присущий поступкам и речи людей из низов, принявших революцию, Бунин отталкивает сразу и бесповоротно. Он видит и удивляется, как в одном человеке могут ужиться стихийный большевизм и ненависть к «голытьбе», доверие к «барину», иногда пересказывает без комментариев его речи, считая их «очень странными вещами». Но он не делает даже попытки подробно рассмотреть этот мир хаоса и сумбура. Это не его мир, «смятение чувств» провозвестников новой жизни ему неинтересно и кажется чем-то исключительным.

---

³⁶⁴ Там же. С. 93, 108.

В дневниках Бунина довольно редко можно найти мягкое, доброжелательное описание современников. Преобладают лица жесткие и грубые — и даже не лица, а «типы». Те, кому сочувствует писатель, — это обычно жертвы, и рассказ о них приобретает даже какой-то агиографический оттенок. Главное чувство, которое они вызывают, — жалость и сострадание: «На Тверской бледный старик — генерал в серебряных очках и в черной папаше что-то продает, стоит робко, скромно, как нищий», «встретил в Мерзляковском старуху. Остановилась, оперлась на костыль дрожащими руками и заплакала: — Батюшка, возьми ты меня на воспитание! Куда ж нам теперь деваться?». ³⁶⁵

Отрицание революции выявляется на страницах дневника по-разному, и не всегда прямо. «В вестибюле сидел какой-то полурабочий, к каждому слову “в обчем”» — вроде бы перед нами объективная, безоценочная запись. ³⁶⁶ Но заметен оттенок иронии по отношению к говорящему. Невнятица его речи и какая-то неуловимость облика («полурабочий») создают определенное негативное впечатление. Нередки прямые ругательства — «гадина», «негодяй», «каторжник», «зверь», «скот». Иногда они почти не мотивированы, но поскольку, как правило, либо предваряют, либо заключают описание какого-нибудь «революционного эпизода», то их происхождение прослеживается весьма отчетливо. Неграмотная речь, одиозные поступки — Бунин может пересказывать их, и никак не откликаясь, не высказывая своего слова. Но они и сами по себе, красноречиво, без каких-либо авторских оценок могут определять настрой читателя. Но нередко пристрастность автора выставлена нарочито: следует пересказ одного за другим газетных сообщений, показывающих только изнанку революции и сопровождаемых едкими и меткими бунинскими репликами, зорко подмечавшими исключительно ложь революции. Негативному взгляду Бунина свойственно какое-то особое постоянство. При упоминании им лиц и положений раз высказанные им оценки обязательно повторяются, даже если изменились и люди и обстоятельства. Как часто Бунин клеймил газету «Новая жизнь», называя ее большевистской, и обличал писавшего в ней (и издававшего ее) М. Горького. Но изменилось содержание газеты — а бунинское проклятие осталось неизменным: «Купил “Новую жизнь” несколько номе-

³⁶⁵ Там же. С. 65, 70.

³⁶⁶ Там же. С. 55.

ров. Сейчас читаю номер от 3-го. О негодяи! Как изменили тон! Громят большевиков».³⁶⁷ Революционеры отвратительны, и потому, что они революционеры, и потому, что они отказываются от революции, которую сами вызвали — бунинские оценки вызывающе прямолинейны, но для него здесь нет противоречий. Он подмечает лишь шатания тех, кто готовил переворот, а затем отрекся от него. Он видит не обстоятельства, а только лица, действующие применительно к обстоятельствам.

Отвращение к насилию, защита его жертв — ось бунинских дневников. Но так ли бескомпромиссно он обличает насилие и по другую сторону баррикад? На этот вопрос прямых ответов нет. О «белом терроре» Бунин пишет мало, неохотно, иногда торопливо обрывая такие записи едва ли не на полуслове: «Революции не делаются в белых перчатках...» Что ж возмущаться, что контрреволюции делаются в ежовых рукавицах».³⁶⁸ Он иронизирует по поводу газетных сообщений о «зверствах» белых, выискивая в них гиперболы и противоречия. Он многое недоговаривает, ему явно неприятно касаться этой темы. Его рассуждениям здесь свойственна какая-то сдержанность, не исключаяющая в чем-то и сочувствия: «Народу, революции все прощается, — все это только “эксцессы”. А у белых, у которых все отнято, поругано... — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры — “эксцессы”, конечно, быть не должно».³⁶⁹ Ставить на одну доску красный и белый террор он не желает. О бесчинствах красных он говорит много и громко, о репрессиях белых — вскользь и мимоходом. Он, конечно, не одобряет «эксцессы» белых, но все же находит им извинения; поступкам красных он не допускает никаких оправданий. И не случайно говорится в дневнике о мести за перенесенные обиды — эти записи оказываются наиболее эмоциональными, впечатляющими по накалу чувств. Мы видим, однако, и другое. С возмущением он описывает погромы, и не желает выяснять, на чьей стороне были их жертвы, какие идеи защищали виновники погромов и можно ли это оправдывать как ответ за репрессии.

Почему так ненавидел революцию Бунин? Нищета, грубость, безграмотность, анархия, бескультурность, жадность, зависть, ложь — вот плоды революции, на которые прежде все-

---

³⁶⁷ Там же. С. 57.

³⁶⁸ Там же. С. 94.

³⁶⁹ Там же. С. 108.

го обращает внимание писатель. Особо отмечено лицемерие «красных», весьма заметное на фоне их демократической риторики — описаниями бесчестности, взяточничества, грабежа. И прежде всего, что отвращает Бунина от революции — это ее хаос, в котором перемешаны и девальвированы все основные человеческие ценности, который делает непрочным и самое существование человека. Все, что выходит за рамки привычных, устоявшихся норм цивилизации, представляется Бунину абсолютным грехом. Бунин — человек порядка, «лада», он классик, а не мятущийся романтик. Он ценит упорядоченность, красоту, пропорциональность — в лицах, поступках, в речи и письме. Поэтому и веет от его описаний природы не экстазом, а умиротворенностью. Все, что не укладывается в этот порядок, нарушает гармонию — изломанный Бальмонт, кричащий Маяковский, экстатичная Цветаева, танцующий Белый, ругающийся комиссар, революция, облавы, лживые газеты, запутавшийся Горький — сразу вызывает у Бунина тотальное отторжение.

В дневнике 1917–1918 гг. уже отчетливо видна генеалогия бунинской антиреволюционности — от мелких обид и стычек до безоглядной, нарастающей неприязни ко всему, что имеет отпечаток нового режима. Послефевральская анархия 1917 г. стала началом психологического надлома Бунина, не чуждого в молодости и народопоклонничества и либеральных увлечений. Газеты читаются «прыгающими руками», описание современников все чаще срывается в крик, есть какое-то предчувствие обморока, мерзость почти физически ощутима. «Лето семнадцатого года помню как начало какой-то тяжелой болезни, когда уже чувствуешь, что болен, что голова горит..., окружающее приобретает какую-то жуткую сущность, но когда еще держишься на ногах и чего еще ждешь в горячечном напряжении всех последних ... сил» — писал позднее Бунин в «Окаянных днях».³⁷⁰ Он еще не «бывший», но став им впоследствии, не признал особых отличий своего существования 1917 г. от «революционного» жития последующих лет. Еще не обернулись «первые дни свободы» сплошным кошмаром, но какие-то приметы грядущего ужаса улавливаются им в «раскрепощенных» людях: фразеология, нарушение устоев, ложь, чувство безнаказанности. Уже тогда оценки Бунина безапелляционны, хотя и не сопровождаются подробной мотивацией, и не обращается он так часто

---

³⁷⁰ Там же. С. 165.

к слухам и антиреволюционной публицистике прошлых лет для подтверждения своих наблюдений — прием, обычный в «Окаянных днях».

Политическое унижение революцией — развал армии, потеря прочной власти, разгул демагогии — во многом совпало у Бунина с личным унижением: косыми взглядами мужиков, зарившихся на его добро, укорами в «барстве», беспочвенными оскорблениями и подозрениями, постоянной тревогой за свою жизнь и за жизни близких ему людей. Это унижение передано в дневнике очень пластично, зримо: перед нами запись не столько происшествий, сколько ощущений автора, его незаживающей обиды. «...Молодой малый с гармонией, солдат, гнусная тварь, дезертир..., уставший от шатанья и пьянства. Молчал, потом мне кратко, тоном, не допускающим возражений: «Покурить!» Мужиков это возмутило — «всякий свой должен курить!» Он: «Тут легкий». Я молча дал. Когда он ушел, «солдат» рассказывал, что дезертира они не смеют отправить: пять раз сходку собирали — и без результата: «Нынче спички дешевы... сожжет, окрадет»³⁷¹. Унижение пережито очень сильно и как следствие этого — сгусток ненависти, перешедшей в ругательства: «Гнусная тварь». Бунин перебирает детали происшествия, чувствуя горечь нанесенного оскорбления («мне кратко, тоном, не допускающим возражений»), утешает себя тем, что кто-то хотел его защитить, снова говорит о своем унижении («я молча дал»), пытается смягчить его рассказом о том, как многие порицают его обидчика, но чувство унижения все равно не исчезает. «Вечером газеты. Руки дрожат» — так кончается эта дневниковая запись 31 августа 1917 г. Это личное унижение продолжается и позднее. Описание его находим и на страницах «Окаянных дней»: «Встретил на Поварской мальчишку-солдата, оборванного, тощего, паскудного и вдребезги пьяного. Ткнул мне мордой в грудь, и, отшатнувшись назад, плюнул на меня и сказал: — Деспот, сукин сын!»³⁷². И точно так же в дневнике вслед за этой записью начинается рефлексия автора — тут и обида, и даже самооправдание, и возмущение обвинением в «деспотизме».

Очень неприятно для Бунина и то, что в революции преобладает прежде всего «материальный интерес»: «И у всех с утра до вечера только и разговору, как бы промыслить на счет еды.

³⁷¹ Там же. С. 36.

³⁷² Там же. С. 74.

Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь — все погибло».³⁷³ В другой дневниковой записи — 7 июня 1918 г. — это ощущение высказано еще более бескомпромиссно и жестко: «Кучки, беседы, агитация — все на тему о зверствах белогвардейцев, а какой-нибудь солдат повествует о своей прежней службе; все одно: как начальники «все себе в карман клали» — дальше кармана у этих скотов фантазия не идет».³⁷⁴ Этой грубости «материальных» запросов революционной толпы соответствует и грубость внешнего облика революционеров, часто отмечаемая на страницах дневников. Создавая их портреты, Бунин дает простор своему сарказму и безжалостной наблюдательности. Рисую их, он ничем не стесняется и зачастую такой портрет — не зеркало, а просто карикатура. «Говорит, кричит, заикаясь, со слюной во рту... Галстучек высоко вылез сзади на грязный бумажный воротничок, жилет донельзя запакощенный, на плечах кургузого пиджака — перхоть, сальные жидкие волосы всклокочены...»³⁷⁵ — это далеко не типическая характеристика обычного оратора революции, а утрированный шарж, скорее сгусток того, что наиболее отвратительно для Бунина в облике человека. Под стать этому портрету и живописный набросок неперменного слушателя и участника революционных митингов: «Весь день праздно стоящий с подсолнухами в кулаке, весь день механически жрущий эти подсолнухи дезертир. Шинель внакидку, картуз на затылок. Широкий, коротконогий. Спокойно-нахален, жрет и от времени до времени задает вопросы — не говорит, а все только спрашивает: и ни единому ответу не верит, во всем подозревает брехню».³⁷⁶ Идет какое-то нагнетание отвратительных подробностей, вид этих людей для Бунина просто физически омерзителен. Говоря о матросах, но прежде всего подмечает звериные приметы в их лицах: «Зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей»,³⁷⁷ увидев революционных манифестантов и услышав их пение, записывает: «Голоса утробные, первобытные. Лица у... мужиков, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские».³⁷⁸ Примеров таких описаний можно приводить много, но иногда

---

³⁷³ Там же. С. 156.

³⁷⁴ Там же. С. 151.

³⁷⁵ Там же. С. 97—98.

³⁷⁶ Там же. С. 98.

³⁷⁷ Там же. С. 103.

³⁷⁸ Там же. С. 81.

и описаний нет, а есть только ругательства: «пещерные люди», «негодяи», «твари».

И, наконец, еще одно явление Бунин подчеркивает очень часто — это фальшь и лживость революционного языка. Любые революционные декламации, высокопарные воззвания, все эти «агитки», употребляющие все лозунги равенства и братства, вызывают у Бунина отвращение. Его гнев одинаково обращен на каждого из адептов нового языка, независимо от их партийности — даже если это были либералы-кадеты. Не жаловавший в писательском ремесле экзальтированную театральность, порицавший романтические «выверты» Горького, облицавший неестественный язык декадентов, Бунин и в своих политических откликах многое мерит строгим взглядом художника: «Какое обилие новых и высокопарных слов? Во всем игра, балаган, «высокий» стиль, напыщенная ложь».³⁷⁹ И эту же мысль он оттеняет особо, сравнивая французскую и русскую революции: их риторика повторяется, поскольку одна из самых отличительных особенностей всякой революции — «бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана».³⁸⁰ Больше всего его возмущает ложь нового языка, маскирующего цветистостью фразы разгул террора, произвол преступной толпы, насилия и грабежи. Он сообщает о погромах в Жмеринке и Знаменке и тут же делает характерную оговорку: «это называется, по Блокам, “народ объят музыкой революции — слушайте, слушайте музыку революции”».³⁸¹

Кто виноват в революции? — Этот вопрос постоянно задает себе Бунин. Старый порядок он лишь чуть журит, порицает слегка и всегда не прочь сравнить прошлое и настоящее. Первое оказывается у него намного более благородным, честным, добрым и даже прекрасным — это антитеза «Окаянным дням». Обличение царского режима является, по Бунину, заблуждением прежде всего потому, что стали зримыми плоды нового порядка. Обвинения монархии лживы для него еще и потому, что они лицемерны, что высказывали их люди, сами очень далекие от народа, не жившие его заботами: «“Развратник, пьяница Распутин...” Конечно, хорош был мужичок. Ну, а вы-то, не вылезавшие из “Медведей” и “Бродячих собак”».³⁸² Народнические «агитки», разоблачавшие «ужасы царизма», Бунин отвергает

³⁷⁹ Там же. С. 70.

³⁸⁰ Там же. С. 91.

³⁸¹ Там же. С. 141.

³⁸² Там же. С. 83.

из-за того, что находит там преувеличения, а их язык уж очень близок к языку агиток большевистских. С иронией цитируя советскую листовку, клеймившую деникинцев как «озверелых от пьянства гуннов», Бунин замечает: «Собственно, чем это отличается от всей нашей революционной «литературы»»,³⁸³ литературы, о которой он здесь же скажет, что она сто лет позорила все классы общества «за исключением какого-то “народа” — беслошадного, конечно — и босяков».³⁸⁴

Неприязнь к народопоклонничеству интеллигенции заметна на многих страницах бунинских дневников. Это поклонение не было для писателя таким уж бескорыстным: «Благородство это полагалось по штату, и его наигрывали себе, за него срывали рукоплескания, им торговали».³⁸⁵ Без обличений жизнь интеллигента была бы скучна, поскольку неистребимо в нем желание быть на виду, прослыть оппозиционером, вызвать шквал аплодисментов. Бунин, правда, готов признать искренность заблуждений многих борцов за «светлое будущее», но от этого его ирония не становится мягче — слишком уж жуткий счет предъявила история за эти мечтания. Умеряя чужой восторг перед «чудо-богатырями, нежнейшими с побежденным врагом», «кристальным человеком, всю свою жизнь отдавшим народу», отмечая и другие, подобные им, народнические мифы, Бунин как-то незаметно сводит желание людей сделать жизнь лучше, помочь нуждающимся, облегчить состраданием участь обездоленных к сплошной игре. Это не случайно, потому что он видит прежде всего итог их усилий — революцию, отнявшую у людей их право на жизнь, погрузившую их в нищету, сделавшую их бытие еще более горьким и бесприютным, чем прежде.

Не потому старый порядок рухнул, что он внутренне прогнил, а прежде всего потому, что подталкивали его к пропасти, не заботясь о нуждах России, полчища революционеров, и не было им ощутимого отпора — таково убеждение Бунина. Что-то толстовское чувствуется в его отрицании важности политических перемен для народа. Для Бунина это забава бар, начитавшихся радикальных брошюр. «Не народ начал революцию, а вы», — возражает он собеседнику, утверждавшему, что «Россию погубила косная, своекорыстная власть» — народу было

---

³⁸³ Там же. С. 167.

³⁸⁴ Там же. С. 94.

³⁸⁵ Там же. С. 155.

совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем мы были недовольны... Не врите на народ — ему ваши ответственные министерства, замены Щегловитых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были нужны, как летошний снег, и он это доказал твердо и жестоко, сбросивши ... и Временное правительство, и Учредительное собрание, и «все, за что гибли поколения лучших русских людей»». ³⁸⁶ Все это так. Но какое-то ощущение несправедливости, неправедности прошлого жития проскальзывало и в бунинских дневниках. Он, к примеру, пишет о почта-льонше Махоточке, выпрашивающей у барина лишние копейки за доставку телеграммы — и звучит в его рассказе стыд и раскаяние за сытый укор голодному человеку, за то, что в депеше, которую везла за десятки верст заиндевшая на лютном морозе Махоточка, только и было: «Вместе со всей Стрельной пьем славу и гордость русской литературы!». ³⁸⁷

Бунин — не политик, Бунин — художник. Для него признание какого-нибудь полуграмотного мужика, особенно созвучное собственным настроениям, значит больше, чем тысячи документов, объективно раскрывающих «правду» революции. В его рассуждениях мы находим всего лишь две-три ноты, может быть, очень важные — но революция изначально полифонична, а вот этой-то полифонии, пытливого изучения аргументов «за» и «против» революции, в дневниках и нет. Но и те несколько нот крайне ценны, потому что могли быть высказаны только Буниным — человеком, обладавшим столь тончайшей художественной чувствительностью, что и шепот ему мог казаться криком, до пристрастности непримиримым ко всякой лжи. Чтобы почувствовать пульс революции, ощутить ее живую ткань, достаточно оценить и частный отклик человека, чуткого, тонкого, одаренного редкой впечатлительностью, интуицией, обладающего особым художественным видением, в котором причудливо сплелись «поэзия» и «правда». Как и предсказывал Гейне, трещина разломанного мира прошла через сердце поэта — и, как всегда, эта трещина оказалась для него слишком глубокой.

---

³⁸⁶ Там же. С. 85.

³⁸⁷ Там же. С. 75.

З. Н. ГИППИУС. ЖИВЫЕ ЛИЦА

Прежде, чем стать мемуаристом, Зинаида Гиппиус обучалась ремеслу литературного критика и это в значительной мере определило и стиль ее мемуарной прозы и палитру тех художественных средств, к которым она обратилась для обрисовки «живых лиц» своих современников. Литературный очерк — не биографическое описание, ему свойственны другие законы. Критик берет художника не таким, каким он есть, во всей полноте и мельчайших и главных штрихов его облика. Взгляд критика убирает второстепенное, внешнее, «лишнее» — убирает «личность» в том значении, которое это слово получило известность еще в пушкинскую эпоху.

Преимственность «Литературного дневника» и мемуаров Гиппиус несомненна. Это, прежде всего, сложный рисунок письма. Тропы, которые прокладывает Гиппиус к сердцам и мыслям своих современников, извилисты и трудны, ее манеру отличает не экзальтация, но неторопливое раздумье, ее взгляд не прямой, но ему присуще какое-то двойное зрение. Она словно испытывает раз высказанное ею на прочность и затем, путем ли диалога с собой или с воображаемыми собеседниками, вновь и вновь обращается к излюбленным темам и сюжетам. Ей важны «вопросы» — о сложности и цели бытия, о любви и ненависти, о жизни и бессмертии. Прямой, бесхитростный рассказ, лишенный извилистых уклонов, умолчаний, словесной игры, — прост, он многое огрубляет, он не для Гиппиус, которой интересно и не высказанное и не высказываемое. Логика жанра требует от нее связности рассказа, но она, где может, нарушает незамутненность, плавность повествования — где-то подробными отступлениями, где-то философскими и литературными эссе, обращением к себе, своеобразной саморефлексией, политическими, этическими, эстетическими афоризмами. Ее мысль изменчива, парадоксальна, диалогична. Мы видим не только законченный

рисунок, но и здесь же, почти рядом, серию набросков к этому рисунку, слышим не только утверждение, но и почти отрицающее его вопрошание. Обнажена археология суждений. В каждом из них мы обнаруживаем наслоения различных *pro* и *contra* — и это тот код, который определяет механику описания. Слово влечет за собой рой отступлений, требует дополнительных слов, разъяснений — иногда это одно предложение или абзац, иногда целая глава. Рассказ становится аморфным, лишенным целостной структуры, своей прихотливостью и отсутствием законов движения напоминающим поток сознания.

Пристрастие к «вопросам» проявляется и в той особой интонации, которая свойственна мемуарам Гиппиус. Именно так, неторопливо, осторожно изучая собеседника, внимательно следя за еле уловимыми изменениями его речи, его стиля общения и разговора, поминутно проверяя свои ощущения, вглядываясь не только в других, но и в себя, она пытается освободиться от банальности и поверхности впечатлений, достичь глубины, потаенного содержания не всегда внятных и открытых бесед. Приемы «Литературного дневника», однако не всегда применимы в мемуаристике, цель которой — кропотливый подбор, сцепление житейских деталей, подчас мельчайших, лепка образа, нередко по мимолетным впечатлениям, которым не присуща ни глубина, ни обстоятельность. Это сразу замечаешь, когда знакомишься с «Живыми лицами»: первичное ощущение слишком отчетливо отделено от позднейшей рефлексии и, кажется, что они не сплавляются, но существуют обособленно.

Расчетливое использование отточий — особый прием Гиппиус, также обнаруживающий в мемуаристе литератора. Отточие здесь — и знак интонационного перепада, и намек на некую загадочность, и след многозначительных умолчаний. Это параллель сложного и извилистого «освоения» Гиппиус образов своих персонажей. Она часто останавливается, замедляет темпы повествования, чтобы пытливей вглядеться в «живые лица». Эта медлительность вошла у нее в привычку. Она останавливается и там, где этого не требует логика рассказа, где новые слова мало что прибавляют к прежде сказанным. Тут проявляется инерция поиска усложненного: обнаружив где-то загадку, она начинает искать ее везде. Излюбленное средство Гиппиус — использование кавычек. Кавычки едва ли годны для быстрой записи ярких, непосредственных впечатлений. Это уже атрибут позднейшего

анализа впечатлений, в котором зримо проступает интеллектуальное, а не художественное. «Своеобразие Блока мешает определить его обычными словами» — пишет она — но других слов нет и кавычками придается особый смысл слову именно обычному. Можно было бы обойтись и без кавычек. Но для этого необходимо было найти то своеобразное сочетание красок и света, достичь такой их виртуозной игры, чтобы неясные, мутные очертания облика приобрели живописную осязательность и почти скульптурность. Это не для Гиппиус. Она сложное и объясняет сложным, заменяя краткую формулировку длинным пассажем, в котором впечатляет настойчивый поиск не точных образов — точных понятий: «„Невзрослость» его — это нечто совсем другое, нежели естественная, полная сил, светлая юность; а это вечное хождение *около* жизни? А это бескрайнее, безвыходное одиночество? В ребенке Блок почуял возможность прикоснуться к жизни с тихой лаской... Не в отцовстве тут было дело: именно в новом чувстве ответственности, которое одно могло *доверить* его как человека».³⁸⁸ Слово не вмещает всего того, что хотелось бы сказать и сильнее и сложнее. Но оно не меняется, оно не становится частицей собственно художественных средств, оно остается обособленным, оно шифруется кавычками. В нем есть намек на другое, более глубокое содержание — и только.

«Читал мне свое или просто говорили.. о чем? Не о стихах, не о людях, не о чем, а то, пожалуй, и о стихах, и людях и о нем, в особом аспекте... как „о самых важных вещах» — *около* них, разумеется» — вот образец мемуаристики Гиппиус.³⁸⁹ Здесь важнее не то, что сказано, а то, как сказано. Монотонной вязью слов передается ощущение бесконечности разговора, недоговорок, умолчаний, понятных только собеседникам, какой-то особой интеллектуальной игры, в которой не все может высказываться до конца, ибо тайна — символ поиска, а разгадка проста. Подбор точных слов для Гиппиус труден прежде всего потому, что слова обычны, а ощущения — сложны. Она использует для оценки, иногда почти рядом, два, три, четыре очень близких по значению слов, для того, чтобы создать именно палитру оттенков, и, как художник множеством мазков, придать облику многоцветность и объемность. Она нарочито ищет слова много-

³⁸⁸ Гиппиус З. Н. Живые лица. Т. 2. Тбилиси. 1991. С. 23.

³⁸⁹ Там же. С. 21.

значашие, имеющие разные смыслы, чтобы уйти от банальностей привычных штампов. Поэтому ее оценивающее слово или метафорично, или двусмысленно — но лишено прямоты. Ей хочется обрисовать противоречивый облик Блока и точнее и афористичнее — и она пробует слова очень неотчетливые: «узкий,» «деревянный»; некоторым из них, к тому же, придается кавычками двойной, потаенный смысл. Таков обычный стиль Гиппиус — но не единственный.

Там, где нет «вопросов», где можно восхищаться собеседником, но говорить с ним трудно, потому что он замкнут, где отталкивает в собеседнике многословность пустых и «бытовых» разговоров — вперемежку с философскими, где появляются безликие, хотя и благообразные «представители общественности», с неизменной правильностью речей и поступков, — там повествование Гиппиус становится каким-то калейдоскопичным. Это поверхностное, быстрое, не претендующее ни на какие глубины, никому и ничего не открывающее, именно внешнее описание, если и останавливающееся на предметах броских, чрезмерных и эффектных, то как раз потому, что они эффектны. Начиная с очерка о Сологубе, внимание Гиппиус постепенно переключается на чисто «внешние» детали: как выглядел дом поэта, чему посвящены его стихи, как выглядела его сестра, как выглядела подруга сестры, помогавшая ей устраивать чаепития. За обилием этих мелких подробностей повседневного обихода как-то ускользает сама фигура Сологуба. И рисунок рассказа о Сологубе чересчур «красив», патетически торжественен — и потому тоже и прост и холоден: «Сказка ходит в жизни, сказка обедает с нами за столом и не перестает быть сказкой», «всегда немного волшебник», «его влечет таинственная “звезда Маир”».³⁹⁰

В предыдущем очерке о Брюсове также заметно, как простой, незамысловатый рассказ о малозначащих бытовых деталях ощутимо теснит столь обычные для Гиппиус рассуждения в «вечных вопросах». Кто знает, может быть эта простота описаний — от «ясности» поэта. «Мне Брюсов нравился уже тем, что был так ясен для меня»³⁹¹, — писала Гиппиус. Все упрощено, нечего разгадывать, изломанное письмо автоматически превращается в спокойно-плавное описание, — и мысль скользит по гладкой, лишенной шероховатости поверхности событий, ни за

---

³⁹⁰ Там же. С. 129, 130.

³⁹¹ Там же. С. 43.

что не цепляясь, ничего не расшифровывая, нигде не останавливаясь. Рассказ о Вырубовой — это тоже очерк о людях простых, хотя и облеченных властью. Ее внимание поэтому неизбежно переходит от внутреннего к внешнему — от духовных исканий к суетливым политическим комбинациям. И вновь обнаруживается фельетонный стиль, который единственно и уместен в калейдоскопических описаниях лиц и эпизодов, сопровождаемых лишь беглым, поверхностным взглядом. Последним очеркам Гиппиус свойственны какая-то торопливость, быстрое мелькание фигур, которых нельзя ни разглядеть, ни оценить, необязательная запись второстепенного почти наравне с важным. Здесь ощущается уже некая инерция скорописи, на которую не оказывает влияния даже и масштабность иных «живых лиц» — и потому тут не очень отличимы такие разные художники, как Плещеев и Толстой.

В первом же очерке о Блоке — центральном в книге «Живые лица» — уже отчетливо выявляются самые характерные особенности Гиппиус-мемуариста. «Житийная» часть бытия поэта, его повседневные заботы и привычки мало интересуют Гиппиус и выглядят только как частное дополнение к интеллектуальному облику художника. Описание Блока-человека очень скупое: отмечены медлительность его речи, скованность, присущее ему чувство невысказанности. Дальше идет запись уже ощущений самой Гиппиус, во многом созвучных, как считает она, настроениям поэта — но запись все же не непосредственных впечатлений, а именно позднейших откликов, возникших как итог самооценки и вариаций на «темы Блока»: «Его какая-то незащищенность... от чего? Да от всего: от самого себя, от других людей — от жизни и от смерти».³⁹² И здесь же, рядом — столь же необязательная, ничего не прибавляющая к его облику такая сентенция: «“Она” или сияла ему ровным не вечерним светом или проваливалась вместе с ним в бездну».³⁹³

Говоря о человеке, Гиппиус прежде всего оценивает художника. Она еще не описывает, — а уже спорит и делает выводы. Особенно это характерно для очерка о Брюсове. Едва она начинает говорить о его поступках — и сразу же проступает памфлет, осуждающий неправоту этих поступков. Но памфлет — это уже не образ Брюсова, это взгляд Гиппиус. В другой очерк — о Ро-

---

³⁹² Там же. С. 10.

³⁹³ Там же. С. 45.

занове — вплетено множество цитат. Цитаты скрепляются рассуждениями Гиппиус, в которых почти нет живых зарисовок философа. Это скорее комментарий розановских текстов, иногда метафоричный, с присущей Гиппиус наблюдательностью — но все же комментарий не пережитого, а прочитанного. Цитаты здесь выглядят как знак неполноты впечатлений: их Гиппиус явно не хватает. Она чувствует, что не исчерпывается Розанов двумя—тремя штрихами его «мизерабельного» лица. Она хочет полно выразить состояние его духа — но не остается в его «живом лице» ничего, кроме «интимного» шепота, суетливости, вкрадчивости и инфантильности. Как передать сложность человека, если в повседневной жизни «меж детей ничтожных мира быть может всех ничтожней он» — вот проблема Гиппиус. Может быть, и ограничиться кругом бесхитростных наблюдений, мелких бытовых деталей? Но это пересказ банальностей, а Гиппиус ищет «вопросы». Цитаты потому и «расширяют» образ человека, они придают ему равновесие великого и малого — но за счет живописности рассказа.

Живописный рисунок проявляется в мемуарах Гиппиус очень скуп, он лишь изредка вплетается в ткань повествования, расцветивая его иногда неожиданными блестками, но не делая пестрым и разноцветным. Слово Гиппиус — это не до лоска отшлифованное слово иных символистов, которым автор любит, как бриллиантом, наслаждаясь необычными оттенками красок. Письмо Гиппиус почти лишено «красивостей» — но не лишено игры. Синтаксис не ломается, как у Андрея Белого, но ломается движение взгляда. Нарочитая неотчетливость, загадочность суждений, частые отступления, перепады интонации, неожиданные афоризмы — все это создает своеобразную внутреннюю «интригу» письма, заставляет читателя внимательнее следить за движениями авторской мысли.

Спор между мемуаристом и тем, кто читает его записи — дело обычное. Любой мемуарный очерк обязательно должен содержать и первичные, непосредственные впечатления и их позднейшую оценку. Но подчас читатель из этой мозаики наблюдений, которые ему предлагает мемуарист, выбирает штрихи, близкие и понятные ему самому и по иному лепит образ прошлого, игнорируя ремарки очевидца. У него своя шкала ценностей и своя механика мозаичной лепки образа. С мемуарами Гиппиус так поступить трудно. Они — царство ремарок

и комментариев. Зачастую читателю не остается ничего иного, как играть по тем правилам, которые установлены Гиппиус. Он ищет ярких живых картин — а ему предлагают то, что многократно опосредовано взглядом мыслителя, пережитое, пережитое, без всякой возможности выбора.

Конечно, и в мемуарах заметна Гиппиус-художник. Метафора, — не редкость для ее писательской манеры, но и в ней ощущается холод, ей присущи не столько изобразительность, сколько интеллектуализм. Говоря о Струве, она метко отмечает, что он «не вертелся», а «именно поворачивался» — но «телесность» этой метафоры как-то блекнет, если учесть, что речь идет об идейной эволюции публициста. Характерны образные характеристики прозы Брюсова: «С отчаянием подчеркивая “любовные” сцены, делает их почти... некрофильскими».³⁹⁴ Удачно здесь слово «отчаяние», хорошо предающее состояние мрачной экзальтации, присущей творчеству Брюсова, удачны и сближения «мертвой» прозы и описываемой ею «мертвой» страсти. Литературные оценки Гиппиус часто образны, но без излишества красок. «Проза очень *голит* поэта, как раз для *человека-то* в прозе гораздо меньше, чем в стихах, “кустов”, куда можно спрятаться» — в этой метафоричной сентенции о Брюсове³⁹⁵ чувствуется и строгость и сдержанность. Богатство интонационных оттенков здесь не оборачивается пестротой художественных средств, ибо передается при максимальной экономии эпитетов, с помощью разрядки слов — и потому краткий текст приобретает глубину и многозначность.

Свои ощущения Гиппиус может выражать и не прямо, а через «фон», через описание различных ситуаций. «У обоих были лица угасшие, и визит был ненужный, Серый. Все казалось ненужным. Погасла какая-то надежда»³⁹⁶ — здесь Гиппиус как-то неумовимо переходит от описания четы Блоков к анализу уже своих чувств и эмоциональная окраска эпизода становится более заметной именно потому, что этот настрой — общий, потому что мемуарист здесь не сторонний наблюдатель, а человек, сопереживающий другим. Привлекает внимание частое описание «внешних» условий, при которых происходили встречи Гиппиус, — темнота, мороз, скользкие ступени, жара, зима, лето.

---

³⁹⁴ Там же. С. 45.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Там же. С. 22.

Каждый мемуарный штрих находится в особой ассоциативной связи с чувственными описаниями природы, которые, правда, не всегда становятся в силу этого художественными. Зарисовки природы являются важной частицей воспоминаний, придавая многим из них своеобразную эмоциональность и смягчая холодность нередко лишенного живописности описания.

Отступление — один из характерных приемов Гиппиус. Архитектоника ее мемуаров сложна: прямой рассказ здесь нередко перебивается беллетризованными новеллами. Повествуя о своих героях, она обязательно затрагивала и тех, кто их окружал, причем речь не обязательно шла о людях, им близких. В воспоминаниях можно найти и такие главы, которые почти полностью отъединены от главных сюжетных линий, которые выглядят ненужными дополнениями к тому, что уже было высказано. Таковая заключительная часть очерка о Вырубовой «Прощай, дорогая...». Но внезапной замедленностью описаний, какой-то омертвелостью взгляда она передает тут то, что трудно искать в кинематографическом мелькании главок о карьере «распутинцев» — ощущение горечи людей, переломанных революцией. Описание «мещанского» двора и дома Брюсова помогает Гиппиус в обрисовке противоречия внутреннего и внешнего в поэте — оно здесь выставлено откровенно нарочито. В подробном описании жены Брюсова, ее «незаметности», покорности, почти бессловесности, и в подчеркивании той нежности, которую питал к ней поэт, читатель может почувствовать то же развенчание «надмирности» главы символистов — но выполненное особым, извилистым, весьма сложным рисунком.

Отступления Гиппиус не всегда кажутся оправданными. Некоторые из них удивляют своей хаотичностью, «бесцельностью» и остается гадать, что это — особый прием, не всегда ясный для читателя, или простое, бесхитростное, почти «инвентарное» перечисление всего — и людей и вещей — оказавшихся в поле зрения только потому, что они какой-то, зачастую едва приметной частицей близки главным персонажам книги. И у Достоевского можно найти десятки таких «бесцельных» эпизодов и персон, ничем не связанных с общим сюжетом романа, но именно в силу своей случайности и «ненужности» придающих жизненность и правдоподобность художественным коллизиям. У Гиппиус же «ненужные» подробности не расцветивают и не оживляют повествование. Это просто добавления, расширяю-

щие рассказ, — и только. Разумеется, обилие подробностей о событиях и людях, в них отмеченных, превращают иногда интимный, «камерный» рассказ Гиппиус в широкое полотно, освещающее целую эпоху, — но «живые лица» от этого не становятся живее и ближе. Средства Гиппиус нередко несоразмерны ее целям. Очень детально передан в очерке о Розанове портрет его первой жены — А. Сусловой. Он, конечно же, нужен мемуаристу, ибо позволяет оттенить очень существенную для облика Розанова характеристику — его жалостливость. Но здесь же — и скрупулезное, мельчайшее перечисление таких деталей биографии Сусловой, которые к Розанову никакого отношения не имеют. В очерке о Блоке вплетен рассказ об О. Соловьевой, и даже не только о ней, но и о ее муже, о ребенке, о судьбе ее ребенка. И почему? Только потому, что именно она впервые передала Гиппиус блоковские стихи.

Важная особенность мемуаров Гиппиус — их разностильность. Конечно, очерки, составившие книгу, создавались в различные годы. Но эта игра стилей, перепады интонации, особые темпы повествования, отличия художественных средств едва ли объяснимы только временными разрывами — они присущи и каждому очерку в отдельности. Вместе с витиеватым, хаотичным, фрагментарным рассказом о самом Блоке соседствует — в посвященном ему же очерке — вполне связный, сухой, освещающий только основную канву событий рассказ об отношении к Блоку лиц, его окружавших. Повествование о Брюсове имеет некий летописный оттенок, отмечается то, что хотя и связано с поэтом, но не очень-то помогает раскрыть его облик: ни экзальтации, ни рефлексии. Многие части очерка о Вырубовой — сличение ее мемуаров и документов ее современников, отчего он сразу приобретает памфлетный характер. Ни портретных зарисовок, ни живых впечатлений, сплошь исследовательская работа. Рассказ о Сологубе очень быстро превращается в литературный очерк. Кое-где мемуарист еще подмечает живые штрихи его облика, но получается это как-то вскользь, с каждым разом все хуже и все скорее описание переходит то в философское эссе, то в комментирование стихов, и заканчивается почти как новелла — ни точных дат, ни точных сведений: слухи, предчувствия... Динамика рассказа — в перемене деталей: кто-то ушел, кто-то пришел, кто-то читал или молчал. Нет перемены лишь в облике Сологуба: всегда монументален и молчалив.

Что здесь является нарочитой игрой и что — реликтами «строительных лесов» мемуаров, естественно присущей взгляду их автора узорной изломанности — отделить трудно. Но где-то игра так заметна, что и следует ее назвать прямо — игрой. В очерке о Вырубовой отчетливо проступает своеобразная стилистика рондо — в соотношенности глав «Прощайте, родные...» и «Прощай, дорогая...». Эти главы столь зримо выпадают из общей канвы главенствующей в очерке политической эссеистики, так сильно отличаются по эмоциональному настрою от других глав, что искусственность их «отделки» не подлежит сомнению — они выглядят здесь даже как некий формалистический эксперимент. Опереточная быстрота политических «переворотов» и «переворотиков» — и горькое, как «смутное похмелье», озарение словно остановленного на бегу человека: раскаяние, сопереживание, щемящее чувство невозвратности прошлого. И в очерке о Розанове есть тоже откровенная игра диссонансами — в долгих описаниях блужданий по сугробам и в сопровождающих их философских рассуждениях о «пустоте» вокруг Розанова, в противоречивом сочетании мелких подробностей прогулки и ощущения бездонного одиночества жизни.

Зарисовки Гиппиус психологичны, но им свойственна «сдвоенная» психология — и наблюдателя и наблюдаемого. Она вглядывается в собеседника как в зеркало — в «чужом» пытается узнать «свое». Когда же этого нет, то человек становится для Гиппиус неинтересным. Его не разглядывают, пусть и безразлично, его отталкивают — сразу. Для Гиппиус нет людей более неясных, чем люди «простые». Она не принимает ни стиль их существования, не пытается «вчувствоваться», вжиться в них, для нее они — только марионетки, которые история расставляет по-своему. Даже в описаниях тех, кто ей близок, уже чувствуется это отталкивание. Невнятица Блока, его попытки расширить рамки спора, вывести его на новые пути, было принято за хождение «около». Может быть, для Гиппиус эта формула обладает особой емкостью, но если и присуща ей потаенная многозначность, то все равно она не исчерпывает и не вмещает всего Блока. Описание же Распутина — это какое-то тотальное отталкивание. Отталкивает стиль жизни, сложное называется простым, без присущей Гиппиус диалектики **pro** и **contra**, вызовом веет от безапелляционности ее приговоров. Она видит только череду проходимцев — кто-то успел дойти до трона, кто-

то нет. Но разве объяснима та экзальтация, которую вызывал у многих людей Распутин, только его животными импульсами? Распутин сложен, но он сложен по-другому, чем Блок, и потому для Гиппиус он прост. Нет в нем благородной сдержанности, нет глубины и достоинства чувств, суждений, нет монументальности. Есть жадное, без разбора, захватывание всех и всяческих наслаждений, гротескное упоение ими, покаяние и грех, безграмотность и изворотливость «с хитрецей», безудержная корысть и безудержная щедрость — разве не сложен такой человек, соединивший в себе несоединимое? Но желает ли Гиппиус, сняв с него маску, взглянуть на его подлинное лицо?

Этого не происходит. Каждое лицо оказывается маской. Сдержанность Блока, монументальность Сологуба, интимность Розанова, «податливость» Вырубовой, холодное эстетство Брюсова — водоворот масок. Отчасти это неизбежно. Маску надевает и сам человек. Она — необходимый элемент его облика. Она нормирует человека: это и его мечта о себе, и то, что защищает эту мечту. Принадлежа живому, маска тоже является его частью. Она не только закрывает лицо — она делает его и понятным другим.

Гиппиус не снимает маски — она их только перечисляет, и под одной из них обнаруживает другую. Едва она выявляет живые штрихи в облике человека — как они каменеют от авторской саморефлексии, от цитат, которые должны их удостоверить, но из-за своей «литературности», являются чем-то вторичным и искусственным. Возникает впечатление сложности образа — но как следствие именно игры личинами.

Г. В. АДАМОВИЧ. ОДИНОЧЕСТВО И СВОБОДА

Многие мемуаристы русского зарубежья находили в его судьбе и особенно в том влиянии, которое он оказал на современников, что-то загадочное. Не трибун, не экзальтированный оратор — а слово его захватывает, увлекает, очищает. Спокойное, плавное письмо, отсутствие стилистических «красот», размеренность, даже какая-то замедленность рассуждений — как это не похоже на иные литературные эссе Серебряного века, с их нервной клочковатостью, изломанным синтаксисом, тяготением к скандалу, нарочитой парадоксальностью, отшлифованным до неестественного блеска языком. В его взгляде ощущаешь строгость, но не язвительность, искренность в сочетании с очень редким для художественной критики тактом, беспристрастность, не исключаяющую сочувственного поиска даже в «грудах словесной руды» золотых блесков таланта, правды, красоты. «Это был человек большого обаяния, которое раскрывалось не сразу и не всем, как и неподдельный адамовический аристократизм», — писал о критике близко его знавший в эмиграции поэт И. Чиннов.³⁹⁷ Наверное, одна из разгадок обаяния Адамовича — и в той особой интонации, которая превращает литературный очерк в философское раздумье, интонации очень естественной, не разделяющей интеллектуальное и художественное, но сплавливающей их в подлинно гетеанский текст, в котором автор выступает, по меткому замечанию Герцена, как «мыслящий художник».

«Житейская» биография Адамовича проста. Она лишена неожиданных авантюрных поворотов, скандалов, метаний. Это биография человека, живущего не новостями, а событиями. Она логична, и даже необычное в ней выглядит оправданным. Феномены его «внешнего» бытия — то, что может уловить поверхностный взгляд современника, — мало что скажут о его

---

³⁹⁷ Чиннов И. Вспоминая Адамовича // Дальние берега. С. 249.

духовных исканиях: они не скрыты, но проявляются уже «очищенными» через текст, через слово, через мысль.

Георгий Викторович Адамович родился 7 апреля 1892 г. в Москве. Его путь был довольно типичным для интеллигента — литератора того времени: московская и петербургская гимназии, столичный университет, на историко-филологическом отделении которого он обучался до 1917 г. Революционное лихолетье 1917–1920-х гг. не стало для него столь драматичным, как для Блока, Бунина или Гиппиус. Похоже, он не сильно бедствовал. Описанный И. Одоевцевой его быт в доме тетки кажется каким-то «пиром во время чумы» на фоне всеобщей нищеты и голода. Переводы, стихи и критика — обычные его занятия в послереволюционном Петрограде. Ни переломов, ни падений, ни криков, ни экстатически пророческих видений — медленное, едва заметное, мало чем прерываемое взросление, мужание, совершенствование. Невинные розыгрыши, беседы в уютных креслах о литературе, прогулки с охапкой цветов — идиллией веет от рассказанной И. Одоевцевой истории ее жизни втроем с двумя Жоржами (Ивановым и Адамовичем) в особняке на Почтамтской в начале 1920-х гг. Может быть, Одоевцева по привычке здесь что-то и идеализирует, но и в судьбе самого Адамовича, если верить его позднейшим откликам, революционное прозябание оставило не очень заметный след — и едва ли только в силу всегда присущей ему снисходительности, или, как выразился впоследствии в своих очерках В. Яновский, «всепрощения». Каким-то естественным выглядит и его отъезд в эмиграцию в 1923 г. с Г. Ивановым и И. Одоевцевой. Ничего в нем не оборвалось, путешествие не обещало быть долгим, намечалась не смена жизненных вех — просто перемена мест.

В русском зарубежье Адамович становится одним из ведущих литературных критиков. Являясь многие годы постоянным сотрудником лучших эмигрантских изданий («Звено», «Современные записки», «Числа»), он оставил в художественной летописи предвоенной эпохи заметный след — и своими работами, и своим литературным наставничеством, где в полной мере проявились присущие ему мягкость и доброжелательность. Можно с уверенностью сказать, что он нашел на чужбине свое призвание и свое место — и занял его по праву. Он не был чужд литературной борьбе. Его долгие споры с В. Ходасевичем стали событием культурной жизни эмиграции, — но и в этих дискус-

сиях он всегда сохранял чувство меры и достоинство. Он не был космополитом, но ностальгия — постоянная нота почти всех эмигрантских литераторов — не слишком заметно отразилась в его творчестве. Жизнь Адамовича была далеко не богемной, несмотря на отсутствие семьи. Он редко нуждался, получая поддержку богатых родственников. В нем узнавали сноба — и по изяществу одежды, и по безукоризненности манер. Ему были чужды экзальтация и надрыв. В общении он был даже робок, раскрывался не сразу и не всем, не любил, как отмечал известный в эмиграции критик и поэт К. Померанцев, «говорить о “самом важном”», о «“последних истинах”, — не любил из-за внутренней застенчивости».³⁹⁸ Пожалуй, он не был и человеком ровным — его эмоциональность и чувствительность отмечали многие мемуаристы. Они проявляются и в его работах — где-то возвышенным риторическим оборотом, где-то трогательной нотой человеческой теплоты и сочувствия. Азарт игрока часто нарушал размеренность его существования. Его проигрыши стали притчей во языцех и даже порождали легенды, но для самого Адамовича они всегда являлись лишь мелким эпизодом, чем-то, что едва ли способно поколебать надолго внутреннее равновесие духа.

Г. Иванов подозревал в нем и политический азарт, образцами чего считал вступление Адамовича в ряды Французского легиона в 1939 г. во время войны с Германией и его увлечение большевизмом в послевоенные годы. О солдатском поприще Адамовича Г. Иванов рассказал, со ссылкой на его книгу *«L'autre patrie»*, в статье с характерным названием *«Конец Адамовича»*. Бывших друзей тогда уже мало что связывало, а разъединяло многое, и Г. Иванов, не стесняясь, с присущими ему сарказмом и язвительностью, поведал об этом «военном» эпизоде, представив его как прихоть благополучного, но далекого от житейских передраг парижского буржуа, захотевшего сильных ощущений. О доверчивости Адамовича, считавшего Французский легион, куда стекались люди с темным и даже уголовным прошлым, бастионом борьбы с гитлеризмом, говорить не приходится. Повоевать ему так и не удалось, а армейские будни были заполнены муштрой и руганью. Но нужно говорить о его искренности, о логичности его поступка — и едва ли стоит осуждать за то, что он «штрафной» батальон принял за гвардейскую часть.

---

³⁹⁸ *Померанцев К.* Последний Адамович // Там же. С. 261.

Есть, конечно, что-то азартное и в его советофильстве конца 1940-х гг., впрочем естественном для человека открытого, стремившегося понять многое, невзирая на свои и чужие политические пристрастия. Но азарт прошел — и в 1954 г., в статье, открывающей сборник «Одиночество и свобода», Адамович с иронией говорит о призыве учиться мастерству прозы у А. Фадеева. Азарт и увлечения рассеялись — но осталось всегда присутствующее Адамовичу стремление узнать чужую «правду», найти в ней ценное и нетленное.

Его считали избалованным и капризным, парадоксальным, изменчивым и неожиданным во вкусах и пристрастиях. Он действительно нередко поклонялся тому, что позднее сжигал, его трактовки одних и тех же авторов бывали подчас полярно противоположными. Он был способен (и сам признавался в этом) дать доброжелательный отзыв как бы авансом, из симпатии или из чувства дружбы («из подлости», как он в сердцах однажды сказал Д. Мережковскому в ответ на упрек в завышенности оценок). Фраза «литература прейдет, а дружба останется» едва ли приписана ему случайно.

Но не это было главным. Противоречия в оценках могут быть и знаком метаний и игры, но нередко — и импульсом поиска, особой приметой духовного роста, символом усложнения художественного зрения. В своих лучших и итоговых работах Адамович был подлинным «арбитром вкуса». Это художественная исповедь, здесь нет литературных друзей или врагов, здесь нет капризности и манерности, здесь есть лишь один критерий отбора — мастерство.

Литературная биография Адамовича обычна для человека, начавшего свой путь в эпоху *fin de siècle*. Еще студентом он сближается с акмеистами, в частности с Н. Гумилевым, и именно с этим течением будут связаны его первые немногочисленные поэтические опыты. Стихи его — нарочито аполитичные, камерные, сдержанные. Они просты, «аскетичны», как заметил И. Чиннов, в них мало метафор, в них почти нет гипербола и банальных «красивостей», и потому они искренни. Но многие из них риторичны, видно то, что кажется необязательным, лишним, видна порой изысканность слов, не очень-то уместная при тревожной и экспрессивной интонации иных его стихотворений.

Его стихи вызвали разноречивые отклики. В них заметили близость к акмеистам, школу Гумилева, влияние Ахматовой и

Анненского, вообще литературные реминисценции — наряду с «бытовыми» интонациями, подчеркнувшими неподдельность его поэтических переживаний. Поиски «чужих» влияний едва ли стоит рассматривать как знак сомнения в самостоятельности его творческого почерка. Нельзя оценить, не сравнив: чтобы понять художника, его надо поместить в схемы искусствоведческих иерархий, чтобы увидеть индивидуальное, в нем нужно найти общее. Авторитетные знатоки поэзии (и среди них В. М. Жирмунский) распознали в его первых стихотворных набросках и проблески таланта, и правдивость, не заслоненную литературной рефлексией, — правда, с оговорками, подчас разными, но ставшими обычными для многих статей об Адамовиче. Кому-то не хватало в его поэзии размаха и силы, кому-то — открытости и глубины. «Раскачнитесь выше на качелях жизни» — пожелает ему в одном из своих писем А. Блок,³⁹⁹ почувствовав что-то искусственное в нарочитой тесноте его интимного мира.

Были ли стихи лабораторией его критической прозы, как считали некоторые из друзей Адамовича? Ответить трудно. В его эссе, как и в поэзии, слышны общие ноты: сдержанность, неприязнь к экзальтации и выпренности, исповедальность и доверительность в обращении к читателям. Но это — особые приметы стиля и Адамовича-поэта, и Адамовича-человека, они проявляются и в его быту, и в повседневных поступках и потому неизбежно должны были сказаться в разных ипостасях в его произведениях. В прозе Адамовича нет чеканной законченности многих его стихов. Это разные жанры. Его эссеистике присуща даже какая-то аморфность, перебивы интонации, в ней нет строгого отбора и экономии слов, придающих тексту особую музыкальность. В ней нет искусственных обрывов, ведущих к афористичности, редко какой-либо вывод дополняется нарочито блестящей итоговой краткой формулой.

И все же в его прозе чувствуется поэт — и чувствуется намного сильнее, чем в статьях другого ведущего эмигрантского критика, также оставившего заметный след в поэзии, — В. Ходасевича. Близко знавший Адамовича М. Кантор особо подчеркивал, что его проза отмечена тем же, чем и его стихи, — «той же простотой и прозрачностью, такой же ритмичностью, таким же отвращением к “досадным красотам”».⁴⁰⁰ Оценкам Адамовича

³⁹⁹ Адамович Г. Одиночество и свобода. М., 1996. С. 206.

⁴⁰⁰ Там же. С. 421.

были присущи редкая пластичность и образность. Он не доказывает свою правоту, он передает скорее свои догадки, отчасти смутные, которые пока трудно выразить точными словами, но передает ярко и необычно раскованно. В книге «Одиночество и свобода» этот присущий Адамовичу стиль начал проявляться уже в полной мере. «Ему как будто было более или менее безразлично, о чем писать и что рассказывать: был вот такой случай, а бывают, знаете, и такие случаи», — замечает он, например, о А. Куприне,⁴⁰¹ и мы словно слышим старческую интонацию уставшего от жизни, растрачивающего свой талант мастера. А вот и другой пассаж: «Иногда Пастернак в своем косноязычье доходит до пафоса, в котором руда его поэзии плавится и начинает светиться». Что тут общего с академическим литературоведением? Почти во всех его характеристиках нет строгости литературного анализа, местами это просто живописные мемуарные рассказы, как в очерке о З. Гиппиус. «Она перебирала листочки со стихами, близко-близко в них вглядывалась, откладывала, снова принималась читать...» — и этот образ, как иллюстрация, придавал особую убедительность высказанному здесь же замечанию о нерешительности, капризности и медлительности литературного арбитража Гиппиус.⁴⁰²

Он чувствует книги как людей, как запахи, как краски. Перемешаны вымысел и реальность. Иные литературные персонажи для него — живые лица. Он описывает их, словно близких ему людей, внимательно фиксируя мельчайшие штрихи их облика, задерживая внимание на характерных портретных деталях, следя за их речью, жестами, взглядами. Его оценки сродни ощущениям. В этих ощущениях нет и не может быть сухой точности, их трудно перевести на язык академически строгих определений ввиду их чрезмерной «густоты». Ощущения передаются не формулами — метафорами: «краски светящиеся, почти прозрачные, акварельные», «исподтишка, будто по-стариковски покряхтывая», «стихи ее извиваются в судорогах, как личинки бабочек, которым полет обещан, но еще недоступен». В портретах, созданных Адамовичем, есть нечто двоящееся. Их контуры неуловимы, они постоянно смещаются. Исчезая, они обнаруживают безбрежность слияния художника и его «модели»: как узнать, говорит ли он о «своем» или пересказывает «чужое»?

---

⁴⁰¹ Там же. С. 90.

⁴⁰² Там же. С. 62.

Оценки высказываются не прямо, но через образ, через пример, и зачастую приглушенностью тона, недосказанностью, обрывом фразы. Считал ли он, что нарочитой выписанностью деталей и можно передать только детали, частное, а не общее, — сказать трудно. Взгляд Адамовича словно автоматически удаляет от себя рассматриваемые им реальные фигуры, литературные персонажи и события на такое расстояние, чтобы можно было разглядеть их целиком. Иначе он смотреть не может. Взгляд целостен, анализ — раздробление целостности: никакие искусственные нити, сцепляющие воедино каркас логичных разборов, не заменят этого единственного взгляда — озарения. Для Адамовича это стало почти аксиомой. Он писателя не столько «прочитывает», сколько пытается его уловить, «схватить» мгновенным взглядом: схватить удастся не все, но удастся — ярче. Он не чурается риторики и даже «приподнятости» описаний, но за ними нет пустоты и фальши. Его риторика сродни риторике Блока. И в ней видна строгость словесного рисунка, она возникает потому, что хочется избежать развязности и фелъетонности, хочется сказать о вечном подобающими вечности словами — но не всегда можно найти то, что соединило бы искреннее и возвышенное, крик и шепот. «Тут слишком нажата педаль, там употреблено слишком эффектное слово... а как без этого обойтись», — посетует он в очерке о Бунине.⁴⁰³

В последние годы своей жизни, как писал К. Померанцев, Адамович «с настойчивостью повторял, что он не литературный критик, а эссеист». Его «эссеистическая» манера далеко не всегда и не всеми признавалась достоинством. Его заподозрили в субъективности и пристрастности оценок, в пресловутой «капризности» и предвзятости. И. Чиннов, отметивший, что в импрессионистичных рецензиях Адамовича «больше от абсолютного слуха, чем от пристального изучения», едва ли считал это оправданным: «...именно от человека, одаренного такой чуткостью, хотелось нередко большей доказательности... Хотелось подробностей и тогда, когда встречались у него возражения кому-нибудь. Но всякую аргументацию, разборы, медленное чтение — это он всегда оставлял в удел литературоведам... Он так и не захотел признать, что слишком часто без тщательного всматривания в произведения искусства видишь лишь

---

⁴⁰³ Там же. С. 45.

туманный его силуэт». ⁴⁰⁴ «Импрессионизм» Адамовича вызвал раздражение и у такого знатока эмигрантской литературы, как Г. Струве. Обнаружив у Адамовича склонность к парадоксам и отсутствие теоретической «базы», Струве намекнул ему на то, что он не выучился до конца у формалистов. Кажется, что именно ему адресовал Адамович свой отклик на статью главы формалистов Б. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя»: «К чему это копание... Сделана и сделана».

Отчасти эти упреки, возможно, и были обоснованы, но едва ли столь ценимый даже и оппонентами стиль Адамовича в полной мере мог проявиться в его писательской манере, если бы ей были свойственны усложненность и громоздкость аргументации и строгость научных понятий. Истина была бы выявлена не интуицией, не цепкостью взгляда художника, двумя-тремя штрихами делающей изображение пластичным, а скрупулезным и осмотрительным складыванием мозаики фактов, цитат, сравнений; но оставался бы столь естественно утонченным аристократизм его оценок, столь исповедальным его тон, столь интимным его общение с читателем? Разве не ощущалась бы некая принужденность, если бы текст Адамовича был закован максимами и сентенциями, отшлифован в поисках изысканности слов, лишен столь подходящего ему многословия. Исчезла бы естественность разговора — ей противопоставлены отбор слов, теснота ритуалов, языковые виньетки.

Можно обозначить три главные вехи в развитии эссеистики Адамовича: цикл статей «Литературные беседы» (1926–1928), книга «Одиночество и свобода» (1954) и «Комментарии» (1967). В «Литературных беседах», печатавшихся в журнале «Звено», было еще много от обычной «поденщины». Видны и быстрота взгляда, не всегда обращающего внимание на детали, и расплывчатость «концовок» — составленных наспех общепринятых пожеланий авторам на будущее, и нарочитая, почти вызывающая субъективность оценок. Последнее особенно повредило репутации Адамовича: в статье «Поэт о критике» М. Цветаева поместила антологию его эскапад, сопроводив их краткими, но характерными для нее ритмически жесткими, едкими ремарками. Но и в «Литературных беседах» уже заметен почерк, присущий зрелому Адамовичу. Отвергнутые Цветаевой противоречивые парадоксы Адамовича сказались и в его позднейшей эссеистике — не было,

⁴⁰⁴ Чиннов И. Вспоминая Адамовича. С. 253–254.

правда, в ней скандала, а были видны чуткая сдержанность, обстоятельность раздумий, соискание истины вместе с читателями.

Книгу «Одиночество и свобода» принято сравнивать с другой работой Адамовича — его «Комментариями». Обычно предпочтение отдается последней. В ней настолько перемешаны литературные раздумья и житейские наблюдения, философские эссе и мемуарные рассказы, соседствуют в столь нереальной близости заметки о преходящем и вечном, о возвышенном и низком, что порой трудно определить, где кончается «литература» и где начинается «жизнь». Да, в «Одиночестве и свободе» нет безбрежной рефлексии автора «Комментариев», отзывающегося на все — людей, природу, книги, политику, повседневный быт. Можно было бы согласиться с Г. Ивановым в том, что очерки, составившие «Одиночество и свободу», — это всего лишь блестящие литературные фельетоны, если, конечно, отойти от более привычного толкования слова «фельетон». С этим спорить трудно. Но нельзя отрицать, что рецензии Адамовича — это та лаборатория, в которой возникли и «Комментарии». У них много общего. И здесь мы обнаруживаем свободную форму повествования, смешение литературных и философских размышлений, раскованность при переходе от «поэзии» к «правде» — хотя и формально в рамках чистой критики. «Всякое совершенство в своем роде всегда выходит за пределы этого рода», — заметил некогда Гёте. В «Одиночестве и свободе» отчетливо видно, как начинается этот «выход». Литературные ремарки здесь соотнесены с личным опытом, портреты современников приобретают интимность — и за счет мемуарных описаний, и вследствие импрессионистичности почерка. Едва Адамович касается какого-либо эпизода, отражающего житейскую ситуацию, — и становится ясно, что художественный разбор здесь не самое главное. Следя за авторскими аргументами, вдруг обнаруживаешь, что речь идет не только о литературе и даже не о литературе — идет разговор «про жизнь», как любил выражаться Адамович. Оценивая писателя, он говорит не только о его прозе, но чаще рассказывает о его судьбе, о мотивах его поступков, о привычках и личных пристрастиях — о том, что находится уже «около» литературы, за ее фасадом. Разумеется, в «Комментариях» этот стиль отразился сильнее, откровеннее, ярче, но устье никогда не может быть отделено от истока.

Путь к книге для читателя сложен и извилист. Пытаясь изложить свои впечатления о прочитанном, он поначалу поверяет

его быстрым и беглым взором, пробует сравнить, находит что-то близкое с другими книгами, и, имея уже упрочившуюся шкалу оценок таких книг, выносит предварительный вердикт, переходя затем к деталям прочитанного, проверяя свои первые оценки на прочность или отказываясь от них — пока его приговор не станет окончательным. Таков и путь Адамовича. Он не предписывает свои взгляды, а только сообщает о том, как они возникли. Он открыт — и читатель чувствует, что и ему свойственны те же навыки чтения, и потому такое чтение воспринимается и как нечто пережитое самим читателем. Адамовичу лучше удастся с его эрудицией и с присущей ему метафоричностью сразу метко выразить то, что еще только медленно нащупывает не искушенный в тонкостях художественного анализа читатель, — и возникает то особое доверие, которое не разрушается и сугубой спорностью и неожиданностью ряда откликов критика: доверяя в главном, доверяешь и в частностях.

Был ли точен Адамович? Ответить трудно. Ему всегда можно возразить — еще и потому, что он почти никогда не доказывал своей правоты. Как проверить то, что у одного писателя была «музыка», но негромкая, а у другого ее не было, но он к такой музыке прислушивался, — если и «музыкой» называется что-то условное, ускользаемое, невыразимое. Но, узнавая об этой «музыке», мы как-то по-иному, чуть глубже начинаем постигать сложность подчас невысказываемых ощущений. Может, и не было «музыки», но взгляд читателя становится тоньше, он быстрее различает оттенки, ему уже доступно то, что скрыто за однозначным описанием бытовых и житейских ситуаций. «Музыка» стала элементом восприятия — и это главное. Не в том дело, правильны или нет его литературные гипотезы, а в том, что он утверждает в каждой своей строке: есть нечто, что мы способны уловить лишь «двойным зрением», что могут быть незыблемы и интуитивные догадки, и не все нам будет объяснено частokoлом скрупулезно сплетенных фактов. Это главное, и этим ценен Адамович, а не парадоксальностью выводов. Ценен тем, что он скорее воспитывает, а не поучает литературными примерами, освобождает, а не сковывает догматическими приемами, показывает не то, как надо читать, — то, как надо жить.

Г. Иванов впоследствии скажет, что в книге Адамовича есть все, кроме одиночества: он не найдет в ней «одиночества приглушенного голоса, недосказанных слов, полууловимых чувств».

Но и эти очерки — не оратория и не гимн, в них нет крикливости и предвзятой безапелляционности, в них почти гармоничны художественность формы и художественность содержания. Еще один шаг — и свободный, не соблюдающий условностей и литературоведческих ритуалов рассказ о книгах естественно переходит в «Комментариях» в рассказ о человеке.

Говоря об одиночестве, Адамович имел в виду другое. Одиночество — это условие существования русской литературы в эмиграции. Оторванная от родной почвы, затерянная в иноязычном мире, подвергаемая соблазнам культурной ассимиляции, она взамен обрела самое дорогое — свободу. Эти критические эссе — не только рассуждения о стиле, мастерстве, успехах и неудачах писателей русского зарубежья. Это и повесть о стойкости людей, в бесприютном одиночестве отстаивавших свободу и достоинство творчества. Это и своеобразная автобиография Адамовича — дневник его пути от литературной поденщины до философских прозрений. Он тоже выбрал свободу, не боясь одиночества, — не поучая своим поступком других, но и не сожалея о выборе.

В. К. ТРИАНДАФИЛЛОВ.
РАБОТЫ 1920—1930-х гг.

ИСТОКИ

Владимир Кириакович Триандафиллов давно и прочно приобрел репутацию глубокого и тонкого военного теоретика, но, кроме специалистов, он мало кому знаком. Немного известно и о его частной жизни. В отличие от большинства похороненных в Кремлевском некрополе, он не удостоился подробного жизнеописания - ни канонического, ни апокрифического. Редкие статьи в энциклопедиях, хрестоматиях и журналах имеют, как правило, один источник, достоверный, но специфический — некрологические материалы. И чем чаще о нем писали, тем больше загадок обнаруживает исследователь в его судьбе. Это верный признак многомерности прожитой жизни, яркой и непростой, при всей кажущейся монотонности его карьеры.

Он родился 14(26) марта 1894 г. в селе Магараджи (Карская область) в греческой крестьянской семье. Достаток ее едва ли был большим: в одном из некрологов Триандафиллова даже назвали батраком. Об этом трудно судить, но с привычной средой он порвал быстро, поступив в учительскую семинарию. Такие разрывы редко бывают произвольными. Здесь нетрудно усмотреть и признак «срединности», неустойчивости того жизненного уклада, в котором он вырос. Это можно оценить и как характерную реакцию неординарного и остро чувствующего свою социальную приниженность юноши.

Педагогическое поприще Триандафиллова не было длинным. В 1914 г. он призывается на фронт рядовым солдатом-сапером. Его образование, правда, вскоре было учтено. Он зачисляется во 2-ю московскую школу прапорщиков, которую кончает в ноябре 1915 г. Карьера его стремительна — через два года в чине штабс-капитана он уже командует батальоном на Юго-Западном фронте.⁴⁰⁵

---

⁴⁰⁵ Абрамов А. У Кремлевской стены. М., 1987. С.191.

Февральская революция придала его облику отличного и бесстрашного офицера необычные грани. Он быстро сближается с эсерами и вступает в их партию в мае 1917 г. Вряд ли он разбирался в оттенках социалистического радикализма и мог раздумывать, какой из его ветвей — народнической или большевистской — отдать предпочтение. Эсеры были наиболее популярным и известным политическим движением первых «дней свободы», в том числе и на Юго-Западном фронте, — к ним он и примкнул. Здесь, однако, очень показательно самое тяготение к радикализму. Это заметно отдаляло Триандафиллова от его сослуживцев-офицеров. Последние в массе своей с отвращением восприняли послефевральскую анархию на фронтах. Знавший Триандафиллова большевик В.А. Малаховский отмечал штабс-капитана в числе очень немногих офицеров, близких к солдатам.⁴⁰⁶ Это примечательное свидетельство. Оно столь же определенно, как и эсеровский уклон, указывает на «внекастовость» его положения в военной среде. Имели ли здесь значимость социальные различия или этнические аспекты — сказать трудно. Эта отчужденность, однако, дает о себе знать в каждом последующем поступке Триандафиллова в бурные месяцы 1917 г.

Местом его службы был 6-й Финляндский пехотный полк — одно из подразделений VII армии Юго-Западного фронта. Армия была ненадежной — здесь даже при наступлении в июне 1917 г. солдаты братались с противником.⁴⁰⁷ Элементы ее распада сильнее всего проявлялись именно в 6-м полку. Его боялись как заразы — после провала июньского наступления отвели с фронта в тыл, под Проскуров. Настроение в полку было смутным и тревожным, слухам охотно верили, бездействие казалось преддверием грядущего наказания. Изоляция тек самым ускорила большевизацию солдат. В сентябре разведчики полка пробрались на австрийскую территорию с одной лишь целью — водрузить плакат с надписью «Долой войну!». Нескончаемая череда митингов стала главной приметой осени. На одном из них какой-то солдат предложил перебить всех начальников — от прапорщиков до полковника. Речь слушали равнодушно, но офицеры торопились быстрее оставить полк.⁴⁰⁸ И чем

⁴⁰⁶ Малаховский В. А. Финляндцы. // Октябрь на фронте. Воспоминания. М, 1967. С. 167.

⁴⁰⁷ Френкин М. Русская армия и революция. 1917—1918. Мюнхен, 1978. С. 268.

⁴⁰⁸ Малаховский В. А. Указ.соч. С.166; Гаврилов Л. М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции. М, 1983. С. 117.

анархичнее становились войска, тем больше мостов сжигал за собой Триандафилов. Сближение с радикалами оказалось быстрым, тотальным и окончательным.

Давно назревавший переворот в полку произошел через несколько дней после захвата власти большевиками. 28 октября 1917 г. полковой солдатский комитет был преобразован в военно-революционный комитет (ВРК). Командиром полка назначили Триандафиллова. Дело решили без проволок и лишних формальностей — голосованием батальонов. Левый эсер Триандафиллов здесь действовал заодно с большевиками. Будущие союзники имели тогда много общего и в тактике и политических принципах. Это подчеркнул и осуществленный 6-м полком захват штаба VII армии 20 ноября 1917 г. Был распущен и заменен ВРК т. н. «соглашательский» армейский комитет. Активность полка — ударной силы в большевизации армии, определенно сказала и на решениях 2-го армейского съезда. Он открылся 2-го декабря в Каменец-Подольском. Здесь революционные поступки Триандафиллова оценили должным образом — вместо смещенного генерала Я. К. Цеховича он был избран командующим VII армией.⁴⁰⁹

Столь неожиданное возвышение штабс-капитана сенсацией тогда не стало — верховным главнокомандующим еще не так давно был прапорщик Н. В. Крыленко. Правда, калейдоскопическая быстрота послеоктябрьских военных «карьер» имела и обратную сторону — скоротечность. Армия распадалась еще быстрее, чем продвигался по службе новый «генералитет». Разумеется, между этими явлениями существовала прямая связь.

Борьба о развалом войск — главное занятие Триандафиллова за те несколько недель, когда он исполнял обязанности командарма. Ни о боеспособности армии, ни о ее дисциплине нельзя было и думать. Основными стали «тыловые» заботы. Они усугубились политическими неурядицами, привычными для окраин бывшей империи. Объявившая независимость Украины Центральная Рада спешила установить свою власть на Юго-Западном фронте.⁴¹⁰ Этому противились в войсках — и по политическим и по национальным причинам. К тем, кто не подчинялся украинским приказам, прекращали подвозить про-

⁴⁰⁹ Гаверилов Л. М. Указ. соч. С. 155–156.

⁴¹⁰ Голубко В. К. Участие войск Юго-Западного, VII-й армии Румынского фронтов и Черноморского флота в революционных событиях на Украине в марте 1917–феврале 1918 г. Автореф. дисс. к. и. н. Львов. 1991. С. 14.

довольствие, одежду, фураж В ответ слышались угрозы. Весь декабрь 1917 г. — это период усиления конфликтов между армией и Центральной Радой. В конечном счете этим и воспользовались большевики для захвата Киева в начале 1918 г.

Удар по Киеву предполагалось нанести с двух сторон: через Полтаву силами русско-украинских советских отрядов и из Правобережья — войсками преимущественно VII армии. Детали операции были уточнены Триандафилловым на совещании в ставке Юго-Западного фронта в начале января 1918 г. Расчет большевиков был точным. Солдаты не хотели ни воевать, ни просто служить. Они желали одного — уйти домой. Препятствием была Рада, не пропускавшая войска с оружием через Украину. Ее сокрушение, таким образом, и стало условием и ценой свободы солдат. Это и объясняет тот мощный удар, который ей был нанесен в январе 1918 г. Сметя таранным броском слабые украинские войска, VII армия к началу февраля 1918 г. прорвалась в Россию.⁴¹¹

Самого Триандафиллова в это время в армии уже не было. Он подал в отставку после того, как большевики создали в армии некий оперативный штаб, куда вошли в основном младшие чины.⁴¹² Триандафиллов возмутился. Коллективный «комиссариат» был очевидным умалением его власти и признаком недоверия к нему. Как бы то ни было, разлука с войсками не оказалась долгой. Армия стала не побочным эпизодом, а главной сценой его жизни, не средством существования, а его целью.

СУДЬБА

Военная биография Триандафиллова на первых порах имеет отпечаток хаоса. Его понесло как щепку в бурном водовороте войны и политических страстей. Его необычное поведение — характерный для сильного и волевого человека способ вживания в эпоху революционного распада. Бесконечная война придала его цивилизованию своеобразную «милитаристскую» форму. Понимание людей и событий, постижение всех сложных реалий жизни — все было соотнесено с войной и объяснено через войну. И потому в дальнейшей судьбе Триандафиллова ощущаешь уже не инерцию обстоятельств, а импульс самой его личности.

---

⁴¹¹ Голуб П. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Киев, 1958. С. 240–243, 245.

⁴¹² Малаховский В. А. Указ. соч. С. 172.

Служба Триандафиллова возобновилась в июле 1918 г.: как офицер, он был призван в Красную армию. Легендарные «крыленковские» назначения давно отошли в прошлое. Высшие военные должности отдавали или «старым партийцам», или генштабистам. Бывшему командарму предложили начальствовать ротой на Саратовских учебных курсах. Карьера была тихой и неспешной, не в пример послеоктябрьской.

Он порывает с эсерами и в 1919 г. становится коммунистом. Особо памятное для него событие 1919 г. — поступление в ноябре в Военную академию в Москве. Оно глубоко символично: это была еще одна попытка прорвать иерархический армейский уклад. Академия пользовалась популярностью среди командных чинов, хотя, как выяснилось, ее слушатели не получали заметного продвижения по службе. Набор осени 1919 г. был вторым в ее истории. Учился Триандафиллов долго, но урывками. Причиной этому была война.

В боях против Белой армии он участвовал еще до поступления в Академию. Поволжье, Урал, Юг России — такова была география его поездок. Войну он закончил в составе 51-й стрелковой дивизии, памятной по штурму Перекопа.⁴¹³

В Академии он учился до 1923 г. «Исключительно скромный, выдержанный, несколько замкнутый, глубоко целеустремленный» — таким он запомнился в это время своим друзьям. Это были те черты, развитие и культивацию которых замечали позднее все, кто с ним встречался. «Образцовость» — качество, которое и ранее проявлялось в поступках Триандафиллова — было важной предпосылкой его дальнейшего успеха. Предпосылкой, но не решающим условием. Нужно было большее — то, что неизбежно выделило бы его из обычной среды и сразу обратило на себя общее внимание.

Таковыми стали его военно-исторические штудии. В поле его зрения — исключительно гражданская война, вернее, наиболее значительные ее операции. Работы составлялись на основе архивных документов, и очень показательно, что самые ранние из них — о тех событиях, в которых автор участвовал лично. Писал он «с каким-то особым старанием и трудолюбием» — общал позднее один из очевидцев. Его исторические изыскания позволили ему войти в Военно-научное общество (ННО) — своеобразный элитарный армейский клуб. На его заседаниях бывали

⁴¹³ Красная звезда. 1931 г. 14 ноября.

Л. Д. Троцкий, М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский. В 1921 г. В. Триандафиллов выступал здесь даже трижды) — случай, довольно редкий для Общества. Доклады были подчеркнуто объективными, порой нелицеприятными и всегда откровенными. Риторика в них не было. Их отличал скрупулезный анализ всех оперативных комбинаций и почти филигранное выявление внутренних причинно-следственных связей различных фаз маневров. Доклады немедленно печатались — в сборниках трудов ВНО.

Эти работы имели одну особенность. При оценке событий Триандафиллов менее всего оглядывался на суждения командующих войсками и почти не считался с их авторитетом. Его описание — это прежде всего указание, как надо было поступить в том или ином случае и даже некий выговор за непринятие должных мер. Оно живо обличало в авторе не простого военного хронографа, но командира, который отчитывал подчиненных за их промахи. Данные работы — это скорее открытое и публичное заявление о том, как бы он распорядился своим талантом в сложных и опасных военных ситуациях.

Это было сразу замечено. К Триандафиллову начали присматриваться с интересом. Он запомнился Тухачевскому, тогдашнему начальнику Академии, всегда остро чувствовавшему новое и необычное. Блестящее окончание Академии упрочило его репутацию. Новое назначение являлось почетным — он был причислен к Штабу РККА. Первая его должность здесь — заместитель начальника отдела Оперативного управления.

ПЕРЕМЕНЫ

Последующая карьера Триандафиллова была ошеломляюще быстрой. Она состоялась, однако, не только благодаря его личным качествам. Многие в ней становятся ясными, если соотнести ее с военной реформой 1924–1928 гг. О последней много писали, но редко касались ее политических аспектов — крайне важных для понимания внутренних механизмов армейских преобразований.

Военная реформа явилась прямым продолжением политической распри — в полном соответствии со схемой столь популярного тогда Клаузевица. Внутрипартийная дискуссия, открытая Троцким осенью 1923 г., вынудила его оппонентов к поиску эффективных контрмер. Армия, бывшая вотчиной Троцкого, внушала правящему триумvirату — И. В. Сталину, Л. Б. Каменеву к Г. Е. Зиновьеву — наибольшие опасения. Удар

по РККА преследовал две цели: ослабить военный и партийный авторитет Троцкого путем дискредитации армейских порядков и провести «чистку» в войсках, маскируя ее прагматическими доводами. Обе эти задачи были успешно решены.

Армия действительно нуждалась в переменах. К концу 1923 г. она ещё отчетливо несла на себе отпечаток российской междоусобицы 1918–1920 гг., в которой она выросла и окрепла. Широкой ломки здесь боялись, поочередно ожидая то внутреннего успокоения в стране, то революционного хаоса за ее пределами. Неизбежную реформу тормозили и частые болезни Троцкого в 1923–1924 гг. и вакуум власти в России во время многомесячной агонии Ленина. И партийный раскол оказался, как это ни парадоксально, тем элементом, который не только усилил модернизацию РККА, но и сделал ее возможной в кратчайшие сроки.

Первым шагом реформы стало создание 14 января 1924 г. комиссии во главе с С. И. Гусевым. Она должна была проверить снабжение Красной Армии и изучить причины «текучести личного состава». Выводы ее, объявленные уже через три недели на Пленуме ЦК РКП(б), были более широкими, и, как правило, удручающими. Крайне жесткой критике подверглись, правда, только высшие структуры — Штаб РККА и Реввоенсовет. Их обвиняли и в бюрократизме, и в канцелярщине, и в мелочности, и в бессистемности. Особую неприязнь вызывали «военспецы», бывшие долгое время опорой Троцкого. «Во всех наших главных управлениях имеется засилье старых спецов, генералов... Реввоенсоветом не велось политики, направленной к тому, чтобы постепенно сменять старых спецов и ставить новых работников, которые у нас выросли в годы гражданской войны, которые после гражданской войны обучались и которые способны были теперь занимать более высокие посты и справляться с делом лучше, чем старые спецы» — такие обвинения слышались на Пленуме из уст Гусева.⁴¹⁴ Нетрудно увидеть, сколь многое в этой фразе касалось и Триандафиллова, именно тогда и начинавшего свою успешную карьеру.

Попеременно создаются еще несколько комиссий, дружными усилиями которых удалось убрать Э. Л. Склянского — второго человека в армии, фактически руководившего ею в период

---

⁴¹⁴ Цит. по: *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 24.

«междучарствия» 1923–1924 гг. На вакантное место Заместителя Председателя РВС был назначен М. В. Фрунзе, через год окончательно заменивший Троцкого на всех его военных постах.⁴¹⁵ 1 апреля 1924 г. Фрунзе передают еще одну должность — начальника и комиссара Штаба РККА. Помощником ему определили Тухачевского и уже 15 апреля быстро следует новое назначение и Триандафиллову — начальником отдела Оперативного управления Штаба. В сентябре 1925 г., когда отношения Фрунзе с Тухачевским стали особенно тесными, он получает и более высокий пост начальника Оперативного управления.

Внутриармейская перестройка потребовала немалых усилий по переделке старых и составлению новых боевых уставов. Толчок «уставному» творчеству дал Фрунзе, всегда тяготевший к регламентации, столь удивлявшей Троцкого. Триандафиллов, любивший детальную систематизацию всех элементов военных операции, вплоть до мелочей, оказался здесь к месту. Впечатляет уже один перечень (еще не полный) боевых наставлений 1925–1928 гг.: временный Полевой устав РККА (дивизия, корпус), Боевой устав пехоты РККА (часть 2), Полевой устав РККА, Боевой устав артиллерии РККА, Боевой устав броневых сил РККА (часть I), Боевой устав конницы РККА, Боевой устав Военно-воздушных сил РККА, Боевой устав Военно-Морского Флота, устав внутренней службы, устав гарнизонной службы.⁴¹⁶

Бесконечное «уставотворчество» привело к тому, что Триандафиллов был постоянно на виду. Уставы надо было согласовывать, одобрять, подписывать - и обязательно в верхах. Его способности стали заметны многим. «Исключительный талант, широкий оперативный кругозор, высокое политическое развитие и огромная работоспособность» — именно эти таланты, как писалось в одном из некрологов, и были учтены при назначении его на должность заместителя начальника Штаба РККА в октябре 1928 г. Оно состоялось уже без Тухачевского, ушедшего с поста начальника Штаба в мае 1928 г.

ТУХАЧЕВСКИЙ

Их сближение состоялось еще в Академии, где Тухачевский внимательно следил за молодыми и способными командирами.

---

⁴¹⁵ История военного искусства. Сборник материалов. Выпуск 4. Т. 2. М., 1952. С. 24.

⁴¹⁶ История военного искусства. М., 1966. С. 297–298.

На них он и опирался, борясь с влиянием в РККА бывших генштабистов. Последние не ценили ни таланты Тухачевского, ни его знания и не делали из этого тайны. Будущих соратников объединили, однако, не полемические упражнения. Триандафиллов сдержанно участвовал в инициированной Тухачевским дискуссии против А. А. Свечина, на последней стадии, которой было трудно отличить академический спор от политического доноса. Их связь была сложнее и глубже, чем простые тактические комбинации.

Тухачевского иногда обвиняли в пристрастии к химерам, в фантастичности замыслов и пренебрежении к рутинным армейским делам. Отчасти он и сам давал этому повод. Нетерпение и быстрота — характерные черты его жизни и карьеры. Импровизации всегда соседствовали здесь со строгим расчетом и зачастую подавляли его. Размеренность и умеренность ему претили. Склонный к артистизму и ценивший утонченность, он всегда искал необычных сотрудников, необычных дел и необычно быстрых военных успехов. Последних нельзя было достичь долгой и изнурительной позиционной борьбой — западный опыт 1914–1918 гг. это ярко доказал. Нужен был таранный натиск — быстрый, молниеносный и впечатляющий, как удар по Варшаве в 1920 г.

Военная мысль Тухачевского очень точно отразила его военные наклонности. Опыт польской кампании многому научил его, но пьянящей быстроты варшавского броска он забыть не мог. Теория последовательных операций, обоснованная им, — это попытка повторить прошлое, но уже по-другому, «по науке». Согласно ей, разгром противника достигается не одной, а несколькими операциями, следующими друг за другом. Не искусный обходной маневр частного значения, не ограниченное лавирование, а глубинный таранный удар — вот что должно стать главной причиной сокрушения. Необычность исполнения требует и особо мощных технических средств. Военные новинки — танки, подводные лодки, самолеты, бронемашины — стали страстью Тухачевского. Проекты и прожекты на сей счет составляли немалую часть его служебных забот.

Оборотной стороной военного «романтизма» Тухачевского были несомненно присущие ему трезвость и чувство реализма. Он ставил необычные цели, но требовал для их решения подробных расчетов, тщательного обдумывания оперативных ком-

бинаций, внимания к социальным и экономическим факторам. Отсюда его неприязнь к «партизанщине» и военному шаблону, усиленная личными разногласиями с ворошиловской группой и вообще с «конниками».

Многие его идеи были учтены и специфически «обработаны» Триандафилловым. «Фантастические» проекты Тухачевского, казавшиеся лишь причудливо-салонной игрой ума, он переложил в жесткие формулы и расчеты прикладных исследований. Это помогло их публичному одобрению и канонизации в военной науке. Подвижность военного мышления, эрудиция, быстрое «схватывание» и углубленное понимание любого дела, подчеркнуто строгий объективизм, редкая энергичность и уникальная работоспособность — все эти качества Триандафиллова явились психологической предпосылкой его новаторских оперативных приемов. И Триандафиллову и Тухачевскому в конечном счете оказались присущими общие методы и принципы военного мышления, хотя шли они к этому и разными путями.

Их совместная работа в Штабе РККА еще более унифицировала их взгляды. Ее результат — полевые уставы 1925 и 1929 гг. и уникальные наставления «Полевая служба штабов» и «Высшее командование», бывшие новинкой не только в России, но и в Европе. Г. Иссерсон вспоминает еще как итог их сотворчества «ряд закрытых инструкций и наставлений оперативного характера».⁴¹⁷ Эти уставы — элементы кодификации новых способов операций. Форма инструкций предала им обязательность, нормативность и тотальность, тем самым расширив их влияние и значимость. Сблизило обоих и пристальное внимание к техническим средствам войны. Поздние теоретические этюды Триандафиллова полностью соотнесены с военной техникой, последняя была представлена как мерило их истинности и практичности.

Пресловутый тактический прагматизм Тухачевского нашел у Триандафиллова безусловную поддержку. Никогда не забывавший ритуальных политических фраз, Тухачевский в целом противился чрезмерной политизации военной теории. Этим любил заниматься столь неприятные ему «конники», да и прочие военные, чей дилетантизм он зорко подмечал. Теория «особой маневренности», утверждавшая, что пролетарская армия изна-

---

⁴¹⁷ Иссерсон Г. Записки современника о М. Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 69.

чально сильное буржуазной, вызывала у него к концу жизни сильную аллергию; близкие ей собственные увлечения конца 10-х годов были уже забыты. И характерно, что в этой связи он незадолго до смерти снова упомянул о своем друге: «Триандафиллов... подвергся большим нападкам со стороны товарищей, придерживающихся этой теории. Его обвиняли в проповеди позиционной войны. Сторонники этой теории видели в новом человеке, в советском рабочем и колхознике, все необходимое и достаточное для того, чтобы обеспечить ведение маневренной войны. Как преодолевать пулеметное могущество боевого порядка современного противника, этому теория не учила».⁴¹⁸ Триандафиллов здесь упомянут не случайно. Трудно скрывааемый сарказм этой фразы был следствием их общей прагматической реакции на смешение профессионального с политическим

«Тов. Триандафиллов-Кириакич, как мы, его друзья, любили его называть, развивался и быстро и неуклонно — в громадную армейскую величину»,⁴¹⁹ — скажет Тухачевский после его смерти. Эту оценку итога жизни своего единомышленника он не менял никогда. Он тяжело пережил его гибель. Он вспоминал его чаще других, всегда ссылаясь на него и даже посвятил ему свою большую книгу «Новые вопросы войны». Маршала расстреляли в 1937 г., как и почти всех его соратников. А книга с посвящением издана не была — ее рукопись изъяли при аресте.

КАНОН

Идеи Триандафиллова имеют сложное происхождение. Они генетически связаны с различными направлениями военной мысли. Они их и развивали и изменяли, и нередко им противоречили. Триандафиллова трудно себе представить вне контекста его эпохи. Многие его разработки были соотнесены с советским военно-научным каноном в том виде, в каком он сложился в 1920-е гг.

Счет советским военным теоретикам обычно ведут с Фрунзе, стараясь не говорить о Троцком. Это не случайно и не объяснимо влиянием только политической конъюнктуры. Будучи трезвым прагматиком, Троцкий с недоверием отнесся к «протетарской» военной доктрине, во многом созданной усердием

---

⁴¹⁸ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. 1917–1940. М., 1965. С. 111.

⁴¹⁹ Известия. 1931. 14 июля.

Фрунзе. Отчасти его реакция была обусловлена тем теоретическим уровнем, на котором создавалась новая доктрина. Для Фрунзе вообще было характерно своеобразное сочетание практицизма и ориентации на ортодоксальные клише. Знакомство с его военно-научным творчеством 1920-х гг. наглядно убеждает в этом. Вот его выступление 1921 г.: «Троцкий говорит, что маневренность, подвижность... не могут быть связаны с тем, что во главе Красной Армии оказались пролетарские элементы. По-моему, это не совсем так. Возьмем старую царскую армию. Кто стоял во главе ее? Российское дворянство. Что такое было наше дворянство? Распавшийся экономически класс: дезорганизованный, выбитый из классовой позиции, он не мог ничего сделать. Возьмем теперь германское юнкерство. Это был класс крепкий экономически, державший бразды правления в своих руках». А вот и продолжение этой темы в 1922 г.: «Внутри Красной Армии в полной мере царит дух пролетариата... Этим обстоятельством... объясняется в значительной мере то, что маневренность с ее величайшей подвижностью нашла такое широкое применение в боевом опыте Красной Армии. Правда, мы не должны переоценивать, это... Но повторяю, наряду с... чисто объективными условиями здесь, несомненно, роль и притом очень крупную, играли моменты, вытекающие из классовой природы Красной Армии, из духовных свойств руководящих его пролетарских элементов».⁴²⁰ Вот этого Троцкий и не любил. С «пролетарским духом» он познакомился в годы войны; он сделал ставку на бывших офицеров и на дисциплину расстрелов и выиграл. Он тоже был прагматичным импровизатором, под стать Тухачевскому. Он не претендовал на лавры военного теоретика. Война не может иметь вечных законов. «Военное дело очень эмпирическое, очень практическое дело. Попытки возведения его в систему, где из основных принципов выводятся и полевой устав, и штаты эскадрона и покррой шинели, являются очень рискованным упражнением» — все это он писал в 1922 г.⁴²¹ В военных сочинениях Троцкого виден скорее блестящий литератор, который принужден писать на армейские темы. Те формы полемики, которые были отточены Троцким в политических и литературных дискуссиях, были механически

---

⁴²⁰ Вопросы стратегии... С. 43–44, 55.

⁴²¹ Троцкий Л. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. Пг., 1921. С. 12, 18.

перенесены им в сферу военных споров. Политический термин заменялся военным, но код и приемы полемического упражнения оставались прежними.

Троцкому часто напоминали его слова о предпочтительности чистки сапог перед военно-теоретическими прениями. Его вину увидели в ограниченности и даже в примитивности. Но это лишь одна из граней его практицизма, высказанного, правда, в заостренно-провоцирующей форме, столь характерной для его литературных поединков. Цену истинно научному военному творчеству он знал. У него мы можем найти, например, следующее рассуждение: «Уставы и программы нужно пересмотреть не под углом доктринерской формулы чистого наступления, а с точки зрения проделанного четырехлетнего опыта. Нужно читать, обсуждать и проверять уставы на совещаниях командного состава. Нужно, чтобы живое еще воспоминание о боевых действиях больших и малых, было сопоставлено с формулой устава и чтобы каждый командир сознательно сказал себе, отвечают ли слова делу или нет и если расходятся, то в чем. Собрать этот упорядоченный опыт, подытожить его, оценить его в центре стратегическим, тактическим, организационным, политическим критерием более высокого опыта; разгрузить уставы и программы от устарелого, излишнего, приблизить их к армии и заставить армию почувствовать, насколько они нужны ей и в какой мере они могут заменить ей самодельщину — вот действительно большая и насущная задача».⁴²²

Это та программа, которой Триандафиллов следовал строго и неуклонно всю свою жизнь. Она очень точно выражает и его теоретические подходы и его практические приемы. Системность и порядок, водворяемые в армии Фрунзе, были ему близки - но схоластику он отвергал напрочь. Теория и практика Троцкого ощутимо повлияла на ту военную среду, где завершалось формирование Триандафиллова — солдата и теоретика. Влияние Троцкого было и прямым и опосредованным: через армейский быт, через Академию, через штабную работу, через Тухачевского. Оно усилило многие черты, присущие Триандафиллову, и в первую очередь его прагматизм, гибкость и объективность.

Военных теоретиков 1920-х гг. условно можно разделить на две группы. Первая из них связана с «генштабовской» традици-

⁴²² Там же. С. 51.

ей. Ее составляли по преимуществу бывшие офицеры Генерального штаба, либо лица, получившие академическое военное образование до революции. Это были люди, быстро примкнувшие к новым властям и сделавшие карьеру в гражданскую войну. Вторая группа объединяла более молодых военачальников. Они также поступили на службу еще до 1917 г., но уже всецело были обязаны своим положением большевикам. Разумеется, эта классификация схематична, но она позволяет оттенять специфику и истоки стиля военных писателей 1920-х гг. Их политические амбиции и групповые пристрастия она не объясняет: это было следствием более сложного переплетения многих причин.

Наиболее известны из «генштабовских» мыслителей Б. М. Шапошников, А. И. Верховский, И. И. Вацетис, А. А. Свечин, С. С. Каменев. Их общая и характерная черта — это особое внимание к вопросам политики и стратегии. Тактических проблем и оперативных тонкостей они касались редко. Так, у Б. М. Шапошникова, в его работе «Мозг армии, мы находим описание и дипломатии, и военной истории и подробное, почти ритуальное сличение практики с цитатами классиков коммунизма. Сама книга имеет вид популярных очерков об армейском штабе. Ее основное достоинство — систематичность. Вообще это типичная работа «общего плана» — интерес к деталям здесь невелик. Близкой к ней по настрою была и книга А. И. Верховского «Огонь, маневр, маскировка» (1928)¹. Ее отличают не только заметный «технократизм», но и обилие исторических экскурсов — к Каннам, к 1-й мировой войне, вообще к западным образцам. Большой практицизм показателен для С. С. Каменева; его труд «Очередные военные задачи» (1922) содержит достаточно прагматичный разбор операций гражданской войны. Выводы его менее глобальны, но зато более конкретны.

Очень талантливым в этой когорте был А. А. Свечин. Он выделялся и глубиной теоретического анализа и эрудицией. Пожалуй, это был и один из лучших стилистов среди военных писателей тех лет. В отличие от Триандафиллова, он не уснащал свою «Стратегию» (1927) цифровыми выкладками. Многое описывалось традиционно, в общем плане — но тонко, блестяще и умно. Даже самые названия глав «Стратегии» указывают на четкость, сжатость к напряженность его мысли: «Эволюция операции», «обрыв операции», «кривая стратегического напряжения», «одновременное преследование нескольких позитивных

целей», «стратегическая линия поведения». Он эффективнее всего дал образец общей тактической и стратегической систематизации, виртуозно отшлифованной затем Триандафилловым.

Однако со Свечиным Триандафиллов и спорил. Это было во время дискуссии о стратегии «измора», начатой со второй половины 20-х гг. Объектом наладок стала вполне ортодоксальная идея Свечина о чередовании обороны и наступления. Ослабления, «измора» противника предлагалось достигать и изнурительными позиционными боями, а не только таранным ударом. Эта идея была односторонне искажена и абсолютизирована — в силу разных причин. Свечина оценили как противника наступательных действий — и сразу сделали политические выводы. Вся эта полемика являлась лишь одной из фаз групповой борьбы среди нового советского «генералитета», Ее теоретическая значимость невысока, но в эволюции Триандафиллова она сыграла определенную роль. Она дала ему возможность обозначить именно активное начало в планировании и проведении операций. Это, собственно, инициировало особо изощренный, продуманный, напряженный поиск тех средств, которые могли стать «материальной» основой для наступления. Шел бой с выдуманным противником — но делались выводы и расчеты, очень значимые для борьбы с противником реальным.

Наиболее резким оппонентом Свечина был Тухачевский. Он рано начал писать на военные темы и его взгляды со временем претерпели характерные изменения. Работы Тухачевского конца 1919-х—начала 20-х гг. имели ярко выраженную политическую направленность. «Стратегия классовая и национальная» (1920) и сборник статей «Борьба классов» (1921) — все это было его попыткой разобраться не столько в военных вопросах, сколько в политике. Его теоретические поиски иногда вызвали едкую критику и в военной среде и в правящих кругах; замечания делал и Троцкий, в целом высоко его ценивший. Он вскоре и сам почувствовал чрезмерность иных своих построений — но инерция прежнего мышления преодолевалась с трудом. Один из примеров этого — его доклад на съезде Военно-научного общества в 1926 г. Он тогда же был опубликован, получив заголовок «Вопросы современной стратегии». Политические вкрапления заметны и здесь: есть рассуждения о Ллойд-Джордже, о Лиге Наций, о «социал-предательских партиях», о 15 съезде ВКП(б), о пролетарской революции. Это общая и «обзор-

ная» статья, не конкретная и без цифр — но очень трезвая, без политических перегибов. И эти последние черты вскоре станут преобладающими для работ Тухачевского — при всей его тяге к необычному и даже фантастическому. Тухачевский придал определенную четкость и даже жесткость военной мысли. Все это позднее передастся и Триандафиллову. Вместе с тем она останется у Тухачевского по преимуществу не практической, как у Триандафиллова, а теоретико-стратегической.

Ранее упоминалось о предложенной Тухачевским концепции последовательных операций. Именно она, как и ряд смежных с ней тактических проблем, была в центре внимания армейской «красной профессуры» — другой из групп военных теоретиков. Известность среди них приобрели, помимо Триандафиллова, О. М. Белицкий, Н. Е. Коленковский, Н. Н. Мовчин, Н. Е. Варфоломеев, А. М. Вольпе. Политико-стратегические аспекты войны мало интересовали этих авторов. Определяющим здесь стал конкретный анализ различных фаз последовательных операций и, что очень важно, их технического обеспечения. Правда, чрезмерная детализация и почти математический расчет всех элементов операции примечателен, пожалуй, лишь для Триандафиллова.

Книга Коленковского «О наступательной операции армии, входящей в состав фронта» (1930) — все еще имеет форму популярного очерка. Но расчеты здесь уже есть, хотя их и мало. Сама книга напоминает военно-полевой устав, с его подробной росписью и перечислением обязанностей. Ближе к манере Триандафиллова работа Белицкого «Стратегические резервы» (1930). Здесь мы уже видим очень дотошный, в истинно «триандафилловском» духе, разбор и систематизацию одной из частных, но важных оперативных проблем. Автор изучает такие вопросы, как обеспечение операций, переброска и использование стратегических резервов, ввоз их в линию фронта, работа штабов. Это, собственно, уже военная монография, хотя кое-где Белицкий ограничивался только «постановкой проблемы». Заслуживает внимания и еще одно исследование — «Фронтальный удар» Вольпе (1931). Это анализ различных видов таранных бросков, их специфики, продолжительности и глубины — темы, получившие у Триандафиллова и системную форму, и цифровое обоснование.

Отметим, что все эти работы, как и книга Триандафиллова, увидели свет почти в одно и то же время. Вопрос о влияниях

здесь очень сложен. Взгляды Триандафиллова — это и синтез коллективных разработок и индивидуальные поправки к ним. Прежний канон военного мышления и его трансформация, обусловленная духовной ситуацией эпохи — все это одинаково сказалось в его теоретическом поиске. Он брал и старое и новое, он их и перемешивал и видоизменял. Источник его идей — это и чужой и собственный опыт, и пережитое и прочитанное.

ИСТОРИЯ

Исторические сочинения Триандафиллова были своеобразной лабораторией, в которой оттачивалась его терминология и приобретали отчетливость оперативные идеи. Выше уже предлагалась их общая оценка. Здесь мы попытаемся выявить их связь со стилем мышления Триандафиллова.

Одна из первых его работ — о наступательной операции Южного фронта по ликвидации деникинской армии — опубликована в 1921 г. Ее отличает предельная конкретность изложения, подчеркнутая отсутствием агитационных «вступлений». Это отчасти вызвано и самым принципом структурирования текста. Материал разбит на ряд главков, имеющих краткие названия: «Обстановка на фронте 10 окт. 1919 г.» «силы Юж-фронта», «состояние армий», «силы противника», «театр военных действий» и т.д. Нормативность формы здесь очевидно является элементом становления прагматического мышления. Эта четкость и жесткость изложения получили свое адекватное воплощение в выгодах, заключающих статью. Первый из них призывает учитывать социальные конфликты в прифронтовой зоне «при выборе операционного направления». Несмотря на «социологический» оттенок, этот вывод целиком практический: он сделан на основе изучения деникинского тыла. Здесь примечательно желание преодолеть узость чисто «технократических» приемов планирования операций. Далеко по этому пути он не пошел, но самое внимание к полифонии военных факторов объясняет многое.

Второй вывод уже полностью «профессиональный». Если войск мало, можно допустить и образование «пустот» по фронтовой линии. Нужно, чтобы не «боялись этих зияющих дыр во

фронте и держались сосредоточенно на главных направлениях, сохраняя возможность гибко маневрировать и наносить удары... Глубокое же построение всегда дает возможность или встретить обходящего противника встречным ударом или парировать его удар выдвижением из глубины».⁴²³ Тут очень заметен ряд пассажей, присущих зрелым сочинениям Триандафиллова. Правда, до теории глубоких массивованных ударов, разрушающих оборону, пока еще далеко. Подходы к ней пробуются осторожно, словно наощупь. Это только начало поиска новых средств борьбы. Как бы не относиться к этому выводу, нельзя не признать — он показывает нестандартность военно-оперативных замыслов автора. Интересен в этом отношении и третий вывод — о связи штатного построения дивизии и ее тактических успехов. Он допускал «возможность в пределах дивизии оперировать большим количеством бригад, чем три. “Тройка” не годится для стратегических задач, она толкает только на шаблонные решения».⁴²⁴ Это первая проба той диалектики формы и содержания, применение которой ему затем многие поставят в заслугу.

Следующая статья — о «Ликвидации Врангеля» — увидела свет в 1922 г.⁴²⁵ Формальным образцом для нее послужила предыдущая работа. Структура текста здесь повторена почти в деталях. Вместе с тем выводы статьи более обширны, стройны, аполитичны и глубоки. Ранний писательский опыт оказался полезным — в выводах не было ни случайного, ни банального. Весь этот раздел работы скорее напоминал уже систематический эскиз его будущих теоретических изысканий. Об этом напоминают дробящие его подглавки: «маневр и бой», «принципы боя», «формы маневра», «укрепленные позиции», «преследование», «внешние и внутренние линии», «действия отдельных родов войск». Как и в раннем опыте, в основе построения «выводов» — не хронологический, а тематический принцип; здесь он проведен даже более последовательно.

Данная традиция была упрочена в третьей статье — о фор-

---

⁴²³ *Триандафиллов В.* Краткий стратегический очерк наступательной операции Южного фронта по ликвидации Деникинской армии (период с октября 1919 г. по 15 февраля 1920 г.) // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной Академии. 1921. Кн. 1. С. 151.

⁴²⁴ Там же. С. 152–153.

⁴²⁵ *Триандафиллов В.* Ликвидация Врангеля (Стратегический разбор наступательной операции Южного фронта с 25 октября по 15 ноября 1920 г.) // Сборник трудов Военно-научного общества. Книга вторая. Май. 1922. С. 106–151.

сировании Перекопского перешейка.⁴²⁶ Ее главной задачей стала детализация предыдущей работы - к историческая, и военно-оперативная. Здесь автор в своих «Выводах» затрагивает уже такие темы, как «выбор пункта решительной атаки», «второстепенные участки», прием атаки укрепленной позиции», «огонь и движение», «взаимодействие пехоты и артиллерии», «средства обороны и их использование». Теоретические части обеих статей о Крымской кампании представляют неразрывное единство, дополняя, развивая и поправляя друг друга.

Эта манера превращать историческую статью в практическое пособие была утрачена в поздних работах Триандафиллова в данном жанре. Возможно, в том уже и не было нужды — оперативные вопросы тогда подробно освещались в его специальных исследованиях. Наиболее интересной из исторических штудий 1925 г. была статья о наступлении Красной Армии на Вислу в 1920 г.⁴²⁷ Видимо, она инициирована Тухачевским, искавшим любой повод для своей аналогии в польской кампании. Это вообще одна из лучших работ Триандафиллова — в ней многое глубоко, блестяще, умно. Но выводы ее очень кратки и аморфны: от командиров требовалась «большая твердость», «ясное и четкое понимание задач» и т. п.

Сейчас трудно искать этому причины. Для Триандафиллова обращение к данной теме не было случайным. Польский опыт был главной лабораторией для изучения концепции последовательных операции. Характерно уже название одной из работ военного теоретика Н. Н. Мовчина, выпущенной в 1928 г. — «Последовательные операции по опыту Марны и Вислы». Военные идеи Тухачевского, как отмечалось ранее, своеобразный протограф теории глубокой операции. Между ними такое же сходство, как между эскизом и законченной картиной. Стратегические замыслы и догадки должны быть «заземлены», просчитаны, систематизированы — только в этом виде они и обретали реальность. Решение этой задачи и стало делом Триандафиллова. Изменение парадигмы военного мышления — таков был его конечный результат.

---

⁴²⁶ *Триандафиллов В.* Форсирование Перекопского перешейка 7–11 ноября 1920 г. (Действия 51-й Московской стр. дивизии) // Сборник трудов ВНО. Книга четвертая. 1927. С. 135–190.

⁴²⁷ *Триандафиллов В.* Взаимодействие между Западным и Юго западным фронтами во время летнего наступления Красной Армии на Вислу в 1920 г. // Война и революция. 1925. № 2. С. 50–51.

ИДЕИ

Теоретические работы Триандафиллова можно разделить на две части. Первая из них включает его военно-учебные пособия. Собственно, идеи Триандафиллова в наиболее полном виде аккумулированы в одной его книге — «Характер операций современных армий». Она увидела свет в 1929 г. Через три года появилось новое, дополненное издание — последнее. Книге предшествовал ряд его небольших теоретических эссе. Самые значительные из них — «Возможная численность будущих армий» (1927) и «Размах операции современных армий» (1926). Обе они — в измененном виде — станут частями его главной книги. Первая статья — это своеобразное военно-статистическое исследование с элементами «футурологии». Оно показательно той методичностью и строгим расчетом, которые автор применяет не только к прошлому и настоящему, что вполне понятно, но даже и к будущему. Во второй статье очень заметно тяготение к цифровым раскладам. Оно не будет еще столь вызывающим, как в последней книге, но оформление его несомненно.

Основной труд Триандафиллова имеет четкую и разветвленную структуру. Он разделен на две части. Первая из них — «Состояние современных армий» — быстро устарела и ныне интересна лишь историкам. В ней изучены развитие военной техники после мировой войны, возможная численность мобилизованных армий и организация войск. Ценнейшей считалась вторая часть — «Операции современных армий». Она состоит из трех глав. В разделе «Исходные положения» рассмотрены плотность оперативного развертывания, авиационная плотность, оборонительные и наступательные возможности дивизии и корпуса. В разделе «Операция» даны характеристики ударной армии, изучены подход к полю сражения, завязка к ведению сражения, длительность и глубина, операции, наступление на широком фронте, оборонительные операции. В заключительном разделе книги анализируются последовательные операции. Здесь в центре внимания — темы продвижения наступательных армий, размах последовательных операций, характер действия ударных группировок, задачи политического обеспечения, вопросы управления.

Уже одно перечисление этих тем дает представление об энциклопедичности замыслов автора. Здесь мы не заметим «строительных лесов» новой теории. Автор не подчеркивает про-

блемность, нерешенность, неоднозначность, поливариантность ряда затрагиваемых вопросов. Результаты подготовительной работы скрыты за предписывающими формулами почти безапелляционными несмотря на оговорки. Но этот труд лишь внешне имитировал спокойствие и размеренность энциклопедий. Он не является компиляцией прежних знаний и старых подходов, он словно создается на ходу.

В аннотации к книге сказано, что «она не страдает отвлеченностью и беспочвенной абстрактностью».⁴²⁸ С этим согласуются и позднейшие ее оценки. Вся она — царство цифр. Тут все рассчитано — сколько в день проходит полк, дивизия, корпус, какое число орудий, танков и бронемашин должно быть им придано, как быстро двигаются самолеты и тыловые поезда, каков радиус действия артиллерии и насколько точны ее удары. Все это достигает такой изошренности, что начинает казаться педантизмом. Триандафиллов предвидел возможность подобных обвинений. Он писал, что «нельзя принимать приводимые в настоящей работе цифровые нормы безоговорочно для всех случаев. Весь цифровой материал этой работы имеет только ориентирующее значение; он дает те исходные данные, от которых надо идти при тех или иных конкретных расчетах, для каждой конкретной обстановки эти нормы могут измениться. Установить характер и степень таких изменений — дело полководца, — дело практического деятеля».⁴²⁹ Но и этого ему показалось мало. Он еще и особо подчеркнул, что ввиду возможных изменений в боевой технике и организации войск «все тактические и оперативные положения и выводы автора имеет силу главный образ для операций первого периода этой войны».⁴³⁰

Главная цель, однако, была достигнута. Военный успех был представлен не как следствие только полководческих озарений, но и как «материальный» результат умелого использования различных факторов — экономических, политических, психологических, технических и организационных. Опрокинуть военную «алгебру» Триандафиллова можно было уже не остроумным полемическим приемом, а скрупулезной проверкой его расчетов. Это помогло не столько опровергнуть его идеи, сколько

⁴²⁸ Триандафиллов В. Характер операций современных армий. Второе издание. М., 1932. С. 3.

⁴²⁹ Там же. С. 6.

⁴³⁰ Триандафиллов В. Характер операций современных армий. М., 1929. С.

их обогатить.

Теория глубокой операции создавалась не сразу. Позднейшие модификации мешают реконструкции ее раннего ядра. Первым, кто заговорил о глубоком бое, был знаменитый военный теоретик Фуллер. Это произошло уже в конце мировой войны. Фуллер предлагал дополнить танковую атаку на позиции противника прорывом с помощью быстроходных танков и всей глубины его тактической обороны. Танками все дело и ограничилось — Фуллер скептически оценивал возможность взаимодействия машин и пехоты. Это все равно, что запрячь трактор с лошадей — так рассуждал он.⁴³¹ Идеи Фуллера были лишь одним из источников триандафилдовских концепций, и притом не самым важным. Но мысль о «технической» основе глубокого прорыва запомнилась ему надолго.

Внешне что-то в его построениях и напоминает фуллеровскую схему. Внутренние различия, однако, велики. Предлагается использовать два типа маневров (или ударов). Атакующие войска («эшелон прорыва») разрывают фронт, но не идут вглубь, а действуют по внешним операционным связям. В образовавшуюся брешь врывается эшелон развития прорыва». Он наносит мощный удар уже по всей глубине фронта, по его внутренним операционным связям. Триандафиллов считал более эффективным не таранный удар в одном направлении, а несколько ударов по пересекающимся векторам. Это облегчало расчленение и окружение противника.

Важный фактор «развития прорыва» — технические средства. Быстроту прорыва должны были обеспечить в первую очередь авиация и воздушно-десантные войска. Они помогают выйти на оперативный простор основной массе армий. Один из главных элементов прорыва — танки. Предполагалось использовать их в виде трех эшелонов — непосредственной поддержки пехоты (НПП), дальней поддержки пехоты (ДПП), дальнего действия (ДД). Каждый из них имеет особую задачу. Танки НПП оказывают прямую поддержку пехоте в прорыве, танки ДПП — расширяют и укрепляют его коридор, танки ДД проникают на всю тактическую глубину расположения противника. Все танки действуют одновременно, но с разным оперативным радиусом. Одно из необходимых условий их успеха — это правильное взаимодействие с пехотой, авиацией,

⁴³¹ Иссерсон Г. Эволюция оперативного искусства. М., 1937. С. 132–133.

дальнобойной артиллерией.

Много внимания уделял Триандафиллов подготовке операции. Мысль о зависимости глубины наступления от состояния тыла атакующих войск принципиально новой не была. Однако Триандафиллов, пожалуй, впервые в советской литературе столь математически изощренно рассчитал основные параметры этой связи.

Продолжительность операции ударной армии он оценивал в 6-7 дней; ее ширину и глубину — в 35-50 километров. Позднее, готовя новое издание книги, он предложил уже иные нормы — 80-100 километров при нормальной работе авиации и транспорта. Для развития и закрепления успеха нужно было, чтобы одна операция непрерывно следовала за другой — и на одном направлении. Схема последовательных операций, предложенная Тухачевским, в общих чертах была сохранена и здесь. Цикл этих операций должен был длиться около 30 дней и позволить войскам продвинуться на глубину 250-300 километров. Предлагать большее при тогдашнем уровне техники для Триандафиллова было уже авантюрой. Расчеты доказывали, что это приведет к отставанию тыловых частей. При его оценках роли «материального» фактора в войне подобного он допустить не мог.

Указанные нормы, кроме технического обоснования, имели еще и политический аспект. Два цикла операций позволяли сделать бросок на 500-600 километров. Этот радиус, как нетрудно заметить, охватывал территории ближайших соседей СССР. Многие из них воспринимались как потенциальные военные противники.

Это, возможно, одно из тех положений книги, которое он вскоре бы пересмотрел — и не единственное. Ко второму изданию его основного труда был приложен краткий план его будущей переработки. Это настолько сжатые, конспективные заметки «для себя», что трудно определить их военно-теоретическую значимость. Они символичны другие. Они открыто указывают на принципиальную «нестабильность» триандафилловских расчетов, изначально заложенную в концепцию книги. Но у него расчеты не просто «сосуществуют» — они определяют друг друга. Это целая цепочка цифровых зависимостей, когда одна формула строго соотносена с другой. Малейшее изменение технических характеристик пушки или танка — и уже получался общий цифровой «сдвиг».

Когда отмечают условность его расчетов, то указывают именно на это. Доля правды здесь есть, но это не вся правда. Конечно, новые цифры модифицируют и прежние взгляды. «Подгонка» цифр под априорные конструкции для Триандафиллова немыслима. Но главное было не в том, точными или устаревшими оказались его вычисления. Главным была механика, самый метод проверки оперативных деталей цифрами. Главным было обнаружение сложного переплетения разнородных военных факторов. Главным стало открытие и глубинный анализ зависимости между различными элементами и фазами борьбы. Главным была целостность и уникальная системность взгляда на военную операцию, где нашлось место всему — и отдельному солдату и ударной армии.

ПОЛИТИКА

Как политический мыслитель, Триандафиллов почти не известен. Вопросы политики его интересовали мало. Он не афишировал свою партийность после 1919 г. и не на ней основывал свою карьеру. У него можно найти политические оценки, но их немного.

Вместе с тем его политический анализ — своеобразное дополнение к военно-теоретическим приемам. Правда, специальных работ в данном жанре у него нет. Однако в ряде статей содержатся политические «вкрапления». Наиболее заметны они в уже упомянутой статье о борьбе с Добровольческой армией. Там имеется небольшая главка «Тыл Деникина». Описание конкретно и достаточно откровенно, но оно кратко. Как результат этого, были утрачены важные подробности дела. Освещение политических неурядиц у «добровольцев» стало упрощенным и прямолинейным. Триандафиллов тут прежде всего исследовал факторы именно внутренней неустойчивости тыла. А это неизбежно придало односторонность его аналитическим подходам.

Обратимся, однако, непосредственно к его политической мысли. Вот один из выводов статьи, целиком посвященный политическим проблемам: «Стратегия учит, что перед войной нужно дать лозунги войны, создать благоприятную психологическую обстановку в широких слоях не только войск, но и населения. И надо отдать справедливость нашей партии, всегда великолепно справлявшейся с этой задачей. При всякой страте-

гической обстановке, даже тогда, когда, казалось, нет выхода, концентрически проведенная агитационная работа достигала цели и возвращала армии силы для новых активных действий».⁴³²

Этот пассаж, даже при ритуальном упоминании партии, насквозь «технократичен». К «идее» автор подходит утилитарно, оценивая ее прежде всего как эффективный фактор военного успеха. И это проявилось не только в данной статье. Для примера упомянем «Характер операций современных армий», где есть целая глава «Задачи политического обеспечения». Там идеология рассматривалась как одна из форм разложения противника. Эта «идеологическая» утилитарность — примечательная сторона его прагматизма. В той же книге он говорит о том, как близки идеи новой власти массам. Но как только он коснется чисто военных аспектов этой темы, его тон сразу меняется: «Обстановка на фронте тяжелая; лишения на фронте и в тылу огромные. Люди могут под влиянием тягот и трудностей сегодняшнего дня упустить из виду конечную задачу, конечную цель. Мы это наблюдаем среди наиболее колеблющихся и неустойчивых элементов даже теперь в мирное время... Тем более это будет иметь место во время войны».⁴³³

Ритуальные политические фразы не обманывали его: он видел и учитывал реальное положение дел. Но политика не была его стихией. В его политических рассуждениях нет той изощренности и подробного учета всех комбинаций, которые были свойственны ему в оперативном творчестве. Он по инерции повторял пропагандистские клише, не очень-то вникая в их смысл. У него мы можем найти и такие строки: «В большинстве случаев население имеет возможность само видеть или испытать на своей шее разницу между советской и капиталистическими формами государственного строя, разницу в экономической политике, разницу в политике по национальному и другим вопросам».⁴³⁴

Все это сказано без той увлеченности, которая присуща его теоретическим поискам, без видимого интереса к этой проблеме. Он говорит о политике словно нехотя, скороговоркой. В обширной статье о ликвидации врангелевских войск «политработе» уделено всего несколько строк. То же самое можно сказать и о плане изменений в его главной книге.

⁴³² Краткий стратегический очерк. С. 153.

⁴³³ Триандафиллов В. Характер операций современных армий. Второе издание. С. 162–163.

⁴³⁴ Там же. С. 167.

Но здесь мы видим и объективность, которая в нем всегда была сильнее искушения повторить агитационные шаблоны. Примечательна высокая оценка генерала Н. Н. Врангеля и его армии. Последняя, писал он, «превосходила наши армии как умении гибко маневрировать, так и в стойкости».⁴³⁵ Не боясь кривотолков, он отдал должное и самому генералу, «который очень четко разбирался в обстановке, в нашем положении и очень умело в продолжении всего лета умел расстраивать все наши планы».⁴³⁶

Политическая аналитика Триандафиллова несравнима по своей известности с его военно-теоретическими штудиями. Но характерные для него черты видны и здесь. Это прагматизм и объективность. Он их проявлял везде, где смог выразить себя. Где-то это отразилось фейерверком блестящих идей и неожиданных открытий, а где то банальностями и малосодержательной риторикой.

СТИЛЬ

Стиль Триандафиллова необычайно точно передает особенности его мышления. Разумеется, стилевая унификация неизбежна для человека, который творит в рамках определенной, интеллектуальной традиции. Обязательный набор терминов, даже целые лексические штампы, точно и адекватно обозначающие какое-либо явление, должны были заимствоваться и изначально проявляться в его писательской манере. Но стиль оттеняет и индивидуальность человека. Жесткость, прагматичность и чисто «милитаристская» направленность мысли наложили своеобразный отпечаток и на стиль Триандафиллова, сделав его напряженным, нервным, «сухим», кратким.

Конечно, краткость слога не является для него самоцелью, это не сознательная литературная вычурность. Она всегда имеет нормативные пределы и не становится причудливой. Его язык — это язык приказов, понятных, простых и безапелляционных. Но кое-где он переходит допустимую черту. Необходимые, связующие слова утрачиваются, лексические конструкции становятся хрупкими. «Интеллигенция совсем охладела», «времени порядочно. Надо более рационально использовать»,

---

⁴³⁵ Триандафиллов В. Ликвидация Врангеля. С. 118.

⁴³⁶ Триандафиллов В. К пятилетней годовщине ликвидации Врангеля // Война и революция. 1925. Кн. VII–VIII. С. 33.

«поездки в том виде, как его понимали до сих пор, оставить только окружные» — в этих предложениях заметно, как пресловутая краткость деформирует словесные структуры.

Вообще его язык не столько лаконичен, сколько «сух», т. е. лишен художественной отделки и однообразен по словарю. Метафоричность и даже ирония ему чужды. «Алгебраические» тенденции в его работах неизбежно ограничили их литературную обработку. Основной «беллетристический» элемент — это поговорки и устойчивые идиомы, но и они редки. Их употребление к тому же не учитывает специфики лексики. Они зачастую чужды их стилистике. «Эти бои были фактически его лебединой песнью», «главное командование с легким сердцем разрешило Юго-Западному фронту свернуть на юг» — характерные примеры такого стилевого смешения.

«Сухость» изложения в какой-то мере компенсирована наличием жаргонизмов в его письменной речи. Это своеобразный «низовой» способ «разнообразить» слово. Примечательно, что они почти не видны в его теоретических и исторических сочинениях. Здесь терминологический канон жестко регулирует нормативное профессиональное словоупотребление. Жаргонные слова чаще встречаются в его учебных и практических пособиях: «горячка на фронте», «сажаются на роль», «должны нажать на технику управления». Они словно воспроизводят отрывистую, полусвязную речь, привычную для полевых учений.

Одно из следствий краткости слова — его внутренняя напряженность. Эта зависимость отчетливо видна в уже упомянутом плане переработки его главной книги. «На местности, оставленной противнику, стремление:

- задержать

- собраться

- ударить»⁴³⁷ — так сформулировано одно из его положений. Разумеется, это специфический случай, когда краткость из-за структуры текста стала предельной, но есть и другие примеры.

Триандафиллов менее всего заботился о стилистической правке своих работ — у него были иные задачи. Свои таланты он проявил не здесь. Интерес к этой проблеме, однако, не случаен. Его новаторские концепции требовали и особой формы. Спокойное, плавное, литературно обработанное письмо своих

---

⁴³⁷ Триандафиллов В. Характер операций современных армий. Второе издание. С. 181.

предшественников он перенять не смог. Оно годилось скорее для глобально-стратегических рассуждений и для военной эссеистики. Аналитическая напряженность его поисков неизбежно разрушала канонический, общепринятый стиль. Он дал уже иное оформление военной мысли — но пока не отшлифованное, разностилевое, основанное на фрагментах различных типов письма. Его стиль — это еще не фасад, а «строительные леса» фасада, и снятие и замена которых могла быть лишь делом будущего.

ПОСМЕРТНОЕ

«История Красной Армии будет заполнена сотнями страниц о Владимире Кириаковиче, товарищи напишут много поучительного о его работах и идеях» — утверждалось в одном из некрологов после трагической смерти В. К. Триандафиллова в мае 1931 г. в авиационной катастрофе.⁴³⁸ Этого не произошло. Писали мало и глухо, и реже всего в конце 1930-х–1950-х гг. Единственное исключение — статья А. В. Голубева, глубокая и откровенная. С 1960-х гг. о нем иногда упоминали и мемуаристы — в их числе Г. К. Жуков, А. М. Василевский, М. В. Захаров, К. А. Мерецков.⁴³⁹ Его облик стал отчетливым, но мозаичным. Он был известен — но в этой известности нет ничего индивидуального, его трудно выделить из когорты аналитиков 20-х гг.

В начале 1930-х гг. ситуация была другой. Его часто вспоминал и цитировал Тухачевский. Книга «Характер операций современных армий» была самой популярной среди командиров РККА. «Это была первая теоретическая книга в области оперативных вопросов, на которой можно было учиться», она «изменила привычный ход мышления очень и очень многих оперативных работников» — так ее воспринимали в 1932 г.⁴⁴⁰ О ней много спорили, ее изучали. Инерция движения, которую Триандафиллов придал советскому военному мышлению, оказалась более устойчивой, чем известность его реформатора. Это хорошо видно на примере официальной канонизации теории глубокой операции. Уже упомянутая записка Триандафилло-

⁴³⁸ Красная звезда. 1931. 14 мая.

⁴³⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 118; Мерецков К. А. На службе народу. М., 1988. С. 98; Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 61–62.

⁴⁴⁰ Триандафиллов В. Характер операций современных армий. Издание второе. С. 3.

ва 1931 г. оказалась ядром доклада начальника Штаба РККА А. Н. Егорова Реввоенсовету СССР. Он подробно изучался в войсках, были, замечания и поправки. Плод этой работы — издание в 1933 г. «Временных указаний по организации глубокого боя». Их практическая значимость определялась затем в полевых условиях, на учениях и играх. «Инструкция по глубокому бою» 1935 г. и стала итогом нормативного оформления триандафилловских идей.

Вся эта сложная ступенчатость обсуждения — одна из тех причин, по которым позднее историки оттеняли коллективное, а не авторское начало в данной теории. Отчасти они правы. В концепции Триандафиллова учтены и политико-стратегические идеи (здесь очевидно влияние не только Тухачевского, но и генштабистов), и прикладные разработки военных операторов. Все это так. Не изменение парадигмы военного мышления — многоактное действие. Исследование частных тактических проблем и общие и фрагментарные стратегические рассуждения — всего лишь его начало. Решающим условием здесь был синтез всех оперативных комбинаций — широкий, энциклопедический и системный. Только тогда и могла возникнуть новая теория. Это и была, образно говоря, та «первоидея», которая определяла код и диалектику оперативной мысли.

Ее и оформил Триандафиллов. Именно синтез, а не компиляция различных идей — вот что характерно для него. Целостность теоретических построений — его прежде всего творческий результат его работы. Он предложил образец, канон военнотактических приемов, дальнейшие модификации которых лишь развивали и углубляли их существенные черты. Он был первопроходцем. Следовавшие за ним расширили проложенный им путь, но его направление сохранилось.

Б. Б. КРОСС.
МЫСЛИТЬ НЕБЕЗОПАСНО...
ИЗ ДНЕВНИКОВ 1944—2004 гг.

1.

Вопрос о том, для кого и для чего пишутся дневники, возможно, так и не будет никогда решен. Остановить мгновение нельзя, но ощущение новизны, необычности и некоей театральности работы летописца редко покидает человека, даже если дневниковые записи становятся привычкой. Цель, которую ставит перед собой автор дневника, сначала может иметь утилитарный оттенок. Ему важно отметить события политические или семейные, но касаясь их, он неизбежно перемешивает все жанры, схемы и сюжеты дневника. Потребность оказывается привычкой, скованный и осторожный подбор слов сменяется размашистым почерком, тон становится уверенным — дневник превращается в зеркало, временами тусклое и искаженное, но отражающее контуры потаенного человеческого существования. Даже стремясь сосредоточиться на определенных темах, даже оставаясь в рамках публицистики, политики, философии и психологии, человек прежде всего выявляет самого себя, обнаруживает своеобразие своего жизненного стиля — пусть и в оговорках, репликах и междометиях. Дневник становится формой человеческой саморефлексии. Интуитивное и неясное ощущение, будучи переложенным на бумагу, осознается отчетливее, попытки его поправить усложняют средства самопознания, расширение языка, неизбежное при переходе от речи устной к речи письменной, раздвигает мировоззренческие горизонты. Ткань дневника рвется — его традиционная канва уже не выявляет неожиданные зигзаги и переплетения усложняющейся человеческой мысли, с ее парадоксальными ассоциативными связями и непривычной логикой.

Предлагаемые вниманию читателей записи Б. Кросса — характерный образец такого специфического «размывания» жан-

ра дневника. Его заметки 1945 – начала 1950-х гг. имеют много общего со стилем тех, кто начинает впервые вести дневник. Сразу видно, как трудно автору открыться – и для других, и для себя. «Обнаженные мысли и чувства столь же беспомощны, как обнаженные люди. Нужно, стало быть, их облачить» — писал Поль Валери. Форма «облачения» — обращение к чужому и маскировка им «своего». Первые записи — это обычно отклики на прочитанные книги, увиденные фильмы или спектакли. Это заметки скорее зрителя и читателя, чем бытописателя. Это неизбежно устанавливает пределы саморефлексии — она ограничена прокрустовым ложем эстетических, идеологических и политических размышлений. Заметны осторожность автора, его оглядка на общепринятые системы оценок, скупость самих этих оценок. Его мысли редко прорвутся наружу отчаянием, гневом, экзальтацией. Они прочно закованы строгим подбором слов, традиционностью дефиниций, нарочитой правильностью, продуманностью синтаксических конструкций, делающих текст порой похожим на школьные риторические упражнения. Нескладицы речи здесь нет. Это по преимуществу «ровное», лишенное пафосности описание, иногда с использованием привычных (и не очень эффектных) метафор. «Она сама по себе чарует и танцы воспринимаются как зрительное оформление мелодии» — так, например, оценивается музыка Чайковского.⁴⁴¹

Язык первых записей статичен. Здесь почти не найдешь озорного слова, меткой, пусть и пристрастной характеристики, «живых», но синтаксически неправильных реплик, нарушающих монотонность однообразной речи. Язык настолько «правилён», что не требует внешней отделки и фиксируется как раз и навсегда данное. Он не является регистром усложняющейся мысли автора, требующей новых, непривычных для него прежде слов и выражений — наоборот, зачастую эта мысль упрощается, лишается оттенков, унифицируется «неподвижным» языком. Пестрота слов, обращающая на себя внимание в ряде записей, не делает более тонкими передаваемые ими ощущения, а служит подспорьем для создания эффекта красоты слога. Типичными здесь можно счесть отклики на книгу А. Кронина «Цитадель»: «Этот оптимизм не в благополучии, победе, удовлетворении, успокоении, а в сознании высокого благородства... Есть и всегда будут такие люди, для которых их дело и совесть,

---

⁴⁴¹ Кросс Б. Мыслить небезопасно... Из дневников 1944–2004 гг. Мысли. СПб., 2005. С. 23.

т.е. так называемые «идеальные» побуждения будут больше значить, чем животное стремление к жизненному благополучию... Таков тон и всей книги: правдивость, искренность, свежесть. От этой книги... становится легко, тянет куда-то вдаль, трудиться, бороться. Это благородная книга в полном смысле этого слова и к благородству она и призывает».⁴⁴²

Заметно, что эта нескончаемая вязь одних и тех же слов, хотя и в разных сочетаниях, никак не «расцветивает» оценки автора и не углубляет их, а является скорее своеобразным стилистическим каркасом. Живая, оригинальная мысль здесь скрыта многочисленными эпитетами, дисциплинирована или подчинена им.

В неразрывной связи с такими методами анализа находится часто используемая автором схематизация его аргументов, «тезисное» разделение ее по пунктам. Прием, часто применяемый педагогами, едва ли мог быть полезен для того, кто видит в дневнике средство самосовершенствования и самоусложнения. Скрупулезная схематизация заметна при разборе рассказа О. Бальзака «Опека» — подчеркивается, что рассказчик «сообщает тысячу вещей о своем герое: описывает его происхождение, родителей, родных, друзей, знакомых, портрет, костюм, квартиру, дом, улицу, окружающий квартал; его характер, намерения, мысли, планы, отношения с другими людьми».⁴⁴³ Об этом можно было бы сказать короче, двумя-тремя словами, или афористической сентенцией — но тогда бы и стиль дневника был бы другим, менее «правильным» и более раскованным, «живым». Особую значимость тогда бы получили не блестящие красотой слога оценки, а парадоксы — эпатирующие, провоцирующие споры, будящие мысль. Вывод о том, что «Бальзак — сложный писатель. Он дает не только статические характеры, но и их динамику, развитие», не будучи подробно мотивирован, создает иллюзию простоты взгляда, независимо от того, приуще ли это было в то время автору дневника. Доведение «*ad marginem*» этого приема схематизации можно обнаружить в записи о книге Э. Рузвельта «Его глазами». Размышления автора сведены к нескольким весьма кратким, и потому неизбежно упрощенным тезисным положениям, разделенным по пунктам. Такая пунктуация впечатлений заметна и в откликах на роман

---

⁴⁴² Там же. С. 24.

⁴⁴³ Там же. С. 25.

И. Новикова «Пушкин в изгнании». Чувствуется она, хотя и не столь явно, и в других записях — четкость их структуры и краткость выводов даже без деления текста на «пункты» обнаруживают все ту же тенденцию.

Не стоило бы так подробно останавливаться на этой особенности почерка автора дневника 1940 – начала 1950-х гг., если бы не ее очевидная связь с определенным схематизмом его тогдашних оценок, как литературных, так и политических событий. Вычленение «главного» и невнимание к деталям есть практика упрощения видения мира и неудивительно, что оно соседствует с педантичным перечислением мельчайших и во все необязательных для фиксации в дневнике малозначащих деталей. В записи 8 февраля 1945 г. тщательно выписываются «канцелярское» название б. Мариинского театра («Гос. ордена Ленина Академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова»), звания артистов («дирижер — засл. арт. РСФСР»),⁴⁴⁴ которые здесь отчетливо диссонируют с очень красивой, хотя и не очень ясной ремаркой: «Зрительный зал опрокинут в сплетение гармонии».⁴⁴⁵ Это еще можно объяснить поиском своего стиля, робостью первых записей (позднее автор не будет столь педантичен при передаче своих театральных впечатлений) — но и в дальнейшем мы встречаем, например, едва ли не библиографическое описание рецензируемых книг, вплоть до указания количества их страниц. Это не случайно. Такая библиографическая дотошность столь же академична, как академичны и структура анализа искусства и политики в других дневниковых записях, как академичны методы полемики и приемы изложения аргументации, как, наконец, академичны «красивость» слов и их тщательный отбор. Академизм — это приверженность традиции, и прежде всего традиции. Это предпосылка той осторожности и сдержанности, которые всегда будут отличать автора дневника — но и условие продуманности, системности, «фундаментальности» его потаенного протеста.

2.

Эту академичность автор дневника обрел, конечно, не сразу. Многие его оценки в первых записях даны «готовыми». Тем ценнее те записи, которые представляют собой своеобразную стено-

---

⁴⁴⁴ Там же. С. 22.

⁴⁴⁵ Там же. С. 23.

грамму потока сознания. Одна из них на первый взгляд является синтезом впечатлений от чтения книги А. Чаковского «Это было в Ленинграде»: «Автор никуда не ведет, не зовет, не учит, а показывает жизнь такой, как она есть, со всеми противоречиями, примиряет с ними. Это для нас, во-первых, странно; во-вторых, хорошо, — что правда, но, в-третьих, это все-таки деморализация».⁴⁴⁶ Уже отмеченное пристрастие к «пунктуационному» разделению здесь, пожалуй, только имитирует законченность и безапелляционность выводов. Перед нами скорее предельно сокращенная стенограмма последовательно возникающих, но подчас противоречивых размышлений автора. Первый его отклик скорее ортодоксален. Не очень привычная, по мнению Б. Кросса, для концепции соцреализма манера писателя вызывает какое-то сдержанное удивление («очень странно»), но не одобрение. Затем его вердикт меняется. Возвращаясь к своим впечатлениям, он отмечает «правду» писателя и дополняет свои оценки, считая такой подход «хорошим» — правда, особой связкой слов («хорошо, что правда») ограничивая перечень достоинств книги. «Это все-таки деморализация» — уточняет он далее свой вывод и независимо от того, чем он мог быть вызван (не исключено, что и ввиду причисления себя к лагерю романтиков и идеалистов), нельзя не признать, что он более близок к официальным представлениям о «нормах» советской литературы.

Отчетливее эта стенограмма потока сознания видна в записи 8 марта 1948 г. о фильме «Русский вопрос», поставленном по пьесе К. Симонова. Автору трудно определенно сформулировать свои ощущения. Подытоживая их, он сначала пользуется стереотипными оценками: фильм кажется ему и «схематичным», и «сильным». Парадоксальность таких полярных трактовок побуждает его вынести более «твердый», окончательный вердикт — и без двусмысленности. Он пытается это сделать, еще и еще раз перебирая свои впечатления — и не может все же дать ясный ответ: «Это политический памфлет — и “сила” его в этой плоскости. Для тех, кто не интересуется политикой, и этот фильм не интересен... А впрочем все-таки что-то не то,... если подумать, как следует, то чего-то нет, впечатление не остается надолго. Еще немного — и можно было бы сказать, что в нем нет ничего. Но это не так. Что-то все-таки есть. Но что?».⁴⁴⁷

---

⁴⁴⁶ Там же. С. 43.

⁴⁴⁷ Там же. С. 68–69.

Простота, краткость и однообразие вопросов и ответов скрывают этапы усложняющейся рефлексии Б. Кросса. В невидимой для читателя лаборатории рождается отклик более неординарный, хотя и по-прежнему не очень отчетливый: «Может быть, дело в том, что фильм светит отраженным светом. Поэтому он... светит бледно, тускло и... не греет».⁴⁴⁸ Образность здесь возникает вследствие трудности перевода неясных ощущений в отчеканенные политические формулы — и отчасти из-за того, что этими формулами если и можно что-то выразить, то выразить именно тускло. Переданная в образной форме, мысль автора становится менее тривиальной. Соппротивление официальному языку, порой и подсознательное, возникающее вследствие и неполитических причин, противопоставление ему языка своего, хотя пока и неоформленного — первая ступенька к независимости мышления.

Другая из ступенек — тяготение к сложному, стремление к тому, чтобы оценка выглядела как можно менее банально. Примечательно, сколь часто автор дневника стремится выйти за привычный для советского человека круг чтения. Он знаком с трудами Вл. Соловьева, Ж.-Ж. Руссо, В. Брюсова, Л. Андреева и даже Р. Иванова-Разумника, эмигрировавшего из СССР во время немецкой оккупации. Сложное трудно, порой недоступно. Автор поначалу крайне осторожен, пытаясь разобраться в незнакомых терминах, в чужом языке, отражающем иной уровень мышления и другие техники анализа текста. Первичной реакцией на новую и непривычную для него культуру нередко была и попытка ее упростить, раздробив содержание книги или статьи по «темам», мало передающим их своеобразие и предельно общих. Внимание Б. Кросса при этом сосредотачивалось на более понятных ему аспектах вопроса. Не всегда сложное являлось и импульсом для уточнения или пересмотра позиции автора дневника. В ряде случаев оно не анализируется, не расшифровывается, а только цитируется, выводится тем самым за скобки, существует как бы вне цепочки размышлений автора.

Важнее, однако, другое — то, что автор ищет сложное, вновь и вновь обращается к нему, делает это чаще и чаще. Элементарность и примитивизм — вот огрехи советских «агиток» (политических, историографических, литературоведческих, философских), на которых он останавливается в первую очередь.

---

⁴⁴⁸ Там же. С. 69.

Сложность — это обязательный критерий истины для автора дневника — хотя далее он обращает внимание и на противоречивость содержания, на ложность исходных посылок и на умолчания, присущие советской литературе. Естественным тогда представляется и уже отмеченное выше стремление Б.Кросса к «красивости» слога. «Красивость» — это своеобразный лиризм, не очень-то характерный для «казенного» официального языка с его чересполосицей стереотипных политических клише и пафосной, далекой от безыскусности, риторики. «Красивость» иных записей дневника также нарочито стилизована, но у нее другая цель: показать индивидуальность своего голоса, указать на непричастность к толпе, найти новые краски для передачи чувств, которые противопоставлены мелким заботам обывателей, не способных оценить прекрасное и подняться над рутинной бытия. Наконец, «красивость» — это и мостик, перекинутый к миру литературы и искусства, туда, где автор и пробует себя в роли литературного арбитра, историка-философа, киноcritика, знатока изящного. «Они жили и пустыне, в которой по собственной прихоти строили миры поэтических грез», — так пишет он о В. Брюсове и К. Бальмонте в феврале 1945 г.⁴⁴⁹ Да, «красиво», но сравните это с репликой о символистах, прозвучавшей год спустя в печально знаменитом докладе А. Жданова — и стиль не тот, и лексика не та, и тон другой.

Это лишь некоторые из предпосылок, обусловивших возникновение и упрочение той жесткой критики советских порядков, советской идеологии и политики, которые со временем стали доминирующими на страницах дневника. Нельзя, однако, не отметить и ряд других, не менее важных, фактов. Один из них — афишируемая Б. Кроссом неприязнь к мещанству, противопоставление себя миру пошлости и лжи, ощущение уникальности собственного житейского опыта. Автор подчеркивает, и не раз, те свои характеристики, которые в глазах читателя отличают его как романтика. «Негатив» и «позитив» при этом как-то неумовимо связаны между собой. Чем светлее то, что ищет романтически настроенный автор, тем чернее оттеняющий эти искания «негативный» фон, т.е. те условия, в которых приходится бороться за возвышенные идеалы. Нельзя и выделить себя, не сгущая краски этого фона, не превращая практику критицизма в нечто постоянное. «Жизнь идет в стороне от меня по каким-то

---

⁴⁴⁹ Там же. С. 27.

своим законам, которые понятны всем остальным и кажутся им справедливыми... То, что другие принимают *просто*, для меня не случайно сложно... Где же ты, мировая гармония? Мне кажется, она может быть достигнута только тогда, когда исчезнут все материальные интересы» — читаем мы в его дневниковой записи 23 марта 1945 г.⁴⁵⁰ Несправедливость, корысть, зависть, карьеризм, интриги — он очень подробно перечисляет в ряде записей конца марта 1945 г. те эпизоды и сцены, где вырвались наружу эти низменные страсти.

Кто виноват в том, что люди стали такими? Они сами? Автор не раз задает себе этот вопрос (зачастую и не прямо, а косвенно) — и в своих выводах до конца последователен. Виноваты не столько люди, сколько условия «советской жизни», развязавшие их низменные инстинкты — таков его приговор. Через обличение бытовых неурядиц, склок, погони за наживой к обвинению всего политического строя в том, что он культивирует принцип «человек человеку волк» — вот путь автора дневника. Романтик неуютно чувствует себя в мире меркантильных, расчетливых дельцов, опустошенных людей, заботящихся только о пропитании и теряющих человеческий облик: «Здесь столовая, буфет. Очередь за печеньем. Научные работники чуть не дерутся с инвалидами войны из-за права идти вне очереди».⁴⁵¹ Будет ли он другим, когда увидит все то, что отвратительно ему, завуалированным политической риторикой? Нет, он не живет на два дома, поскольку и в собственных глазах, и в глазах того, кто позднее прочтет его записи, будет тогда выглядеть двурушником. Как он сможет порицать других, не будучи честен перед собой? Со временем обличение становится доминантой дневника. Это ось, тот цемент, который скрепляет повествование, условие обновления и усложнения духовного мира автора. Уберите этот фундамент — и здание рухнет.

В той же записи 28 марта 1945 г. читаем: «У нас в современном обществе... ложь, гнусный обман, лицемерие... Кричат о «свободах» печати, слова, совести, о равенстве, о «демократии», об отсутствии империалистических тенденций в политике, о справедливости и бескорыстии ее... Ложь».⁴⁵² Так критика нравов, расширяясь, ведет к политическому инакомыслию. Крити-

---

⁴⁵⁰ Там же. С. 29.

⁴⁵¹ Там же. С. 30.

⁴⁵² Там же. С. 31.

ка становится тотальной: мелочен и жаден «простой советский человек», алчны «передовые борцы за коммунизм», фальшива и труслива советская литература, лжива советская пресса, обманчива советская «демократия». От записи к записи оценки становятся более политически «крамольными» и жесткими, утверждения — более безапелляционными, презрение — более сильным, протест — более ярким и безоглядным. Но вот отклик на сборник статей 1915 г. — сборник «скорее всего кадетский», как замечает автор: «Многие из этих мыслей актуальны и интересны и теперь,... они сильны, свежи, оригинальны. Чувствуется движение общественной мысли, чего теперь у нас так мало... Общественной жизни именно свежей и оригинальной, т.е. не ходящей в шорах по проторенной тропинке, во-первых, умеющих оценить и проанализировать, во-вторых, не внушенной, не инспирированной, а вполне самобытной и искренней».⁴⁵³

3.

Вот лаборатория «внутреннего эмигранта»: настоящее не только отвратительно, но оно и уступает прошлому. Неприязнь к настоящему получает дополнительный импульс, поскольку оно — выражение регресса, а не прогресса. Кадеты оригинальнее советских публицистов, Блок, Брюсов и Белый интереснее советских писателей. Б. Кросс с какой-то безразличностью пересказывает опусы последних, находя их «механическими», «штампованными», «стандартными». Может быть, смириться с тем, что ежедневно возмущает автора дневника, списать их на неизбежные «пережитки прошлого», или, например, счесть, по гегельянским и марксистским рецептам, теми противоречиями, которыми «движется жизнь». Для Б. Кросса противоречия бытия — это не условие развития человека и общества, их обновления и прогресса. Это «искажение» мира, неправомерное, требующее скорейшего искоренения. Взгляд автора со временем приобретает своеобразную «негацию» — все, что бы ни встретилось ему, требует исправления, все, что он слышит, имеет отпечаток лжи. Так повторяется изо дня в день, так возникает привычка к критике, так отшлифовывается техника обличений с уже готовыми приемами и логическими схемами. Можно усмотреть педантичность в ряде замечаний дневника при скрупулезном перечислении достоинств и недостатков какой-либо

⁴⁵³ Там же. С. 56.

работы — но столь же педантичным вскоре станет и перечисление критикуемых им советских порядков. Да, его формулы «красивы», отшлифованы порой до неестественного блеска — но разве «красивость» совместима с «казенным» советским языком. Чем чаще он пытается «красиво» выразить свои мысли, тем заметнее становится для него косноязычие официозов, грубость «агиток», бедный, «штампованный» язык литераторов. Да, есть какая-то монотонность критики, специфическая твердокаменность приемов, нерушимый сценарий сличения «pro» и «contra» с его нарочитой моралистической сентенцией. Но как иначе противостоять тотальному воздействию государства на человека — через университет, беллетристику, кино, прессу, научные труды и ученые «дискуссии» с их обязательным ритуалом обвинений и самообвинений. Очень трудно это сделать, если не столь же ежедневно, методично и безоговорочно «выдавливает из себя раба», защищаясь, как броней, той же казуистикой, выискивая мельчайшие промахи тех, кто стремится его поработить.

Б. Кроссу присуща какая-то особая «оценочность» взгляда. Он еще не начал говорить, а уже оценивает, явление еще не описано до конца, а уже помещается в жесткую схему. Напрасно искать в этом дневнике непосредственные, яркие картины, занимательные диалоги или что-то такое, что не поправлено критической репликой наблюдателя. Ему сподручнее взять нечто готовое, очищенное от наслоений непосредственных впечатлений, но представляющее именно квинтэссенцию. Может быть и потому он охотнее изучает книги, а не «человеческую комедию», живее реагирует на то, что «отстоялось», выкристаллизовалось, а не на то, что неуловимо растворено в калейдоскопе различных лиц и положений. Простая, бесхитростная запись того, «как это было» (если воспользоваться афоризмом Л. Ранке), история, как она есть, без ремарок, как единый поток, вбирающий в себя и главное, и второстепенное, не так интересны автору дневника. Мысль его методично классифицирует действительность, скрупулезно разделяет реальность на «хорошую» и «плохую».

В этом есть что-то близкое к приемам публицистов тех лет. Изучая дневник, невольно обращаешь внимание на то, что выступление против «системы» нередко осуществляется с помощью инструментов этой «системы». Аргументы, используемые им, «диалектичны» в том значении, в котором это слово использовалось в советское время. Нет аргументов, употребление

которых единственно возможно в раз и навсегда определенных ситуациях. Аргументы «ситуативны». Они годятся для критики одних постулатов, но в другом случае сами являются объектом критики. Неизменна лишь критика как таковая, неизменны сценарии обличения. Схемы критики в записях 1940-х—начала 1950-х гг. весьма примечательны. Автор дневника нередко порицает кого-либо не столько за то, что он делает, сколько за то, что он делает это неправильно, неумело, непоследовательно. Тем самым он неизбежно оказывается в рамках того порядка, который оценивает.

Общество несправедливо, а это развивает «личные интересы», нет взаимопомощи — пишет он. Почему эта неприязнь к «личным интересам» оказывается столь созвучной советской пропаганде, поднаторевшей на проповеди коллективизма? В другой из записей он обвиняет газету «Культура и жизнь» в лицемерии и постоянной ругани. Вывод: «...Ругать — это не самый действенный способ политического воспитания, политической пропаганды и агитации. Разве не надо показывать положительные явления, ставить положительные же задачи, цели, “идеалы”? А получается... будто в нашей советской культуре и нет ничего хорошего».⁴⁵⁴ Вывод этот вполне ортодоксален: воспитывать надо, но не бранью, а чем-то другим, и идеалы нужны — сплошь положительные, и в советской культуре есть хорошее. В романе И. Кратта «Остров Баранова» ничего не сказано о «нещадной эксплуатации туземцев» (запись 19—21 августа 1946 г.),⁴⁵⁵ у Дж. Лондона нет «общего цельного мировоззрения» (запись 6 января 1946 г.)⁴⁵⁶ — такие примеры можно продолжить. Выявить происхождение этих оценок труда не представляет. Интересно другое. Говоря иногда ортодоксальным, большевистским языком, приводя ряд привычных постулатов, автор дневника, как это ни парадоксально, именно лояльной критикой затверживает азы инакомыслящего. Главное не в том, в чем уличена советская газета, а то, что она уличена. Газета перестает быть авторитетом, обязательным для автора дневника — завтра можно в ней будет оспорить и другое, не относящееся уже к литературе. Об одной из повестей говорится, что там мало социалистического реализма и Сталинскую премию, может статься, ей

---

⁴⁵⁴ Там же. С. 61.

⁴⁵⁵ Там же. С. 57.

⁴⁵⁶ Там же. С. 46.

дали «по благу». Важнее здесь не упрек, а ощущение того, что премии даются несправедливо, что канон «шедевров» советской литературы создается произвольно, не в силу художественных достоинств, а по идеологическим мотивам — так размываются ориентиры, которые должны воспитывать массы. Так постепенно формируется уже отмеченная выше «негация» взгляда, который проблематичное и сомнительное подчеркивает теперь в первую очередь, отодвигая положительное и заслуживающее похвалы на второй план. Эта «негация», правда, заметна уже в ранних записях дневника. Что, казалось, может задеть его автора в киножурнале, показывающем подписание акта о капитуляции Японии. Но нет здесь пафоса, нет эйфории победы: «Наши генералы выглядят какими-то приземистыми, толстыми, неуклюжими, неловкими (это впечатление усиливается одеждой, формой — явно не европейской)... Наши генералы держатся неловко, принужденно, не знают, куда девать руки, что делать; с напряжением стараются держаться с достоинством. Явно чувствуется недостаток культуры...».⁴⁵⁷ И это — почти все, что Б. Кросс счел необходимым рассказать о конце войны. И это — начало дневника, но очень симптоматичное в свете того, каким в дальнейшем оказался путь его автора: от лояльного указания на некоторые недостатки до тотальной критики всего советского: политики, экономики, истории, идеологии, культуры, быта.

4.

Дневник 1960-х–1980-х гг. имеет несколько доминант, часть из которых была заметна еще в ранних записях. Это философские, политэкономические, социологические опыты. Это размышления о политике и литературе, о нравах и искусстве. Автору интересны не новости, а события — мы очень мало найдем здесь откликов на злобу дня. Для него привычнее углубляться в прошлое, а не оценивать настоящее. Он и имеет дело именно с реликтами — уже опубликованными книгами, уже сформулированными теориями, уже ушедшими с политической арены лидерами. Записи становятся длиннее, превращаясь порой в законченные эссе. Темы в них переплетены — иногда философская медитация обрывается литературоведческой репликой и заканчивается политическим выводом. «Нейтральных» записей почти нет, все посвящено одной цели — разоблачению лжи, ли-

⁴⁵⁷ Там же. С. 40–41.

цемерия, умолчаний, непоследовательности и противоречивости канонических постулатов, выявлению истинной подоплеки событий и тех приемов, которыми она маскируется. Разоблачение имеет тотальный характер. Опровергается марксистская философия, подвергается сомнению марксистская политэкономия, замечен сарказм в оценке внутренней и внешней политики СССР, нелицеприятный вердикт выносится произведениям советской литературы и советского искусства, скептически воспринимается фигура «нового советского человека».

Обращает на себя внимание скрупулезность, обдуманность, обстоятельность рассмотрения почти каждой из затронутых автором дневника тем. Он размышляет, а не только кратко и безапелляционно излагает свои выводы. Происхождение его оценок выявляется здесь намного рельефнее, чем в дневнике 1940-х гг. В ряде записей замечен скрытый диалог: прежде, чем определить свою позицию, автор говорит о позиции других, ведет с ними спор, уличает их в двусмысленности, обнаруживает их обман. Он ежедневно объясняет себе, почему он непримирим, объясняет логично, последовательно, с помощью аргументов, которые ему кажутся неопровержимыми. Такое действие необычайно усиливает критический настрой — за ним стоит не сиюминутное раздражение, но фундаментальное интеллектуальное усилие. Постоянные упражнения в этой «негативной» диалектике постепенно создают привычку, а затем и потребность в критике. Осведомленность автора дневника в различных областях гуманитарных знаний еще тверже упрочивает критичность его взгляда: нет повода для едких сентенций о внутренней политике, но есть литературный опус, который кажется достойным порицания, не прочитаны еще последние статьи экономистов, но можно поразмыслить над философскими ухищрениями профессиональных идеологов.

Не столь уж и важно, где ему предстоит на сей раз выявить свой скепсис. Различные ощущения и впечатления, реплики и раздумья — политические, философские, экономические, этические — образуют неостановимый единый поток, который размышляет то, что прежде воспринималось как аксиоматичное. Порой кажется, что автору дневника вообще недоступны какие-либо иные подходы, кроме критических, что он еще не успел отметить что-то, как уже отозвался на это саркастической оговоркой. Можно спорить о том, плохо это или хорошо, но для того, чтобы

опровергнуть аксиому, обязателен труд особый, нужен взгляд предельно пристрастный, необходимы твердость, жесткость и нестигаемость при отстаивании своей правоты. Разумеется, за это приходится платить, и цена в ряде случаев оказывается высокой. Чем можно подчеркнуть шаткость представлений советских пропагандистов о будущем коммунистическом обществе, основанных на оговорках Маркса? Ссылкой на самого Маркса, который о коммунизме высказывался во многом иначе. Как можно опровергнуть постулаты политэкономии, во многом сформулированные Марксом? Только развенчанием Маркса, который превращается из авторитета в близорукого путаника, не пожелавшего сделать должные выводы из современных ему событий. Таким же операциям подвергается (хотя и более редко) Ленин, и вообще подобное «ситуативное» использование аргументов в ряде случаев не чуждо Б. Кроссу. Эта «диалектика», однако, глубоко оправдана, и едва ли ее можно принять за неразборчивость в средствах с целью посрамления оппонентов. Это скорее важное свидетельство самостоятельности почерка автора дневника, следствие разностильности его переходных состояний. В каждом из них он делает еще один шаг, освобождаясь от влияния догм и раздвигая свой кругозор — но еще не полностью отгораживаясь от влияния логики оправдания и приемов полемики тех, с кем он спорит. Это придет позднее, но тем и интереснее для нас лаборатории, в которых формируется инакомыслящий вопреки тотальному и силовому воздействию советского режима.

5.

Обратим внимание на структуру доказательств и причинно-следственные связи в социологических интерпретациях Б. Кросса 1960–1980-х гг.

«Коммунизм — это прекрасная мечта, но не более», — пишет он в дневнике 29 мая 1964 г.⁴⁵⁸ Почему? Ответ таков: «С точки зрения диалектики вообще не может быть достигнуто совершенное общество. В противном случае прекратилось бы развитие... Развитие будет происходить (теоретически) вечно. Следовательно, вечно будут существовать противоречия (это закон диалектики)». Это — первый тезис в цепочке умозаключений автора дневника. Запись имеет заголовок: «Мои мысли о коммунизме», но

---

⁴⁵⁸ Там же. С. 92.

и самые критерии коммунизма, равно как и понятие диалектики, рассматриваются в трактовке не совсем гегелевской и не совсем марксистской. Он анализирует более модернизированный вариант — концепцию «научного коммунизма», сложившуюся к середине 1960-х гг. Для него незыблемо, что коммунизм имеет только те характеристики, которые отмечены в этой концепции, и для него прочно убеждение в аксиоматичной ценности диалектики. Он не спорит с этими понятиями, созданными до него, они ему кажутся надежным инструментом для того, чтобы опровергнуть другие постулаты. Тем самым, хочет ли он этого или нет, автор дневника невольно подчиняется правилам игры, установленным не им самим, а другими ее участниками.

Тезис второй: невозможно удовлетворить все потребности, поскольку сразу появляются потребности новые. Игра продолжается — то, что коммунизм предполагает распределение товаров и услуг по принципу: «каждому по потребностям, от каждого по способностям», сформулировано еще «классиками» марксизма-ленинизма. Автор дневника сравнивает их тезисы, находит противоречия между ними самими, между ними и диалектикой, и, наконец, между ними и реальностью — но канва и диалога, и спора задана опять же догматикой все тех же «классиков».

В другой записи — 7 июня 1964 г. — автор размышляет о том, «каким должен быть общественный и политический строй».⁴⁵⁹ Идеал таков: «Новая система должна быть организована так, чтобы оставить как можно меньше места для всяких случайных, и, следовательно, неопределенных факторов. Надо, чтобы она действовала автоматически, с непреложностью законов природы». Чего стоит в этом случае диалектика с ее законом спиралеобразного развития, не подлежащая, как истина, никакому сомнению (это явно видно по записи 29 мая 1964 г.) — не очень ясно. Но примечательнее здесь вот что. Советская модель социализма, как отмечается тут же, не самая лучшая. Что ей противопоставить? Парадоксально, но все ту же веру в то, что общество может быть математически четко выстроено, веру в общество, не допускающее случайностей и сбоев, действующее, подобно роботу или станку. Не о том ли мечтали «классики» и не по их ли заготовкам сконструировали постоянно оседавший каркас советской системы с ее обязательной централизацией, с ее тотальностью приказов, которые должны выполняться с уже знакомым нам «автоматизмом».

---

⁴⁵⁹ Там же. С. 102.

Сказать, что здесь, пусть и подсознательно, проявилась зависимость от идеологии того, кто пытается ее преодолеть, и ограничиться только этим — нельзя. Необходимо еще и подчеркнуть условность самого акта освобождения, которому были присущи десятки, если не сотни переходных состояний. В такой ситуации трудно абсолютно верно определить степень своей свободы — особенно тогда, когда приходится оценивать ее по старым меркам. Исчезновение реликтов в мышлении ввиду ежедневного «критического» действия кажется естественным и потому не очень заметно. Но тому, кто внимательно читает дневник, видно, как это происходит: расширяется круг рассматриваемых вопросов и сюжетов, безоговорочнее и жестче становятся вердикты, разветвленное и подробнее оказываются многочисленные эссе, вкрапленные в ткань дневника, сложнее и извилистее выглядят полемические ходы, применяемые автором.

Нельзя не отметить, однако, что там, где Б. Кросс не связан каким-либо авторитетом, более спорными кажутся его доводы и менее приемлемыми его выводы. Особенно это ощущается в тех записях, где он свободно переходит от истории к биологии, от экономики к социологии. Это цена самостоятельности его поиска, издержки «тотальности» его критики. Обычно снисходительно относятся к тому, что о философии размышляют этнологи, о литературе — физики, об истории — математики. Никто не хочет выглядеть дилетантом, но это не мешает тому, что в истории начинают искать математическую точность, а в физике — свободную игру случайностей. Более знакомыми и привычными приемами исследования начинают пользоваться как универсальным инструментом, не желая признать, что он не всегда пригоден даже в пределах одной отрасли науки. В скрупулезных до педантизма, формально-логических штудиях автора дневника во всех случаях, когда он выходит за рамки истории, есть, конечно, очень много от приемов историка. Понимание специфики предмета, профессионализм, знание языков и терминов науки здесь очень нужны, но автору важнее самостоятельность выводимой им причинно-следственной цепочки, оригинальность собственных трактовок, не повторяющих заученное с чужого голоса. Главное — свобода постижения истины, постижения, не передоверяемого другим, но осуществляемого лично. Чем свободнее он чувствует себя в непривычных для него областях наук, тем легче ему рвать с тем, что близко, что

кажется несомненным, чему он непосредственно обязан своим воспитанием и развитием. Это нетрудно доказать, перечитав дневник. Именно там, где свобода высказывания в большей мере оборачивается спорностью логических и содержательных аргументов, там раскованность, уверенность, виртуозная игра понятиями выглядят наиболее впечатляюще и ярко.

6.

«Я чувствую буквально физическое отвращение ко всяким безделушкам, дешевым репродукциям, фотографиям, вышивкам, коврикам... По-моему, все это дешевка и мещанство. Для мещан всегда было характерно стремление подражать высшему свету... Мещане пытаются подражать аристократам, но так как для приобретения... дорогих вещей у них нет средств, они заменяют их эрзацами...» — читаем в дневниковой записи 12 февраля 1965 г.⁴⁶⁰ Объяснения не новы и вполне условны — и у аристократа в яснополянском доме висела на стене репродукция картины Рафаэля. Но эти строки очень важны для понимания того, почему не ломается человек, почему он самостоятелен, почему не плывет по течению вровень с веком. Неприязнь к безделушкам и ненависть к аляповатым картинам, бедным стихам, скудной прозе, примитивным теориям — одного корня. Можно выстоять только так — сопротивляясь, от начала до конца, сопротивляясь мелочности житейских правил, бытовому мещанству, вслед за этим и наравне с этим, сопротивляясь политике и идеологии, официозной литературе и искусству. Сопротивляясь великому и малому, граду и миру; уступишь одному — и разрушится многое. Сопротивляться — в этом все. Приводя какие угодно аргументы, привычные и оригинальные, глубокомысленные и поверхностные — но сопротивляться.

Кому-то покажутся спорными или не очень новыми доводы автора дневника, кто-то упрекнет его в том, что он более сын века, чем хотел бы быть. Кого-то огорчит, что нет здесь эпатажа, а есть ровные, «гладкие», синтаксически правильные конструкции — без просторечия, сформулированные языком интеллигента. Нетрудно заметить, как часто тут повторяются одни и те же эпитеты и образы, столь традиционны и привычны они для лексики людей второй половины XX в. Автор — ученый, а не художник. Сугубый рационализм его интеллектуальной реф-

---

⁴⁶⁰ Там же. С. 118.

лексии сделал и язык таким — рациональным, структурным, строгим, правильным. Метафоры и гиперболы здесь лишь элемент украшения, своеобразный «декор» речи.

Важно не это. Не столь уж и обязательно оценивать глубину и оригинальность его размышлений. Дневник интересен другим. Это совокупность идей, мотивации, тем, используя которые, человек советской эпохи становится свободным — медленно, но неуклонно. Всякое сопротивление неотделимо от языка, привычек, культуры, стереотипов своего времени. Кто-то более, кто-то менее оригинален — не это главное, важнее — итог.

«Выстоять — это все», — говорил Рильке. Перед нами записи того, кто выстоял — пусть и немалой ценой, защищаясь молчанием, пряча свои мысли от окружающих и не вызывая их подозрений. Его дневник показывает, что есть лишь один путь — от духовного рабства к духовной свободе. Он необратим. Дар свободы нельзя возвратить. Даже если вновь придется маскировать себя, человек уже не будет таким, как прежде — хотя и вновь заговорит на отвергаемом им наречии, хотя и будет участвовать в предписанных ему ритуалах.

Дневник Б. Кросса — одно из драгоценных свидетельств того, как рождается «новый человек» — не тот, которого пытались безуспешно сотворить советские идеологи, но тот, который создал для себя сам. Это свидетельство о том, как много в этом новом человеке «старины», как трудно ему рвать с прошлым. Перед нами подлинная летопись «трудов и дней» человека — цельности и разделенности его существования, света и тьмы его видения, твердости и хрупкости его духа.

В. КУЛЯБКО.

ДНЕВНИК 1941–1942 гг.

Среди драматических свидетельств ленинградской трагедии блокадный дневник В. Кулябко занимает особое место. В целом он лишен литературности и риторических «украшательств» и даже ужасающие подробности голодного быта зимы 1941–1942 гг. здесь заметно смягчены. Все в нем обычно – слова, интерес к деталям, повествование о службе, передача слухов. В нем почти все передано «внешне» – нет придиричьего исследования поступков и психологии людей. Есть лишь спокойная инвентаризация их действий – но как раз именно эта «обыкновенность» намного ярче и образнее рассказывает нам о повседневности блокады: она не заглушена громким голосом и не отделена от читателя ложновеличавым пафосом.

Это записи пожилого человека, инженера-интеллигента, умудренного жизнью, спокойного и рассудительного. Изначально им был присущ дух некоей снисходительности к людям, охваченным пессимизмом, со страхом ожидающим скорого конца. В роли человека, успокаивающего испуганных близких, соседей, знакомых и даже незнакомых людей, он чувствует себя в первые месяцы блокады вполне естественно и этой ролью гордится. Это нечто, что придает ему ценность в собственных глазах и потому является одной из доминант первых двух дневниковых записей. «Спокойствия не потерял нисколько», – записывает он во время бомбежки 9 сентября 1941 г.⁴⁶¹ Другие так себя не ведут. Он это внимательно подмечает и о принимавшем его враче Сергеевой пишет: «Она очень пессимистически настроена».⁴⁶² Ее следует утешить, обнадежить – он к этому готов: «Много и убедительно наговорил ей разных хороших перспектив и, по-видимому, переломил ее настроение. Ушла успокоенная, на прощание крепко пожала мне руку и поблагодарила».⁴⁶³

---

⁴⁶¹ Нева. 2004. № 1. С. 212.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же.

«Что же, лучше людей подбадривать, чем усиливать пессимизм»,⁴⁶⁴ – такими словами он заканчивает этот эпизод и еще раз перечисляет тех людей, которых он подбадривал. Это соседка Шура («бедная, вчера ночью растерялась совсем»⁴⁶⁵), это его испуганная знакомая Вера. Он не склонен преувеличивать свою роль «оптимиста» и говорит о ней сдержанно («серьезно и спокойно дал ей ряд советов», «спросила, не боюсь ли я один быть в квартире, на что с улыбкой я ей ответил, что уж в этом ничего страшного нет»⁴⁶⁶), а порой и не без оттенка иронии («тоже выполз и кое-как ее успокоил»⁴⁶⁷). Он не раз перечисляет на страницах своего дневника те приемы и даже уловки, к которым он прибегает, чтобы укрепить колеблющихся и поддержать отчаявшихся. Рассказ об «увещеваниях» на какое-то время оказывается одной из основных скреп дневника. Автор и сам подчиняет себя усвоенной им роли, акцентируя внимание именно на ободрении слабых и потерявших устойчивость людей и (как и положено в подобных случаях) не слишком драматизируя происходящее вокруг. При таком подходе симптомы приближающейся беспримерной трагедии выявлены им не очень отчетливо. Ощущение себя как человека стойкого, умеющего не сосредотачиваться на мелких трудностях и не поддаваться «хныканью», не позволяет ему сколько-нибудь скрупулезно отмечать обозначившиеся надломы городской жизни – социальные, бытовые и поведенческие. Едва коснувшись их, он сразу же себя поправляет, словно извиняясь за проявленную слабость.

Заметим, однако, что в его обращениях к людям нет ничего «официозного», фальшивого, искусственного, несмотря на близкий к «официозности» язык его «наставлений в вере». В его сочувствии нет и ничего назойливого. Он утешает тех, кого нельзя не утешить, тех, кто приходит к нему за помощью, тех, кто плачет, не стесняясь своих слез, кто прямо просит у него совета. Порой ему и самому трудно успокоить других – но не остановим поток тех, кто жаждет услышать хоть чье-то слово, в котором бы звучала надежда. Он пишет о женщине, которая беспокоилась о судьбе мужа, ушедшего на фронт, ее детей, эвакуированных далеко в тыл вместе со своей школой:

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ Там же.

«Она плакала... Я ее все успокаивал, убеждал, что все будет хорошо — что же я ей еще мог сказать».⁴⁶⁸

На фоне той заботы о людях, чуткости к их горю, которые присущи В. Кулябко, естественным кажется и внимание, которое он уделяет действиям тех людей, кто, в свою очередь, пытается помочь и ему самому. Оценки их поступков, выражение радости и благодарности им являются куда менее сдержанными, чем оценки его собственных поступков: «Какой милый ДК (друг В. Кулябко Дмитрий Константинович. — С. Я.). Звонит мне на службу, чтобы узнать, как я перенес бомбежку... Очень тронуло меня его внимание».⁴⁶⁹ «Добрый она человек»,⁴⁷⁰ — пишет он о соседке Шуре, которая в сентябре 1941 г. буквально «заставила взять» хлеб и рис.

Какая-то особая деликатность присуща ему и в отношениях с родными. В письмах из Ленинграда он стесняется говорить всю правду о своих страданиях, не желая никого огорчить: «Зачем расстраивать их: ведь ни помочь, ни облегчить что-либо они не в силах, ну значит, нечего и писать».⁴⁷¹ Сына же своего он наставлял в письмах как «отдаленно, в случае чего, подготовить маму в отношении возможности всяких случайностей со мной», чтобы это не стало для нее неожиданностью.⁴⁷²

В нем постоянно проявляется и какая-то твердость нравственных вердиктов. Ему свойственны неприязнь к любым нарушениям справедливости и равенства, он порицает безразличие к судьбам людей, постигшему их горю. Он так комментирует отказ отпустить по карточкам белый хлеб: «...Нельзя было продавать по коммерческим ценам, раз нет подвоза. Окраска этого коммерчества — дрянная. Кто имеет деньги — кушайте белый, а кто с ограниченными возможностями — может лопать черный. То же деление на имущих и неимущих. Это можно было допустить как средство выкачивания денег лишь тогда, когда имеется полная обеспеченность снабжения белым хлебом и тех, и других».⁴⁷³ Нескрываемое презрение к «имущим» сказывается и в тех случаях, когда он размышляет

---

⁴⁶⁸ Там же. С. 217.

⁴⁶⁹ Там же. С. 213.

⁴⁷⁰ Там же. С. 218.

⁴⁷¹ Там же. С. 216.

⁴⁷² Там же. С. 219.

⁴⁷³ Там же. С. 214.

о горожанах, которым удастся «удрать в последний момент» — их он называет «привилегированными».⁴⁷⁴

Таковы основные характеристики этого человека, какими они проявляются в его дневниковых записях сентября–октября 1941 г.: честность, скромность, непритязательность, готовность помочь словом и делом, доброжелательность, сострадание. Впереди — великая трагедия зимы и весны 1941–1942 гг., когда рушилось в человеке человеческое, когда невероятные страдания, полностью передать которые не в состоянии ни один очевидец, превращали самых стойких в слабых, порой утративших человеческий облик. Дневник В. Кулябко — это свидетельство о том, как человек выстоял, как не растерял присущие ему нравственные ценности, как сопротивлялся он тому, что является обязательной приметой всех социальных катастроф — эгоизму, черствости, жестокости. И ему не удалось избежать потерь — чтобы выжить, нельзя было оставаться таким щедрым, как прежде. Он порой вынужден был не замечать того, мимо чего не прошел бы в другое время, принимать помощь тех, кто и сам нуждался. Но он не уступил в главном. Каждый поступок (и свой и чужой) оценивается по высшему нравственному счету — и даже там, где, казалось, нет возможности говорить о цивилизованных нормах.

Он старается оставаться оптимистом, но со свойственной ему честностью все чаще отмечает и то, что «бодрыми» заявлениями пытаются скрыть правду. Когда он хочет ободрить отчаявшихся людей, стоящих на краю пропасти, — это одно. Бравурные марши тех, кто стремится скрыть свою вину за разразившуюся в стране катастрофу, — это другое. Это даже не «ложь во спасение», а аморальный поступок — в дневнике эта мысль проведена последовательно четко.

«Говорят... что движутся к нам свежие войска... Слухи о каком-то сильном наступлении в районе Новгорода, которое дало бы возможность окружения сил немцев и заставило бы их отойти от Ленинграда. И прочее, прочее, прочее... Где правда, где самообман — не разберешь. А в “граммофоне” одно жужжат: “не отдадим”, “не допустим” и прочие фразы»,⁴⁷⁵ — записывает он в дневнике еще 17 сентября 1941 г. Многие в этой браваре кажется ему театральным, наигранным. Он не щадит в

---

⁴⁷⁴ Там же. С. 218.

⁴⁷⁵ Там же. С. 219.

своих записях даже Д. Шостаковича, считавшего, что, работая над симфонией, он тоже стоит на боевом посту: «Если бы слова и симфонии стреляли, то от немцев давно бы только мокрое место осталось».⁴⁷⁶ В записи, сделанной на следующий день, он задает себе вопрос: «Где же конец будет немецкому выступлению?» и заканчивает ее так: «А по радио все говорят, говорят, говорят...».⁴⁷⁷ В торжественности заклинаний есть фальшь и потому, что не подкрепляются они мелкими, будничными, неброскими делами по облегчению страданий людей, попавших в беду. Бомбоубежища плохи — в этом он убедился лично: «До ужаса сделано безграмотно и исключительно небрежно».⁴⁷⁸ Это — гробы, как считает он, и примечательна его ремарка о том, что нельзя «так относиться к людям в такое тяжелое время»⁴⁷⁹ — понятия честности, порядочности и сострадания оказываются выдвинутыми здесь на первый план.

Сочувственные записи о лишениях других людей не исчезают из его дневника и тогда, когда ему самому приходится голодать, делить крохотный паек на несколько частей. В записи 12 ноября 1941 г. он передает рассказ о пострадавших от обстрелов, «вид которых ужасен», и отмечает, что «этот бесцельный, ничем не оправданный ужас производится “культурными” людьми XX века».⁴⁸⁰ «Пока я еще некоторое время смогу держаться..., — записывает он 13 ноября 1941 г. — А дети? Что будет с ними?»⁴⁸¹ И это не одни лишь слова. Он старается, где возможно, не только выразить сочувствие, но и помочь делом: «Сегодня без разрешения начальства велел сделать две “буржуйки”; бойцы мерзнут в окопах, и один красноармеец из нашего института просил срочно для них сделать».⁴⁸² Ему нет дела до того, смогут ли его обвинить в растрате или превышении власти. Он видит только замерзших солдат, которым надо помочь немедленно, здесь же, а не уходить за частокोल предписанных ему бюрократических ритуалов: «Разве я могу отказывать и оформлять что-то через начальство — сам распорядился».⁴⁸³

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Там же. С. 220.

⁴⁷⁸ Там же. № 2. С. 235.

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же. С. 237–238.

⁴⁸³ Там же. С. 238.

Голод в это время становится повседневной реальностью. В записи 21 декабря 1941 г. он сообщает о том, что никак не реагировал ни на обстрел, ни на авиационный налет: «Какое-то безразличие и бесконечная усталость».⁴⁸⁴ Но на следующий день он записывает в дневнике: «Со службы занес кое-что нашему сотруднику, изголодавшемуся так, что... не встает».⁴⁸⁵ Продукты, правда, были получены по карточкам этого сотрудника — но ведь и принести их Кулябко, у которого «устают ноги чуть ли не после первого шага»,⁴⁸⁶ тоже стоило немало труда. Когда-то этот сотрудник помог ему самому во время болезни — но этому человеку Кулябко стремится оказать помощь большую, чем получил сам: «Завтра буду говорить с директором... устроить его в какую-нибудь больницу».⁴⁸⁷ И еще и еще раз он записывает все мельчайшие подробности в тех случаях, когда сослуживцы пытаются поддержать его самого. Когда он совершенно обессилел и лег в институте на диван, один из них предложил валерьянку (считавшуюся в то время не только лекарством, но и питательным продуктом), директор принес ему чашку не суррогатного кофе. Тут же Кулябко сообщает, что ему разрешили не работать, даже если врач не выдаст «бюллетень».⁴⁸⁸

Эти маленькие подарки, конечно, не могли ощутимо смягчить последствия голода. Но та тщательность, с которой он фиксирует проявления заботы о нем, возможно, помогла сохранить устойчивость нравственного стержня, необходимого в то время, когда все в человеке ломалось. Чем страшнее становится голод, тем подробнее приводятся Кулябко списки благодеяний, больших и малых. В начале дневника он подчеркивает, что пишет скорее не для себя, а для своих потомков. Тем необходимее, видимо, являются для него такие записи тогда, когда он ничем другим не может отблагодарить людей, помогавших ему. Он не только скрупулезно переписывает их добрые поступки, но еще и подчеркивает их ценность. Перед Новым годом один из сотрудников послал ему 300 г сыра — «За завтраком тонкими ломтями кладу поверх дрожжей».⁴⁸⁹ Другой сотрудник отдал ему «пузырек с рыбьим жиром и немного витамина из хвои» —

⁴⁸⁴ Там же. С. 241.

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Запись в дневнике 18 декабря 1941 г. (Там же).

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Там же. С. 242.

⁴⁸⁹ Там же. С. 243.

«все это очень хорошо, чтобы приостановить мое истощение».⁴⁹⁰ Директор не только прислал ему дрожжей, но и сообщил (и устно, и особой запиской): «Отдыхайте еще месяца 2-3, набирайтесь сил и потом возвращайтесь работать. Содержание вам будет выписано полностью».⁴⁹¹ И тут обычно немногословного Кулябо словно прорвало. Он пишет, что обязательно сохранит эту записку, и не только ее: «Я никогда не забуду его слов, его внимания ко мне, которое трогает до глубины...».⁴⁹² На фоне спокойных, даже монотонных записей, свойственных его дневнику, это кажется даже криком.

Он, однако, ни у кого и ничего не просит для себя — даже старается преуменьшать драматизм своего положения: «Кожа трескается... обычное явление, пальцы онемевшие — трудно работать, руки опухшие, хотя и не очень сильно».⁴⁹³ В каждом предложении в этой записи 17 декабря 1941 г. обязательно присутствует явная или неявная оговорка, «смягчающая» ужас декабрьских блокадных дней. Нарочитой «глянцевой» бодрости у него нет. Он хорошо понимает свое положение. «Все медленно делается, — медленные шаги, медленные движения, постоянные присаживания»⁴⁹⁴ — но нет у него ни истерики, ни апокалипсических ноток. Все, от мытья головы до уборки комнаты, продлевается пусть и медленно и с напряжением, но основательно и спокойно — и при этом не утрачивается чувство достоинства. Он надеется только на себя и не очень охотно берет у других. Надо лишь «дотянуть» до января, экономно расходовать продукты, нередко отказывать себе в самом необходимом. Январь становится для него символом чего-то светлого, «до января 42 года я как-нибудь дотяну», «вынужден был тронуть ранее неприкосновенный запас — шоколад и сухари, которых у меня крайне мало, но надо идти на риск в расчете на улучшение в январе».⁴⁹⁵ Он еще не знал, символом чего станет для сотен тысяч ленинградцев январь 1942 г.

В январе 1942 г. он сделал всего несколько записей в дневнике, но они красноречивее целых страниц: «В комнате 3,5 градуса... во дворе сплошная клоака... с хлебом совсем

---

⁴⁹⁰ Там же.

⁴⁹¹ Там же.

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Там же. С. 241.

⁴⁹⁴ Там же. С. 240.

⁴⁹⁵ Там же. С. 243.

плохо... в магазине пусто... сегодня хлеба не получил... Радио не работает во всем нашем и соседнем районе... словом, все разваливается... руки и ноги по-прежнему отекающие». ⁴⁹⁶ В такой ситуации мало кто мог думать о других — Кулябко же находит в себе силы записывать в дневнике: «А сколько здесь людей, положение которых еще тяжелее моего». ⁴⁹⁷ Прося об эвакуации, он не расталкивает локтями других, не требует, не угрожает. Заявление об эвакуации, как он пишет, «подано на всякий случай», ⁴⁹⁸ а содержание и мотивация его просты и кратки: «Продукты на исходе, а повторная голодовка грозит мне быстрым смертельным исходом». ⁴⁹⁹ Он и не очень надеется на успех — «просили наведываться 5 февраля, ну, думаю, это слабо, придется еще поголодать порядочно и хватит ли тогда у меня сил ехать» ⁵⁰⁰ — но спасение пришло. И, узнав о разрешении эвакуироваться, он пишет не только о хлебе, о преодолении смерти, о конце страданий — он говорит и о «тепле, где я буду окружен заботой и вниманием». ⁵⁰¹

Эвакуация, однако, не стала для него концом испытаний. Как ни парадоксально, но здесь он в большей степени, нежели в блокадном городе, столкнулся с человеческой черствостью и жестокостью. В «свой» вагон ему попасть не удалось — как оказалось, он был «забит... всякими “деятелями”, по преимуществу — определенного типа». Втиснуться в другой вагон он смог «после большой перебранки», и то с трудом, «частью с просьбами, частью с руганью». ⁵⁰²

Эта «ругань», которой и следа нет при описании блокадного быта, не стала здесь для него единственным нравственным испытанием. Пришлось и давать взятку офицеру при переезде через Ладогу — другой возможности сесть в машину, перевозившую больных, у голодного умиравшего старика не было. Кулябко — не мастер слова, но несмотря на скупость языковых средств, омерзительная сцена, в которой тыловики обирают падающих от истощения блокадников, передана удивительно пластично, с массой мельчайших деталей. Его слух, зрение, вни-

---

⁴⁹⁶ Там же.

⁴⁹⁷ Там же. 2004. № 3. С. 262.

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Там же. С. 263.

мание обострены здесь предельно. Его возмущение усиливается еще и потому, что жертвой мародеров в погонах стал не только он сам, но и другие ленинградцы, нуждавшиеся в сострадании и помощи: «И такой человек, ведающий таким большим, ответственным, связанным с жизнью людей делом, морит сутками больных, стариков, женщин, детей только потому, что им нечем дать взятку».⁵⁰³

Много грубостей и унижений пришлось ему перенести и по пути к Череповцу, где он надеялся встретить сына. И снова его не хотели пускать в вагон, на сей раз студенты-железнодорожники, которые глумились над ним, не давали ему подойти к печке, не помогали ему сойти во время остановок поезда и даже обворовали его. Сдержанный, воспитанный человек, В. Кулябко мало рассказывает о тех оскорблениях, которым его подвергали в поезде, но о них можно догадываться по тому, как более жесткими и сильными становились эпитеты, которыми награждал он своих спутников: «бессердечное молодое зверье», «бандиты-попутчики». Увидев, как они выкинули прямо на снег труп своего умершего товарища, который отказались принять на станции, Кулябко не мог не отметить прежде всего этический смысл этого эпизода: «Человечность у них погребена где-то очень глубоко, если она у них вообще есть».⁵⁰⁴ И здесь не обошлось без нравственных издержек. Вагон не был оборудован, и Кулябко заставили вместе с другими ломать «чужой» сарай на дрова. Труднее всего при этом, как он отмечает, ему было не физически, а «морально»: «Не привык я разламывать чужое жилье, хоть и брошенное в период хозяйничанья там немцев».⁵⁰⁵

Зато с какой теплотой он описывает каждого доброго человека, который пожалел его или чем-то помог ему. «Как радостно мне было встретить человека... по-человечески отнесшегося к страдающему больному старику»,⁵⁰⁶ — пишет он о красноармейце, который помог ему снять валенки с распухших ног, а затем и донести вещи. И особенно потрясло Кулябко, когда другой красноармеец не только помог ему, но и дал сухарь, увидев, что он голоден: «Так меня это растрогало, что слезы на глазах выступили, так сильна была реакция после пятидневного путеше-

---

⁵⁰³ Там же. С. 264.

⁵⁰⁴ Там же. С. 266.

⁵⁰⁵ Там же. С. 265.

⁵⁰⁶ Там же. С. 266.

ствия в компании жестоких бессердечных скотов».⁵⁰⁷

Нравственные нормы ленинградцев во время блокады отражены в сотнях дневников, писем, воспоминаний очевидцев тех лет. Отражены с разной степенью откровенности и это неизбежно — требуется особый такт в рассказах о людях, доведенных до отчаяния в страшные блокадные дни. Дневник В. Кулябко не может претендовать на полноту описания пространства трагедии. Возраст, замкнутость и одиночество его автора не позволили ему увидеть многие из тех реалий, которые для миллионов горожан остались символами блокадной зимы. Дневник ценен другим. Он показывает, как человек, стремящийся строго придерживаться нравственных правил, сохраняет их в обстоятельствах, где выживание стало главной целью жизни. Он показывает нам, как не ломались устои человечности в тех нечеловеческих условиях, когда они должны были сломаться.

Разумеется, полностью выжить без нравственных потерь мало кому удавалось. Важнейшим представляется, однако, существование самого морального счета, по которому В. Кулябко ежедневно оценивал свои и чужие поступки. Кража, привычная для практики выживания, для него является однозначно грехом. Слабых нельзя обижать, нельзя обирать падающих от истощения женщин, стариков и детей, голодному человеку нужно помочь, отчаявшегося человека надо успокоить, надо хоть чем-то отблагодарить того, кто поделился куском хлеба — так, только так и никак иначе. Для человека, стремящегося придерживаться в своих поступках твердого нравственного канона, естественна особая обостренность взгляда там, где этот канон попирается. Здесь он не щадит не только других, но и себя, честно рассказывая, когда и при каких обстоятельствах он должен был давать взятку или брать чужие дрова. И мы видим, что делалось это на краю пропасти, и несоизмеримы пачка табака, которую он отдал за право ехать в закрытой машине, и человеческая жизнь. Но он не упускает ничего и при каждой встрече с другим человеком обычно прежде всего отмечает в нем привлекательные или отвратительные нравственные характеристики и в первую очередь оценивает только их. Его дневник, поэтому, можно считать своеобразной энциклопедией моральных эталонов того времени,

⁵⁰⁷ Там же. С. 267.

и стоит только пожалеть, что в силу ряда условий угол зрения автора был существенно ограничен. Но и будучи отражением прежде всего индивидуального опыта, дневник В. Кулябко во многом близок и другим свидетельствам об этике ленинградцев в 1941–1942 гг. Так в малом отразилось большое, в единичном — общее, в частном — то, что стало элементом коллективного опыта.

Часть III

ОБЗОРЫ

КОЛЛЕКЦИЙ ДОКУМЕНТОВ

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АНТИСЕМИТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ПЕТРОГРАДЕ В ФЕВРАЛЕ–МАРТЕ 1921 г.

События февраля–марта 1921 г. в Петрограде, когда город был охвачен массовыми стачками рабочих, достаточно хорошо исследован историками. Начало их изучению было положено работами А. С. Пухова и А. З. Ваксера, о них в разное время писали С. Н. Семанов, Ю. А. Щетинов, С. Н. Канев, В. М. Иванов, В. Ю. Черняев. Подробнее всего были освещены забастовки рабочих в преддверии нэпа. Об их массовой психологии, политической ментальности мы знаем значительно меньше. О некоторых лозунгах, выдвинутых рабочими в ходе стачек (отмена «ответственных пайков», свобода труда), в советской литературе 1960–1980-х гг. вообще умалчивалось. Ряд сюжетов этой темы никогда не был предметом изучения — как вследствие цензурных стеснений, так и ввиду недостатка источников, многие из которых стали доступными лишь в последние годы.

Один из таких сюжетов — антисемитские настроения во время антиправительственных волнений в городе в феврале–марте 1921 г. Одним из первых об этих настроениях сообщил в своей книге о Кронштадтском мятеже А. С. Пухов — и буквально одной строкой: «Среди рабочих велась ярая антисемитская пропаганда».⁵⁰⁸ Никаких аргументов он не привел и больше к этому вопросу не возвращался. Вероятнее всего это было лишь пересказом реплики М. Лашевича на заседании Петроградского Совета 26 февраля 1921 г. Она была столь же краткой: «Велась антисемитская пропаганда в отдельных кругах рабочих».⁵⁰⁹ Вскользь об антисемитских настроениях говорилось

⁵⁰⁸ Пухов А. С. Кронштадтский мятеж в 1921 г. Л., 1939. С. 32.

⁵⁰⁹ Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов. Заседание 17: 26 февраля 1921 г.: Стенограф. отчет. Стб. 6. Пг., 1921.

в монографии С.Н. Семанова, увидевшей свет в 1973 г.⁵¹⁰ Подчеркнув, что «отмечены были многочисленные антисемитские выступления во время эксцессов на некоторых предприятиях», он подкрепил свой вывод лишь ссылками на ЛГАО РСС (ныне ЦГА СПб), не приводя никаких подробностей этих «эксцессов». Возможно, в 1973 г. это было сделать трудно, но и в книге о мятеже, выпущенной в 2003 г.,⁵¹¹ он мало что добавил к сказанному прежде, несмотря на обнаруженное здесь пристальное внимание к «еврейскому» вопросу (раскрыты псевдонимы лиц нерусского происхождения, отмечена национальность ряда работников ЧК).

Главный источник сведений о волнениях рабочих Петрограда в начале 1921 г. — политические сводки «революционных троек» разных уровней (фабрично-заводских и районных), в марте 1921 г. ставшие основой общей сводки штаба военной обороны (ШВО) Петрограда. Ценным источником о взглядах горожан во время кризиса 1921 г. являются протоколы заседаний организаторов (секретарей) коллективов РКП(б) на предприятиях. Они содержат немногословные «доклады с мест», но освещают положение почти на всех предприятиях района, выгодно отличаясь от сводок ШВО, в которых ситуация нередко оценивалась «в целом», без должного интереса к подробностям событий на каждом заводе или фабрике. Сводки составлялись также профсоюзными и комсомольскими структурами города, но обычно их содержание мало чем отличается от сводок районных «ревтроек», поскольку очевидно, что они пользовались услугами одних и тех же информаторов: председатель профкома нередко являлся членом ревтройки, наряду с руководителем предприятия и организатором коллектива РКП(б). Движение сводок «наверх» — от предприятия к ШВО — имело следующий порядок: сначала информаторами партийно-профсоюзных органов на предприятиях и в учреждениях составлялись сообщения о положении на местах, затем они передавались (возможно, частично и в устной форме) районным органам власти. Дополненные здесь докладами осведомителей, следивших за уличными толпами и «толкучками» в самых оживленных местах города, на вокзалах, они сообщались штабу ВО. В сводке ШВО по Петрограду компилировались, как

---

⁵¹⁰ Семанов С. И. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа. М., 1973.

⁵¹¹ Семанов С. И. Кронштадтский мятеж. М., 2003.

правило, без каких-либо даже стилистических поправок, сводки всех районных «ревтроек». Редактирование и сокращение поступившего информационного материала в основном осуществлялось районными органами власти.

Историки, писавшие о «волыночном» движении в Петрограде в феврале—марте 1921 г., как правило, пользовались материалами политсводок, и это в какой-то мере объясняет, почему в их работах так мало места уделено «еврейскому» вопросу. Свидетельства об антисемитских настроениях на фабриках и заводах в этих сводках найти крайне трудно, а те, с которыми мы встречаемся, весьма неотчетливы. Так, сообщалось, например, что в одном из цехов городского предприятия была обнаружена антисемитская надпись, но кто ее оставил, сколь часто это происходило, проводилось ли здесь расследование — об этом сводка умалчивает. Можно, конечно, предположить, что информатор не все слышал, не обо всем знал, что от него таились, опасаясь репрессий. Почти полное отсутствие сведений об антисемитских настроениях именно на предприятиях едва ли, правда, произошло вследствие пристрастного редактирования информации, предоставленной осведомителями. Любой, кто знакомится со сводками, сразу обращает внимание на то, что они фиксируют огромное количество «подозрительных» мелочей, которым приписывается, и часто безосновательно, оппозиционный политический оттенок. Сообщалось, например, даже о том, что «предполагается танцулька» — видимо, боялись, что она превратится в стихийный антиправительственный митинг. Учитывая, сколь часто тогда (как, впрочем, и до этого, и позднее) «антисоветские» высказывания соседствовали с антисемитскими и зачастую подкреплялись ими, сомнительно, чтобы мимо них могли пройти информаторы.

Никаких инструкций о редакции «низовых» сводок в то время в архивах обнаружить не удалось, но в ряде документов можно найти жалобы на то, что сообщаются неточные и непроверенные сведения. Это явно было реакцией на нагромождение в сводках мелочных бытовых подробностей. В ряде случаев возникает впечатление, что информатору и сообщить было не о чем, но он, следуя заведенному порядку, насыщал свой отчет сообщениями о слухах, раздаче продовольствия, поломках станков, о передвижениях отдельных лиц, интерес к которым он никак не мотивирует. Нередко опрос предприятий прово-

дился с помощью анкет, строго определявших то, на что следует обратить внимание осведомителей. В этих анкетах нет прямой ориентировки на сбор сведений об антисемитских настроениях, но есть требование назвать «фамилию и имя крикунов». Как видим, не отделяются специально политические и иные высказывания, но подмечается все, что может «бунтовать» рабочих. Стоит поэтому предположить, что антисемитские выступления на предприятиях не получили отражения в сводках «ревтроек» именно потому, что их или не было, или, при том ракурсе видения, который выбрали информаторы, они не выдвигались на первый план.

Это можно было бы объяснить, во-первых, большей жесткостью контроля на предприятиях. Выявить «зачинщиков» и «крикунов» здесь были способны намного быстрее, чем на рынках и вокзалах. Это, естественно, вызывало заметную осторожность рабочих при выражении своих взглядов. Во-вторых, поведение отдельного рабочего очень часто унифицировалось на предприятиях поведением большинства из тех, кто на нем трудился, даже если он имел иное, чем они, мнение. Нельзя исключить, что такому рабочему было бы легче «раскрыть» себя не там, где авторитетным являлось слово таких петроградских профсоюзных лидеров и рабочих активистов, как Н. М. Анцелович, Г. В. Циперович, Н. Гордон, Газенберг, Лившиц, и где не интересовались их фамилиями и происхождением. Отметим также, что ни в одном из сохранившихся в архивах протоколов фабрично-заводских собраний в Петрограде в феврале—марте 1921 г., равно как и в их постановлениях, нет антисемитских выпадов.

Конечно, значительная часть протоколов составлялась кратко, вопросы, интересовавшие их участников, имели преимущественно хозяйственно-бытовой характер, а на многих «неблагонадежных» (и не только на них) заводах и фабриках собрания старались вообще не проводить — они могли привести к коллективной забастовке. Оппозиционных постановлений рабочих, принятых в феврале-марте 1921 г. на различных предприятиях, сохранилось много, и ни в одном из них также нет антисемитских нот. Впрочем, едва ли они могли и возникнуть, учитывая, что почти все такие резолюции составлялись меньшевиками. На это указывали и в большевистской прессе, и в выступлениях ряда чиновников на заседаниях Петросовета. Это признавали и сами меньшевики, Антисемитские сегменты в фабрично-

заводских резолюциях были бы невозможны еще и потому, что основным мотивом тогдашних оппозиционных выступлений на предприятиях являлось обвинение большевиков в том, что они не выполняют своих обещаний, что они отказались от лозунгов, выдвинутых 25 октября 1917 г., что нет свободы, равенства, братства. Сам тон и содержание этих выступлений не давали ни малейшей лазейки для антисемитских вкраплений. Это было бы оценено как «черносотенство» и противоречило бы всей системе защиты рабочих, которые упорно отвергали обвинения в «контрреволюции» и требовали (как в целях легитимизации своих лозунгов, так и страхуясь от возможных репрессий) возвращения к «подлинной» советской власти.

Не очень ясны и сведения об антисемитской агитации на предприятиях, приведенные в уже отмеченном выступлении М. Лашевича на заседании Петросовета 26 февраля 1921 г. Здесь нет четких указаний на круг лиц, ведущих пропаганду, не названы и те заводы, где это было замечено. Трудно определить, шла ли здесь речь о том, что агитировали сами рабочие, или это делали «пришлые» ораторы. Вся логика речи Лашевича (в ней говорилось о постановлениях, принятых на заводах и представлявших «перепев старых меньшевистских и эсеровских лозунгов», к которым «примыкали явно черносотенные элементы, раздавались рукописные воззвания Союза возрождения Родины», велась антисемитская агитация...),⁵¹² могла создать у слушателей представление о том, что рабочие являлись лишь объектом эсерово-меньшевистских и черносотенных инсинуаций — а это нужно было оратору, который пытался отделить «подстрекателей» от «обманутых рабочих» и тем самым приуменьшить размах протестных настроений.

Более подробные сведения об антисемитских настроениях рабочих мы можем почерпнуть из политических сводок по Петроградской губернии, составляемых (обычно два раза в месяц) Окружным цензурным отделением особого отдела охраны Финляндской границы и Петроградской ЧК. Сводка представляет собой подбор тех выдержек из перлюстрированных частных писем, где содержатся какие-либо оппозиционные мнения. Уже одно это заставляет проявлять особую осторожность при работе с таким источником. В извлеченных цензором фрагментах трудно выявить как контекст, необходимый для понимания логики

---

⁵¹² Петроградский Совет. Стб. 6.

протеста, так и нередко мотивировки мнений — и прямые, и косвенные. Фиксация только антиправительственного выпада, без обнаружения той причинно-следственной связи, которая его обусловила (и которая могла быть воссоздана по отсутствующим фрагментам письма, вероятно, не очень интересным для перлюстратора) даст лишь, выражаясь гегелевским языком, «результат» без его «становления». Правда, при общей скудости источников и такими документами пренебрегать нельзя, тем более что в ряде случаев можно найти и довольно обширные выписки из писем. Многие письма датированы приблизительно (нередко указывается лишь месяц отправки), и обычно нет сведений ни об их адресатах, ни о самих их авторах. Их профессия и положение только отчасти могут быть прояснены при изучении текста выписок.

Несколько писем антисемитского содержания приведены в политической сводке по Петроградской губернии с 16 февраля по 1 марта 1921 г. Первое из них не имеет точной даты, но составитель относит его к февралю 1921 г. Цензору показались достойными внимания два места из письма. Первое из них касается положения петроградцев: «Рабочие начинают понемногу бунтоваться. Вчера было бурное собрание на Лафермской фабрике — долой коммуны, свободную торговлю <...> Скорей бы конец. Так все надоело, почти все ходят раздетые и босые, все променяли на хлеб да на картошку».⁵¹³ В этой же выписке далее следует запись антисемитской частушки, в которой неприязненно говорится о тех, кому «Россия-матушка хлебобородная» отдает хлеб; есть здесь и фраза: «Давай Николая».⁵¹⁴ Не очень ясно, каково было место частушки в письме, звучала ли она на заводах, от кого услышал ее автор письма (и не сочинил ли он ее сам). Появление частушки в письме вместе с тем неслучайно. Это скорее продолжение имеющего оппозиционный оттенок рассказа о хлебном голоде, и эту связь, возможно, и уловил составитель сводки.

Отметим, правда, что среди лозунгов, выдвинутых на фабрике Лаферм, нет антисемитских, а если бы они возникли, то едва ли были бы обойдены вниманием корреспондента, учитывая его интерес к антисемитскому фольклору. Вряд ли можно

---

⁵¹³ Горячий и триумфальный город. Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу. СПб., 2000. С. 224.

⁵¹⁴ Там же.

предположить и то, что рабочие хотели «Николая». Монархистов среди них было мало и до 1917 г., а после октября жупелом «царской реставрации» агитаторы запугивали, и не без успеха, и в прессе, и на многих митингах и фабрично-заводских собраниях. Едва ли им так широко стали бы пользоваться, если бы не считали его эффективным средством для борьбы с оппозицией. Особо подчеркнем соседство политических и антисемитских выпадов — это характерная примета и других писем, на которые обратил внимание цензор.

В этом отношении показательно другое письмо, отмеченное в сводке. Оно датировано 15 февраля 1921 г. Здесь описаны и голод солдат, и ненависть матросов к советам, и трудовые повинности крестьян, и делается вывод: «И [до] каких это пор будут все терпеть, это просто удивительно, как[им] народ стал послушным».⁵¹⁵ Указав затем тех, под чью «дудку» народ «пляшет», автор продолжает письмо так: «А коммунисты у нас живут очень хорошо, им и продукты выдают».⁵¹⁶ Это характерное соседство двух обвинений заставляет предположить, что коммунисты и евреи для корреспондента синонимичны. Новшеством здесь, пожалуй, является обвинение всего русского народа в том, что он выполняет чью-то волю.

О политических корнях антисемитизма в феврале—марте 1921 г. почти никто не писал. Одним из первых обратил на них внимание С. Н. Семанов, который считал, что «это не случайно: среди руководства Петроградской организации РКП(б), а также в карательных органах, находилось значительное число лиц еврейского происхождения».⁵¹⁷ Здесь однако уместен вопрос о том, что первично в этом политико-антисемитском выпаде: то, что «руководитель» был евреем, или то, что он был плохим «руководителем». Сотни документов, запечатлевших петроградские события 1921 г., свидетельствуют о том, что неприязнь в первую очередь вызывала сама политика руководства. Будь она другой, отвечающей интересам и чаяниям масс, ведущей не к голоду, а к процветанию — вопрос о том, сколько евреев находится, например, в Петросовете, возможно, едва ли был актуален.

Основную часть работников ЧК, партийных и государственных структур составляли русские, были там и латыши, и

---

⁵¹⁵ Там же. С. 180.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Семанов С. Н. Кронштадтский мятеж. С. 49.

представители других национальностей, но только положение евреев в органах власти вызывало значительный интерес. Можно предположить поэтому, что политический антисемитизм образца 1921 г. являлся ширмой обыденного антисемитизма, что первичным здесь была национальная неприязнь, а не политический протест.

Кризис 1921 г., как любой кризис, сопровождается поиском виновников, которых каждый ищет, исходя из своих политических и национальных предпочтений и не всегда сверяясь с реальностью — и потому находит или белогвардейца, или эсера, или интервента, или большевика, или еврея. Кризис 1921 г. только способствовал тому, что этот низовой антисемитизм выявился в политическом обличье рельефнее, «маргинальнее» — в силу «маргинальности» самой ситуации в городе. Так, в письме, датированном 19 февраля 1921 г., один из корреспондентов протестует против присутствия евреев в Трибунале.⁵¹⁸ Возмущение «засильем» вдруг получает иной оттенок, когда мы знакомимся с продолжением письма: видно, что раздражение обусловлено не только этим, но и личной неприязнью корреспондента, у которого все, что связано с евреем, вызывает отвращение.

Примечательно и выявленное цензором письмо от 2 февраля 1921 г. Здесь антисемитская реплика предваряется следующим текстом: «Наши товарищи о нас мало заботятся, везде нужны большие взятки или хорошее знакомство с доктором, а у нас ни того, ни другого нет. Ездят как на лошади..., нам ничего не выдают, ни сапог, ни платьев».⁵¹⁹

Близким по эмоциональному накалу является и письмо, датированное 28 марта 1921 г., в котором антисемитский выпад завершает критику советских порядков, весьма жесткую: «Красные собачки... всю Россию разрушили, разграбили. А в своей “Красной газете” пишут о власти рабочих и крестьян».⁵²⁰

В обоих письмах антисемитские реплики, как ни парадоксально, напрямую не соотнесены с содержанием обвинения. Первичным здесь является раздражение вследствие трудностей быта, взяток, кумовства, неравенства в оплате труда, нехватки сапог и платьев, разрухи, грабежа. Поводов для возмущения настолько много, что даже предвзятому корреспонденту было бы

---

⁵¹⁸ Горячий и триумфальный город. С. 190.

⁵¹⁹ Там же. С. 163.

⁵²⁰ Там же. С. 207.

трудно их связывать с одной лишь фигурой еврея — возможно, поэтому объектом ненависти становятся сначала только «товарищи» или «красные собачки». Евреи же присоединяются к этим «товарищам» попутно, безотносительно к каким-либо конкретным ситуациям, виновником которых они могли бы быть (например, взятки или кумовства), *post factum*.

Ряд писем, отмеченных в сводках февраля-марта 1921 г., имеют скорее информационный характер — они почти не отражают настроения корреспондентов и содержат в основном записи происшествий в городе. Разумеется, отбор событий и сочувственный оттенок, заметный при передаче ряда сведений, в какой-то мере позволит нам выявить позицию авторов письма — но говорить о прямом их отклике здесь нельзя. Письмо от 22 февраля 1921 г. дает следующую оценку положения в Петрограде: «Новостей особенно нет, есть небольшая волынка, но не опасная. Лозунг таков: “Долой евреев, да здравствует Ленин”». ⁵²¹ Если принять во внимание содержащуюся в этом же письме фразу: «сегодня получен приказ не выпускать на берег с кораблей и усилить охрану на кораблях», ⁵²² то есть основание предположить, что корреспондентом мог быть и кто-то из матросов. Был ли он очевидцем того, что происходило в это время на заводах, сказать трудно. В письме правильно отмечено нарастание «волынок» — так в официальной прессе предпочитали говорить о забастовках, довольно часто пользовались этим словом и сами рабочие. Можно спорить о том, являлась ли «волынка» 22 февраля еще «небольшой» и «неопасной», ⁵²³ но на лозунге, якобы поддержанном рабочими, стоит остановиться особо. Такого лозунга ни на одном из предприятий Петрограда не выдвигали ни тогда, ни позднее, но едва ли этот слух возник случайно. Ряд отмеченных в сводках писем в феврале—марте 1921 г. передают слухи о борьбе Ленина с Троцким, даже о попытках ареста Ленина, о том, что Ленин стоит за народ. Один из корреспондентов писал, например, о том, что «в городе усиленно циркулирует слух..., будто Ленин, видя полную разруху, собирает вокруг себя беспартийных, которым намеревается передать бразды правления». ⁵²⁴ Письмо, правда, датировано

⁵²¹ Там же. С. 186.

⁵²² Там же.

⁵²³ Спустя два дня будет объявлено о закрытии бастовавшего Трубочного завода, что станет сигналом для начала всеобщей стачки в городе.

⁵²⁴ Горячный и триумфальный город. С. 211.

29 мая 1921 г., но сведения о «конflikте» Ленина с Троцким мы обнаруживаем и в письмах февраля—марта. В письме от 25 марта 1921 г., зафиксированном в политической сводке по Петроградской губернии с 16 по 31 марта 1921 г. и содержащем грубые ругательства по адресу Троцкого, сообщалось о том, что он стремится «еще больше задавить рабочий класс. Он хотел [к] каждому рабочему приставить солдата с винтовкой, чтобы рабочий не мог ни минуты отдохнуть во время работы.., хотел ввести военную дисциплину, а теперь после недавнего выступления Кронштадта ясно, что он, пожалуй, и сделает. Вообще Ленин [а] в народе уважают, а Троцкого ненавидят».⁵²⁵

Скорее всего это было эхом развернувшейся на рубеже 1920–1921 гг. (и еще не утихшей к февралю 1921 г.) дискуссии о профсоюзах, в которой взгляды Троцкого нередко искажались его оппонентами. Троцкому приписывали курс на «завинчивание гаек», на милитаризацию производства — но примечательно, что Ленин, отвергавший либеральные «протонэповские» новации Троцкого в начале 1920 г. и назвавший одну из глав книги Н. И. Бухарина,⁵²⁶ посвященную «внеэкономическому принуждению», «прелестью», представлялся для широких масс все же более умеренным большевиком. То, что главным оппонентом «хорошего» Ленина был назван именно Троцкий (а не спорившие с ним также в это время Н. Бухарин, Н. Осинский и А. Шляпников), отражало не только положение председателя Реввоенсовета в кремлевской иерархии. Фигура Троцкого использовалась нередко в антисемитских выступлениях. В письмах из Петрограда, отправленных в начале 1921 г. и отмеченных цензором, часто можно встретить красочный рассказ о том, как Троцкий пошел к гадалке узнать о том, «чем все кончится» — этот слух позднее получил отражение даже в художественной литературе. Гадалка ответила: «Молот-серп» и попросила прочесть это справа налево, «по-еврейски», как заметил один из корреспондентов. Нельзя исключить, что борьба с ним Ленина могла восприниматься и как борьба русского с евреем, хотя прямо в доступных нам письмах об этом и не говорилось.

Более подробно события в Петрограде в эти дни описываются в другом письме, отправленном 22 февраля 1921 г.: «Вчера

⁵²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 5. Д. 214. Л. 360

⁵²⁶ *Бухарин Н. И.* Экономика переходного периода. М., 1920.

на В[асильевском] о[строве] было восстание рабочих, которое сначала выражалось в том, что всех снимали с трамваев, якобы едущих на советскую службу, а затем стали останавливать автомобили и заставляли в них едущих идти пешком на пра[вах] равенства». Далее автор письма пишет о том, что восставшие «под конец разошлись до такой степени», что «стали колотить» всех евреев и организаторов коллективов РКП(б), причем, по его словам, «особенно досталось» председателю Петроградского губернского Совета профсоюзов Н. М. Анцеловичу. «Только тогда, — продолжает корреспондент, — были приняты меры и прислали на успокоение матросов. Но матросы отказались стрелять из[-за] того, что они также стоят за Учредительное собрание. Тогда бунтовщики были оцеплены красными курсантами, и вот последние-то и успокоили восставших, стреляя по толпе».⁵²⁷

По этому письму можно отчетливо увидеть механику конструирования слухов в Петрограде — если сопоставить его с тем, что доподлинно известно о событиях в городе в конце февраля 1921 г. Волнения на Васильевском острове начались не 27 февраля (если признать правильной датировку цензором письма), а 28 февраля. Восстанием их назвать было трудно. Произошло следующее. Трудившиеся на Трубочном заводе пришли на работу 28 февраля и, узнав, что завод закрыт на «перерегистрацию», обратились за поддержкой к близлежащим фабрикам и заводам. Там тотчас остановили станки. Толпа, собравшаяся на Косой линии Васильевского острова, хлынула на Большой проспект. Матросов для разгона толпы не привлекали, а сразу бросили против стачечников курсантов, которые выстрелами вверх разогнали демонстрацию — ни один из ее участников не пострадал. В этот же день в городе распространился слух о расстрелах на Васильевском острове. Чуть позднее это стали усиленно опровергать в официозной прессе: приводились свидетельства очевидцев, причем оговаривалось, что они не являются коммунистами. Сомнительно, чтобы матросы отстаивали лозунг Учредительного собрания — он не выдвигался даже в первомайской резолюции восставших кронштадтцев, которые особо протестовали против того, чтобы им приписывали симпатии к «учредилке». Употребленное в рассказе о матросах-«учредилловцах» слово «также» можно счесть намеком на то, что те же «учредилловские» настроения были присущи и «вос-

⁵²⁷ Горячный и триумфальный город. С. 188–190.

ставшим» рабочим. Это однако требует существенных оговорок: лозунги Учредительного собрания мы не найдем ни в одной из многочисленных оппозиционных (в прочих и искать не стоит) резолюций, принятых в те дни на фабриках и заводах. «Снятие» с трамваев не подтверждается документами, хотя можно предположить, что в этом слухе отразились как перерывы в работе транспорта, неизбежные ввиду беспорядков в центре города, так и попытки демонстрантов «снять» рабочих с других предприятий — они были повсеместно отмечены после разгона шествия на Васильевском острове.

Автомобили также никто не останавливал, но были случаи, когда их забрасывали снегом, как это произошло с машиной, в которой ехал Н. М. Анцелович; этим, кстати, чаще занимались дети и подростки, в чьей политической грамотности стоит усомниться. Как видим, иногда слухи имели некоторое основание, но в целом их едва ли можно было считать достоверными. Уже одно то, что сообщение об избиении евреев и организаторов коллективов РКП(б) оказалось в обрамлении именно таких слухов, заставляет проявлять крайнюю осторожность при оценке писем. Полемику оппозиционеров с руководителями низовых партийных организаций можно обнаружить в ряде протоколов фабрично-заводских собраний, но до драк дело все же не доходило. Ни в одной из сводок нет даже намека на погромы, не говорилось об этом в советской прессе, которая усиленно пыталась приписать забастовщикам «черносотенство» и которая едва бы прошла мимо каких-либо открытых антисемитских выступлений, если бы они произошли в то время.

В этом письме несомненно одно — оно почти сочувственно описывает и антиправительственные действия, имевшие место, и мнимые погромы. Но вот был ли автор письма рабочим — этого с уверенностью утверждать нельзя. Сам цензор об этом молчит, а корреспондент, как видим, смутно представляет себе то, что происходило тогда на предприятиях.

Еще одно письмо датировано цензором 16 июня 1921 г. и помещено в политической сводке по Петроградской губернии с 16 по 30 июня 1921 г. Уже по ряду деталей, приводимому в письме, заметно, что документ имеет неправильную датировку: «Опишу положение в Петрограде сложилось критическое... Моряки гарнизона Петрограда отказались подавлять выступление рабочих. Моряки все на стороне рабочих, кроме коммунистов.

В Петрограде выступили некоторых заводов рабочие...». ⁵²⁸ Очевидно, что письмо написано еще до завершения петроградской «волынки» идо начала Кронштадтского мятежа, т.е. скорее всего между 24 и 28 февраля 1921 г. Приведенный нами фрагмент перлюстрированного цензором письма отчасти подтверждается другими свидетельствами о положении Петрограда в конце зимы 1921 г. Публичного и категоричного отказа матросов от участия в подавлении «волынки» тогда высказано не было (впрочем, их и не просили об этом), но среди них действительно было много недовольных расправой над рабочими, и это, возможно, являлось одной из причин того, что более благонадежными власти тогда сочли курсантов. В прошлые же годы для разгона стачечников матросов привлекали весьма активно и охотно, что в какой-то мере обусловило стойкую неприязнь горожан к «клепникам». ⁵²⁹ На эту необычную сдержанность матросов могли обратить внимание горожане — как, впрочем, и на то, что некоторые «делегации» из Кронштадта, желавшие посетить заводы, с недоверием восприняли официальную версию событий на Васильевском острове.

В целом верны и сведения о волнениях в Петрограде, но следующая после них запись — «есть жертвы и жестокие расправы» с комиссарами и евреями — нуждается в уточнении. Слово «жертвы» можно оценить и как оценку корреспондентом итогов демонстрации и (но уже с большими оговорками) как следствие «жестоких расправ». Слово «жертвы» в лексиконе революционной эпохи имело оттенок сочувствия к пострадавшим, а все содержание второй части письма пропитано ненавистью к большевикам: «Комиссары уже не могут что-нибудь напеть», «наброшено много партийных билетов», «масса на стороне повстанцев». ⁵³⁰ Не очень, правда, ясно, писалось ли это письмо во время Кронштадтского мятежа. Есть в нем фраза о том, что «восстание еще не подавлено», но идет ли речь о восстании матросов или о восстании рабочих, определить трудно, учитывая, сколь близко это письмо в передаче слухов к уже отмеченному письму от 28 февраля 1921 г. Нельзя исключать, что корреспондент имел в виду именно рабочих. Возможно, конеч-

---

⁵²⁸ Там же. С. 224.

⁵²⁹ Политсводки, составленные в марте 1921г., зафиксировали, напри мер, такие реплики горожан: «Матросов надо проучить», «комиссаров поприжмут, лучше станет».

⁵³⁰ Горячий и триумфальный город. С. 224.

но, что Кронштадтское восстание горожане связывали с отказом матросов подавить «волынки». Маловероятно однако, чтобы автор письма ни словом не обмолвился о восстании именно в Кронштадте (если бы знал о нем), а цензор рискнул бы не отметить его отношение к Кронштадту, хотя на это он и обязан был обратить внимание в первую очередь.

Говоря о лозунгах, с которыми выступали рабочие, автор письма приводит лишь два из них, прибавляя, что «много есть других, которых описать не могу».⁵³¹ Видимо, это следствие самоцензуры: в одном из вскрытых цензором писем от 28 марта 1921 г. мы, например, находим такие строки: «Уведомляю вас о том, что здесь произошло, потому что в том письме, которое вы получили, писать было нельзя».⁵³² Корреспондент также не был уверен в том, «дойдет ли (это письмо. — С. Я.), потому что проверяют».⁵³³ Можно предположить, что автор такого письма, крайне осторожный в условиях военного положения и повальных арестов, чуть осмелел к концу марта 1921 г., когда мятеж был разгромлен и осадное положение было снято.

Какие же из лозунгов рабочих автор письма, датированного цензором 16 июня, все же смог привести, не опасаясь цензуры? Это, во-первых, требование «вольной торговли» — оно действительно было поддержано в те дни во многих фабрично-заводских постановлениях, и, во-вторых, это антисемитский лозунг. Уже одно «белогвардейское» оформление этого лозунга, кончавшегося призывом «спасай Россию», заставляет усомниться в том, что его выдвинули сколько-нибудь многочисленные слои рабочих — в отличие от требования «свободной торговли». «Черносотенцы», «погромщики» и «белогвардейцы» уже тогда были однозначно одиозными личностями в глазах рабочих, и причисление к ним всех оппозиционеров, выступавших против коммунистов, вызывало бурные протесты. Указание на то, что восстание в Кронштадте возглавлял якобы «царский генерал» Козловский, едва ли было случайным — оно помогло очернить восставших, о чем свидетельствует ряд сводок о настроениях петроградцев, составленных в начале марта 1921 г.

Если вычленить в этом письме факты, подтвержденные другими источниками и неоспоримо установленные, то уви-

---

⁵³¹ Там же.

⁵³² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 214. Л. 360.

⁵³³ Там же.

дим следующее. Действительно, как сообщал автор письма, «выступали некоторых заводов рабочие», среди их лозунгов была «вольная торговля», «были бурные события без всяких разрешений», а положение являлось «критическим». Наряду с этим, здесь допущены бездоказательные утверждения о том, что «много набросано партийных билетов» (хотя не все коммунисты, как отмечалось позднее, оказались на «высоте положения»), о том, что «масса на стороне повстанцев». Источники, за редким исключением, в основном отмечают всеобщую апатию горожан, едва ли объяснимую только боязнью репрессий. Нет свидетельств и того, что матросы гарнизона, кроме коммунистов, поддержали рабочих.

Отмечая эти неточности, мы можем допустить, что автор письма едва ли был очевидцем всех описанных им событий и что он скорее пользовался слухами, одни из которых могли быть более, а другие менее точными. Слухам обычно свойственны: а) преувеличение масштабов и значимости каких-либо событий, определяемое главенствующими умонастроениями, чаяниями и ожиданиями общества; б) исчезновение при передаче слухов различных деталей, подробностей событий, упрощение их содержания; в) выделение именно ярких событий и необычных случаев — не самых характерных, но самых красочных. Обратим внимание на то, что описанное корреспондентом не содержит ни дат, ни имен, ни мелких деталей произошедшего. Все предельно обобщено, автор письма «везде и нигде», в ряде строк заметна даже пафосность — едва бы мы удивились, если бы обнаружили такие сведения не в частном письме, а в антиправительственной листовке. Нет, впрочем, и оснований обвинять корреспондента в преднамеренном обмане. Вполне допустимо, что он мог встретить и рабочих-антисемитов, и недовольных матросов — вопрос в том, насколько он гиперболизировал и «обобщил» увиденное им лично, насколько он «подогнал» свои наблюдения под клише, привычные для описаний такого рода необычных случаев, волнений, манифестаций — описаний, осевые конструкции которых заметны и в оппозиционной, и в советской пропаганде.

Сведения о массовых антисемитских настроениях рабочих содержатся и в письме, датированном 28 марта 1921 г.: «В Петрограде образовался голод и холод. Рабочие вышли на улицу и стали кричать: “Долой коммунистов и евреев, давай хлеба и

дров!»⁵³⁴ В единственной демонстрации рабочих, состоявшейся 24 февраля 1921 г. на Васильевском острове, антисемитских лозунгов и выкриков замечено не было (ни коммунистами, ни их противниками). В скоплениях людей, возникавших на оживленных перекрестках улиц (Невского и Литейного, Невского и Лиговского), информаторы могли слышать отдельные антисемитские высказывания, но уверенно говорить о том, что эти толпы состояли из рабочих, нельзя. Да и говорили в толпе вполголоса, боясь, оглядываясь по сторонам, замолкая, как только чувствовали опасность. Ни в одном из фабрично-заводских документов тех дней, дошедших до нас, не было зарегистрировано лозунга «Долой коммунистов» — и даже в постановлениях оппозиционных, где содержались выпады против ЧК и террора, против недоверия к беспартийным, против неумелого хозяйствования коммунистов, где желали передать «Власть Советам, а не партиям». Лозунг «Советы без коммунистов», приписанный агитаторами петроградским стачечникам и кронштадтским матросам, являлся позднейшей фальсификацией. Но если «антикоммунистические» пункты многих фабрично-заводских постановлений можно было воспринять как скрытое стремление «удалить» коммунистов, то антисемитских лозунгов (скрытых или открытых) мы не найдем ни в одном из этих постановлений. Конструкция, стиль и содержание приведенной выше фразы о «криках» указывают на то, что здесь скорее осуществлено суммирование, обобщение лозунгов, но не их дословная передача. Это не «летописное», сухое и деловитое описание: иначе бы мы узнали о том, кто именно кричал, где это происходило, о последовательности «криков», о последствиях их. В этом же суммировании, упрощении содержания ряда эпизодов или одного из них корреспондент мог быстрее позволить себе импровизации и субъективизм, мог скорее одну реплику принять за всеобщий крик, настроение толпы — за мнение всех горожан.

В следующей части этого выявленного цензором письма от 28 марта 1921 г. сообщается о том, что в ответ на крики рабочих была открыта стрельба по ним, причем в числе ее виновников назывались, наряду с коммунистами и милиционерами, и евреи. Какие рабочие «кричали», когда и где по ним стреляли — об этом не говорится ни слова: ни имен, ни дат, ни подробностей. Можно предположить, что это — передача слухов о демонстрации 24

---

⁵³⁴ Там же.

февраля. В пользу этого свидетельствует фраза: «рабочих разогнали по домам» — но ее предельная абстрактность, даже по сравнению с другими письмами, наводит на мысль о том, что корреспондент получил сведения из вторых или даже из третьих рук. Обращает на себя внимание странная градация разных контингентов «стрелявших». Не задаваясь даже вопросом о том, почему коммунист не мог быть евреем, а милиционер — коммунистом, едва ли в реальности можно было четко отделить одну группу от другой и сделать выводы с той уверенностью, которая может отличить только очевидца. Не исключено, что это перечень тех, кто мог быть, по мнению автора письма, сторонником советской власти, и, следовательно, должен был отстаивать ее с оружием в руках. Он и «дал» им винтовку и «заставил» их стрелять, не желая перепроверить слухи. Никакими свидетельствами массовые расстрелы ни на улицах, ни на предприятиях, ни даже в подвалах ЧК в те дни не подкрепляются — в том числе и показаниями тех, кто стоял по другую сторону баррикад, в частности, Ф. Дана. Далее в письме приводятся совсем уже недостоверные слухи об истреблении всех евреев в Кронштадте во время мятежа, а затем о том, что коммунисты и евреи «испугались, к[а]к бы не восстали по всей России, собрали большое войско и пошли воевать на Кронштадт».⁵³⁵ Последняя запись вообще имеет какой-то «былинный» оттенок, но именно эта диковинная фраза о том, что евреи «собрали большое войско», как кажется, отчасти проясняет психологическую подоплеку рассказа корреспондента.

Фигура еврея возникает здесь весьма часто и в своеобразном контексте — либо он стреляет, либо его истребляют, либо он «собирает войско». Она автоматически подверстывается под любой факт, реальный или вымышленный. И именно этот вымысел, где, несмотря ни на что, всегда находится место еврею, является той лакмусовой бумажкой, которая позволяет в определенной степени обнаружить умонастроение корреспондента, определяющее сценарий его рассказа.

Это письмо мы можем счесть основным документом, позволившим С. Н. Семанову сделать вывод о том, что «были многочисленные антисемитские выступления во время экспроприаций на некоторых предприятиях Петрограда».⁵³⁶ Из приве-

---

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа. С. 41–42.

денного письма однако не совсем ясно, на каких «некоторых предприятиях» были эксцессы, — говорилось ведь только о том, что «рабочие вышли на улицу и стали кричать». Требуется уточнения и тезис о «многочисленности» антисемитских выступлений. В процитированном выше отрывке письма число рабочих никак не оговаривалось, хотя по общему настрою его автора и можно предположить, что он считал его значительным. С. Н. Семанов ссылается также на ряд писем, помещенных в политической сводке по Петроградской губернии с 16 по 30 апреля 1921 г.⁵³⁷ Эти письма написаны в апреле и не касаются февральско-мартовских событий. Их авторы не названы и неизвестно, являлись ли они рабочими: по содержанию письма это установить нельзя.

Как видим, перлюстрированные письма являются весьма своеобразным источником, на основании которого едва ли можно сделать четкие и однозначные выводы о причинах, проявлениях и масштабах антисемитских настроений среди рабочих в феврале–марте 1921 г. Эти письма (вернее выдержки из них, приводимые цензором) противоречивы и фрагментарны, что требует от исследователя скрупулезного источниковедческого анализа, вплоть до применения текстологических приемов, внимания к структуре, лексике и синтаксису текстов. Особое значение при этом имеет изучение механизмов формирования и воспроизводства слухов — это позволяет лучше оценить степень достоверности передаваемых корреспондентом сведений.

В мемуаристике вопрос об антисемитских настроениях в Петрограде в феврале–марте 1921 г. почти не затрагивается. Одно из немногих, хотя и ярких исключений — воспоминания лидера меньшевиков Ф. И. Дана,⁵³⁸ находившегося в Петрограде с февраля 1921 г. По мнению Дана, характерная примета, «рисующая настроение масс, проскользнула в рассказе одного из членов группы “Единство”,⁵³⁹ ...с которым я встретился случайно в частном доме. Он с восторгом рассказывал о своем свидании с рабочим кружком, который стоял на платформе Учредительного собрания, уверял, что движение не остановится, пока не свалит большевиков, и требовал присылки ораторов на уличные собрания: “Только не присылайте евреев”, — просил

⁵³⁷ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 5. Д. 214. Л. 305, 306.

⁵³⁸ Дан Ф. И. Два года скитаний (1919–1921 г.). Берлин, 1922.

⁵³⁹ Группа, объединившая в 1917 г. меньшевиков, стоявших на крайне правых позициях; возглавлялась Г. В. Плехановым.

кружок. Оказывалось, что движение, способное будто бы и явно контрреволюционные силы увлечь за собою на путь борьбы за демократию, само подвергалось опасности подпасть под влияние реакционной антисемитской демагогии. Думать, что при таких условиях стихийное рабочее движение может сыграть роль политического руководителя всех других антибольшевистских сил, значило передаваться величайшим иллюзиям. Приходилось опасаться обратного: как бы бурный порыв рабочих масс, доведенных до отчаяния голодом и холодом, не был политически использован силами контрреволюции».⁵⁴⁰

Группа «Единство» занимала среди социал-демократов крайне патриотическую позицию и может быть не случайно, что ее представитель обнаружил именно такой кружок. Здесь возникает несколько вопросов. Во-первых, необходимо уточнить, о каком «движении» вдет речь — если только о кружке, то едва ли можно допустить, что он намеревался своими силами победить коммунистов. Если же имелось ввиду «движение» всех петроградских рабочих, то уместным становится вопрос о том, почему кружок считал, что «движение не остановится до тех пор, пока не свалит большевиков» — учитывая, что столь радикальных призывов к расправе с коммунистами мы не найдем ни в одном из документов февраля–марта 1921 г. Во-вторых, неясно, что подразумевал кружок под «уличными собраниями». Применительно к Петрограду февраля–марта 1921 г. можно говорить лишь об уличных «толкучках», случайных скоплениях людей, и скоплениях не очень многочисленных. Неясно, на какие уличные собрания звались ораторы, поскольку свидетельств о них мы также нигде не обнаруживаем. В-третьих, несколько путаное сообщение (в том виде, в каком его передает Дан), к сожалению, нельзя сравнить с другими свидетельствами о каких-либо рабочих кружках — и «учредительских», и иных: они отсутствуют. И, наконец, в-четвертых, необходимо задать вопрос, могла ли реплика *одного* из представителей крайне малочисленной группы «Единство» о позиции *одного* рабочего кружка (о котором ничего не известно, кроме того, что он существовал — если верить рассказчику) служить основанием для столь широких выводов о том, в каком положении находится в целом рабочее движение. Можно поэтому предположить, что он имел и какие-то другие свидетельства —

⁵⁴⁰ Дан Ф. И. Два года скитаний (1919–1921 г.). С. 112.

но это маловероятно, учитывая, сколь детально фиксировал он в своих мемуарах все, относящееся к евреям.⁵⁴¹

Нельзя исключить и того, что столь безапелляционные выводы сформировались у него позднее, по мере осмысления итогов февральско-мартовских событий — вследствие весьма низкой оценки им способности петроградских рабочих к сопротивлению большевизму. В своей книге он часто и эмоционально говорит (и тут он прав) о том, что рабочих можно было купить подачками, раздачей обуви, одежды и продовольствия, о том, что они распылены и деклассированы, не интересуются политикой и озабочены только поисками хлеба. Возможно, это в какой-то мере могло обусловить и более категоричный, чем это позволяли факты, вывод об их антисемитских настроениях. Во всяком случае, ему были присущи та же пафосность, тот же эмоциональный накал, тот же обвинительный тон, какие обнаруживаются и в его замечаниях по поводу революционности рабочих. Отметим попутно, что содержание его пассажа о националистических уклонах рабочих очевидно сформировано цепью клише, характерных для социал-демократических листовок («реакционная демагогия», «стихийное рабочее движение», «роль политического руководителя», «путь борьбы за демократию», «бурный порыв рабочих масс, доведенных до отчаяния голодом и холодом», «силы контрреволюции»). За нагромождением этих штампов как-то ускользает сама реальность, явление неизбежно гиперболизируется, поскольку гиперболичны описывающие его термины. Возникает ощущение, что мелкий факт задрапирован слишком широкими одеяниями догматических истолкований — но других терминов, необходимых для синтеза впечатлений, для «общих» выводов, у него нет, и потому он пользуется привычными политическими понятиями.

Чаще всего осведомители обнаруживали антисемитские настроения в феврале–марте 1921 г. не на фабриках и заводах, а на рынках, «толкучках», на улицах и вокзалах. Трудно сказать, где степень контроля за поведением людей в те дни была выше. Правда, на предприятиях имелась более разветвленная система сбора информации, с помощью не только малочисленных тогда агентов ЧК, но и коммунистов, рабо-

---

⁵⁴¹ Так, он подробно излагает рассказ начальника караула, охранявшего Дана в Петропавловской крепости, об издевательствах над арестованным евреем-купцом (Там же. С. 140).

тавших у станка, профсоюзных и комсомольских активистов или просто «сочувствующих». Слежка ни для кого не была секретом, и Дан, в частности, сообщает о том, что комячейки называли тогда «комишкой» — а это вызывало у рабочих особую осторожность. Проявления ее можно обнаружить и в докладах осведомителей, дежуривших на улицах, хотя здесь и труднее было определить, кто интересуется политическими разговорами в толпе — случайный прохожий или профессиональный слушатель.

Обратимся к примечательному документу — записи информаторов о разговорах, которые велись на улицах Петрограда. Документ не датирован, но, учитывая его содержание, можно предположить, что он составлялся в дни Кронштадтского мятежа. Неясно, в каких местах находились информаторы: край бумаги, на которой была написана импровизированная сводка, оторван. Правда, в другом документе, сохранившемся в этом деле, отмечены фамилии лиц, наблюдавших на улицах, с указанием мест их дежурств.⁵⁴² В конце сводки встречаем запись: «Посланы 9 утра. Вернулись 2-3», т.е. время слежки составляло 6-7 часов. «Улов» осведомителей, если рассматривать только то, что зафиксировано в сводке, нельзя признать большим. Сообщение каждого из них состоит из нескольких фраз, запечатлевших не только наблюдения информаторов, но и различные, возможно дословно переданные реплики, услышанные в толпе. Антисемитские высказывания отмечены в двух сообщениях. В первом из них антисемитский выпад воспроизведен после записи: «Газете не верят. “Врет”».⁵⁴³ Во втором приведены антисемитские высказывания о Троцком; их предваряет запись: «Старух 20. “Все врут.”».⁵⁴⁴ Антисемитские возгласы в этих донесениях оказались связанными с разговорами о «вранье» советских газет, но строить догадки о том, почему это произошло, трудно ввиду фрагментарности записей.

Несмотря на то что информаторы были посланы наблюдать за поведением людей во время политического конфликта, в их докладах крайне мало сведений о политических настроениях масс. Осведомители это даже фиксируют особо: «О событиях не говорят», «вопросы исключительно хозяйственные», «занима-

---

⁵⁴² ЦГАИПД. Ф. 1842. Оп. 1. Д. 113. Л. 7.

⁵⁴³ Там же. Л. 8 об.

⁵⁴⁴ Там же.

ются только «экономикой»». ⁵⁴⁵ «Еврейская» тема, наряду с темой «газетной лжи», оказывается здесь почти единственной. Едва ли, конечно, шестичасовые наблюдения осведомителей могли отразиться одной строчкой. Вероятно, их наблюдения были предельно кратко обобщены составителем сводки, но остается неясным, сами ли информаторы так акцентировали антисемитские выпады, или только таковые счел единственно достойным внимания редактор сообщений наблюдателей.

В любом случае нельзя не отметить скрупулезность составителя сводки. В ряде случаев он оставляет в кавычках сообщенные ему (и, видимо, дословно) отдельные реплики, даже не пытаясь их пересказать или обобщить. И хотя в разных сводках ощущается интерес к одной лишь теме — поведению горожан — но содержание их все же различно. Если составитель нарочито выделил свидетельства об антисемитских настроениях, то это могло произойти и вследствие слухов о предполагаемом погроме. Примечательно, что в сводке содержится цифра — «старух 20». Не исключено, что это было вызвано необходимостью оценить размах антисемитских настроений и определить тех, кому они были присущи — в других сообщениях никаких цифр нет.

Уличные слухи регистрирует и политсводка ревтройки 1-го Городского района 28 марта 1921 г.: «На улицах и на вокзалах обнаружена упорная агитация и масса различных слухов о предполагающемся якобы еврейском погроме. На вокзалах замечено несколько человек, организованно подбивающих толпу криками и возгласами. Большинство населения уверено, что в г. Витебске погром в полном разгаре, въезд и выезд и[з] города прекращен, сообщение с Петроградом будто бы прервано, рабочие восстали». ⁵⁴⁶ Здесь же сообщается о том, что в Волковой деревне «было сорвано с забора воззвание, написанное печатными буквами», которое призывало население к «погрому и истреблению» евреев и говорилось о реакции местных жителей на воззвание: «Оно собрало большую толпу, кричавшую и злобно смеявшуюся». ⁵⁴⁷ При этом была сделана характерная оговорка, подтверждающая уже отмеченную нами малую активность антисемитов на предприятиях: «в самих стенах заводов и

---

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 26.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 26 об.

фабрик слухи и погромная агитация не ведется».⁵⁴⁸ Подчеркнем, что в предыдущих сводках той же ревтройки (за 22, 24, 25 марта 1921 г.)⁵⁴⁹ сведений об антисемитских настроениях нет, здесь лишь фиксируется «успокоение» рабочих, их интерес к распределению одежды и обуви (которое, правда, не обходилось без споров), рост их доверия к коммунистам, наконец, слухи о том, кто и где бастует. Сводка же за 28 марта 1921 г. почти целиком заполнена сообщениями об антисемитских выступлениях и о погроме — и только о них.

Этому можно дать несколько объяснений. Описанные в сводках 22, 24, 25 марта 1921 г. инциденты можно назвать малозначительными, рутинными. Видно, что информатору не о чем сообщить, кроме сведений о том, что «прачечная фабрика № 1 уже целую неделю не может поделить сапоги», о слухах и криках, «которые повсеместно вызываются распределением одежды и обуви».⁵⁵⁰ Все другое поводов для беспокойства не давало: «недовольства среди рабочих не наблюдалось», «работа на фабрике за истекший день происходила вполне спокойно», «настроение рабочих в политическом отношении без изменений спокойное».⁵⁵¹ На этом фоне всплеск антисемитских настроений (сколь бы ни был он локален) мог бы показаться составителю сводки столь опасным, что именно на нем он и сосредоточил все свое внимание, игнорируя все другие темы. На это можно возразить, что едва ли антисемитские разговоры и слухи о еврейских погромах возникли только 28 марта 1921 г. на рынках и «толкучках»⁵⁵² и едва ли только о них сообщили осведомители в этот день. Нельзя поэтому исключать, что составитель сводок или был специально ориентирован на сбор сведений о подготовке погрома в городе или что самый всплеск «погромных» разговоров превысил их обычный уровень. Подчеркнем, что ряд писем антисемитского содержания, уже приведенных нами, был отмечен цензором именно 28 марта 1921 г.

Подведем итоги. Знакомясь с немногочисленными, фрагментарными, не очень достоверными, требующими весьма осто-

---

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 31, 33, 37.

⁵⁵⁰ Там же. Л. 33, 37.

⁵⁵¹ Там же. Л. 31, 33, 37.

⁵⁵² Так, в сводке по Петроградской губернии с 16 февраля по 1 марта 1921 г. приводились выдержки из письма (датированного 21 февраля 1921 г.) о том, что «ходят слухи, что Киев взят белыми, которые всю уничтожают евреев» (Горячечный и триумфальный город. С. 182).

рожных подходов источниками, которые к тому же нельзя зачастую проверить другими свидетельствами, мы можем уловить только контуры антисемитских настроений в Петрограде в феврале—марте 1921 г. Мы ничего определенного не сможем сказать ни об их размахе, ни о тех слоях общества, где они проявлялись быстрее всего. Не очень ясной является во многих случаях и мотивация таких настроений. Каждый документ будет правильно прочитан только тогда, когда учитывается контекст, в котором он возник — политический, психологический, экономический, социальный. Мы однако не знаем ни имен, ни профессий авторов писем, допускавших антисемитские реплики, не знакомы и с полным текстом их корреспонденции. Мы обязаны доверять осведомителям, не разглядевшим в толпе ни одного лица и делавшим свои выводы на основании крайне поверхностных наблюдений. Все это так. Обилие оговорок, отмечающее трудность изучения проблемы, не может все же быть помехой для составления некоей общей картины бытования антисемитских взглядов в городе во время политического кризиса. Отрицать их наличие нельзя — нужно лишь как можно точнее выявлять ядро информации об антисемитском движении в Петрограде, очищая ее от риторических, партийных и иных наслоений.

Диапазон форм проявления антисемитских настроений был довольно широким. Это и сочувственно передаваемые слухи о еврейских погромах, и вывешивание антисемитских листовок, и антисемитские разговоры в цехах, на улицах, на рынках и вокзалах. Антисемитизм не всегда проявлялся открыто, но при общении с людьми или очень близкими, или весьма далекими, встречаемыми только в городской толпе, редко маскировался. Своеобразную самоцензуру антисемитов отрицать нельзя, трудно только определить ее причины. Видимо, здесь проявлялось не только опасение быть обвиненным в разжигании национальной вражды с соответствующими последствиями. Возможно, ограничителем являлась и определенная субкультура профессионального круга — молчавший на заводе мог стать раскованным на улице и словоохотливым в частных письмах. На фабриках и заводах антисемитская агитация не велась — не исключено, что вследствие строгой системы контроля и из-за традиционного влияния социалистов на рабочих: призывавший к погрому мог быть оценен и как чуждый пролетариату шовинист или монархист.

В мотивации неприязни к евреям заметны несколько тем. Евреев обвиняли в узурпации власти, их считали виновниками разрухи и нищеты. Аргументы, более или менее подробные, для доказательства таких обвинений приводились крайне редко. Антисемитские реплики, как правило, являлись безапелляционными и безоговорочными. В ряде случаев эти реплики вообще никак не объяснялись ни их авторами, ни информаторами советско-партийных структур. Попытки обосновать нападки на евреев политическими обстоятельствами предпринимались не раз, но нельзя не отметить их доминанту. Это — тезис о «засилье», не подтвержденный реальной практикой пореволюционного Петрограда, но традиционный в рамках антисемитской пропаганды прошлых десятилетий. Во многих случаях антисемитские выпады являлись не только следствием формирования новой политической элиты после революции, сколько отражением низового повседневного антисемитизма, которому в силу разных причин была придана антибольшевистская направленность.

НОВГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО 1918–1956-х гг. В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Психология человека, оказавшегося свидетелем «минут роковых» мира, весьма поучительна и представляет для нас не только исторический интерес. В гигантской буре, поднятой революцией, он не хотел быть лишь песчинкой, подчиненной тем ветрам, которыми нельзя было управлять. Он сопротивлялся. Он стремился выстоять, выжить, победить. Вот почему его повседневное бытие, которое воспринималось им как нечто рутинное, прозаичное и заурядное, для позднейших поколений может выглядеть как трагический акт, исполненный высокого драматизма.

Документы тех дней дают уникальную возможность услышать, говоря словами О. Мандельштама, «шум времени», увидеть ушедшую эпоху в необычных сочетаниях ее различных характеристик. В ней есть все — и жестокость, и сентиментальность, и насилие, и увещевания, и бескомпромиссность, и признание чужой «правды», и ложь, и честность. Революция предстает перед нами как гигантская фреска, на которой ее участники, и известные нам, и укрытые пеленой времени, оставили свой неизгладимый след. Ее творили все — и те, кто боролся с ней, и те, кто ее одобрял, и те, кто боялись, и те, кто в смутную пору стремился выйти на авансцену истории. Ее ждали, ее проклинали, ее стремились понять.

Документы ГАНИНО разнообразны. Они созданы и очевидцами событий, и теми, кто записывал с чужих слов. В них отразились и реальные происшествия и слухи, они искажены пристрастностью свидетелей и неизбежно отражают их кругозор, уровень их грамотности, их язык и логику. Их наблюдения мозаичны и фрагментарны. Многие им рассмотреть не удалось, отчасти и в силу самоцензуры и страха тех, с кем они сталкивались и о ком сообщали в своих письмах и докладах. Многие они не разглядели, оценив меркантильность как идейную убежденность, приписывая мнение одного всем, принимая изъясне-

ния лояльности за чистую монету и не обратив внимания на то, сколь часто маскировались в то время, ссылаясь на «темноту» и тем оберегая себя и своих близких от подозрений и репрессий.

Наиболее достоверными являются те документы, в которых слышится прямое, не опосредованное «общими впечатлениями» информаторов, слово людей пореволюционного времени. Прежде всего это стенограммы беспартийных конференций крестьян.⁵⁵³ Получив возможность хоть раз высказаться, не оглядываясь на чекистов и особенно местных чиновников, чье самоуправство в новгородской глубинке стало притчей во языцех, они и говорили намного свободнее, чем на сельских сходах или собраниях бедноты. Протоколисту порой трудно было поспеть за ними и грамотно передать их нередко сумбурную речь, но для историка это скорее достоинство, чем недостаток. Да, в таких выступлениях зачастую «проглатываются» слова и целые фразы, они не последовательны и не совсем логичны, в них постоянно ощущаешь обрывы — но они предельно искренни и естественны. Не так обычно вел себя бедняк, оказавшийся на собрании среди односельчан, когда, зайдя в избу, обнаруживал здесь и своих заимодавцев — «благодетелей» и «справных», зажиточных мужиков. Робко, чуть ли не кланяясь, озираясь по сторонам, заискивающе сняв шапку, садится он на скамью — где уж тут говорить о раскованном слове. Читая стенограммы беспартийных конференций, мы, что очень важно, получаем возможность услышать здесь диалог, спор, в которых ярко раскрываются аргументы различных сторон. Можно выяснить при этом и умелость и находчивость каждого из оппонентов в отстаивании своих взглядов, присущие им коды мышления, типичные и наиболее убедительные для них доводы.

Таким же прямым, первичным и потому ценным источником для изучения общественных настроений являются письма, заявления, жалобы и доносы⁵⁵⁴ — в том числе и тех, кто ради

---

⁵⁵³ Наиболее яркий из них — протокол беспартийной конференции Старорусского уезда 7-8 ноября 1920 г. (ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 435).

⁵⁵⁴ См.: Письмо артиста А. Гуманова в Демянский уездный комитет РКП(б). 17 января 1923 г.: ГАНИНО. Ф. 91. Оп. 473. Л. 57—58 об.; письмо начальника Демянской пожарной дружины К. Е. Иванова в Демянский уездный комитет РКП(б) 20 января 1923 г.; Заявление исключенного из РКП(б) с. Трушина Демянскому уездному комитету РКП(б). 20 ноября 1919 г.: Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 113. Л. 46, 46 об., 47; Заявление председателя Молвотицкого волостного продовольственного отдела Е. А. Громова. Ноябрь 1919 г.: Там же. Л. 54, 54 об.; Заявление члена РКП(б) Д. Евлампиева. Ноябрь, 1919 г.: Там же. Д. 95. Л. 29.

безопасности скрылся за подписями: «Верно преданный» и «Н. Н.».⁵⁵⁵ В первую очередь это важное свидетельство о тех изменениях, которые претерпевал в годы революции повседневный язык людей. Коллективные «одобрительные» резолюции, за которые сотни раз голосовали в то время, мало что скажут нам о нем. Составленные привычными к этому делу агитаторами, они поднимали не очень складную и невнятную речь, звучащую на деревенских сходах, до высот чуждой им интеллигентской лексики. К живому слову крестьян здесь трудно было прорваться через частокол расхожих клише, понять которые зачастую можно было, только обратившись к газетам, а не к людям. Но и знакомясь с характерными образцами «эпистолярного» низового творчества, необходимо преодолеть искушение что-то подправить в них, сделать их доступнее, облегчить их чтение. Заниматься этим бесполезно не только ввиду строгости археографических правил издания документов: едва изменишь или «облагородишь» тут хотя бы одну фразу, как рухнет вся синтаксическая конструкция и смысл предложения станет еще более неясным. Единственно возможное средство — воспринимать текст так, как он написан: неуклюжим и трудно читаемым, бессвязным и недоговоренным, но зато четче передающим своеобразие личности его автора.

Большой пласт документов «личного происхождения» составляют заявления как о приеме в партию, так и о выходе из ее рядов. И те и другие весьма примечательны. Заявления о приеме в члены РКП(б) показывают нам не только заорганизованность самой этой акции.⁵⁵⁶ Показательна и штампованность письменного языка новых коммунистов, очевидно несвойственная их устной повседневной речи, яркие образцы которой можно найти, например, в их же не санкционированных верхами заявлениях. Мы видим, как под одинаковыми по содержанию текстами ставятся подписи различных людей, как кратка и стандартна мотивация их авторов. Но иногда мы обнаруживаем тут и другое — попытку выразить, пусть зача-

---

⁵⁵⁵ Письмо неустановленного лица в Новгородский губком РКП(б). Июль, 1920 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 214. Л. 142, 142 об.; письмо неустановленного лица в комиссию по чистке партии при Маловишерском уездном комитете РКП(б). Не позднее 15 сентября 1921 г.: Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 167–170.

⁵⁵⁶ Заявление Трунина в Крестецкий уездный комитет РКП(б). 10 сентября 1918 г.: Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 41; Заявление В. Е. Петрова. Не позднее 28 октября 1918 г.: Там же. Л. 55.

стую и неуклюжими, клишеобразными фразами свои надежды и чаяния, осознать свое место в бурном потоке все разрушающего времени, сказать о том, что волновало и привлекало людей. Иное дело — заявления о выходе из РКП(б).⁵⁵⁷ Здесь нет унификации, здесь каждый нарочито горестно, чаще всего не очень ясно, но иногда и весьма литературно, объясняет свой «путь назад», из светлого будущего в неуютное настоящее. Объясняет обязательно в сопровождении оговорок о неизменности лояльных к власти мыслей и чувств, которые не могут покинуть человека даже и тогда, когда он совершает не очень лояльные поступки. Политические вкрапления в их текстах становятся привычным элементом оправдания: можно в конце длинного заявления обнаружить звучные коммунистические лозунги, а в самих текстах — ссылки на свою политическую бдительность, необходимую для защиты Советской власти в деревне; писалось это для того, чтобы уклониться от мобилизации и не защищать эту власть на фронте.

Встречая в таком контексте политические формулы, часто задаешь вопрос о том, насколько искренне они передают помыслы тех, кто их приводит. «Корысть» и «идея», однако, зачастую были неразрывно связаны в мышлении современников пореволюционной эпохи. Откликаясь на советскую пропаганду и ежедневно пропитываясь ею, бедняк мог быть убежден в том, что лишь ему должно принадлежать почетное место в деревне и полагаться всяческие блага и льготы, а рабочий — в том, что только он, а не «буржуй», достоин хорошего пайка. Почему бы тогда не попросить и не потребовать для себя лучшую землю или лучший паек, когда жизнь, трудная и бедная, становится еще тяжелее и иначе, как ссылкой на свою особую «пролетарскую» сословность и не поучить то, что необходимо для выживания.

Специфическим и весьма сложным источником для изучения массовой психологии послереволюционных лет являются политические сводки различных структур⁵⁵⁸ — партийных, комсомольских, государственных, вплоть до органов ВЧК-ОГПУ. Информаторы не всегда все видели и не обо всем слышали, а за-

---

⁵⁵⁷ Заявление М. Емельянова. ноябрь 1919 г.: Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 92. Л. 13, 13 об.; Заявление Л. Петрова. 15 апреля 1921 г.: Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 224. Л. 24.

⁵⁵⁸ Информационная сводка НГО ОГПУ с 1 по 15 февраля 1924 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1922. Л. 18—20; Письмо НГО ОГПУ Новгородскому губкому РКП(б). 22 февраля 1924 г.: Там же. Л. 5, 5 об., 6.

частую передавали и непроверенные слухи, которые, правда тоже ценны для нас, поскольку отражают характерные тенденции в умонастроениях масс. Не очень то охотно и открывались перед ними люди, опасавшиеся репрессий за неосторожно сказанное слово, а изъясняемая другими «благонадежность» могла быть и сомнительной — в силу тех же причин. Можно предположить, что сведения, которые получал из вторых или даже третьих рук осведомитель, не были свободны от искажений и приукрашивания. Это происходило не случайно, поскольку такие сведения могли оцениваться и как результат плохой работы тех, кто их предоставлял. Иной раз и сам агитатор или инструктор преувеличивали отклики на проделанную ими на местах работу, иной раз о деятельности лиц и институций они делали выводы на основании только количественных показателей о проведении митингов и собраний и наличия делопроизводственной документации в канцеляриях.

Трудность в работе с политико-психологическими источниками по истории раннего советского общества возникает еще и потому, что многие из них, будучи созданными по определенной схематичной форме, являются краткими и фрагментарными, и, вследствие этого, невнятными либо допускающими несколько толкований. Особенно это касается протоколов заседаний низовых (а нередко и волостных, и уездных) партийных собраний и комитетов, материалов проверочных комиссий, рассматривавших апелляции коммунистов.⁵⁵⁹ Прения здесь фиксируются крайне редко и очень скудно, отмечаются лишь факт, событие, неясно происхождение и подробное содержание тех или иных оценок, которые даются поступкам членов РКП(б). Те формулировки, которые при этом используют разные должностные лица, нельзя понять без знания норм политического языка эпохи, в котором, например, слово «погромный» означало отнюдь не призыв к истреблению кого-либо, а просто указывало на оппозиционность выступления, а слово «мародер» применялось к тем, кто не хотел даром отдавать свой хлеб.

Наибольшей осторожности требуют постановления и резолюции крестьянских и рабочих конференций, собраний

⁵⁵⁹ Протокол заседания Новгородской губернской контрольной комиссии. 23 июня 1925 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2783. Л. 20–21; Протокол заседания партколлегии Новгородской губернской контрольной комиссии. 25 июля 1925 г.: Там же. Л. 55–56.

и митингов, особенно если мы лишены возможности ознакомиться с теми репликами, замечаниями и спорами, которые могли предшествовать их одобрению. В прошлом они занимали видное место во многих опубликованных документальных сборниках по истории СССР. И это казалось оправданным, поскольку такого же массового источника, где отражались бы взгляды людей, не было, а другие виды документов в силу разнообразных причин, в том числе и цензурных, и идеологических, не могли быть представлены сколько-нибудь полно. Действительно, резолюции и постановления принимались самими участниками собраний и митингов, но при этом надо учитывать несколько обстоятельств. Следует в первую очередь обратить внимание на авторство постановлений. Нередко один и тот же его текст передавался, с незначительными изменениями, на разные волостные и уездные сходы, где, как правило, единогласно принимался присутствовавшими. Обычно никто из них в выработке его участия не принимал, а само голосование могло иметь такой итог не только вследствие единой позиции рабочих и крестьян. Здесь сказывались и их апатия к политике (резко диссонирующая с их интересом к хозяйственно-бытовым вопросам), и их боязнь ответных репрессий в тех случаях, когда в их выступлениях усматривали антисоветский оттенок.

Каким же предстанет перед нами новгородское общество в первые годы Советской власти? Революция не всегда и не везде еще сказалась на нем. Нет, это не вековая тишина «русской глубинки», но сколь часто встречаем мы тогда пока не тронутые бурным временем ритуалы и обычаи уходящей эпохи. Это заметно во всем — в речи и письме людей, в их оправданиях и требованиях, в их симпатиях и антипатиях. Многие еще только настороженно присматриваются к непривычным для себя новым людям и новому языку, пытаются, хотя и порой безуспешно, понять их, встать вровень с веком, «вжиться» в него. Объяснять это лишь искренним принятием революции крайне трудно. Одного взгляда на документы достаточно, чтобы увидеть, как запугано было общество, как вынуждали его принимать «советские» обычаи и нравы. Это страх зачастую принимает трагикомические формы: секретарь собрания боится, что его арестуют,

если он поставит свою подпись на протоколе собрания. Этот страх пропитывает всех — малолетняя девочка, увидев на пороге дома незнакомых людей и приняв их за тех, кто разыскивает недоимки, кричит: «Мама, не давай дяде самовар».⁵⁶⁰

Заметим, что «выбивание» продразверстки и продналога являлось поучительной школой для новгородской деревни, расстроенной революцией и почувствовавшей на какой-то миг себя свободной — школой, где вырабатывались навыки послушания и конформизма. Один из крестьян, внося налог, плакал при всех — но платил.⁵⁶¹ И это не случайно. Расправа с теми, кто сопротивлялся, была короткой и суровой. Провинциальные чиновничьи нравы, хорошо знакомые по гоголевским персонажам, в Новгородской губернии как-то гармонично сочетались с новым «революционным сознанием». Не гнушались ничем — ни расстрелами, ни арестами, ни взятием заложников; продотрядники поролі нагайкой даже беременную женщину, не успевшую вовремя сдать хлеб по разверстке. Поэтому и боялись все — и беспартийные, и коммунисты: некоторые заявления о выходе из партии можно было смело, после незначительной редактуры, использовать эффективно как коммунистические листовки — столь пафосен и «правилен» был язык тех, кто, даже уходя из РКП(б), с надрывом уверял, что он «свой».

Всеобщая нищета, нагрянувшая в лихолетье гражданской войны, помешала многим оценить революцию так, как она виделась ее творцам. Что могли сказать о достижениях революции люди, у которых на всю семью имелись одни валенки, которые питались мхом и требовали от властей, чтобы они заставили мельников молоть хлеб вместе с тем, что и суррогатом-то назвать стыдно — невзирая на уверения последних, что от этого портятся мельничные жернова. Да, получили крестьяне землю и благодарили за это коммунистов — но и земли оказалось не очень много и цена за это казалась непомерно высокой. Да, соглашались крестьяне с тем, что «советские» налоги меньше «царских» — но ведь и время другое, намного более голодное, а потому и налоги, сколь бы они не сократились по сравнению с прошлым, воспринимались как непосильные. В этой рутине повседневного прозябания у мно-

⁵⁶⁰ Сводка материалов Новгородского губкома РКП(б) о положении в губернии. Не ранее 1 июля 1925 г.: Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 324. Л. 114–121.

⁵⁶¹ Информационное письмо № 4 Новгородского губкома РКП(б). 1 июля 1925 г.: Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 325. Л. 56 об., 57.

гих не было ни времени, ни желания утешиться теми выгодами и приобретениями, о которых без усталости говорили агитаторы, как «свои», так и приезжие. Главным было выжить, и революционное время здесь мало отличалось от любого другого времени. Главным было плохое «настоящее», а оно всегда, в силу того, что «довлеет дневи злоба его», оценивалось и будет оцениваться все же более драматично, жестко и раздраженно, чем плохое «прошлое».

Послереволюционная эпоха являлась временем всеобщей смены вех, нравственных, общественных и экономических приоритетов и ценностей. Все смешалось в это судьбоносные для России годы: пороли крестьян и говорили о красоте будущего мира, писали доносы и высмеивали ретивость и «административный восторг» волостных и уездных начальников, мечтали о справедливости и насаждали винтовкой новую «бедняцкую» или «пролетарскую» сословность. Иной человек терялся в этой катастрофической духовной смуте и, как мог, противостоял ей — участвуя в восстаниях, оказываясь в рядах белой армии и уходя в эмиграцию. Другие, живя в мире разрушающихся традиций, не боролись с ним, но нарочито предпочитали ему консервативный порядок устоявшихся норм. Третьи стремились понять революцию, найти в ней не только отрицание, но и созидание, не всегда угрозу, но нередко и выгоду, не одну лишь ложь, но и часть правды. Но сколь бы ни выглядела пугающей, жестокой и неудобной революция для многих новгородцев 1917—1920-х годов — и они были причастны к ней, и в их мышлении, в их действиях, в присущих им кодах поведения было нечто такое, что могло питать обрушившуюся на страну бурю. Виноваты все — говорил о современниках Французской революции Жозеф де Местр, и то же мы можем сказать и о современниках революции русской.

Основой «революционности» в большинстве случаев являлась тяга к справедливости. Ужасающие голод и нищета в это время только обострили ее — многие считали, что справедливость необходимо было восстановить, несмотря ни на что и не останавливаясь ни перед какими средствами. Часто в деревне проклинали комбедовский, бедняцкий произвол — но причиной его сельские люмпены считали нарушение общинных традиций взаимоподдержки, то, что зажиточные, столкнувшись с невиданной прежде хозяйственной разрухой, отказывались по-

могать, как это было ранее, беднякам. Чувство справедливости вызывало и бдительную слежку за теми, кто смог, пользуясь связями или служебным положением, урвать себе кусок по-крупнее и тем самым обойти других — но ведь так и выстраивалась тотальная система контроля всех над всеми, что являлось одной из опор нового политического порядка. Консерваторы по своей природе, те, кто выступал за соблюдение «общественных договоров», заключенных в прошлом, в силу неизбежного для революции хода вещей оказывались, таким образом, экстремистами и бунтарями.

Изучая массовые политические настроения этих лет, мы, как ни удивительно, найдем весьма мало собственно общих оценок Советской власти, ее целей и теоретических обоснований. Говорилось чаще не о Советской власти, как таковой, а о лицах, ее представлявших — может быть это и позволяло их критике быть более резкой, чем в тех случаях, когда речь шла о политическом строе в целом. Не всегда можно узнать, являлось ли это средством перестраховки, защиты себя от обвинений в контрреволюции, наподобие частых ссылок на свою «темноту». Не исключено, что новгородцы действительно искренне отделяли власть от тех, кто выступал от ее имени и протестовали против искажения политики «правильной» власти «неправильными» действиями ее проводников и исполнителей — но как не увидеть в этом почти зеркальное отражение прежних представлений о хорошем царе и плохих слугах. Перечень грехов местных чиновников в восприятии низов был весьма обширен — здесь и кумовство, и взяточничество, чванство, окрик, обман, насилие, несправедливость, нечестность. Приведенные в сборнике документы показывают, что подобные обвинения не являлись лишь плодом злонамеренной агитации классовых врагов, как на это охотнее всего указывали в то время, а имели очень веские причины. Не следует, конечно, представлять всех новгородских чиновников собранием монстров, а в их поступках усматривать только корысть, подлость или другие пороки. Неприемлемые в рамках сегодняшних этических норм их действия являлись нередко закономерным следствием тех условий, в которых они вынуждены были работать и тех директив верхов, которые они обязаны были претворять в жизнь. Все это было, разумеется, обрамлено фразами о классовой этике и нравственном кодексе коммунистов, но в слове

и деле последних можно зачастую было обнаружить влияние и реликтов прежних моральных правил. Мы встречаем здесь и призывы к помощи бедным, и протесты против угнетения слабых, и обличение несправедливо нажитых богатств. «Новая» мораль насаждалась не столько по рецептам Программы РКП(б), сколько исходя из кругозора, обычаев, привычек и стереотипов тех, кто ближе всего стоял к массам и кто по своему, хотя и учитывая идеологические импульсы, распоряжался тем, как строить справедливое общество. Эти люди нередко не столь были отличны от тех, кого они пытались наставлять и кем они руководили. Они, даже призывая к коренной ломке быта, не могли игнорировать прошлые традиции; правда, следуя им, они, естественно, придавали им не «мещанский», но гражданский смысл. Едва ли только с Программой РКП(б) сверялся председатель губернской контрольной комиссии, упрекая коммуниста-многоженца в неблаговидном поведении и требуя от него обеспечения брошенных им детей. Строители «прекрасного нового мира» являли собой плоть от плоти мира старого. По тем законам, которые они устанавливали, они должны были жить и сами и не потому ли в новом «общественном договоре», достигнутом после Октября 1917 г., революционные иллюзии умерялись нормами обычных повседневных практик, характерных для консервативного общества.

Люди потому и свыклись со своим новым положением, что первоначально «буря и натиск», попытки разрушить все и вся вскоре сменились (в силу присущих властям инстинкта самосохранения в условиях войны, разрухи и социального брожения) прежней схемой приемлемого для них существования. Да, идеологическое оформление новой цивилизации было другим — но так ли это затрагивало хлебоборода, не умевшего связать двух слов, о чем красноречиво свидетельствуют заявления о выходе из партии. Да, уровень благосостояния города и деревни не всегда был соизмерим с довоенным — но ведь нищета не пришла в одночасье. Живя в ней годами, к ней притерпелись, и она стала специфическим атрибутом цивилизации, в которой точкой отсчета был не 1913, а 1921 год. Да, были попытки перевернуть социальный базис власти, сделать бедняка ее опорой. Но разве были у новой власти средства, достаточные для того, чтобы помочь всем им и разве не приходилось тем же беднякам по-старинке кланяться кулакам и

униженно просить их о поддержке — в том числе и тогда, когда сборщики советских налогов, не обращая внимания на коммунистические постулаты, буквально отбирали у задолжавших бедняков последние из их скудных пожитков. Положение же деревни было таково, что стоило лишь чуть сильнее нажать на неплательщиков, лишь чуть расширить число налогов, лишь чуть увеличить их размер, как разговоры о том, что при царе жилось лучше, становились повсеместными.

Споры о том, плохо или хорошо стало при большевиках, не смолкали в эти годы. Но надо было жить. Надо было растить детей, заботиться о близких, думать о хлебе насущном. Иного выбора не было! Спорить с силой и бороться с ней в одиночку — на это способны были немногие. Люди по разному приспособлялись к новой жизни. Кому-то это удавалось, кто-то пытался себя уверить в том, что ему живется лучше, кому-то ничего не удавалось, но он не терял надежды со временем поправить свои дела. По документам, сохранившимся в ГАНИ-НО, мы видим, как менялся язык масс, как он пропитывался «советскими» клише, как не очень умело люди применяли их, вкрапляя в повседневную и чуждую этим клише речь. Чем чаще употребляли такой словарь, тем ближе и понятнее становились элементы коммунистической догматики, тем быстрее воспринимали язык власти, тем отчетливее и осознаннее его использовали для достижения своих целей. Одновременно с этим приходило и более отчетливое понимание того, что можно и что нельзя делать — и эта самооцензура оказывалась более действенным инструментом порядка, чем обычные угрозы, которыми, конечно, нельзя было прочно удержать в подчинении десятки тысяч людей. Начало строится здание, в возведении которого участвовали все — и управляющие и управляемые. Там, где не замечало враждебного поступка око власти — там помогали ей рядовые граждане, одергивавшие нарушителей порядка доносками и открытыми обличениями. Делали они это по разным мотивам — чувствуя себя ущемленными другими, желая выслужиться, сводя личные счета или испытывая зависть к более удачливым. Это было куда эффективнее простого насилия или убеждающего призыва агитатора — дисциплинируя других, каждый тем самым дисциплинировал и себя.

Когда изучаешь документы 1920–1930-х гг., возникает ощущение какой-то всеобщей, непрерывной критики политических, государственных и общественных институтов. Клеймят всех – «врагов народа» и чиновников, кулаков и «лодырей»-бедняков, «бывших» и людей из низов. Обличения соседствуют с самокритичными высказываниями обличаемых, которые, правда, могут быстро поменяться ролями с обвинителями и стать еще более суровыми критиками всевозможных «недостатков».

Этот «негативный» оттенок, присущий ряду источников, необходимо признать неизбежностью, а не следствием тенденциозных манипуляций с текстом. Целью авторов многих документов является не сухой и беспристрастный отчет о состоянии дел, а попытка поправить в «лучшую» сторону эти дела — поэтому любые отклонения, недостатки отмечались в первую очередь. Сбор сведений в это время зачастую являлся не окостеневшим и монотонным ритуалом, не отпиской бюрократов в партийных и советских канцеляриях, но акцией, в которой участвовали увлеченно, пристрастно, корыстно. Создавая оправдательные объяснения, люди не просто обеляли себя, но и очерняли других— здесь сугубая осторожность историков, использующих эти источники для воссоздания живой ткани эпохи, оправдана вдвойне.

Содержащиеся в документах сведения собирали довольно хаотично, нередко довольствуясь и передачей слухов, и сообщениями, почерпнутыми из перлюстрированных писем и не подтвержденных фактами, наконец доносами. Сведения собирались людьми, которые порой плохо разбирались в том, что является политикой, а что нет. Но в этом, пожалуй, и особая ценность документов. Они отмечают все – и важное, и не очень важное, позволяя самому историку детальнее анализировать полученные им материалы, а не быть заложником чужих интерпретаций.

Подчеркнем еще одно немаловажное обстоятельство. Сведения о положении в губернии, о настроениях масс, о любых значительных (и даже не очень значительных) событиях и просто инцидентах интенсивнее всего собирались именно во время опасных для власти кризисов, когда ожидали волнений и даже восстаний, когда становились опасными даже аполитичные граждане. Борьба с оппозицией, разрыв англо-

советских дипломатических отношений, казавшийся преддверием будущей войны, паника, возникавшая в связи с этим, массовое припрятывание товаров и, как следствие, срыв хлебозаготовок — все это требовало особого пристального внимания властей и потому машина сбора информации заработала как раз тогда с невиданной прежде силой.⁵⁶²

Документы 1920-1930-х гг. имеют весьма специфичные риторические наслоения, обусловленные идеологическим языком эпохи. Их авторы, к тому же, тенденциозны даже и там, где, казалось, речь идет только о протоколировании чужих реплик. Нередко информатор считал нужным словом или целой фразой выявить и свое отношение к событиям, причем делал это хотя и ярко, но плакатно. Эта полемичность, однако, зачастую снижает ценность источника. Превращенный в «агитку», текст создается в соответствии с особым жанром памфлета, где значение имеет не кропотливое сверение всех «за» и «против» при рассмотрении той или иной проблемы, а выделение лишь «выигрышных» моментов, позволявших эффективнее обличить оппонента.

Не все периоды истории Новгородской земли освещены в документах равноценно и с исчерпывающей полнотой. Так, к сожалению, в архиве сохранилось мало материалов, показывающих отношение разных слоев населения, в первую очередь крестьян, к коллективизации. Те же из документов, что стали доступными для исследователей, в ряде случаев не вполне достоверны. Их авторы рассматривали драматические эпизоды «великого перелома» под заранее определенным углом зрения и видели кулацкие «происки» и классовую борьбу там, где люди, попавшие в жернова истории, только боролись за свое существование, не преследуя каких-либо политических целей.

Прежде всего они дают возможность оценить степень демократизации СССР, чей политический опыт еще не столь давно предлагался как образец народовластия. Даже в этих, весьма цензурированных документах, перед нами разворачивается впечатляющая картина деградации представительных институтов

---

⁵⁶² Спецсводка НГО ОГПУ. 2 июня 1927 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3606. Л. 39—43; Спецсводка НГО ОГПУ. 18 июня 1927 г.: Там же. Л. 44—48; Информационное письмо № 1 Боровичского уездного комитета ВКП(б). 21 июля 1927 г.: Там же. Ф. 3534. Л. 4—8. Информация Демянского уездного комитета РКП(б). 4 августа 1927 г.: Там же. Л. 17—17 об.

и тотального попрания демократических норм, что не может скрыть и сильно идеологизированный язык авторов документов. Тасуются списки избирателей, выявляются «подозрительные лица», появляется целая категория «лишенцев» — тех, кто утратил право избирать и быть избранным.⁵⁶³ В документах того времени постоянно встречались сетования на то, что избирательные участки не подготовлены, что избиратели не знают имен кандидатов в депутаты Совета, не хотят голосовать.⁵⁶⁴ Наиболее активными избирателями оказывались даже не бедняки (что следовало ожидать в первую очередь) и, разумеется, не кулаки, которые боялись быть заподозренными в излишней политической активности — это могло повлечь применение к ним репрессивных мер. Самой активной частью избирателей являлись середняки, но и их активность не стоит переоценивать — не зря в документах столь назойливо звучат призывы усилить работу на избирательных участках. Привычными стали оговорки о том, что люди не осведомлены о политических событиях или плохо разбираются в них. И не случайно слышатся упреки в том, что на местах никак не могут определить, кто является кулаком, а кто бедняком или середняком. Едва ли это была только уловка тех, кто хотел избежать чрезмерного налогообложения — зачастую и сами представители власти имели смутное представление о критериях социальной градации в деревне.

Вторая, сразу обращающая на себя внимание деталь советского «демократического» эксперимента — это какая-то тотальная запуганность общества. Сославшись на ОГПУ, можно было ограбить человека. Он боялся проверить, кто у него производил обыск и отнимал ценности — чекисты или обыкновенные преступники. В одном из отчетов подчеркивалось, что даже на партийном собрании «подавали записки оппозиционного характера без подписи» — видимо, у их авторов были веские основания скрывать свое имя. Некий смельчак, рискнувший выступить на собрании с обличительной речью, счел необходимым отметить: «Меня завтра же потащат в ОГПУ».⁵⁶⁵

⁵⁶³ Письмо орготдела Ленинградского облисполкома Боровичскому окружкому ВКП(б). 19 марта 1930 г.: Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 529. Л. 2; протокол заседания бюро Уторгошского райкома ВКП(б). 8 апреля 1930 г.: Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 95. Л. 19–29.

⁵⁶⁴ Информационная сводка Новгородского губкома ВКП(б). Январь 1927 г.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3352. Л. 14–19; Сводка информационно-статистического подотдела Новгородского губкома ВКП(б): Там же. Л. 22–26 об.

⁵⁶⁵ Бюллетень Новгородского окружного отдела ОГПУ. 6 сентября 1929 г.:

Демократия, естественно, не могла привиться там, где общество постоянно держали в мобилизационной готовности, в ожидании военной опасности, интервенции, блокады. Этот мобилизационный синдром подкреплялся неустанной борьбой с вредительством (в чем и видели причину провалов в индустриализации) и схватками с оппозицией. Борьба с инакомыслящими, с «бывшими» и «попутчиками», с троцкистами, бухаринцами и с зиновьевцами, со всеми мнимыми и настоящими врагами власти⁵⁶⁶ — такова лаборатория, в которой выковывались нормы поведения для будущих поколений, и не на годы — на десятилетия. Заметим, кстати, что борьба с коммунистической оппозицией позволяла накапливать особый опыт при проведении политических чисток. Этот опыт обусловил создание нового набора идеологических инструментов, поскольку для борьбы со «своими» требовалась казуистика изощренная, а не традиционные советские догмы, привычно противопоставлявшие нового человека «человеку ветхому». В этой схватке со «своими» повышался порог идеологической «чувствительности». Здесь более внимательно следят за каждым неосторожно сказанным словом, здесь всякий понимает, что уверения в преданности не помогут как прежде и потому старается оправдаться, еще не будучи обвинен. Надо доказать еще и преданность вождям, нельзя сомневаться в правильности избранного вершущей партии пути. Но и это не всегда помогало. «Пламенный» революционер, обличающий партийный термидор и бюрократию, кажется властям не менее опасным, чем затаившийся враг. На него сразу же навешиваются ярлыки — «уступка мелкобуржуазным вкусам» (в конце 20-х гг.) «подыгрывание классовому врагу» (в начале 30-х гг.), и, наконец, утверждение, что тот кто указывает партии даже с благами намерениями на ее недочеты, сам является классовым врагом (в 1937 г.).

Мы можем обозначить несколько значимых инструментов контроля над поведением общества, которые со временем превратили систему советов, и до того не отличавшуюся осо-

⁵⁶⁶ Информация Новгородской губернской контрольной комиссии. 19 апреля 1927 г.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 157. Л. 6—9; Служебная записка уполномоченного ГКК по Старорусскому уезду: Там же. Л. 10; Письмо члена ВКП(б) И. Н. Парамонова. 27 августа 1927 г.: Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 25. Л. 1—17; Протокол заседания бюро Минецкого районного комитета ВКП(б). 28 октября 1927 г.: Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 64. Л. 810.

бым демократизмом, в подлинно тоталитарный политический феномен. Несоизмеримо усилилось по сравнению с прошлыми годами влияние репрессивных структур ОГПУ НКВД. Они вмешивались во все, интересовались всем.⁵⁶⁷ В поле их зрения находились не только подозрительные поступки и смелые реплики, но и растраты, пьянство и многое другое, далекое от политики. Не случайно на одном из собраний бросили реплику: «Вы только на ОГПУ выезжаете». Имело значение и то, что не была четко определена сфера полномочий ОГПУ и ее нередко устанавливали, исходя из собственных представлений о методах поимки «врагов народа». ОГПУ, например, составляет списки сотрудников с указанием их благонадежности, причем даже и тех из них, которые работают в Новгородской окружной госстрахконторе⁵⁶⁸ — что же говорить о других, более важных для обеспечения государственной безопасности объектах. При этом для компрометации людей используются даже косвенные намеки и мельчайшие детали. Заявление одного из начальников Новгородского окружного отдела ОГПУ о том, что не надо жалеть денег на расширение сети осведомителей, поскольку они «быстро окупятся достигнутыми результатами»⁵⁶⁹ — не оговорка. Эта репрессивная бухгалтерия составляла одну из основ мышления правящей элиты. Эта она делала обыденной и повседневной практикой составление, а затем и выполнение плановых заданий по арестам «врагов народа» — заданий, которые с лихвой перевыполнили в 1937 г.

Одним из инструментов контроля являлась и так называемая борьба с мещанством. Она была упорной и кропотливой, ее вели и партийные, и комсомольские организации, а нередко и те, для кого это являлось не обязанностью, а страстью. Скрупулезно выясняли, кто и как ведет себя в семье, быту, кто не тактичен или груб с подчиненными, кто ругается, кто пьет водку, кто ворует, кто выражает упадочнические взгляды. Контроль за нравственным здоровьем общества в общем-то типичен для любой цивилизации, но в специфических условиях советской системы это превратилось в тотальный и мелочный надзор, по-

⁵⁶⁷ Докладная записка НОО ОГПУ. 23 апреля 1929 г.: Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 25. Л. 189—189 об.; Акт об изъятии книг Н. И. Бухарина и Л. Б. Каменева. 7 февраля 1937 г.: Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

⁵⁶⁸ Справка НОО ОГПУ. 1929 г.: Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 25. Л. 263—265.

⁵⁶⁹ Докладная записка НОО ОГПУ. 22 января 1928 г.: Там же. Л. 1—61 об.

звolyающий улавливать малейший крен в сторону от одобряемых властью привычек и традиций. Другой из инструментов контроля — установление секретности, ограничение каналов любой альтернативной информации. И неудивительно, что на один из военных сборов крестьяне пришли с провизией, считая, что их призвали на войну. О «чистой», беспристрастной информации не было и речи. Почти каждое сообщение в прессе не обходилось без комментариев и оговорок. Да и прессу читали не всегда, и доступна она была не всем. О событиях в стране и о том, как надо их оценивать, крестьяне узнавали нередко лишь во время агитационных кампаний по «проработке» вопросов, будь-то снижение цен, уплата налогов или подписка на заем.

Специфические приметы контроля — его периодичность и регулярность, тотальность, обязательность выявления недостатков даже там, где их трудно обнаружить невооруженным глазом — в этом случае рекомендовалось усилить остроту зрения. Необходимо было пытливно изучать поступки и слова и тех, кто казался лояльным — и искать, искать, искать скрытых и явных врагов, а когда заподозренный молчит, — видеть в этом хитрость, мимирию, за которыми скрывается неприязнь к властям.

Можем ли мы, однако, утверждать, что сближение общества и власти являлось только следствием принуждения, репрессий и насилия. Едва ли. Общество, в первую очередь, само нуждалось в опеке властей. Помощь от них ждали семьи красноармейцев, к которым, если верить ряду документов, не очень-то благоволили крестьяне. Поддержку от властей ожидали и те, кто подлежал увольнению с работы и пытался избежать этого, ссылаясь на свои заслуги в прошлом или пролетарский статус. Еще более в ней нуждались крестьяне-бедняки — а иначе как они могли выжить там, где их презрительно именовали лодырями. И не только органы власти, но и сами крестьяне активно способствовали борьбе с кулаками, нередко первыми проявляя здесь инициативу. Требуется помощь в воспитании детей, в устройстве их в ясли — и тут взоры людей снова обращаются к власти. От нее ждут активного вмешательства в решение всех насущных вопросов, подталкивают ее к тому, чтобы она проводила более жесткую политику. Так постепенно достигается конформизация общества — медленно, но неуклонно. И перенимался, воспроизводился, повторялся в многочисленных житейских ситуациях язык власти. На этом языке говорили даже и тогда,

когда обличали власть. Так, антисталинские выступления включали в себя требования возвратиться к подлинному ленинизму, при этом с горечью говорили о светлой идее социализма, оказавшейся в грязных руках бюрократов. На собраниях, проведенных в 1937 г., многие изощрялись в обвинениях двурушников и «троцкистско-бухаринских извергов», каялись сами и обличали других. Для них участие в таких собраниях не было, однако, лишь вынужденным шагом, неприятным, но необходимым. Выступали на собраниях истово, с неподдельной страстью, не стеснялись подтасовок и клеветы, выискивали малейшие улики в действиях подозреваемых.⁵⁷⁰ В политические игры вовлекались не только взрослые. Один из публикуемых в сборнике документов красноречиво показывает, как заподозренный в политическом вольномыслии школьник изворачивается и делает это умело, совсем не по детски, находчиво используя язык властей, его штампы, логику и казуистические ходы.⁵⁷¹

Разумеется, нельзя отрицать протестных настроений (наиболее ярко они проявлялись в 1927 г.), но со временем этот протест мельчал, становился непринципиальным. Нарекания на неправильные налоги, недоверие к прессе, жалобы на невнимание к социальным вопросам — и никакой политики. Были, конечно, и выходы из партии, особенно в конце 1920-х—начале 30-х гг. — позже это делать остерегались. Но этой акции трудно приписывать политический смысл, хотя на это порой и намекалось. Пожалуй, не далеки от истины были те, кто видел здесь скорее экономическую подоплеку, то, что тогда называлось «шкурничеством». Общество становилось подлинно «советским». Конечно, энтузиазм эпохи первых пятилеток во многом являлся натужным и заорганизованным (и это видно из сохранившихся в ГАНИНО документов) — но «социалистическое соревнование» стало повседневностью. Конечно, слышался ропот на власть и на бюрократов, но политический подтекст при этом проявлялся крайне слабо. На общественные демонстрации едва ли шли только по принуждению — для многих они являлись ярким праздником, частью досуга. Разумеется, реальность была далека от той сказки, которую хотели сделать былью. Но, наверное, не

⁵⁷⁰ Отчет Боровичского горкома ВКП(б). 20 августа 1936 г.: Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 633. Л. 27; Сводка о проведении общих собраний рабочих. 26 августа 1936 г.: Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 803. Л. 1.

⁵⁷¹ Докладная записка отдела школ Чудовского РК ВКП(б). 1937 г.: Там же. Д. 755. Л. 1—2.

зря в мае 1968 г. лозунгом французских левых, являвшихся наследниками русских революционеров – экстремистов, был призыв: «Будьте реалистами – требуйте невозможного».

3.

1941–1945-е годы — одна из самых трагических страниц в многострадальной истории Новгородской земли. Ее жители вместе с миллионами других людей испытали ужасы и страдания, причиненные СССР вторжением войск нацистской Германии. Каждому предстояло сделать свой выбор — и от того, каким он будет, зависела судьба страны. Итог нам известен — там, где крушился камень, не удалось сокрушить человека. За строками публикуемых здесь документов, горьких и обжигающих, порой скупых, порой с наведенным на них «оптимистическим» глянцем, проступает подлинное величие тех, кто своими безмерными страданиями проложил путь к победе — одной на всех.

Патриотический подъем, обнаружившийся повсеместно в первые же дни войны, выявился на Новгородчине в тысячах заявлений с просьбой направить на фронт или зачислить в народное ополчение.⁵⁷² Сообщавшие об этом партийные сводки нередко выдержаны в патетическом духе и это отчасти мешает понять мотивацию тех, для кого такие действия являлись не данью риторике, а будничным делом, следствием осознания опасности, грозившей Родине. Сами заявления различны и по стилю, и по содержанию и по объему.⁵⁷³ Кому-то хватало двух строчек, нередко переписанных почти слово в слово из других подобных заявлений, кто-то сопровождал свою просьбу подробной мотивацией и даже стихами — все зависело от степени эмоциональности человека и от присущего ему уровня культуры. Многие из заявлений не очень грамотны, порой сумбурны — но тем отчетливее выявляется их искренность. Каждый из их авторов пытался найти свое место в рядах тех, кто защищал независимость Родины. Обращались с просьбами записать в Красную

⁵⁷² Докладная записка Новгородского горкома ВКП(б) об откликах населения г. Новгорода на сообщение о нападении Германии на СССР: Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 457. Л. 8–9; Доклад Новгородского горкома ВКП(б) о проведении агитационно-массовой работы в г. Новгороде. 24 мая 1941 г.: Там же. Л. 2–5; Политсводка Боровичского райкома ВКП(б) о проведении мобилизации и увеличении производительности труда рабочих и колхозников: Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 72. Л. 3–3 об.; Информация Новгородского горкома ВКП(б) об откликах населения г. Новгорода на указы Верховного Совета СССР 22 и 26 июня 1941 г.: Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 457. Л. 12–15.

⁵⁷³ ГАНИНО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 764. Л. 5; Ф. 260. Оп. 1. Д. 103. Л. 24, 31, 39.

Армию и в народное ополчение, в санитарные дружины и на курсы медсестер. Просили разные люди — от рабочих до уборщиц, от школьниц до инженеров — и разного возраста, даже на шестом десятке лет. В одной из сводок обращалось внимание на то, что мать поддерживала просьбу сына уйти в армию — излишне говорить, что она испытала при этом. На Машиностроительном заводе, например, из 700 работающих 400 передали в партбюро заявления с просьбой о приеме в ряды народного ополчения. Возможно, здесь имели значение не только патриотические настроения и призывы местных коммунистов, но и то, что не хотели казаться менее храбрыми, чем другие, считая недостойным прятаться на глазах тех, кто готов был жертвовать собой. Один из обратившихся в те дни с просьбой отправить на фронт считал даже необходимым указать, что он был ранее исключен из партии — это давало возможность особо подчеркнуть значимость его патриотического поступка.⁵⁷⁴

Нельзя, правда, не сказать и о других случаях — кто-то, испугавшись, намеренно отстал от поезда с ополченцами, кто-то уклонялся от призыва на фронт, ссылаясь на разные причины, кто-то становился дезертиром и прятался в лесах. Документы не позволяют говорить об этом как о массовом явлении. Таких людей преследовали не только власти, к ним неприязненно относились и общество. То, что в своих жалобах в государственные и партийные инстанции члены семей фронтовиков ссылались на награды, полученные последними во время боевых действий, не было только дополнительным аргументом, призванным обеспечить лучше права просителя. Это и реально отражало иерархию ценностей, упрочившуюся в годы войны.

Подчеркнем, что счет, предъявляемый людям оступившимся, вынужденным работать, чтобы получить немецкий паек, был высоким и предельно бескомпромиссным. Горько читать оправдательные заявления комсомольцев, оказавшихся в оккупации и уничтоживших свои билеты. В их судьбах, как в капле воды, отразилась трагедия людей, брошенных во время отступления и всеми силами пытавшихся выжить — несмотря ни на что. Выхода у них не было — одна из женщин, оставшаяся на оккупированной территории, говорила о своем голодном ребенке, которому нельзя было достать молока. Но вердикт в отношении

---

⁵⁷⁴ Заявление М. Е. Прокофьева. 3 июля 1941 г.: Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 764. Л. 7.

таких комсомольцев был один: исключить из рядов ВЛКСМ.⁵⁷⁵ Трудно сказать, являлся ли здесь определяющим традиционный сценарий комсомольских собраний, направляемых сверху, или его участники были вольны в своем выборе — но отметим, что последние видели не только тех, кто стремился выжить, но и тех, нередко самых дорогих и близких для них, кто погиб на фронте, чья жизнь оборвалась в застенках.

В политических сводках июня—июля 1941 г. отмечены и пораженческие настроения; наблюдались они и позднее.⁵⁷⁶ Проявлений их в целом было немного, хотя, возможно, не все рисковали публично высказать свои взгляды. Авторы сводок стремились объяснить мотивы «пораженцев» их бывшим социальным положением и даже национальностью. Подчеркнем, однако, что «пораженческими» настроениями были охвачены и лояльные граждане. Нельзя не отметить и то, что к паникерам и «пораженцам» авторы сводок относили иногда и людей, которые просто передавали непроверенные слухи, что было естественно в условиях тотальной военной цензуры. Усиление бдительности, неизбежное во время войны, делало более придирчивыми оценки информаторов — подозрительными казались даже сдержанность и замкнутость в госпиталях военнослужащих из Прибалтики. Неудачи Красной Армии на первом этапе войны пытались скрыть. Эта была вынужденная и во многом оправданная мера — имелись веские основания на лить воду на мельницу немецкой пропаганды. Ценой за это и стал рост слухов, где сведения об отступлении советских войск и его последствиях приобретали преувеличенный характер. Было бы упрощением считать немногочисленность проявлений «пораженческих» настроений только следствием репрессий и самоцензуры. «Слово звучит в отзывчивой среде» — заметил некогда Чаадаев. Этой «отзывчивости» как раз и не было — была ненависть к чужеземным захватчикам, пришедшим грабить и насиловать, был гнев при виде творимых ими злодеяний.

Война в значительной мере изменила привычный уклад жизни населения Новгородской земли. Значительная часть

⁵⁷⁵ Там же. Ф. 174. Оп. 1. Д. 32. Л. 1—1 об.

⁵⁷⁶ Информационная сводка Боровичского горкома РКП(б) о политическом и моральном состоянии населения г. Боровичи. 2 июля. 1941 г.; Там же. Оп. 1. Д. 7474. Л. 19—20; Докладная записка Маловишерского РО НКВД о политических настроениях населения района. 23 марта 1943 г.; Там же. Ф. 112. Оп. 4. Д. 6. Л. 1—2 об.

районов Новгородской земли — Белебелковский, Волотовский, Батецкий, Новгородский, Уторгошский, Старорусский, Молвотицкий, Демянский, Чудовский, Залучский, Полавский, Солецкий и др. — была захвачена немецкими войсками летом-осенью 1941 года. Не оккупированные земли Новгородчины стали частью прифронтовой полосы, тылом Северо-Западного и Волховского фронтов. До января 1943 года действия советских войск на этих фронтах не всегда являлись успешными — прорвать немецкую оборону, несмотря на все усилия, тогда не удалось. Всем известна трагедия 2-ой Ударной армии, начавшей неудачное наступление летом 1942 года в районе д. Мясной Бор: почти все солдаты были уничтожены или оказались в плену. Постоянные, длившиеся несколько лет бомбардировки и обстрелы противником наблюдательных пунктов, коммуникаций, складов, мест размещения военных резервов за прифронтовой полосой превратили ее в выжженную землю. Безвозвратно погибли ценнейшие жемчужины древнерусской архитектуры. Многим людям пришлось уехать из родных мест — их деревни и села оказались в зоне военных действий. Делали они это не всегда охотно, что отразилось даже в официальных документах, весьма скурых на описание «негативных явлений». Изучая ход эвакуации на Новгородчине, мы видим, каким она сопровождалась хаосом и сумбуром, как плохо ее организовали.⁵⁷⁷ Жители сели и деревень приходили на сборные пункты с имуществом — и выяснялось, что телег и машин нет, и надо идти пешком со своим немалым скарбом, в том числе немощным старикам и детям. Нельзя было сразу уехать и невозможно было возвратиться к разрушенным родным очагам. Людям, собранным для отправки в глубокий тыл, приходилось раздавать крупу, чтобы дать им возможность подкормиться до прихода транспорта. Шла война и потому тут сложно искать виноватых — но мы должны понять и тех, кто десятки километров нес на плечах свои пожитки. Горьким был этот путь — через пепелища в неизвестность, к незнакомым людям, которые, имея свои заботы, не всегда были рады пришельцам, к чужим, неудобным, необжитым, полуразрушенным домам, к общежитскому быту с его неизменной скученностью жильцов, сколками и безысходной нищетой.

Очень несладко жилось им на новом месте. Не всем уда-

---

⁵⁷⁷ Записка уполномоченного по проведению эвакуации жителей Поддорского района. 8 июня 1942 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 95. Л. 6.

валось устроиться на предприятиях, заработки в колхозах были низкими, подсобное личное хозяйство восстановить было трудно. Преобладал ручной труд — машин на полях не хватало, работать приходилось и днем и ночью. Тысячи людей владели полуголодное существование и даже молоко доставалось не каждому ребенку. Тяжким испытанием был уход на фронт кормильцев семей. Выдаваемое их родным пособие не являлось значительным, надежд на получение посылок с фронта было мало.

Существенно изменился быт людей. Не случайно в публикуемом сборнике столь широко представлены документы о работе столовых — именно здесь эти бытовые метаморфозы выявились с наибольшей полнотой. Однообразное меню, отсутствие овощей (даже в детских столовых), грязь, воровство заведующих — в голодное время они смогли похитить десятки килограмм масла и крупы — все это стало частью повседневности. И столовыми бытовые неурядицы не ограничивались. Очень плохим было положение тех, кто жил в общежитиях — грязное постельное и носильное белье, рваная обувь и одежда у подростков, отсутствие горячей воды и воды вообще. Администрация предприятий, как правило, не обращала внимания на то, что происходило в общежитиях — другие заботы считались более важными.

Плохими были условия жизни педагогов. Они меньше могли рассчитывать на подсобное хозяйство, многие из них оказались в эвакуации, жили только на мизерный заработок. Их легко было унижить и обидеть — и этим пользовались. Чего стоит хотя бы случай, когда выкинули из комнаты вещи тяжело заболевшей учительницы, сочтя, что ей осталось недолго жить — и вселили туда другого человека.⁵⁷⁸

И полуголод, а порой и голод — это тоже стало приметой времени. Плохим было питание даже в госпиталях. В первые дни войны в Новгороде и других городах возникли очереди за мылом и спичками, чуть позднее — за хлебом (Док. 5, 8, 17). Поначалу это казалось следствием паники (и, видимо, было таковым), но вскоре магазины опустели — подвоз продуктов существенно сократился.

Примечательно, что до введения карточной системы многие еще продолжали скупать дешевый хлеб для корма скота.

---

⁵⁷⁸ Докладная записка Окуловского районного отдела народного образования. 27 сентября 1944 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 68. Л. 33–33 об.

Здесь уместнее не только говорить об отсутствии чувства ответственности граждан, не упустивших своей выгоды и в дни беды, но и о неумении местных чиновников эффективно распределять ресурсы в чрезвычайных условиях и рассчитывать на несколько шагов вперед. Нормы продовольствия, отпускаемого по «карточкам», являлись скудными, а покупка на рынке была зачастую невозможна из-за дороговизны. Оставалась надежда на льготное снабжение ряда социальных групп, в частности, семей военнослужащих, но и они получали положенные им продукты не всегда и не в полной мере. Так, в одном из документов, составленных в конце ноября 1943 г., отмечалось, что кондитерские изделия, предназначенные для детей фронтовиков, не выдавали с мая.⁵⁷⁹ В конце войны были произведены раздачи т. н. «американских подарков» — продовольственных наборов, присланных из США. Но и эта мера не имела, да и не могла иметь долговременного эффекта. Распределение «подарков», к тому же, вызвало ряд нареканий — многие считали себя обделенными. И здесь мы видим все ту же картину — жаловались, что подарки, предназначенные для бывших партизан, отдавали чиновникам.

Особенно плохими были условия жизни тех, кто вернулся в родные места — как репатриированных из-за рубежа, так и прежде эвакуированных в тыловые районы.⁵⁸⁰ Возвращаться часто было некуда — на месте многих сел и даже городов остались одни пожарища. Репатриированных пытались разместить на предприятиях, но работали они здесь не очень охотно, желая во что бы то ни стало быстрее уехать домой. Там их часто встречали не приветливо. Уцелевших домов было мало, тут в тесноте жили другие, чужие люди, которые тоже не имели иного пристанища. Но пришлось угнанным на чужбину столкнуться не только с этим. Нельзя без возмущения читать документы о том, как обирали их местные чиновники, по-своему трактуя закон о трофейном имуществе как государственном.⁵⁸¹ Без всякого сты-

⁵⁷⁹ Протокол собрания партактива Боровичской городской партийной организации. 23 ноября 1943 г.: Там же. Ф. 29. Оп. 4. Д. 4. Л. 10–10 об.

⁵⁸⁰ Справка инструктора Новгородского обкома ВКП(б) о недостатках. 6 декабря 1944 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 68. Л. 108–109; Докладная записка председателя Ново-Деревенского сельсовета Чудовского района. 13 декабря 1945 г.: Там же. Оп. 6. Д. 32. Л. 23.

⁵⁸¹ Письмо М. В. Хлусова в Новгородской обком ВКП(б): Там же. Ф. 260. Оп. 2. Д. 105. Л. 102–103 об.; Письмо заместителя начальника УНКВД Новгородской области. 5 июля 1945 г.: Там же. Л. 116.

да они отбирали у людей, которые и без того испытали много страданий, привезенные ими вещи, которые посредством ряда махинаций брали себе — конечно, «по чину».

Трудным было положение и тех, кто возвратился из эвакуации. Им иногда отказывали возвращать закопанные ими прежде вещи, их старались выжить из занимаемых ими домов, где они оказались потому, что прежние их жилища были разрушены. Публикуемые в сборнике тексты писем — жалоб эвакуированных показывают, как трудны были попытки приехавших на «малую родину» отстоять свои права, накормить и обустроить своих детей.

И здесь нельзя не сказать о контроле за соблюдением не только законов, но и не отмеченных в юридических актах этических норм, который осуществлялся государственными и партийными структурами различных уровней и прессой. Разветвленность, дублирование функций, иерархизация и в известной мере автономность их способствовали специфическому «перекрестному» наблюдению над всеми сферами жизни новгородской глубинки и давали шанс тому, кто стал жертвой несправедливости и корысти. Может и не всегда их вмешательство являлось действенным, но в силу сложившегося в СССР политического режима кроме них ждать помощи не у кого было. Именно они во многих случаях могли пресекать произвол местных исполкомов и партийных комитетов. Они, и только они, могли помочь наиболее слабым и обездоленным.

Тот комплекс мероприятий, который традиционно назывался «партийно-массовой работой», проводился, в известной мере инерционно, и в условиях войны. Нельзя сказать, что общество в эти годы оказалось деидеологизированным или что партийные структуры утратили многие рычаги воздействия на массы. В это время устраивались партийные собрания, собеседования с членами ВКП(б), самостоятельно изучались коммунистами разделы книги «История ВКП(б). краткий курс». Осуществлялся неусыпный надзор над теми, кто недостаточно изучил историю партии, не был осведомлен о политических событиях и международном положении. Следили за теми, кто не платил членские взносы, во время приема в ВКП(б) указывали кандидатам на недостатки их партийного образования, задавали вопросы о их производственной работе, интересовались, читают ли они газеты, участвуют ли в общественной жизни. Многие

осуществлялось в старых организационных формах и порой, на фоне судьбоносных событий в стране, казалось только имитацией активной деятельности. Возникает вопрос, нужно ли все это было тогда, и не являлись ли такие действия фасадной ширмой, определенной инструкциями вышестоящих инстанций и проявлением дисциплины со стороны местных парторганизаций.

Однозначный ответ дать трудно. Здесь, конечно, было немало рутинного, заорганизованного, ненужного, не учитывавшего того положения, в котором находились люди. Все это так. Но можно взглянуть на это и по иному. В рамках той политической системы, которая укоренилась в СССР, это являлось одним из элементов (хотя и не основным) нормализации общественных отношений, расшатанных военным бытом, упрочения элементарного, хотя и специфического порядка. Посредством подобных ритуалов человека заставляли подчиняться не только идеологическим, но и этическим нормам, поддерживали минимальный, хотя и обусловленной в значительной степени политическими расчетами, уровень культурных навыков.

Добавим к этому, что многие традиционные формы «партийно-массовой работы» в годы войны либо почти исчезли, либо на них не обращалось такого, как прежде, внимания. Прекратился выпуск многих стенных газет, нечасто проводились партийные занятия и рабочие собрания, нерегулярно уплачивались коммунистами членские взносы. Все это вызывало жесткую критику партийных инстанций разного уровня, но глядя на то, как постоянно, из месяца в месяц, фиксировались в партийных отчетах все те же «недостатки», понимаешь, что борьба с ними едва ли была действенной.

Злостью дня было не это, а другое — как выстоять в трудную минуту, как выполнить взятые на себя обязательства, как вырастить и собрать урожай и решить неотложные производственные задачи. Это понимали и партийные, и советские работники — инвективы в адрес тех, кто пренебрегал партийными и общественными обязанностями, в ряде случаев кажутся своеобразной отпиской людей, которых беспокоили совсем другие заботы. «Выполнение патриотического долга» — за этими громкими словами скрывалась будничная и тяжелая работа тех, кто буквально на себе пахал землю, кто свержхурочно трудился за ничтожные пайки в плохо отапливаемых помещениях. Крестьяне и рабочие просто делали свое дело — пафосные вы-

ражения для них находили другие. Сводки о трудовом героизме «тружеников тыла» патетичны и однообразны и возникает впечатление, что они писались по одному образцу. Их можно было, после некоторой доработки, отдавать в печать в качестве агитационных материалов. За их строками не всегда видны неимоверно тяжелые условия, в которых жили и трудились полуголодные люди — у станков и на полях. Им полагалось быть бодрыми, оптимистичными, патриотичными. Отчеты, однако, и в таком виде весьма показательны. Отмечалось, например, как люди преклонного возраста, порой семидесятилетние, перевыполняли плановые задания на 20, 30, 50 процентов — и нам трудно понять, чего это им стоило.

В отчетах часто приводятся цифры, одни цифры, только оптимистические цифры — но и их достаточно, чтобы оценить неброский героизм тех, кто наравне с другими ковал великую победу. Думали ли они при этом только о своем патриотическом долге, как уверяли пропагандисты, или о том, чтобы больше заработать при ничтожных расценках за трудодни, не так, пожалуй, и важно. Очевидно, имело место и то, и другое. Оценивать необходимо в первую очередь ту стойкость, которую они проявили, преодолевая трудности, то, что во время, когда должны были неминуемо утратиться нравственные ценности, они смогли сохранить их — делясь своими скудными пайками и заработками, нелегко достававшимися им, с близкими им людьми, давая пристанище беженцам, утешая тех, кого постигло горе.

В текстах официальных отчетов, однако, редко можно найти сведения о тех трудностях, которые стали приметой тылового хозяйства в 1941—1945 гг. А они были. Прекратилось рационализаторское движение, утратило прежний размах «социалистическое соревнование», ослабла трудовая дисциплина, участились прогулы. Причины этих трудностей были известны, и их не могли игнорировать и представители властей. Обратим внимание на выступление прокурора Боровичского района на собрании партийно-хозяйственного актива 10 августа 1943 г., затронувшего вопрос о плохой производственной дисциплине.⁵⁸² Оценки его предельно бескомпромиссны — говорилось об отсутствии внимания к тем, кто живет в общежитиях, кто раздет и разут, кому некому помочь. Жесткими являются и его выводы:

---

⁵⁸² Протокол собрания партийного актива г. Боровичи. 10 августа 1943 г.: Там же. Ф. 29. Оп. 4. Д. 4. Л. 6—7 об.

за случившееся моральную ответственность несут прежде всего те, кто должен заботиться о быте рабочих — администрация предприятий и учреждений.

Патриотические настроения в годы войны проявлялись и в подписке на государственные займы, денежно-вещевые лотереи, в сборе теплых вещей для военнослужащих и членов их семей. Скажем прямо, многим давалось это нелегко. Были случаи (хотя и немногочисленные) и отказа от подписки на займы. Представителям партийных и советских органов пришлось вести разъяснительную работу с теми, кто уклонялся от участия в займах, и, не будем скрывать, при этом применялись и меры давления. Можно, однако, представить, что такой шаг был труден и для тех, кто без возражений и отсрочек платил взносы. Публикуемые в сборнике ведомости о сборе теплых вещей для военнослужащих и членов их семей показывают, в какой нищете жило тогда местное население. Чашка, ложка, детские распашонки — вот и все, что могли отдать. Сборщикам, обходившим дворы, иногда отказывали даже и в таких вещах, ссылаясь на собственное бедственное положение. Но понимали, что иного выхода не было, что каждый должен был отдавать все, что мог — знали, что другие, на фронте, платили куда более высокую цену.

Война нанесла тяжелейший урон Новгородской земле.⁵⁸³ Десятки тысяч людей погибли или были угнаны на чужбину. Многие города и села были сожжены, разрушены и разграблены. В ряде населенных пунктов уцелели всего 1-2 дома. В Новгороде находилось после освобождения города только несколько сотен человек — почти всем им пришлось жить в землянках. Уходить им было некуда — кругом пепелища, вздыбленная от снарядов земля, минные поля, неубранные трупы. В документах сборника подробно освещены первые шаги, которые осуществлялись в очищенных от оккупантов местностях. Прежде всего восстанавливались коммунально-бытовые учреждения (парикмахерские, ремонтные мастерские, бани), столовые, больницы, магазины, школы, избы-читальни, библиотеки, ремонтировались железные дороги. Уцелевших жителей направляли на различные работы, при этом был запрещен переход из одного селения в другое. Проводились сбор «бесхозного» имущества, сдача населением трофейного оружия.

---

⁵⁸³ Справка Новгородского горкома ВКП(б) и Новгородского горисполкома: Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 72. Л. 22—23 об.

Восстанавливались советские и партийные учреждения, происходила чистка партийных рядов, причем отношение к тем коммунистам, которые остались на оккупированной территории и, более того, утратили свои билеты, было весьма строгим; выявлялись и лица, сотрудничавшие с немцами и участвовавшие в карательных акциях. Население постепенно вовлекалось в политические и производственные кампании, стало приобретать размах «социалистическое соревнование». Предметом особой заботы являлось политическое просвещение тех, кто находился несколько лет под фашистским игом — предполагали, что воздействие нацистской пропаганды не могло пройти для них незамеченным. Агит абота быстро вошла в свою колею — проводились беседы, доклады, лекции, читки, оформлялись витрины с газетами, устраивались показы кинокартин. Жизнь во всех ее измерениях — политическом, социальном, экономическом, идеологическом — воссоздавалась в целом по той же системе координат, теми же средствами и в том же обличье, которые были характерны для довоенного времени.

Таким было начало освобождения от скверны, которую принесла война. Наступало новое время, а с ним и новые заботы. Время надежд, но в значительной мере и суровое время, в чем-то далекое от идиллических представлений о жизни после победы. Время нищеты, которая никуда не ушла, и горечи от невосполнимых утрат, которая оказывалась неизбывной. Почти все приходилось создавать заново — руками все тех же обессиленных войной, потерявших многих родных и близких, полуголодных. Кроме них, делать это было некому. И урок этой общей великой беды как раз и состоял в том, что люди вынесли и это испытание и многие другие — но вынесли не так, как это полагалось делать в составленных пропагандистами образцах героических биографий. Вынесли по своему — со стоном и плачем, напрягая последние силы, в лютой стуже, страдая от голода, пересчитывая последние крохи, работая вместе со стариками и детьми. Все вынесли, не сломались, не сдались, не утратили силы духа.

Жизнь во время войны подчинена особым законам — ее логика причудлива и непредсказуема. То, что нам кажется обусловленным военным временем, не всегда, однако, являлось таковым. Стахановское движение на Новгородчине, например, утратило свой размах в эти годы отнюдь не потому, что не было трудового энтузиазма, хотя его критерии и механизмы

инициации обязательно должны быть уточнены. Энтузиазм стахановцев, отголоски восхищения которым дошли и до наших дней, был обставлен слишком многими опорами — и лучшей зарплатой и первоочередностью в получении сырья, материалов и инструментов, и всенародным почетом и путевками в лучшие дома отдыха. Ничего этого не могло быть в условиях войны — и искусственность, нарочитость такой формы проявления гражданских добродетелей стала очевидной. Энтузиазм тех, кто трудился в тылу, нельзя отрицать. Но он был другим, без помпы, без системы многочисленных поощрений, без тешащих тщеславие местах в президиумах слетов и совещаний. Патетическая риторика в газетах, правда, осталась, но таковы были традиции и в условиях жесточайшей борьбы с врагом все это выглядело оправданно. И так было и со многими другими обычаями, рожденными советской эпохой. Война — это специфический «момент истины». Отмирало все наносное, искусственное, далекое от жизни — отмирало в формах существования, в ритуалах, системах взаимосвязей.

Как ни парадоксально, но «авралный» и мобилизационный характер советской экономики в известной мере облегчил милитаризацию труда в годы войны. Для этого имелись инструменты, навыки, отшлифованные формы воздействия, приемы идеологического оправдания. Наследие «штурмовщины» 1930-х гг. оказалось полезным там, где требовалось максимальное напряжение сил. Огрехи «штурмовщины» очевидны, но недаром противоречия считаются источником развития. Давать этические оценки мерам принуждения, к которым прибегали в это время, конечно можно, но отметим, что речь шла тогда не о строительстве гражданского общества, а о том, чтобы выстоять любой ценой в схватке с сильнейшим и опаснейшим противником.

Но даже и там, где ломались бесчисленные человеческие судьбы, старались сохранять нравственные ориентиры — насколько возможно. Делать это было нелегко. Очень много возникало искушений получить лучший кусок хлеба, оттеснить другого человека, приобрести лучшее жилище, воспользоваться чужим имуществом. Не все, даже и самые стойкие, могли им противостоять — особенно там, где приходилось голодать или жить в землянках. И тогда этические нормы поддерживались гражданским и государственным контролем — нередко и довольно жестко. Никакое общество, однако, не сможет сберечь

моральные ценности, если они не будут признаны большинством ее членов — любой контроль здесь окажется бесполезным. Забота о родных и близких, помощь другим, часто незнакомым, людям — все это просто и естественно, безо всякого принуждения, но с особой силой проявилось в страшные годы испытаний, скрепив куда сильнее, нежели производственные бригады или колхозные «звенья».

Почему же оказалась столь устойчивым общество во время социальной катастрофы, чьей приметой стали нищета, голод, разруха? Может быть, вследствие тотального контроля над поведением масс и применения техники манипулирования ими? Разумеется, органы власти поддерживали должный порядок всеми средствами и в соответствии с присущей им логикой: обессиленных поднимали, провинившихся наказывали, достойных поощряли, неустойчивых наставляли. Но так ли много у них было возможностей, чтобы в одиночку добиться выполнения поставленных целей, даже если они и использовали эффективные техники подчинения большинства меньшинству? Никто не мог заставить изможденного старика идти к станку и было много способов уклониться — а он шел. Да, рабочих призывали к трудовым подвигам, но почему задания перевыполнялись не на 10, а на 50 процентов? Почему делились куском хлеба с голодным — что, у каждой избы стоял контролер?

Война показала способность людей к «общему делу». Не все смогли внести в него ощутимый вклад, но все оказались причастны к нему — потому, что знали, что защищают своих детей, свою землю, свои обычаи. Война показала желание людей противостоять злу. О нем на Новгородчине знали не только из газет и рассказов беженцев — каждый ощущал последствия этого зла на себе, в голоде и в «похоронках». Тогда и выявились лучшие черты нашего народа — стойкость и самопожертвование, сострадание и героизм, готовность поделиться последним со слабыми и беззащитными. Было, конечно, и другое. Не все смогли с честью пережить лихолетье, до конца оставаться человеком. Ко многому мы сейчас относимся по иному, не с такими жесткими, как прежде мерками — но никто не может усомниться в непреходящем по своему значению нравственном подвиге тех, кто оказался в воронке общей народной беды и кому пришлось полностью испытать горькую чашу военных лет.

4.

Многие из документов второй половины 1940–начала 1950-х гг. читать трудно — столь обжигающими, непривычными и жестокими предстают перед нами картины человеческого унижения, горя и нищеты, которые не кончились вместе с войной. Но иного выхода у историка нет. Он должен работать не с весами, помогающими осторожно дозировать «светлое» и «темное», а с зеркалом, которое, даже если оно разбито, все же способно объективно отразить реальность. Эти документы разнообразны. Некоторые из них предельно откровенны. Другие явно ретушируют события 1940–1950-х гг., но и в таком виде они передают частицу правды о драматическом послевоенном десятилетии. Постараемся же оценить и их и то время, когда они были созданы — вчитаемся в эти документы «без гнева и пристрастия».

1946–1956 гг. стали одним из этапных периодов в истории Новгородской земли прошлого столетия. Говоря о возрождении ее в первые годы после окончания войны, всегда приходится делать несколько оговорок. Восстановление хозяйства Новгородской области было крайне медленным, если сравнивать его темпы с теми, которые отмечались в других частях страны. Скудных государственных ресурсов не хватало, чтобы дать необходимые и существенные дотации каждому региону. Нужно было выбирать, что важнее отстраивать — Ленинград или Новгород, ДнепроГЭС или старорусский завод. Сам этот выбор может показаться жестким, но иначе поступать было нельзя. Он препятствовал «распылению» средств и позволял сосредоточиться на стратегически важных объектах для того, чтобы потом поднимать из руин всю страну. Приходилось во многом рассчитывать только на себя, а откуда было взять лишние средства в области нечерноземной, бедной ресурсами, не способной саму себя обеспечить хлебом — области, в которой почти города и села были сожжены или лежали в развалинах. Даже в Новгороде дома восстанавливались (или, вернее, заново строились) в значительной мере при помощи слабосильных «шефов» из районов области, за каждым из которых были строго закреплены определенные участки городской территории. В самих же районах строить по-

рой было некому⁵⁸⁴ — так и жили люди в землянках, ютились по несколько семей в одной комнате. Но и такая, нередко принудительная, «концентрация» средств не всегда имела успех. Новгород и к февралю 1956 г. не был приведен в «экскурсионное состояние»,⁵⁸⁵ почти во всех старинных постройках были выбиты стекла. И здесь люди годами не могли перебраться из землянок и подвалов в комнаты со сносными условиями проживания — не хватало строительных материалов, рабочих рук, производственных мощностей.⁵⁸⁶ На судоремонтном заводе семьи рабочих долгое время жили на пароходе, причем с просьбами переместить их «в более благоприятные жилищные условия» они обращались неоднократно.⁵⁸⁷ Устройство общежитий жилищных проблем не решало — и там нередко отмечались неустроенность, грязь, отсутствие водопровода, отсутствие горячей воды, скученность людей, антисанитарные условия.⁵⁸⁸

Повседневная жизнь многих новгородцев была нелегкой. Почти во всех «бытовых» документах отмечается нищета, часто безвыходная, проглядывающая всюду.⁵⁸⁹

Нищета местных властей — не хватает ясель, бань, нет возможности сократить очереди за хлебом, отремонтировать неисправные водопроводные колонки. Очень мало кинотеатров — даже пионеры в своем строго дозированном частушечном приветствии делегатам Областной комсомольской конференции⁵⁹⁰ вынуждены были отметить это. Трудно найти денег для проезда районной спортивной команды до Новгорода, купить для спортсменов бутсы, приобрести кубок для награждения победителей.

Нищета «опекаемых» властями местных жителей — доста-

---

⁵⁸⁴ Протокол заседания бюро Новгородского обкома ВКП(б). 23 апреля 1949-г.: Там же. Ф. 260. Оп. 6. Д. 22. Л. 232—233.

⁵⁸⁵ Докладная записка Управления КГБ Новгородского обкома КПСС. 29 февраля 1956 г.: Там же. Оп. 13. Д. 95. Л. 158, 159.

⁵⁸⁶ Отчет Новгородского Горкома ВКП(б). Март 1946 г.: Там же. Ф. 22. Оп. 4. Д. 33. Л. 9—10; Протокол заседания бюро Новгородского обкома ВКП(б). 23 июня 1949 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 6. Л. 113—114.

⁵⁸⁷ Докладная записка заведующего сектором информации Новгородского обкома ВКП(б): Там же. Д. 68. Л. 2.

⁵⁸⁸ Справка УМВД Новгородской области. 29 мая 1953-г.: там же. Ф. 22. Оп. 6. Д. 37. Л. 70—71.

⁵⁸⁹ См., например, спецсообщение Управления МВД по Новгородской области. 8 сентября 1953 г. (Там же. Ф. 260. Оп. 10. Д. 137. Л. 58—61).

⁵⁹⁰ Протокол VII Новгородской областной конференции ВЛКСМ. 12 декабря 1955 г.: Там же. Ф. 2224. Оп. 12. Л. 23—24.

точно прочесть хотя бы спецсообщения УМГБ по Новгородской области 29 января 1953 г.⁵⁹¹ о жизни колхозников и педагогов. «Как вы здесь живете, нет ни трамваев, ни троллейбусов, ни цирка, ни театра», — удивлялся нищете жителей Окуловки даже один из «ответственных работников». Но то же можно было сказать и о всей новгородской глубинке. Другой из жителей области, узнав о поставках хлеба в 1948-г. в Чехословакию, откликнулся на это характерной репликой: «Сначала надо накормить русского Ивана, а потом уж продавать хлеб». Вряд ли эта фраза являлась случайностью. Примечательный эпизод — во время выборов в Верховный совет РСФСР в 1947 г. у одной из избирательниц украли три «хлебные карточки» прямо в помещении для голосования. Бюллетень в урну она опускала плача — а рядом другие избиратели, не стесняясь, публично благодарили партию за постоянную заботу о них, делали «благодарственные» надписи на бюллетенях и, не удовлетворяясь этим, еще бросали и записки в урну для голосования с выражением своих теплых чувств к кандидату в депутаты...

«Заработали 200 трудодней, получили 500 гр. хлеба в месяц, да 1 кг картошки на трудодни... Это не получка, а горе» — такие разговоры среди колхозников фиксировались УМГБ Новгородской области в 1953 г. И все это происходило на фоне широкого обсуждения и одобрения труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», где говорилось о поступательном и быстром развитии социалистического народного хозяйства. Спустя три года, в марте 1956 г., на собрании Маловишерского районного партактива мы слышим все те же речи: за 1955 г. колхоз «Красный партизан» не выдал на трудодни ни одного грамма хлеба, колхоз имени Крупской выдал 9 граммов. Больше всего получили те, кто работал в колхозе «Путь к коммунизму» — 72 грамма хлеба за год. Одни граммы, только граммы — таков список «благодеев», дарованных колхозникам на их пути к коммунизму. Немудрено, что в это время повсеместно отмечались попытки председателей колхозов уйти со своих постов — незавидной оказывалась участь «хозяев земли русской».⁵⁹²

Сколько было в свое время сказано хороших слов о реше-

⁵⁹¹ Спецсообщение УМГБ Новгородской области 29 января 1953 г.: Там же. Ф. 260. Оп. 10. Д. 136. Л. 86—88.

⁵⁹² Справка Управления КГБ по Новгородской области. 20 января 1956 г.: Там же. Оп. 13. Д. 95. Л. 1.

ниях сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Высокую оценку их можно встретить еще в сегодня в исторической литературе — и научной, и популярной. Но вот перед нами трехлетние итоги выполнения этих, как обычно тогда говорили, «исторических постановлений» — крестьяне получают граммы хлеба в год. Да, были подняты закупочные цены на сельхозпродукцию, разрешили продукты, оставшиеся после выполнения государственного заказа, продавать на рынке по коммерческим ценам, списали долги, увеличили парк машинно-тракторных станций (МТС). Почувствовали ли это сколько-нибудь ощутимо простые люди, крестьяне, чье бремя и должны были облегчить? Как показывают приведенные факты, едва ли это спасало их от нищеты. Читая документы о положении в колхозах во времена и Сталина и Хрущева, видишь, как трудно было преодолевать косность и рутину и как быстро и привычным окриком пытались решить сложнейшие задачи. В послевоенной пятилетке государственные приоритеты и требования к колхозникам были обозначены четко и предельно жестко. Главное — выполнение плана любой ценой, в том числе и за счет выкачивания продуктов, необходимых для самих крестьян. Все, что мешает этому, должно было быть вырвано с корнем. В публикуемых документах отражена во всех подробностях борьба с подсобным хозяйством колхозников. Зорко следили, чтобы крестьяне не пасли личный скот на колхозном поле (это называлось «разбазариванием земель»).

В первые годы «оттепели» попытались что-то исправить, сделать жизнь крестьян лучше, и вот тогда то и выяснилось, что не только «верхи», но и «низы» зачастую не способны были ни принять, ни оценить новое. Привычными «стахановскими» методами, характерными для сталинской эпохи, ничего теперь решить было нельзя. Не было для этого ни средств, ни условий — не было Сталина, не могли широко применять (по разным причинам) репрессии, натужным и заорганизованным стал «энтузиазм» рабочих и колхозников с его неизменным атрибутом — социалистическим соревнованием. Ставка на «живое творчество масс» — этот ленинский лозунг цитировался в 1950-е гг. очень часто — была проигрышной. Нищета достигла таких размеров, что никакие поощрения, моральные и материальные, и экономические стимулы (а они не являлись ощутимыми) не могли вытащить сельское хозяйство из той ямы, где

оно оказалась. Патернализм стал своеобразной идеологией и среднего и низшего звеньев управления сельским хозяйством. Не создавать, а просить, не надеяться на себя, а надеяться на других, не самим предлагать рецепты спасения, а ждать указаний вышестоящих инстанций — таким был определяющий код экономического мышления и председателей колхозов, и агрономов, и бригадиров. И дело здесь было не только в лени, зазнайстве, чванстве или других грехах, в которых нередко обвиняли местных руководителей. Стереотипы управления хозяйством отшлифовывались годами, люди, и не читая газет, знали, за какой поступок они будут наказаны. Их так долго приучали быть послушными, что, получив свободу, они восприняли это как бремя.

Насаждение кукурузы в Новгородской области не только выявило ставшую обычной некомпетентность «ответственных работников», но и показало другое. Культивированием кукурузы пытались решить острейшую для села проблемы — нехватку кормов. Спора нет, на нечерноземном Севере эта культура приживалась с трудом, но ведь и выгоды ее были очевидными — не надо было бы кормить скот хлебом, которого не хватало. Увеличение посевных площадей кукурузы требовало здесь совсем иных навыков земледелия, более высоких материальных стимулов, более квалифицированных приемов управления, более высокого уровня контроля и ответственности за выполнение заданий, применения новейших агрохимических средств и уборочных машин, современных систем орошения и просушки, создания особых условий хранения и перевозки. Это был, конечно, куда более тяжкий труд, нежели сеяние овса. Кто бы всем этим мог заниматься, где брать средства, где найти умелых агрономов — на эти вопросы не только не могли, но часто и не хотели давать ответ; показательны попытки местных партийных чиновников игнорировать данное им ЦК указание о том, что они должны «систематически», а не наездом бывать в колхозах.

Публикуемые в сборнике документы показывают, как старались оградить себя от участия в «кукурузной» кампании председатели колхозов еще даже тогда, когда итоги этого эксперимента не были подведены. Да и зачем эти новации тем, кто не освобождался от государственного плана по сбору урожая традиционных для Севера сельскохозяйственных культур. Меньше забот, меньше риска, лучше держаться привычного, лучше по-

смеяться над невежеством тех, кто насаждал кукурузу — как в свое время осмеивали тех, кто принудительно заставлял сеять на том же Севере России произрастававший в тепличных условиях Америки картофель. И «отсталый зам» и «растущий пред» (как метко выразился А. Т. Твардовский) — одинаково не хотят они нового, опасного, неудобного, непредсказуемого. Отсюда и жесткий «волюнтаризм» высших инстанций, использовавших все меры давления на руководство колхозов и совхозов — и, как обычно и бывало в таких случаях, неизбежно терялось чувство меры: занесенную в предельном размахе руку нельзя было остановить в одно мгновение.

Многое здесь определялось и спецификой менталитета советского общества. Многолетний каток репрессий ни для кого не проходил бесследно, даже если и удавалось избежать поражения в правах. Разумеется, высказываясь по тому или иному вопросу, люди понимали, что за ними наблюдают — потому достоверность многих спецдонесений УМГБ должна быть оценена особо осторожно.

Информация о массовых настроениях неизбежно являлась и фрагментарной, поскольку часто собиралась во время наиболее значимых политических событий: выборов в местные органы власти, внешнеполитических кризисов, кампаний по разоблачению И. В. Сталина и Л. П. Берии, проведения съездов партии. Именно тогда контроль за населением признавался крайне важным, а самих людей, в соответствии с советской «демократической» традицией, чаще расспрашивали об их нуждах, что и отражалось в отчетах. Примечательно, что как раз во время этих кампаний люди активнее, чем обычно, стремились рассказать о своих проблемах. И даже ставили условия своего участия в них, конечно, не политические — учитывая, сколь важно было для властей провести массовые акции, особенно выборы в Верховный совет, «без сучка и задоринки».

Иницилируя общественную активность, государственные структуры должны были решить две задачи. Во-первых, требовалось постоянно совершенствовать систему контроля за настроениями масс, чтобы уловить мельчайшие ростки тех оппозиционных настроений, которые казались угрозой политическому режиму. Помимо сети информаторов, добровольных или по принуждению, привычным инструментом осведомления верхов являлись жалобы, письма, доносы граждан, отчеты различ-

ных комиссий, проверявших работу партийных и государственных органов. Во время предвыборных кампаний сообщения о поведении людей особенно учащались, а в день выборов они составлялись несколько раз, через каждые два-четыре часа. Это была еще одна специфическая особенность советской демократии. Лишенное возможности эффективно решать свои бытовые проблемы «путем взаимной переписки», население в это время получало более эффективно действующие средства общения с властями (пусть и не надолго) и, соответственно, лучшие инструменты удовлетворения своих нужд.

Во-вторых, необходима была не только самокритика, но и критика органов власти, хотя по преимуществу низших. Последнее представляло значительные трудности, поскольку грань между «правильной» и «неправильной» критикой перешагнуть было нетрудно. Канонический образец «правильной» критики был задан выступлениями чиновников, поскольку сама критика инициировалась не только «низами», но и «верхами». Поддержание коммунистического нравственного эталона, во многом основанного на традиционных этических ценностях, являлось обязанностью не только «бойцов идеологического фронта», но и всех «ответственных работников», а это было невозможно без обличения виновных за бытовые неурядицы чиновников. Возник поэтому феномен «управляемой критики». Наиболее отчетливо он выявился в выступлениях масс по поводу тех или иных внешнеполитических событий — например, восстания в ГДР в июне 1953 г. или Суэцкого кризиса в 1956 г. Обвинения трудящихся в адрес провокаторов, реваншистов, империалистов и агрессоров почти дословно совпадали с аргументами советских дипломатических нот, а их порядок (выступления двух-четырех лиц и принятие резолюции) повторял ритуал партийно-хозяйственных активов тех лет — вплоть до единогласной поддержки курса СССР. Ни в коей мере самостоятельными они, конечно, считаться не могут, и отсутствие тех откликов, где бы обнаруживался живой, разговорный (а не клишированный с обязательным использованием таких выражений, как «клеим позором» и «гневно осуждаем») язык, разумеется, не является случайностью.

«Управляемая критика» сказывалась и в вариантах реагирования на конкретные социально-экономические проблемы, вызывавшие более обостренный интерес жителей Новгород-

ской земли, чем события в далеком Египте. Везде виден один и тот же обряд: сначала выступление секретаря партийного комитета со строго дозированным перечислением достижений и упущений (последних обычно оказывалось меньше), затем прения, где участвовали и давали обещания несколько человек и где столь же строго определялось соотношение светлого и темного. Все, видимо, проконтролировать было нельзя и какая-нибудь скотница, не сведущая в официозном политесе, увлекшись горестным рассказом о свиньях, которых приходилось кормить навозом, могла сказать лишнего, но даже и в таких случаях придерживались оптимистичности в прогнозах.

Критика поощрялась и даже не только потому, что осознавали ее важность для решения насущных проблем, но и оттого, что сама она являлась частью окостеневшего ритуала и ее отсутствие означало нарушение партийной и государственной дисциплины. Критика, являясь обязательной, становилась, однако, и привычной. Инвективы не особенно пугали, а требования искоренить одни и те же недостатки слышали не один год и догадывались, что смогут услышать их и в будущем. Критика была преимущественно осторожной, не придиричивой — импровизации отдельных лиц на комсомольских конференциях общей тенденции изменить не могут. Да и здесь, где предполагался некий юношеский задор, накал обличений оказывался куда менее сильным, чем в перлюстрированных УМГБ Новгородской области письмах педагогов. Они предельно красноречивы в описании и облика «юных строителей коммунизма» и той обстановки, в какой пришлось работать: «глушь и голытьба», «подонки», «попала в ад», «дисциплина ужасная», «работы много и тоска», «пустота беспредельная». Таких слов на конференциях, и партийных и комсомольских, мы не встретим — у всех там есть чувство меры и чувство порядка.

В «управляемой критике» тех лет было мало политических обвинений, характерных для 1930-х гг. — речь идет, разумеется, о тех, которые адресовались низам. Эти обвинения вообще куда-то исчезли после войны или от них отвыкли в те судьбоносные для страны годы. Услышать в свой адрес обвинения в троцкизме, оппозиции, правом уклоне или других политических прегрешениях рядовым коммунистам или комсомольцам на Новгородчине тогда можно было крайне редко — а ведь именно такие ярлыки приклеивались не так давно именно за

бытовые проступки, далекие от политики. При этом критика удивительно сочеталась с каким-то рептильным чинопочтанием. Некоторые при этом утрачивали и чувство меры — как секретарь комсомольской организации областной культпросветшкола осторожно (без указания фамилий), покритиковавший недостатки в работе комсомольских комитетов. После этого он заявил, что посещение школы членами райкома — и, словно спохватившись, добавил: «а также обкома» — для него «майский день, именины сердца». Он явно даже не почувствовал никакой двусмысленности и иронии в этой фразе гоголевского персонажа Манилова.

Ритуал был и одним из инструментов идеологического подчинения масс в послевоенные годы. Агитационно-пропагандистская работа основывалась, как и прежде, на тезисе о единстве советского общества, целиком устремленного в будущее, подверженного общему настрою, с общими мыслями, чувствами, мечтами и целями. Народ, который един, всегда вызывает подозрения: отчетливо видишь в этом патетический миф. И хорошо понимаешь смысл и цену тех усилий, посредством которых стремятся воспитать в нем единомыслие и приучить к однообразию ритуалов. Если детально рассматривать различные формы подчинения, то, действительно, монотонный и заученный обряд представляется одним из эффективных средств приучения к порядку и дисциплине — и политической, и повседневной. Он приобрел особый характер именно вследствие воспитанной режимом несамостоятельности людей в различных сферах их жизни. Везде ощущаешь своеобразные «иждивенческие» настроения, слышишь бесконечные просьбы: «дайте нам», «сделайте для нас», «помогите нам», «разрешите нам». Ритуал представляет порядок решения проблемы — выйдя за его границы, люди не могли ни требовать, ни просить. Ритуал — гарантия преодоления страха за свое будущее — в нем обязательна оптимистичность наставления. Он не только привычка, навязанная извне, но и средство спасения, внутренне ощущаемое многими — беспомощными в распутывании сплетенных жизнью узлов, не привычными к средствам сопротивления, не готовыми к ответственности за свои решения. Вот почему ритуал усвоен и заучен, даже в анекдотических своих проявлениях. Тот случай, когда секретарь первичной комсомольской организации провела собрание, где присутствовал один человек (она сама),

выбрала себя председателем и секретарем собрания, выдвинула себя как кандидата в делегаты на комсомольскую конференцию и провела тайное (!) голосование по своей кандидатуре, в котором участвовала она одна, достоинство стать сюжетом художественного рассказа. Сколь бы абсурдным не казался такой ритуал, но он был соблюден — очевидно, не очень задумывались о его задачах, но твердо знали об ответственности за его невыполнение. В послевоенные годы, как и в прошлом, происходило, однако, усваивание не только внешних форм советского политического обряда, но и его содержания. На вопрос о том, сколь прочно заучивало население официозные мифы и советские идеологемы, насколько глубоко осуществлялась его индоктринация, был ли высоким уровень его «политической грамотности», имелись ли у него общие ценности, однозначного ответа нет. Скажем прямо, когда мы встречаем свидетельства о политических откликах новгородцев, то нам порой трудно понять, были ли они следствием страха или искренним выражением их преданности марксистским идеалам — очевидно, имело место и то, и другое.

Много и тогда и позднее говорилось о значении системы политобразования в воспитании коммунистической убежденности. Но даже беглый взгляд на ее состояние в областном и районных центрах (не говоря уж о Новгородской глубинке) обнаруживает очень низкий уровень обучения. В одной из политшкол лектор на занятии «понятно и интересно изложил материал» от восстания И. Болотникова до... начала революционной деятельности В. И. Ленина. В ее библиотеке насчитывалось всего два учебника — возможно, для тех, кто не успел разобраться за час во всех деталях трехсотлетней истории России. Рутинность политической учебы обнаруживалась во всем. Слушатели политшкол не знали азов истории КПСС, ответы преподавателям строились на догадках. На вопрос о том, призывал ли Ленин к восстанию сразу после победы Февральской революции, отвечали утвердительно — и представить не могли, чтобы «вождь пролетариата» когда-либо мог отговаривать большевиков от участия в восстании. Та же механистичность видна в формулировках тем занятий. Вот название одной из них: «Важнейшее условие победы рабовладельческого строя над мелким крестьянским хозяйством при первобытном строе». Здесь впору после каждого слова ставить восклицательный знак — но отметим, как четко и недвусмысленно тут проявляются ключевые клише марксист-

ской ортодоксии и язык партийных ориентиров.

Подчеркнем, что эта клишированная речь является для нас едва ли не единственным источником для изучения политических настроений масс — при очевидной самоцензуре писем, дневников и разговоров, когда опасались быть услышанными. Коллективный речитатив при изъяснении своей политической лояльности был обязательной принадлежностью коллективного ритуала. Участники различных конференций и собраний говорят одними и теми же словами. Возникает ощущение, что прочитанные ими с трибуны тексты либо готовились заранее, либо редактировались позднее — вряд ли можно встретить такую степень унификации языка у людей разного возраста, происхождения, образования и культуры. Обществом можно было уметь манипулировать еще и потому, что при этом использовалось не только чувство страха наказаний (даже и не испытанных в реальности), но и реанимировались архаические инстинкты и национальные предрассудки населения. Вот почему официальное сообщение о врачах-вредителях в январе 1953 г. стало импульсом для возникновения массовых антисемитских слухов, которые даже в донесении УМГБ Новгородской области (не чуждого по роду своей деятельности борьбе с космополитизмом) назывались провокационными. Скупое правительственное сообщение о врачах своеобразно «доставалось» низами и гиперболизировалось. Услышанному придавался характер бесспорного свидетельства, везде видны элементы утрировки событий. Примечательны здесь разговоры о зубном враче, составившем записку перед уходом из жизни и пообещавшим всем, кому он лечил зубы, медленную смерть. Трудно придумать более эффективную лабораторию для укрепления антисемитских настроений ипохондрически настроенных людей, внимательно размышлявших над каждым неприятным симптомом своего самочувствия, как эти разговоры о том, что «сразу не умрешь, а будешь чахнуть», о заражении «палочками рака» (!), которые подмешивали в порошки...

Результаты манипулирования массами можно оценить и по степени заимствования ими «языка власти». Характерно, что многие обвиняли чиновников в пренебрежении к людям, корыстности, безразличии, некомпетентности при помощи тех же самых блоков официозных штампов, которые употребляли и сами эти чиновники. «Был ли Сталин вредителем?» — спра-

шивал один из присутствовавших на собрании, посвященном разоблачению культа личности. Инвентаризуя собственный запас политических терминов, он смог извлечь из него только эту формулировку — и с подобным явлением мы часто встречаемся и в других случаях. Перенимаются не только отдельные слова — целые системы агитпроповской аргументации. И не только коммунистами — вот такими словами готов оправдывать власти беспартийный навалыщик бревен из лезозавода в 1948 г.: «Жить то ничего, с питанием правда, трудновато и поизносились мы основательно — одежки нет, но я понимаю, что все это из-за войны... Надеемся, что скоро будет лучше...». Тот же настрой характеризует и речи его товарищей, и, главное, та же оптимистическая концовка: «Если не уничтожат карточки, то увеличат выдачу хлеба и продуктов».

Можно даже сказать, что в известной мере люди сами составляли сценарий изъятия своей лояльности. Поводом для них, конечно, мог быть страх. Даже в анонимных письмах чувствуешь какую-то скованность, опасение сказать лишнее. Они написаны так, словно их сочинитель готов в эту же минутку оправдать свой поступок или во всяком случае преуменьшить его значение — сам их язык высвечивает скорее лояльность, чем возмущение. Но, кроме страха, было и другое.

Ощутить многомерность и сложность спектакля единения с властями и демонстрации нерушимого блока коммунистов и беспартийных во многом позволяют выборы Верховного Совета РСФСР в Новгороде, где кандидатом в депутаты был выдвинут председатель Новгородисполкома Юдин. Более рептильных публичных поступков, какие обнаружились в этот день, казалось, придумать трудно. Люди собирались у избирательных участков еще задолго до их открытия в 6 часов утра. Все хотели проголосовать первыми и были расстроены, увидев, что их опередили десятки других избирателей. Но и на этом упражнении в политической лояльности не закончились. Люди охотно и громко говорили членам избирательных комиссий, почему они пришли первыми («чтобы хорошо жилось и было много хлеба» — сказала одна из избирательниц), открыто называли свои фамилии и указывали возраст, и, наконец, бросали бюллетень в урны даже и с такими словами: «Милый Юдин, опускаю за тебя свой голос,

трудись на пользу народа». Многим и это показалось недостаточным. На бюллетенях стали писать здравицы в адрес партии и ее руководителей, причем в урну начали опускать и записки такого же содержания. Хотя голосование было тайным, авторы этих здравниц подписывались под ними полным именем. Только на бюллетене, где была зачеркнута фамилия Юдина и сделана надпись: «Дайте хлеба»,⁵⁹³ подписи не обнаружилось. Надписи порой не учитывали окаменевшего канона официозных приветствий («За Сталина. За Юдина. Да. За Вас. Привет Вам, товарищ Юдин»), а иногда являлись даже и политически двусмысленными, хотя об инакомыслии здесь говорить, конечно, не приходится. Так, учащийся одной из школ написал записку: «Благодарю партию и правительство за оказанное мне доверие отдать свой голос за лучшего сына нашей родины». Возникает вопрос, кого он считал таковым — Сталина или Юдина, чья фамилия и была напечатана на бюллетене; задавать вопрос о том, мог ли подросток без подсказки взрослых пользоваться таким языком, кажется излишним.

Кульминацией спектакля стало, впрочем, не это, а голосование столетней Е. Ю. Карповой, одной из первых (!) пришедшей на избирательный участок. «Случайно» в этот момент рядом оказался сам Юдин, и столь же «случайно» у него в руках оказался подарок для Карповой. Для придания законченности спектакля Карпову увезли домой на машине Юдина — привезти ее на той же машине на голосование, видимо, постеснялись, опасаясь, чтобы благопристойная игра не выглядела как комедия. Когда же наконец передали в Горком ВКП(б) подлинные слова, сказанные Карповой у избирательной урны — «Много я голосовала за свою жизнь, но ни одного человека не видела, за кого голосую»⁵⁹⁴ — то тон следующего сообщения горкома,⁵⁹⁵ где фигурирует Карпова, стал куда менее патетичным. Не было не слова сказано и о Юдине, ни о его подарке, ни о том, на чьей же машине уехала домой престарелая избирательница. Едва ли это случайно — слова, сказанные Карповой через 30 лет после победы советской демократии, могли показаться ее самой крас-

---

⁵⁹³ Информация Новгородского горкома ВКП(б). 11 февраля 1947 г.: Там же. Ф. 22. Оп. 4. Д. 68. Л. 16.

⁵⁹⁴ Информация Новгородского горкома ВКП(б). Февраль 1947 г.: Там же. Ф. 22. Оп. 4. Д. 68. Л. 13—14.

⁵⁹⁵ Информация Новгородского горкома ВКП(б). 9 февраля 1947 г.: Там же. Л. 6—6 об.

норечивой эпитафией.

Легче всего было бы списать этот энтузиазм на голод людей: все знали, что на участках должны работать буфеты и пожалуй все, включая и публично здесь же благодаривших партию за повышение благосостояния трудящихся, понимали, что лучше придти к этому буфету первыми, но в целом меркантильные мотивы, не отчетливо проявлявшиеся в этом спектакле, едва ли стоит оценивать как упрощение. Так, информатор горкома, записавший рассказ кочегара ликеро-водочного завода о том, как он спешил на участок, чтобы первым проголосовать, как был разочарован, узнав, что его обогнали, как он не пойдет в кабину для тайного голосования, чтобы все увидели, как он голосует именно за Юдина, дополнил его следующими словами: «Проживает в тяжелых условиях — в землянке». Была, наверное, надежда, что хотя бы здесь, в эйфории праздника демократии кто-то обратит внимание на его нищету. Он не скрывает ни свою фамилию, ни место своей работы, не стесняется патетично говорить о своей лояльности — только бы помогли. И вряд ли этот кочегар был единственным, кто ждал помощи тут же, на избирательном участке. В одном из бравурных сообщений об итогах выборов говорится о стороже Смирновой, которая заплакала, выйдя в коридор: «Голосовать-то я проголосовала, а дома трое ребят сидят голодные, вынуждена продавать последний кусок хлеба, муж погиб на фронте, а администрация... мне помощи не оказывает». Вот он, живой человеческий голос, прорвавшийся через толщу всех этих здравниц «милому Юдину», не взвинченный пафосной патетикой, прерывающийся, но предельно искренний в рассказе о своей беде.

Сценарии выражения политической лояльности не отличались разнообразием. Типичным является использование превосходных степеней при изъявлении благодарности партии, правительству и лично Сталину. Характерны эмоциональные вкрапления. Обычно они оформлялись стершимися от частого употребления официозными штампами — других слов не знают, а более искренние выглядят панибратскими. В этой коллективной псевдоэйфории выявлялась не только запуганность людей, но и стремление их обрести некую устойчивость, почувствовать себя более защищенными, слившись с массами других людей. Это все то же проявление патернализма — легче подчиниться и ощутить заботу и признательность, чем протестовать и чувство-

вать себя изгоем. Тогда и сможет почувствовать себя человек менее беззащитным, менее одиноким — да и кто бы с усмешкой отнесся к его верноподданническим излияниям в толпе людей, надеявшихся опередить друг друга и проголосовать первым. А при этом возможно учитывалось и остальное — благодарность, которую они смогут заслужить участием в конформистском акте, известность, которую получит их поступок благодаря освещению в прессе, смутная надежда, что это будет должным образом оценено.

Все эти традиции, ритуалы, нормы, обычаи не исчезли в одночасье со смертью Сталина. Демонтаж сталинской системы начался не сразу. Ее осевые конструкции были прочно связаны друг с другом и потому поначалу допускалось лишь осторожное «развинчивание» только некоторых гаек этой конструкции. Оно не являлось последовательным. Смягчались особо жесткие законы, допускались чуть более смелые, чем ранее, попытки критики советских порядков. Более сильным импульсом, определившим быстроту размыwania сталинистских опор, стала кампания по разоблачению культа личности. Ее инициировали сверху, после знаменитого доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. Кампания проходила по особому ритуалу, который в равной мере являлся и инструментом преодоления сопротивления просталинистски настроенных граждан и мерой контроля за радикалами, требовавших ускорить политические и экономические перемены. Порядок «разоблачения» был таков: зачитывалось полностью или в пересказе (в том числе и в составе отчетных докладов секретарей партийных комитетов) выступление Хрущева и затем выслушивались вопросы присутствовавших на собраниях, которым давался ответ; никаких прений открывать не разрешалось. Один сценарий, одна последовательность ритуальных действий — формы осуждения Сталина были созданы конечно не в 1956 г., и не здесь была впервые опробована механика политической дискредитации. Эта кампания по своим внешним проявлениям кажется словно автоматически перенесенной из предыдущих десятилетий. Но были и отличия, которые необходимо признать весьма существенными.

Отличия эти касались не формы, а содержания кампании. В ней действительно многие участвовали не по «разнорядке», а движимые чувством справедливости, протеста против уни-

жения человеческого достоинства, против гибели безвинных людей. И осмысление феномена сталинизма, и порядок его публичного обсуждения в те годы отчетливо несли на себе отпечаток советской ортодоксии, и интерпретировались в соответствии со схемами марксистских канонов. Важнее было то, что само движение, освобождавшее людей от духовного порабощения, началось — и были бы неисторичными сетования по поводу ее размаха. Об откликах масс на десталинизацию можно догадываться только по кратким вопросам, заданным на собраниях — они обычно отражались в протоколах. В вопросах трудно уловить оценки советского режима. Обычно высказывалось пожелание уточнить те или иные части антисталинского доклада Хрущева или рассказать о них подробнее. Вместе с тем примечательно содержание этих вопросов. Так, спрашивали, почему молчали члены Президиума ЦК КПСС, видя преступления Сталина, почему новое руководство страны так долго не решалось разоблачить Сталина после его смерти, почему материалы о его злодеяниях «преподносятся с опаской, а не открыто в печати», и, наконец, задавали особо опасный вопрос: «Кто из членов ЦК поддерживал Сталина в его действиях». Постоянно обнаруживаешь в этих вопросах стремление найти противоречие в официозных интерпретациях сталинского курса, определить степень вины тех, кто после Сталина стал во главе партийного и государственного руководства. Это был катарсис в подлинном смысле этого слова. Это была, пожалуй, первая школа политического слушания, пусть робкого, но слушания. Может быть, и слишком патетично говорить здесь некрасовскими словами о свободном сердце, спасенном в рабстве — но поведение одного из рабочих, ругавшегося после доклада и заявившего, что не хочет больше смотреть на портрет Сталина, несомненно проявление всего того лучшего, что не удалось полностью подавить в нашем народе — чувства чести, сострадания, неприязни к насилию, стремления достичь более справедливого мира для себя и своих детей.

Сергей Викторович Яров

Источники

**для изучения общественных настроений
и культуры России XX века**

Оригинал-макет *С. Кассина*
Дизайн обложки *С. Кассина*
Фото на обложке *А. Стесина*

Подписано в печать 20.08.2009. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ л. 26,875. Тираж 500 экз. Заказ № .

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел. : (812) 235-15-86

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д.21
Тел. : (812) 622-01-23